

На изломе истории

эпидемии и катастрофы
в странах Востока

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НА ИЗЛОМЕ ИСТОРИИ: ЭПИДЕМИИ И КАТАСТРОФЫ В СТРАНАХ ВОСТОКА

Москва
2023

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Н12

*Рекомендовано к печати
Ученым советом Института востоковедения РАН*

Ответственный редактор
Ю. И. Дробышев (ИВ РАН)

Редактор-составитель
О. А. Королева (ИВ РАН)

Рецензенты:
А. Л. Рябинин (ИВ РАН), *П. Э. Ратманов* (ДВГМУ)

Н12 На изломе истории: эпидемии и катастрофы в странах Востока :
Коллективная монография / Башкуев В. Ю., Бибикова О. П.,
Васильев А. Д., Глушкова И. П. [и др.] ; отв. ред. Ю. И. Дробышев ;
Ин-т востоковедения Рос. акад. наук. — М.: ИВ РАН, 2023. —
368 с.

ISBN 978-5-907671-88-1

Влияние катастроф и эпидемий на жизнь государства и общества, как правило, сопряженно с многочисленными потрясениями. Коллективная монография дает возможность взглянуть на происходившие в прошлом события как с политической и экономической точки зрения, так и с позиции влияния эпидемий, среди которых чума занимает особое место, а также катастроф (наводнений, землетрясений, цунами) на исторические этапы развития стран Востока.

Книга знакомит с существующим в современной науке спектром взглядов и мнений и с многообразием способов трактовки событий.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-907671-88-1

© Коллектив авторов, 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

*...в лоне великих катастроф
зреет страстное желание жить.*

А. Камю

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Часть I. Сквозь призму эпидемий и катастроф

Глава 1. Одиссея чумной бактерии <i>Yersinia pestis</i> на евразийском пространстве в донисторическую и историческую эпоху	18
<i>(Т. Ф. Хайдаров)</i>	
Глава 2. Эпидемии чумы в истории стран Ближнего Востока	39
<i>(О. П. Бибикова)</i>	
Глава 3. Представления о стихийных бедствиях в стародавней Японии: природные катаклизмы в эпоху «мира и спокойствия»	56
<i>(М. В. Грачев)</i>	
Глава 4. 1556 г. Великое землетрясение эпохи Мин	119
<i>(О. А. Королева)</i>	

Часть II. Индийский вопрос

Глава 5. Помогать или не помогать: голод в Индии (1860–1880-е гг.)	138
<i>(С. Е. Сидорова)</i>	
Глава 6. Выстрелы в спину Британской империи: уязвленная чувствительность на фоне бубонной чумы	162
<i>(И. П. Глушкова)</i>	

Глава 7. Эпидемия чумы в Бомбее в конце XIX в. и реакция на нее в России	195
<i>(Т. Н. Загородникова)</i>	

Часть III. Азия на перекрестке истории (XIX — середина XX вв.)

Глава 8. Эпидемия холеры в Оренбурге 1829–1830 гг. и начало российских медицинских исследований в ханствах Средней Азии.....	226
<i>(Р. Ю. Почекаев)</i>	

Глава 9. Крушение фрегата «Эртугрул»: трагическая страница в истории японо-турецких отношений	236
<i>(О. А. Ледовская)</i>	

Глава 10. «Нужды города ... обширны и велики...». Гуманитарный кризис в Эрзеруме и меры российской военной администрации по его преодолению в 1916–1917 гг.	258
<i>(А. Д. Васильев)</i>	

Глава 11. Большевистские культуртрегеры против «бича улуса»: проблема сифилиса у кочевых народов советского трансграничья Восточной и Центральной Азии в 1920-е гг.	267
<i>(В. Ю. Башкуев)</i>	

Литература.....	317
Указатель имен	349
Указатель географических и топографических названий.....	356
Summary	365
Об авторах / About authors	366

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коллективная монография «На изломе истории: эпидемии и катастрофы в странах Востока» является продолжением серии тематических изданий Отдела истории Востока Института востоковедения РАН. Она посвящена влиянию различного вида эпидемий и катастроф на ход истории азиатских государств. Тема книги была выбрана не случайно — она стала откликом на события 2020 г., когда весь мир был охвачен пандемией COVID-19. Вспышка смертельно опасного заболевания словно бы поделила мир на «до» и «после». Пандемия заставила нас по-новому взглянуть на проблему борьбы с опасными заболеваниями, на то, сколь велики и непоправимы могут быть их последствия. К сожалению, она стала причиной преждевременного ухода из жизни известного востоковеда, тюрколога Д. Д. Васильева (1946–2021), более четверти века возглавлявшего Отдел истории Востока. Реализуя этот проект¹, мы отдаем дань уважения ему за вклад в отечественную науку.

Настоящая коллективная монография рассматривает такие явления, как эпидемии и природные и техногенные катастрофы, в макрорегиональном разрезе на примере стран Ближнего Востока, Южной Азии и Дальнего Востока. Авторы ввели в широкий оборот много нового материала, хранившегося в отечественных и зарубежных архивах, привлекли средневековые источники и большой объем публикаций. Хотя это не первая книга, в которой собраны сведения такого рода, большинство изданных монографий либо посвящены какому-то одному конкретному бедствию (чаще всего пандемиям чумы), либо имеют более узкий охват. Хотя материалы данной коллективной монографии в большей степени раскрывают социальные аспекты катастроф, случавшихся в странах Востока, и сложных ситуаций, складывавшихся там вследствие вспышек заболеваний или иных причин, например военных

¹ Идея написания этой книги принадлежит Д. Д. Васильеву.

действий, нельзя сбрасывать со счетов специфику мышления восточного человека.

Несмотря на то, что Восток — понятие скорее культурологическое, чем физико-географическое, обычно соотносимое с азиатским субконтинентом, некоторые авторы для раскрытия своей темы были вынуждены выйти за его пределы. Многообразие географических условий предопределяло специфику возникавших эпидемий и природных катастроф: на примере разных стран и различных эпох была показана история сосуществования человечества и чумной бактерии (*Yersinia pestis*). В результате такое тяжелое и смертельно опасное заболевание, как чума, охватило огромные территории со значительным населением, унеся большое количество жизней. В этом противостоянии, как и в борьбе с другими заболеваниями, человек научился их побеждать, но события последних лет лишний раз доказали, что человечество не застраховано от появления новых болезней, поэтому опыт борьбы с эпидемиями по-прежнему актуален.

Человечество на протяжении всей истории постоянно сталкивалось с ситуациями, зачастую сопряженными с многочисленными разрушениями и с массовой гибелью людей, к которым оно не было готово. Движение литосферных плит могло привести к возникновению цунами, извержению вулканов, оползням и др., влияя на развитие биосферы конкретного региона, при этом, как правило, ненося глобального характера¹. Несмотря на колоссальный ущерб, эти изменения являются неотъемлемой частью развития окружающего мира, но для нас все происходящее принято определять одним словом — катастрофа.

Систематически возникавшие стихийные бедствия вынуждали людей приспосабливаться, причем материальная и духовная адаптация шли бок о бок, формируя особые приемы жизнеобеспечения и мировосприятие. В странах Востока дольше, чем на Западе, сохранялся традиционный уклад жизни, поэтому и взгляд на природу катастроф оставался во многом таким же, как и сотни лет назад. Стихийные бедствия нередко принимали облик демонов и божеств, с которыми было нужно уметь жить в ладу. Поэтому восприятие неординарных, катастрофических явлений, как и реакция на них, происходили как бы в двух измерениях: одно

¹ Саулова Т. А. (2018). История катастроф: классификация, причины, последствия. Красноярск: СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 25.

было сугубо земное, практическое, второе — метафизическое, причем одно отнюдь не отрицало и не подменяло собой другое. Если причину наводнения видели в гневe высших сил, то в качестве ответных мер, с одной стороны, были ритуалы, призванные умиловить разбушавшиеся силы, с другой стороны, использование физических ресурсов в ходе восстановительных работ.

В отечественном востоковедении, особенно в годы СССР, в условиях марксистско-ленинского подхода к изучению истории было принято основное внимание уделять экономическому базису, по которому, собственно, и били природные стихии. Разумеется, какое-либо внеприродное, божественное их происхождение исключалось. Землетрясения, тайфуны, засухи, эпидемии, нашествия саранчи и т. п. абсолютно прозрачно находили объяснение в естественных процессах, протекавших на нашей планете задолго до появления человека и никак не связанных с чьей-то волей или дурными поступками.

Такое истолкование катаклизмов имеет полное право на существование и сейчас, но оно теряет значительную долю своего объяснительного потенциала, когда речь заходит о культурных феноменах традиционных обществ. В этих обществах, нередко сохранявших веками отработанный уклад жизни и прежнее мировоззрение вплоть до начала XX в., бытовали иные представления о причинах эпидемий и катастроф и нормативных реакций на них социума. Игнорировать их — значит не только ограничивать возможности нашего познания других культур, в итоге реконструируя обедненную и искаженную картину прошлого, но даже подменять ее неким умозрительным евроцентристским, материалистическим конструктом, не имеющим почти ничего общего с тем, что происходило в действительности.

Глобальные катастрофы, длительность которых измеряется сотнями и тысячами лет (изменения климата, вымирание видов), оказывали на исторический процесс глубокое воздействие. Люди либо успевали приспособиться к меняющимся условиям и покидали опасные места, либо изменяли образ жизни. Эти события также стимулировали человеческую мысль, способствуя освоению новых способов жизнеобеспечения и изобретению технических средств. Таким образом, «и природные катастрофы, и глобальные социальные явления представляют собой примерно одинаковые по масштабу и био-социальным последствиям “регуляторы” как самой биосферы (и социума), ее (его) численности,

миграции (структуры) и организации, так и фактически хода всего исторического процесса»¹. С учетом этого требуется их совместное изучение и единообразная классификация.

С давних времен люди использовали различные способы (наблюдение за природными явлениями, учение о циклах), стремясь как можно точнее спрогнозировать стихийные бедствия, болезни и т. д. В эпоху Возрождения с началом активного развития различных научных дисциплин, в том числе и естественнонаучных, «дифференциация наук коснулась и катастроф, их изучения и классификации. В настоящее время все природные явления и каждое из них в отдельности достаточно детально изучены. Как результат — для их классификации разработаны соответствующие шкалы»². Катастрофы принято классифицировать с точки зрения их характера возникновения³ и подразделять на два больших типа — преднамеренные и непреднамеренные. С точки зрения генезиса они бывают искусственного (антропогенные, включая техногенные), естественного (природного) и смешанного происхождения (природно-антропогенные). В зависимости от масштаба распространения катастрофы принято подразделять на локальные (объектные), местные, региональные, национальные и глобальные. Классификация зависит от размера территории, где произошел катаклизм, и от тяжести последствий, которые ему сопутствовали.

По мере смены духовного и научного мировоззрения постепенно трансформировались и подходы поиска⁴. В начале XX в. русский экономист Н. Д. Кондратьев (1892–1938) разработал «Теорию предвидения будущего в рамках циклично-генетической парадигмы», также известную как «циклы Кондратьева». В ее основе лежат исследования «закономерности и возможности циклической динамики мировых и локальных цивилизаций, волнообразной ритмики исторических и цивилизационных

¹ Система «Планета Земля»: XX лет Семинару «Система “Планета Земля”». (2014). М.: Ленанд, 253.

² Там же.

³ Саулова Т. А. (2018). История катастроф: классификация, причины, последствия. Красноярск: СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 11–12, 14, 62.

⁴ В середине XIX в. французский ученый А. Перре на основе собранных им обширных данных о землетрясениях (более чем 23 тыс.) обратил внимание на то, что их возникновение сопряжено с фазами Луны и ее расстоянием от Земли. Вначале его выводы не были приняты всерьез, впоследствии они подтвердились.

циклов»¹. Согласно этой концепции, 45–60-летние циклы разворачиваются в пространстве и во времени, создавая ритмы, затрагивая всевозможные сферы жизни человека — политику, экономику, демографию и др.

В дальнейшем были выработаны и другие концепции, в том числе теория особенностей американского математика Х. Уитни (1907–1989), теория бифуркаций динамических систем А. Пуанкаре (1854–1912) и А. А. Андронova (1901–1952) и др. Благодаря им в конце 60-х гг. XX в. Р. Томом (1923–2002) и К. Зиманом (1925–2016) была разработана «теория катастроф», которую по своей значимости в то время даже сравнивали с дифференциальным исчислением И. Ньютона². И хотя теория, построенная на математических принципах, не может предотвратить наступление катаклизмов, благодаря выработанным моделям катастроф исследователи получили возможность выявлять «...некоторые черты самых разных явлений... в ответ на плавное изменение внешних условий»³. В 1993 г. российскими учеными М. В. Родкиным и Н. В. Шебалиным (1927–1996) была разработана логарифмическая шкала для классификации землетрясений. В дальнейшем было предложено с ее помощью классифицировать все природные катастрофы и глобальные социальные явления⁴.

Эпидемии, как специфическая гуманитарная проблема, по своему характеру тоже приводят к катастрофичным последствиям. Так было в прошлом, так зачастую происходит и сейчас. По силе своего негативного воздействия на деятельность государства и общества в целом это можно сравнить с последствиями войны. Само понятие «эпидемия» — давнее. Оно происходит от греческих слов *ἐπί* «на» и *δῆμος* «народ», т. е. «повальная болезнь», когда распространение заболевания среди населения городов или регионов значительно превышает обычный уровень. Если же эпидемия охватывает большие по площади территории (страны, континенты), то обычно используется термин «пандемия» — от греческого *pandemia* — «весь народ в целом»⁵. Как правило, стремительное

¹ Саулова Т. А. (2018). История катастроф... С. 70.

² Арнольд В. И. (1990). Теория катастроф. М.: Наука, 7.

³ Там же, 98.

⁴ Система «Планета Земля»: XX лет Семинару «Система “Планета Земля”». (2014). М.: Ленанд, 254.

⁵ Сорокина Т. С. (2008) История медицины. М.: Академия, 411.

распространение болезни становилось источником возникновения чрезвычайной ситуации, способной привести к гуманитарной катастрофе, в том числе и в глобальном масштабе.

Эпидемии оказывали огромное влияние на историю развития человечества на протяжении многих веков. Такие болезни, как чума, оспа, холера и др., отличала вирулентность, стремительная скорость распространения¹ и высокая смертность. С одной стороны, они становились причиной высокой смертности среди населения. С другой стороны, они способствовали экспансии и колонизации новых земель (как в случае с европейцами). Эпидемии также вносили своеобразную лепту в процесс «интеллектуального развития» общества, поскольку люди были вынуждены пересматривать прежние, не столь эффективные методы борьбы с ними. Так, в начале XIX в. эпидемии чумы, холеры, брюшного тифа и оспы изучались через призму «теории миазмов»², которая затем была опровергнута как ошибочная. Таким образом, осмысление природы болезней подталкивало развитие медицины.

Во второй половине XIX в. сформировалась новая наука — бактериология³, открывшая «возможности для научно обоснованных противочумных мероприятий, завершившихся ликвидацией крупных эпидемий чумы... в XX в.». В тот же исторический период окончательно сложилась наука эпидемиология, уходившая своими корнями в глубокую древность — лишним тому доказательством служат тексты древневосточных и античных авторов. Ее основной задачей стало изучение причин и законов распространения инфекционных заболеваний, а также методы их профилактики и ликвидации⁴. Со второй половины XIX в. эпидемиология развивалась в тесной связи с бактериологией, вирусологией и другими медико-биологическими направлениями.

Историк У. Мак-Нил⁵, ученик А. Д. Тойнби, автора фундаментального сочинения «Постижение истории», в своем труде «Эпидемии и народы» (1977), исследуя «...динамику эндемических и эпидемиче-

¹ Buchillet D. (2007). Epidemic diseases in the past: history, philosophy, and religious thought. In: ТИВАЙРЕНС МИШЕЛ (ED.). *Encyclopedia of infectious diseases: modern methodologies*. Hoboken: J. Wiley, 517.

² Теория была сформулирована итальянцем Дж. Ланцизи. Согласно ей миазмы, или «заразные испарения», попадая в воздух, могли вызывать эпидемии.

³ Сорокина Т. С. (2008) История медицины. М.: Академия, 420.

⁴ Там же, 411.

⁵ Другой вариант перевода — У. Макнил (см. гл. 1).

ских заболеваний в мировой истории»¹, выдвинул радикально новый взгляд на ход истории — тезис о том, что «контакты между народами различных обществ вели не только к распространению навыков и технологий, но также к появлению экзотических заболеваний в популяциях, где раньше они не были представлены. Во всех случаях эпидемии разрушали существующее положение вещей, а также приводили к нарушению уже установившихся связей между культурами». По мнению Мак-Нила, в основе таких исторических изменений, как упадок Римской империи, падение китайской династии Хань, чума, потрясая средневековую Европу, а также почти бесследное исчезновение цивилизации американских индейцев, давшее впоследствии европейцам возможность установить колонии и организовать общества европейского типа в отдаленных землях, лежит одна причина — эпидемии.

С научной точки зрения эпидемические процессы являются сложным социально-биологическим явлением, при этом социальные факторы, как правило, оказывают наибольшее влияние на развитие ситуации. Отправной точкой может стать экономическое положение, национально-религиозные обычаи, стихийные бедствия² и т. д. За долгую историю человечества было множество вспышек различных инфекционных заболеваний, приведших к гибели огромного числа людей. Среди наиболее известных можно выделить следующие:

1. Чума³. С точки зрения смертности населения Земли эта инфекционная болезнь стала самой страшной и опустошительной. Начиная

¹ Мак-Нил У. (2004). *Восхождение Запада. История человеческого сообщества*. Киев: «Ника-центр», М.: «Старклайт», 6-7.

² Покровский В. И., Пак С. Г., Брико Н. И., Данилкин Б. К. (2007). *Инфекционные заболевания и эпидемиология*. М.: ГЭОТАР-Медиа, 76.

³ Чума — заболевание, вызываемое микроорганизмом *Yersinia pestis*. Легочная и бубонная чума — клинические формы, в которых это заболевание может протекать. Принято считать, что форма болезни зависит от способа передачи (укус блохи, воздушно-капельным путем). По словам П. Э. Ратманова, говоря о пандемиях чумы (1-й, 2-й, 3-й), мы имеем в виду большие исторические периоды (в случае второй пандемии — 500 лет) и огромные территории (например, вся Евразия и север Африки). В результате по мере появления новых данных усиливается то одна, то другая научная гипотеза. Например, с развитием палеомикробиологии возникла точка зрения, что разные формы чумы связаны с разными штаммами *Yersinia pestis*. Очаг возникновения чумы тоже является дискуссионным вопросом, поэтому в научной среде «колыбелью» болезни называют и просторы Евразии между Черным морем и Тихим океаном, и пустыню Гоби, и район Армянского нагорья.

с древности, сохранилось немало сведений о вспышках чумы, приводивших к возникновению эпидемий. Также известно о трех пандемиях чумы, свирепствовавших на территории Египта, Восточно-Римской империи, Средиземноморья, Западной Европы, Китая и Индии. Возбудитель чумы был обнаружен в 1878 г. Г. Н. Минхом (1836–1896) и независимо от него — А. Йерсеном (1863–1943) и Китадзато Сибасабуро (1853–1931) в 1894 г.

2. *Натуральная оспа*. Благодаря палеонтологическим находкам и письменным памятникам известно, что с этим заболеванием уже сталкивалась люди Древнего Египта, Индии и Китая. В VII в. оспу завезли морским путем в страны Южной Европы, откуда она во времена крестовых походов получила дальнейшее распространение. Возбудитель оспы был открыт в 1906 г. Э. Пашеном (1860–1936).

3. *Холера*. Это заболевание также было известно с давних времен. До XIX в. оно локализовалось в пределах полуострова Индостан. Холерный эмбрион был открыт Ф. Пачини (1812–1883) в 1853 г., а подробно изучен Р. Кохом (1843–1910) в 1883¹ г.

4. *Грипп*. Считается, что впервые болезнь была описана еще Гиппократом в V в. до н. э. Но, согласно историческим источникам, наиболее достоверные сведения об эпидемиях прослеживаются² только с XVI в. В 1933 г. учеными Лондонского Национального института медицинских исследований впервые был выделен человеческий вирус гриппа типа А. В целом было зафиксировано 18 пандемий, преобладающая часть которых возникала на Азиатском континенте.

Эпидемии возникают только тогда, когда существует достаточно большое количество неинфицированных людей, способных заразиться самим и передать болезнь окружающим. Например, согласно эпидемиологической модели считается, что для распространения кори требуется минимум 250 000 человек³. Перенаселенность в городах способствует быстрому распространению болезней, а передвижение между странами увеличивает количество потенциальных больных, как это, например,

¹ Покровский В. И., Пак С. Г., Брико Н. И., Данилкин Б. К. (2007). Инфекционные заболевания и эпидемиология. М.: ГЭОТАР-Медиа, 246, 344, 422, 589.

² Ильичева Т.Н., Нетесов С.В., Гуреев В.Н. (2012). Практикум по микробиологии. «Вирусы гриппа» Методическое пособие. Ч. 1. Новосибирск: НГУ, 7, 17.

³ Clive Bell, Maureen Lewis. (2004). The Economic Implications of Epidemics Old and New. *World Economics*. Vol. 5(4), October, 4.

было в случае испанки в 1918–1919 гг. в Европе, SARS в 2003 г. или COVID-19 в 2020 г. в КНР и т. д. Ситуация, возникающая в обстановке стремительно распространяющейся болезни, дестабилизирует положение в обществе по причине неопределенности, которую не могут рассчитать как политики, так и бизнесмены. Такое положение вещей влияет на все сферы жизни, прежде всего затрагивая экономический сектор.

В прежние времена эпидемии также воспринимались людьми как божественное наказание. Исследуя причины и последствия эпидемий, возникавших в разные периоды времени, ученые имеют возможность лучше понять историю человечества в прошлом. Вместе с тем сфера здравоохранения стала одним из приоритетных направлений: рост научных исследований в области бактериологии и эпидемиологии помог ученым понять, что между вспышками болезней и населением существует четкая взаимосвязь. В результате современные медицинские дискурсы о здоровье, гигиене и санитарных нормах стали неотъемлемой частью государственной бюрократической машины, которая превратила народонаселение в объект медицинских наблюдений¹.

Начиная с эпохи Возрождения, понимание естественной природы болезней, с которыми можно бороться путем профилактики и лечения, открыло путь научному прогрессу в понимании природы и распространения эпидемий. Это, в свою очередь, послужило основой для разработки эффективных методов борьбы с ними в области медицины. Ко второй половине XX в. сочетание знаний, опыта и медицинских технологий привело к резкому снижению числа вспышек заболеваний, а вместе с этим к ложному ощущению, что любые вновь возникающие болезни поддаются лечению. Роль эпидемий в истории человечества была и остается ключевой. При этом научный прогресс, с одной стороны, дал мощное оружие в борьбе с ними, благодаря чему некогда смертельные заболевания подавляются в самом начале и практически без жертв; с другой стороны, он создал предпосылки для распространения новых, еще более опасных и вирулентных штаммов, к которым люди еще не готовы.

Несмотря на ряд существующих теорий и концепций, призванных обобщить накопленные знания в отношении природы катастроф,

¹ Anagha Kamble. (2020). The City and the Disease: Locating State Strategies and Public Response. *Sambhāṣaṇ*. VI. 01. Issue 01. May.

одни исследователи не придают им большого значения, указывая, что катаклизмы почти всегда имели локальный характер и могли отразиться на событиях в сравнительно небольших масштабах. Другие, напротив, переоценивают их. Во многом различия во взглядах обуславливаются методологическими причинами, подходами к проблеме разных научных школ. Следуя общей концепции, авторы книги отталкиваются от неодинакового теоретико-методологического фундамента, что наряду со своеобразием авторских стилей вряд ли целесообразно считать недостатком.

Коллективная монография «На изломе истории: эпидемии и катастрофы в странах Востока» включает в себя предисловие, 11 глав и делится на три части, а также приложение и указатели. Часть I посвящена истории распространения эпидемии чумы, которая охватила евразийское пространство, в том числе страны Ближнего Востока; влиянию стихийных бедствий, потрясших Китай и Японию в средневековый период (Т. Ф. Хайдаров, О. П. Бибилова, М. В. Грачев, О. А. Королева). Часть II всецело посвящена событиям, происходившим на территории колонизированной Индии в XIX в. (С. Е. Сидорова, И. П. Глушкова, Т. Н. Загородникова). В Части III речь идет о методах выявления и борьбы со вспышками опасных заболеваний (холера, сифилис) на территории Центральной Азии и Монголии, о способах решения гуманитарного кризиса в послевоенный период, а также о трагической странице в истории японо-турецких отношений, обусловленной стихийным бедствием (Р. Ю. Почекаев, О. А. Ледовская, А. Д. Васильев, В. Ю. Башкуев).

Исследуя пути распространения эпидемий и борьбы с ними, а также рассматривая причины природных или техногенных катастроф и их трактовку с учетом особенностей национальной культуры, авторы прослеживают четкую связь исторических процессов в странах Востока, тем самым объединяя события прошлого и настоящего. Мы можем надеяться, что такой подход не только обогатит читателя новой информацией, но также, несмотря на предопределенную концепцией книги «мрачность» тематики, вызовет интерес и расширит кругозор в плане возможностей реконструкции и толкования этих трагических страниц истории человечества.

Ю. И. Дробышев, О. А. Королева

ЧАСТЬ I

**СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ЭПИДЕМИЙ И КАТАСТРОФ**

ГЛАВА 1

ОДИССЕЯ ЧУМНОЙ БАКТЕРИИ *YERSINIA PESTIS* НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ДОИСТОРИЧЕСКУЮ И ИСТОРИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Введение

Начало пандемии COVID-19 вызвало неподдельный интерес к теме эпидемий в прошлом. В исторических научных кругах в публичную плоскость были вынесены вопросы, связанные со временем начала пандемий в историческом прошлом и их последствиями для человеческих социумов Евразии. Базовой темой для обсуждения стали унесшие достаточно большое количество населения на евразийском пространстве первая и вторая пандемии чумы («чума Юстиниана» и «Чёрная смерть»). Правда, вплоть до конца 1960-х годов, несмотря на все достижения в области естественных наук (биологии, эпидемиологии), все выводы по данным событиям продолжали базироваться на точке зрения античных авторов и средневековых хронистов [Vaccì, 1998; Biraben, 1976; Herlihy, 1997; McNeill, 1976].

Определенный переход к критическому анализу представленной в исторических источниках информации начался только после обострившейся в 1990-х годах в мировой историографии дискуссии вокруг сопутствующих пандемиям тенденций:

- смена системы социально-экономических отношений;
- изменение в структурах устоявшихся политических режимов;
- ускорение технологического развития;
- демографические изменения.

В конечном счете все крупные пандемии чумы прошлого стали рассматриваться историками в качестве своеобразных бифуркационных точек

исторического процесса (теории конца античности и позднесредневекового «мальтузианского тупика»¹). Последующее применение в исследованиях указанных концепций в области изучения эпидемий в историческом прошлом, впрочем, оставили у ученых больше вопросов, чем ответов на них. Поэтому в 2000-х годах в историографии наметилась тенденция к расширению тематики исследований как за счет критического анализа ранее опубликованных источников [Bailie, 2006; Benedictow, 2004], так и вводом новых антропологических данных [DeWitte, 2006].

Важным шагом в развитии темы явилось внедрение в начале 2010-х гг. в исследовательскую практику метода полимеразной цепной реакции (ПЦР). Это позволило начать процесс осмысления роли *Yersinia pestis* в общей истории человечества. Результатом этого явился не только рост публикаций по наиболее спорным вопросам обсуждаемой темы², но и появление написанных в широкой международной кооперации крупных исследований [Rasmussen, Allentoft, 2015; Schmid, Buentgen, 2015; Spyrou, Tikhbatova, 2016; Spyrou M.A., Tikhbatova, 2018]. Не последнюю роль в этом процессе сыграло сближение позиций представителей отечественных и западных научных кругов [Alexander, 1980; Herlihy, 1997; Langer, 1975; Langer, 1976; Schamiloglu U., 2017; Schamiloglu U., 2019]. Полученные таким образом выводы в области исследований чумных эпидемий в историческом прошлом позволили в 2014 г. современному турецкому историку Нюкхет Варлык высказать предположение о реально начавшейся в исторической науке междисциплинарной «революции» [Varlik, 2014].

Основные теории современных исследований чумных эпидемий в историческом прошлом

Несмотря на перечисленные достижения, в теоретической части пока продолжает сохраняться своеобразный плюрализм мнений. Если же рассматривать взгляды на эпидемически-биологическую часть

¹ В отечественной историографии больше используется понятие «мальтузианский кризис».

² Среди наиболее дискуссионных были вопросы, связанные с филогенетикой чумы [Fancy, Green, 2021], периодизацией в историческом прошлом пандемий чумы [Alfani, 2013; DeWitte, 2014] и процессов, приведших в историческом прошлом к пандемиям чумы [Campbell, 2016; Slavin, 2019].

начала чумных эпидемий в историческом прошлом, то в основном прослеживаются влияния концепций эпидемических заболеваний Р. Коха и Л. Пастера. Например, сторонники немецкого микробиолога сводят весь эпидемический процесс к двум моментам:

- 1) взаимодействие болезнетворного микроорганизма и человека;
- 2) миграционные процессы как движущая сила в дальнейшем распространении эпидемии чумы.

Созданная таким образом теоретическая модель в значительной степени отражает стремление сторонников указанного учения к построению универсальной модели, что в значительной мере приводит к недостаточной оценке других сопутствующих чумным эпидемиям факторов — региональной специфики той или иной эпидемии в историческом прошлом. Основной акцент в исследованиях сторонников Р. Коха в целом сделан на осмыслении произошедших в глубокой древности изменений в геноме чумной бактерии. Поэтому представленные в этих работах выводы в области палеогенетики заслуживают самого пристального внимания. Применение в исследовательской практике предложенных в этих работах выводов — позволяет современным ученым понять основные скрытые процессы возникновения в прошлом крупных эпидемий чумы [Cui, Yu, 2013; Spyrou, Tikhbatova, 2018].

Исследования, построенные на базе воззрений основного оппонента немецкого микробиолога — Л. Пастера, базируются на куда более сложной картине протекания в прошлом крупных эпидемий. Это связано с тем, что сам французский микробиолог в отличие от своего немецкого визави включал в эпидемический процесс влияние большего числа факторов (возбудитель болезнетворных микроорганизм, человек, окружающая среда, изменения природно-климатических условий) [Rascovan N., Sjoegren, 2019; Rasmussen, Allentoft, 2015]. При этом в отличие от исследований сторонников Р. Коха все представленные выводы в области изучения генома чумной бактерии базируются на исследовании значительно меньшего объема данных. Однако применение более продвинутой технологии секвенирования генома (NGS) позволило создать более жизнеспособную модель распространения эпидемий в историческом прошлом. Тем самым была признана возможная поливариантность эпидемического процесса в древности [Green, 2020].

На близких к сторонникам Л. Пастера позициях находятся современные отечественные исследователи. Несмотря на это, большую

роль в их исследованиях продолжает играть теория «*природной очаговости трансмиссивных болезней человека*» [Павловский, 1964; Ралль, 1965]. Наиболее полно основные аспекты этой теории были представлены в работе современного российского эпидемиолога А. А. Слудского [Слудский, 2014].

Одной из важнейших составных частей этой теории являются исследования основных видов природных переносчиков *Y. pestis* — кровососущих членистоногих эктопаразитов (вши, нательные блохи, клопы) [Dean, Krauer, 2018; Katharine, Krauera, 2019]. Анализ их жизнедеятельности позволил отечественным ученым подчеркнуть важную роль в эпидемиологических процессах современности антропургических очагов чумы [Метелёва, 2020]¹. При этом в российских научных кругах пока не сложилась однозначная оценка относительно точек исхода чумных эпидемий в историческом прошлом. По крайней мере, отечественные исследователи склоняются к трем вариантам: Тянь-Шань, Волжско-Уральские степи и Кавказский хребет [Носов, Оглодин, 2016; Kutyrel V.V., Eroshenko, 2018].

Аналогичный плюрализм мнений сложился и в оценках последствий крупных эпидемических вспышек чумы прошлого. На сегодняшний день в мировой историографии продолжает доминировать упомянутая выше теория «мальтузианского тупика». В ее рамках «чума Юстиниана» и «Черная смерть» рассматриваются в качестве основного движущего фактора скорейшего перехода к новым экономическим формациям (феодализму и капитализму) [Herlihy, 1997; Vacci, 1998; Little, 2007; Rosen, 2008]. В этом можно усмотреть влияние взглядов американского историка У. Макнила. Именно он одним из первых отметил роль эпидемий в исторических процессах прошлого [Макнил, 2021].

Несколько иной трактовки событий придерживаются в остальной западноевропейской и отечественной историографиях. Западноевропейские историки, находясь на близких с англо-американской стороной теоретических позиций, рассматривают средневековую пандемию чумы наряду с природно-климатическими изменениями в качестве одного из важных факторов выхода из разразившегося в конце XIII в. циклического кризиса

¹ Антропургический очаг (anthropurgic focus) [греч. anthropurgia — человеческая деятельность] — природный очаг, возникший в результате хозяйственной деятельности человека при освоении ранее необжитых территорий. Подробно см.: [Метелёва, 2020: 317].

западноевропейской экономики («кризиса Средних веков») [Аръес, 1992; Бродель, 2006; Шонно, 2005; Alfani, 2013; Biraben, 1976; Camenisch, Keller, 2016; Campbell, 2016]. Отечественные специалисты достаточно длительный период рассматривали эпидемические вспышки скорее как затормозившие, но не остановившие переход от феодальной к капиталистической форме хозяйствования [Барг, 1960; Васильев, Сегал, 1960; Косминский, 1957].

Исследование

Вспыхнувшая в начале 2020 г. пандемия коронавируса COVID-19 заставила начать процесс полного пересмотра данной темы. Для успешного достижения поставленной задачи важно было синтезировать все имеющиеся на сегодняшний день теоретические наработки в области изучения крупных эпидемий в прошлом и настоящем. Исходя из исследовательской позиции, в качестве исходной точки (региона возникновения) всех чумных эпидемий в историческом прошлом мы рассматриваем расположенные близ горных массивов Тянь-Шаня и Алтая степные районы Монголии, Синьцзян-Уйгурского автономного округа, Семиречья/Могулистана, Тувы, а также степные районы Маньчжурии и Забайкалья. Именно здесь за достаточно долгий промежуток времени сформировалась экосистема, позволившая бактерии *Y. pestis* не только выделиться из среды, но и в дальнейшем успешно реализовывать свою жизненную стратегию [MacArthur, Wilson, 2001]. Доказательством чему является фиксация в этих регионах с периодичностью в пару лет небольших вспышек чумы [Носов, Оглодин, 2016; Eroshenko, Nosov, 2017; Wang, Reinhold, 2017].

Правда, на сегодняшний день исследователи признали, что без произошедших в условиях резких климатических перепадов случайных мутаций *Y. pestis* говорить о дальнейшей успешной реализации всей жизненной стратегии указанного микроорганизма просто не приходится. Проведенные в 2015 г. палеогенетические исследования захоронений бронзового века на территории стран СНГ и Балтии позволили международной группе университета Копенгагена выдвинуть гипотезу, согласно которой одна из первых мутаций чумной бактерии произошла в период между 78803 и 34659 гг. до н.э.¹

¹ См.: Rasmussen S., Allentoft M.E. et al. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago. *Cell*. 2015. Vol. 163. Pp. 571–582.

Предложенная учеными датировка значительно удревнила устоявшуюся в научных кругах точку зрения, относившую данное событие к периоду между 32 и 25 тыс. до н.э. При этом в качестве исходного микроорганизма для *Y. pestis* продолжилось рассмотрение менее опасной для человека бактерии *Y. pseudotuberculosis* [Rasmussen, Allentoft, 2015].

Если исходить из выводов современного отечественного эпидемиолога А. А. Слудского, возникшая чумная бактерия уже на начальном этапе своей эволюции смогла приобрести ряд уникальных признаков. Среди них он выделил быструю адаптивность к окружающей среде и переносчикам, а также приобретение биопленки. Именно наличие последней позволяет *Y. pestis* не только сохраняться в почве достаточно длительный период, но и активно взаимодействовать с первичными переносчиками чумной бактерии — грызунами [Слудский, 2014].

Дальнейшее расширение жизненного ареала чумной бактерии следует рассматривать в контексте последующей после употребления зараженного мяса грызунов миграции хищников и небольших групп кочевников [Слудский, 2014; Макнил, 2021]. При этом новые территории обитания чумной бактерии должны были быть близки к исходным природно-климатическим условиям евразийских степей. Наиболее подходящими для этого оказались расположенные близ горных хребтов степные районы Поволжья, Приуралья, Причерноморья, Северной Африки, Ближнего и Дальнего Востока [Spyrou, Tukhbatova, 2018].

Наступление в IX–VI тыс. до н.э. благоприятных природно-климатических условий привело к тому, что указанные территории вследствие перехода к оседлой жизни основной части населения и последующей активизации хозяйственной деятельности (Неолитической революции) смогли превратить перечисленные регионы в своеобразные «эдемы» для возникновения новых, более вирулентных штаммов чумы [Spyrou, Tukhbatova, 2018]. При этом для каждого из перечисленных районов был характерен свой набор формирующихся локальных штаммов *Y. pestis*.

Для успешного завершения процесса проникновения чумной бактерии внутрь человеческих сообществ важно было наличие постоянного контакта между вторичными микро- и экзочагами чумы, местной флорой и фауной, небольшими закрытыми поселениями людей. Эти условия могли быть достигнуты только в небольших поселениях, расположенных в горных долинах на высоте около 800 метров над уровнем моря [Varlik, 2014]. И если к вышеперечисленным условиям добавить наличие

складывающихся торговых связей, то именно последние могли выступить в качестве исходных точек для дальнейшего «победного шествия» чумной бактерии. В данном случае было налицо зарождение антропургических очагов чумы. Однако основная тяжесть распространения *Y. pestis* в эту эпоху все же легла на местные природные очаги чумы.

Дальнейший рост численности населения в подобных поселениях и одомашнивание степных видов копытных способствовали последующему ускоренному охвату всех людей, живущих в районе указанных очагов чумных эпидемий [Макнил, 2021, с. 87–88]. Впрочем, пока речь не шла о каких-либо глобальных изменениях в форме распространения среди населения чумной эпидемии. Скорее всего, эта была бубонная форма чумы, распространявшаяся посредством укуса зараженных более вирулентным, чем исходный природный штаммом *Y. pestis*, блохами мигрирующих видов степных грызунов. Доказательством этого служит обнаружение исследовательской группой Института истории человека (Йена, Германия) в захоронениях Бронзового века, расположенных на территории современной Самарской области, следов ДНК возбудителя именно этой формы чумы [Spyrou, Tukhbatova, 2018].

Дальнейшее изучение складывавшихся в VI–IV тыс. до н.э. постоянных человеческих поселений может в значительной степени расширить наше представление о начальном этапе развития чумных пандемий на Евразийском континенте. По мнению зарубежных исследователей, наиболее перспективными выступают Армянское нагорье и Прикарпатье [Rasmussen, Allentoft, 2015; Wang, 2019]. Если первый регион в силу политических реалий конца XX — начала XXI вв. был проанализирован лишь косвенно, то изучение второго выглядит куда более комплексно. В результате проведения группой университета Копенгагена палеогенетических исследований была высказана гипотеза исчезновения в указанный период вследствие разразившейся эпидемии чумы расположенных в Прикарпатье крупных поселений Трипольской культуры.

Среди основных выводов исследовательской группы Копенгагенского университета значится случайная мутация *Y. pestis*, произошедшая в условиях наступившего в IV тыс. до н.э. климатических изменений и нахождения населения указанных поселений в условиях длительного стресса [Rasmussen, Allentoft, 2015]. Мутационный процесс вполне очевидно проходил при сложившейся на тот момент постоянной циркуляции между прикарпатскими вторичными природными очагами чумы и местными

штаммами легочной чумы, поселениями трипольцев, привязанными к поселениям трипольцев, в условиях значительного усиления антропогенного фактора и перманентного притока с востока вместе с переселенцами новых масс чумной бактерии. Последние, попав в новую для себя экологическую среду, были вынуждены встраиваться в уже существующие экологические связи, сложившиеся между различными видами местных живых организмов. Запущенный таким образом процесс коэволюции различных штаммов чумы проявился в виде взаимодействия трех плазмидов: *pCDI*, *pMT1* и *pPCP1*. В конечном итоге это привело к появлению в прикарпатских поселениях новых, крайне вирулентных штаммов бактерии (*0.PE7* и *0.PE2*). Дальнейшее развитие торговых связей поселений Трипольской культуры с другими регионами позволило очертить основные векторы распространения новых штаммов чумы [Rasmussen, Allentoft, 2015]. Палеогенетические исследования последних лет подтвердили наличие последующих вспышек чумы на юге Польши, Центральной Германии и Скандинавии [Rascovan, Sjoegren, 2019].

Исходя из сказанного, можно заключить, что на примере прикарпатских поселений Трипольской культуры мы можем наблюдать в IV в. постепенное возрастание роли в эпидемическом процессе антропогенных очагов чумы. При этом не последнюю роль в этот период стала играть постепенно формирующаяся в зоне средиземноморского климата (между 30° и 45° северной широты) целая сеть транспортных артерий. Последние еще до возникновения Великого шелкового пути смогли к началу IV в. соединить в одну эпидемическую систему наиболее развитые и густонаселенные территории евразийского пространства¹.

Одним из важнейших факторов дальнейшего ускоренного распространения чумной бактерии зачастую выступал приток новой массы людей из глубин евразийских степей [Crespo, Lawrenz, 2014]. Многие из них были выходцами из районов Евразийского континента, уже охваченных локальными вспышками чумы. Исходя из озвученных фактов, можно предположить протекание в период VI–IV тыс. до н.э. «нулевой пандемии чумы» на обширных пространствах Северной Африки и Евразии.

Последующее затухание эпидемических вспышек чумы в III тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. в большей степени было связано как

¹ О границах чумной зоны см: [Домарадский, 1998: 19; Супотницкий, Супотницкая, 2006].

собственно с адаптацией людей к уже сформировавшимся, локальным штаммам чумы, так и с общим снижением интенсивности контактов между человеческими сообществами на просторах формирующегося Великого шелкового пути. Однако о полном исчезновении данного «*природного бедствия*» не могло быть и речи. Как только общий уровень развития производительных сил позволял людям перейти к построению государства, так сразу же начинали фиксироваться крупные локальные вспышки чумы.

Палеогенетические исследования последних лет показали возможность протекания в указанный период наиболее важных для дальнейшего эпидемического процесса двух случайных мутаций генома *Y. pestis*. Первая, согласно предложенной в 2013 г. исследовательской группой Пекинского института гипотезе, произошла в районе Цинхай-Тибетского нагорья около 2750 г. до н.э. Она характеризовалась значительными изменениями в геноме чумной бактерии показателей белка флагеллина (*flhD*). Прямым следствием этого процесса явилось увеличение степени заражений человека указанным болезнетворным микроорганизмом за счет общего ухудшения реакции иммунной системы человека на проникновение в организм *Y. pestis* [Cui, Yu, 2013]. Правда, как и в случае с мутацией VI–IV тыс. до н.э., речь могла идти лишь о легочной форме заболевания.

Вторая мутация привела к возникновению бубонной формы чумы в районе 1690 г. до н. э. Ее появление связывают с мутацией расположенного на плазмиде pPCP1 гена *pla* I259T [Rasmussen, Allentoft, 2015]. Последний штамм *Y. pestis* стал активно проявлять себя в эпоху масштабных климатических изменений II–I тыс. до н.э. [Хайдаров, 2020]. Достигнув своего пика охвата населения Евразии уже во время Первой пандемии чумы («*Юстиниановой чумы*»), эта вспышка была признана одной из крупнейших эпидемий Древности. Однако отсутствие достаточно большого количества письменных источников пока оказывает негативное влияние на формирование комплексной оценки этих исторических событий. Доминировавшая до сих пор в научных кругах оценка зачастую базировалась на текстологическом анализе трудов античных и раннесредневековых авторов (Фукидида, Галена, Прокопия Кесарийского). Поэтому выстраиваемая конструкция начала и датировки первой пандемии чумы оставляла желать лучшего [Little, 2007].

Согласно традиционной точке зрения, Первая пандемия чумы началась в 542 г. близ египетского порта Пелусий¹. При этом достаточно длительный период времени, исходя исключительно из текстологического анализа латинских источников, доминировала точка зрения оспенной природы данной эпидемии [Harper, 2015]. Однако современные палеогенетические исследования позволили несколько по-иному взглянуть на ранний период начала «чумы Юстиниана» [Harper, 2017; Zhou, Alikhan, 2020]: Согласно им ранние вспышки Первой пандемии чумы были зафиксированы в районе 250 г., то есть во время вспыхнувшей в Сирии «Киприановой чумы». Таким образом, мы можем рассматривать последнюю в качестве одной из первых пандемических волн «чумы Юстиниана», а точку исхода — евразийские степи. Именно об этом не напрямую сообщает в VI в. н.э. секретарь знаменитого византийского полководца Велизария — Прокопий Кесарийский [Хайдаров, 2020]; это также предполагал и У. Макнил [Макнил, 2021]. В определенном смысле доказательством этой гипотезы, относящей начало именно чумной эпидемии к середине III в. н.э., может служить факт окончательного складывания Великого шелкового пути, соединившего расположенные в зоне средиземноморского климата густонаселенные районы тогдашних крупнейших государственных образований Евразии (Согдианы, империи Сасанидов и Кушан, Китайской и Римской империй) [Хансен, 2014]. Таким образом, последний мог выступить в качестве транспортного коридора для проникновения из различных природных очагов чумы новых масс болезнетворного микроорганизма. При этом нельзя исключать наложение эпидемической волны чумы на уже начавшуюся в Римской империи вспышку оспенной эпидемии. Таким образом, вполне логичным будет признание на начальном этапе Первой пандемии чумы возможного параллельного хождения сразу нескольких болезнетворных возбудителей (оспы и чумы). Однако, как и в случае «нулевой пандемии чумы» Бронзового века, без совмещения в середине I тыс. н.э. факторов: эпидемических вспышек (чума Антонина), масштабного переселения кочевых народов евразийских степей, климатических изменений VI в. и последующего политического коллапса Римской империи и, как следствие, длительного нахождения оседлого населения Западной Европы в состоянии

¹ Даниэл М. Тайные тропы носителей смерти: Пер. с чеш. / Под ред. Б. Л. Черкасского. М.: Прогресс, 1990.

длительного стресса говорить о начале настоящей пандемии просто не приходится [Хайдаров, 2020; Shamioglu, 2016; Harper, 2017].

Дальнейший «успех» «чумы Юстиниана» на пространствах *Rax Romana*, скорее всего, был связан как с высоким развитием дорожной сети и древнеримских городов, так и с последующей активизацией уже на всей территории Римской империи целой сети местных вторичных микро- и антропоургических очагов чумы. Подтверждению этой гипотезы служит постоянная фиксация вплоть до 750 г., то есть до полного исчезновения римской инфраструктуры, последовательных вспышек чумы. Исходя из полученной информации, мы можем говорить о порядке 500 лет протекания Первой пандемии чумы (250–750 гг.).

Развитие эпидемической ситуации в межпандемический период (IX–XIII вв.) вследствие наступившего в Евразии благоприятного климатического периода можно в целом охарактеризовать общим снижением эпидемической активности [Bekker-Nielsen, Finnie, 2019]. При этом ни о каком прекращении эволюционного процесса чумной бактерии речи не шло. Такое предположение уже неоднократно высказывалось западными специалистами [Humes, 2014; Макнил, 2021], однако полноценно данный вопрос был раскрыт в работах американского антрополога Ш. ДеВитт. Исходя из анализа захоронений Западной Европы, ею была выдвинута гипотеза двухэтапной мутации *Y. pestis*. Результатом последней и стало появление «Черной смерти» [DeWitte, 2017].

Последующие палеогенетические исследования смогли очертить основные приобретенные чумной бактерией признаки. В первую очередь следует говорить о практически мгновенной адаптации к иммунной системе организма и ускоренном распространении в теле жертвы (человека). Это нашло свое внешнее проявление в виде почернения отмирающих участков кожи, массивного внутреннего кровоизлияния и тромбоза сосудов. Зачастую данный процесс мог сопровождаться синдромом внутрисосудистого свертывания крови (ДВС). Однако вследствие ограниченного распространения в геноме тогдашнего населения аллелей TNF2 и TNF-α, отвечающих за повышенную выработку «фактора некроза опухолей», наиболее заметное проявление «Черной смерти» — почернение верхних кожных покровов — могло не носить массового характера. Куда более массовыми становились признаки, характерные для легочной формы чумы: кровохаркание, головные и мышечные боли, жар, боль, слабость, озноб и рвота. Это свидетельствовало о домини-

рующей роли во время Второй пандемии чумы указанной формы заболевания. При этом максимальный охват населения в Западной Европе по сравнению с другими территориями Евразии новым штаммом *Y. pestis* был достигнут во время собственно «Черной смерти» за счет отсутствия у представителей европейской расы в гаплотипе антигенов HLA-B8, HLA-A1 и DR3 [Метелёва, 2020, с. 34–35].

Факт неевропейского происхождения «Черной смерти» подтверждает сложившаяся в межпандемический период в Западной Европе эпидемическая обстановка. Вследствие общего снижения влияния антропогенного фактора и произошедшей в V–IX вв. дезурбанизации на лидирующие позиции в эпидемическом процессе этой части Евразийского континента стали выдвигаться расположенные в слабозаселенных районах вторичные природные микро- и экзочаги чумы¹. В конечном итоге это привело при общем увеличении генетического разнообразия региональных штаммов *Y. pestis* к общему уменьшению частоты и масштабов происходивших эпидемических вспышек [Keller, Spyrou, 2019]. Лишь после начала в XII–XIII вв. активного основания новых городов и прокладки новых торговых трактов в эпидемическом процессе Европы стали играть важную роль вновь сформированные местные антропогенные очаги чумы. При этом стало фиксироваться генетическое выравнивание штаммов *Y. pestis*.

Совершенно иная эпидемиологическая картина складывалась даже в расположенных в Средиземноморье европейских городах. Большую роль здесь играли расположенные в Северной Африке и в глубине Евразийского континента различные виды природных очагов чумы. Причем, как и в случае с Европейским континентом, наиболее активные располагались либо близ горных хребтов (Урал, Кавказ, Карпаты, Атлас, Тянь-Шань и Алтай), либо вблизи крупных рек (Волги, Дуная, Нила, Тигра и Евфрата) [Носов, Оглодин, 2016; Eroshenko, Nosov, 2017; Rasmussen, Allentoft, 2015; Wang, Reinhold, 2019]. Большая территориальная разбросанность подобных природных образований на начальном этапе эпидемического процесса «Черной смерти» также проявилась

¹ В большинстве своем европейские вторичные природные микроочаги скорее всего располагались близ горных массивов (Гарц, Судеты, Альпы, Карпаты, Скандинавские и Лужицкие горы, Пиренеи). В то же время европейские вторичные экзочаги находились в районе дельты и междуречья крупнейших рек континента [Хайдаров, Долбин, 2018].

в сохранении в глубинах Евразийского континента генетического разнообразия среди штаммов *Y. pestis*¹.

Последовательная и прагматическая политика ханов Монгольской империи в середине XIII в. позволила через восстановление Великого шелкового пути обеспечить исчезнувшую с конца римских времен связность крупнейших городов с ареалами природных очагов чумы. Это, в свою очередь, позволило создать бесперебойное движение и быстрое проникновение различных средневековых штаммов чумы внутрь человеческих социумов. Однако говорить о масштабности происходивших в междупандемический период эпидемических вспышек чумы вплоть до начала Второй пандемии чумы явно не имеет смысла.

Последующее обострение эпидемической обстановки на Евразийском континенте, как предположили современные исследователи, не было бы возможным без резких изменений климата и возможного усиления в районах расположения природных очагов сейсмической активности [Коренберг, 2004; Попов, Безсмертный, 2013]. Однако масштабность человеческих жертв побуждает нас искать несколько иной фактор, предопределивший последующий «успех» «Черной смерти». С большей долей вероятности в качестве последнего мы склоняемся рассматривать, как в случае с «нулевой пандемией чумы» и «чумой Юстиниана», наступление масштабных климатических изменений («Малый ледниковый период») и длительное нахождение человеческих сообществ Евразии в условиях стресса. Правда, в случае с Западной Европой стрессовая ситуация возникла вследствие наступления в конце XIII в. масштабного экономического кризиса, усиления внутривосточной борьбы [Бродель, 2006, с. 92], возникшего в 1315–1320 гг. из-за резких климатических изменений «Великого голода» и «мора скота» [DeWitte, Slavin, 2013]. Для остальной части Евразии наступление стрессовой ситуации было обусловлено последовавшим вслед за завоевательными походами монголов массовым переселением племен и народов, а также обострившейся вследствие экспансионистской политики наследников Чингис-хана военно-политической обстановкой [Макнил, 2021; Радкау, 2014; Green, 2020].

¹ Согласно взглядам современного американского исследователя М. Грин, так на Кавказе и Поволжье мог проявлять свою активность штамм 1.ANT, в Месопотамии и Сирии — 2.ANT, в Средней Азии — 3.ANT и в Китае — 4.ANT. На сегодняшний день многие из них считаются вымершими. См.: [Green, 2018; Slavin, 2021].

Ярким примером обострения эпидемической ситуации накануне начала «*Черной смерти*» можно считать разразившуюся сразу же после осады в Багдаде войсками Хулагу-хана в 1258 г. крупную эпидемию. Современные американские исследователи Н. Фэнси и М. Грин, исходя из представленных в текстах арабо-мусульманских авторов понятий *waba* (эпидемия) и *ta'ūn* (чума), возникших во время «чумы Юстиниана», предположили чумную природу разразившегося бедствия. Исходя из этого, была предложена гипотеза багдадского происхождения последующей «*Черной смерти*» [Fancy, Green, 2021]. С подобными выводами мы согласиться не можем, так как ни в персидских, ни в русских, ни в византийских, ни в западноевропейских источниках нет указаний на другие эпидемические вспышки [Борисенко, Пасецкий, 1988: 266–267]. Поэтому, скорее всего, в Багдаде и было зафиксировано одно из первых локальных проявлений активного на начальном этапе «*Черной смерти*» ближневосточного штамма *Y. pestis* 2.ANT, впоследствии исчезнувшего.

Впрочем, ясность в определение природы происхождения багдадской эпидемии могут внести только дальнейшие палеогенетические исследования. Именно они и позволили в середине 2010-х гг. выдвинуть гипотезу начала «*Черной смерти*» на территории Улуса Джучи около 1270–1280-х гг. [Spyrou, Tukhbatova, 2016]. Однако, как и в случае с Багдадом, скорее всего, имело место локальное проявление чумной эпидемии, но в качестве возбудителя здесь выступил другой вымерший штамм чумной бактерии (1.ANT).

Исходя из представленной в средневековых источниках информации, мы склоняемся к предположению о поливариантном начале «*Черной смерти*». Поэтому, как и в случае предыдущих чумных пандемий, определенный исследовательский интерес будут представлять регионы с наименьшим расстоянием между различными природными очагами чумы, торговыми трактами и густонаселенными городами. На наш взгляд, наряду с традиционно принятым районом озера Иссык-Куль одним из самых перспективных будет выступать район Армянского нагорья. На это указывает как постоянная фиксация новых эпидемических очагов, так и близкое расположение крупнейших в регионе транспортных артерий, а также набравших в тот период на пространстве Великого шелкового пути вес двух развитых городских районов *Pax Mongolica* (Сарайской и Тебризской городских агломераций).

Поэтому не удивительна фиксация армянскими хронистами наиболее ранних (1320–1330-х гг.) и близко расположенных к Западной Европе эпидемических вспышек, развивавшихся на фоне «*сильного голода, мора, дрожи, нашествия варваров и саранчи, других многообразных бедствий*» [Colophons of Armenia manuscripts, 1969: 64, 68, 78–79]. Приведенные в текстах армянских колофонов названия городов и районов¹ указывают на возможное основное направление движения первой эпидемической волны «*Черной смерти*». Фактически речь шла о начале движения эпидемии чумы с территории, входивший в Улус Хулагу, на Ближний Восток (в сторону юго-запада). Однако если исходить из записей, сделанных в первой половине XV в. Фасихом аль-Хавафи — придворным хронистом сына Амира Тимура (Тамерлана) Шахруха, то можно предположить возможность и северного направления продвижения этой эпидемической волны через два-три года после ее начала [Хайдаров, 2017]. Поэтому перечисленные в текстах армянских колофонов эпидемические вспышки в 1321, 1329 и 1337 гг. могли иметь продолжение в «*землях Узбековых*» в 1324/25, 1332/33 или 1339/40 гг.

Подтверждением этому предположению служат указания в текстах хроники Иоганна Винтертурского и «*Истории Пармы*» доминиканца Джовани в качестве одной из причин похода в 1341 г. в Галицко-Волынское княжество и Польшу войск Узбек-хана на вспышку в районе Киликии крупной эпидемии двумя годами ранее [Хаутала, 2019: 693–756]. Косвенно свидетельствуют о более раннем начале эпидемии чумы приведенная в текстах армянских колофонов дата и описание первой осады Кафы в 1343/44 гг. [Colophons of Armenian manuscripts, 1969: 728–732; 737–738].

Все перечисленные факты не противоречат летописному указанию о начале в «*землях Узбековых*» «*въ лето 6849 (1341)*» мора [Полное собрание русских летописей, 1848: 188–189]. В то же время это несколько корректирует трактовку иссык-кульских событий 1338/39 гг. Если верить приведенным в труде американского автора Дж. Келли данным среднеазиатских источников, то продвижение эпидемии из района оз. Иссык-Куль было гораздо медленнее, чем это представляется современным исследователям. В период с 1340 по 1342 г. зараженными оказались города Баласагун, Талас и Самарканд, то есть расположенные всего в паре сотен

¹ Город Тарон близ оз. Ван — 1329 г., Киликия и Алеппо — 1337 г.

километров западнее этого озера [Kelly, 2005]. Согласно «Фасихову своду», только лишь в 1345 г. чума смогла достичь расположенного во владениях хана Узбека крупного ордынского центра — Ургенча (совр. Хорезм) [Фасих ал-Хавафи, 1980]. Исходя из приведенных фактов, мы можем говорить о том, что знаменитая эпидемическая вспышка в Кафе в 1346/47 гг., скорее, являлась не началом «*Черной смерти*», а наложением среднеазиатской эпидемической вспышки на уже активную с 1339/1340 г. в землях Улуса Джучи крупную эпидемию [Еманов, 2013; Хайдаров, 2018a]. Причем одним из возможных факторов этого события явилось возможное занесение на территорию Золотой Орды еще одного ныне вымершего штамма средневековой чумы (3.ANT).

Дальнейшее победное шествие чумы по Ближнему Востоку, Западной и Восточной Европе в 1347–1353 гг. достаточно хорошо освещено в историографии. Однако даже при столь пристальном внимании со стороны многочисленных исследователей вплоть до последнего времени оставалось довольно много нерешенных вопросов касательно масштабов разразившегося бедствия, основных векторов движения чумных волн, длительности протекания эпидемических вспышек и оценки численности потерь среди населения.

При анализе этих вопросов мы должны исходить из степени включенности территорий в хозяйственно-экономическую деятельность на пространстве Великого шелкового пути, уровня урбанизационных процессов, близости расположения локальных микро- и антропоургических очагов чумы. Именно поэтому место нижневолжских городов Улуса Джучи в дальнейшем распространении «*Черной смерти*» могло быть куда ниже, чем у игравших более значимую роль в развитии средиземноморского региона византийских, сирийских, египетских, персидских, ближневосточных или магрибских городов [Бродель, 2006: 306]. Собственно точек исхода и путей проникновения «*Черной смерти*» в Западную Европу, как и общего количества активных штаммов *Y. pestis* больше, чем принято считать. Именно этим и объясняется фиксация средневековыми арабскими летописцами до восьми различных форм эпидемий чумы [Хайдаров, 2018b].

Высокий темп распространения чумной эпидемии и ее масштабы во время эпидемической волны в 1347–1353 гг. достигались не только за счет скорости передвижения товаров и населения, но и путем взаимодействия уже европейских вторичных микро- и антропоургических

очагов заболевания. Исходя из этого, мы можем говорить, что во время «Черной смерти» эпидемический процесс скорее являлся переходной формой от эпизоотии к антропоценозу. Поэтому уровень смертности в Западной Европе оказался ниже, чем во время последующих пандемических вспышек чумы «*plague secunda*». Как было установлено в современных западных историко-демографических и палеоантропологических исследованиях, он мог достигнуть примерно 22% населения тогдашней Западной Европы (20–25 млн человек). В свою очередь, это согласуется с данными первого подсчета числа жертв эпидемии, проведенного по указанию папы Климента VI (23,84 млн человек или 31% населения) [Burgin, 2012]. Единых оценок в отношении демографических потерь в других регионах от «Черной смерти» в научных кругах не сложилось [Урланис, 2007; Martin, 2001; Naphy, Spicer, 2003].

Сравнительная оценка демографических потерь в различных частях Евразии во время «Черной смерти» показала наличие взаимосвязи между различными штаммами *Y. pestis* и местными сообществами людей. Следовательно, пиковые эпидемические показатели могли быть достигнуты в условиях максимальной адаптации чумной бактерии к геному проживающего на данный момент населения. Поэтому, скорее всего, средняя продолжительность одной эпидемической волны во времена Второй пандемии зачастую зависела от средней продолжительности жизни одного поколения людей в позднем Средневековье и Новом времени (30–40 лет). Исходя из этого, мы считаем, что хронологически собственно «Черная смерть» или первая пандемическая волна охватила период с 1320 по 1350-е гг. Если же брать уже упомянутый во времена «чумы Юстиниана» 500-летний период длительности пандемии чумы, то, по нашим подсчетам, в период между 1320–1790 гг. можно отметить протекание как минимум тринадцати повторных пандемических волн чумы¹. Под последними прежде всего следует понимать последовательный процесс охвата эпидемическими вспышками новых территорий для продолжения существования чумной бактерии. Именно завершение

¹ Вторая пандемическая волна — вторая половина 1350–1390/91 гг.; третья волна — начало 1390 — конец 1410-х гг.; четвертая — 1419 — начало 1450-х гг.; пятая — середина 1450 — середина 1480-х годов; шестая — конец 1480–1500 гг.; седьмая — 1510–1540 гг.; восьмая — 1540–1570 гг.; девятая — 1570–1600 гг., десятая — 1600–1640-е гг., одиннадцатая — 1640–1680-е гг., двенадцатая — 1680–1720-е гг., тринадцатая — 1720–1750-е гг., наконец, четырнадцатая волна — 1750–1790-е гг.

одной волны могло привести как к фактической замене старого штамма болезнетворного микроорганизма на новый, так и к смене экономических циклов вследствие массовой гибели населения. Это и было отмечено современными исследователями [Lingqvist, Tegel, Büntgen, 2018].

Начало второй пандемической волны «Черной смерти» (ок. 1360 г.) современные исследователи связывают конкретно с одним из географических регионов (Берген-оп-Зом, Франкфурт-на-Майне или Лаишево) [Spyrou, Keller, 2019]. Несколько иную картину представляют тексты письменных источников из других регионов Евразийского континента, согласно которым в районе 1356/57 гг. в расположенных на достаточно большом расстоянии друг от друга регионах было зафиксировано множество параллельных вспышек чумы¹.

На фоне произошедшей в 1350–1450-х гг. массовой миграции населения из городов в сельскую местность [Бродель, 2006: 306] стал наблюдаться ускоренный процесс эволюции чумы на принципиально новом уровне. Его отличительной чертой оказалось складывание более устойчивой связи между вторичными природными и антропоургическими очагами чумы, проявившейся в форме ускоренной коэволюции² *Y. pestis* и местных человеческих сообществ. Таким образом, мы можем говорить о формировании на афроевразийском пространстве целой системы взаимосвязанных друг с другом очагов или больших макроочагов чумы (окрестности Франкфурта-на-Майне — Берген-оп-Зом, Нижнее Поволжье — Волжская Булгария, Армянское нагорье — Тебриз, Цинхай-Тибетское нагорье — Хунань). Причем доминирующую роль в эпидемиологическом процессе «*plague secunda*» стали играть антропоургенные очаги и эктопаразиты. Это, в свою очередь, очень быстро отразилось на ускоренном занятии, вследствие массового вымирания населения, биологической ниши штамма *I.ANT*.

Об окончательном исчезновении указанного штамма, правда, речи не шло. Наоборот: там, где уровень урбанизации был не столь высок, в эпидемиологическом процессе сохранялась доминирующая роль при-

¹ Монлюсон (Франция), Ирландия, Гессен (Германия), Тебриз (Улус Хулагу — Персия), Хунань (Империя Юань). См.: [Макнил, 2021; Хайдаров, 2018а; Biraben, 1976; Slavin, 2021].

² Коэволюция — совместная эволюция биологических видов, взаимодействующих в экосистеме. Изменения, затрагивающие какие-либо признаки особей одного вида, приводят к изменениям у другого или других видов.

родных очагов чумы и, как следствие этого, могло наблюдаться параллельное хождение нескольких штаммов *Y. pestis*. Ярким примером выступают зафиксированные исследовательской группой Института истории человека (Йена, Германия) в захоронениях на территории Республики Татарстан (Лаишево, Булгар) остатки двух штаммов *Y. pestis* (*1.ANT* и *1B*) [Spyrou, Keller, 2019].

Начиная с середины XV в. наметился ускоренный переход к антропогенной фазе Второй пандемии чумы. Отмеченный французским историком Ф. Броделем возврат населения в города (1450–1550 гг.) [Бродель, 2006: 306] закрепил в эпидемическом процессе на всем пространстве Евразии доминирующую роль человека.

В условиях быстрого развития морских перевозок, городской и транспортной инфраструктуры в крупнейших городских агломерациях (Иstanbul, Антверпен, Лондон и др.) дальнейшее проявление чумных эпидемий стало приобретать уже в самом начале пандемический характер. Этому способствовала ухудшившаяся в районе 1430–1440 гг. климатическая обстановка (Малый ледниковый период — минимум Шпёра) [Camenisch, Keller, 2016; Eddy, 1976] и произошедший в конце XV — начале XVI вв. «Трансокеанский обмен» болезнетворными микроорганизмами между Старым и Новым светом [Макнил, 2021; Nunn, Nancy, 2010]. Таким образом, эпидемическая картина Нового времени стала представлять собой параллельное масштабное проявление сразу нескольких эпидемических заболеваний (чумы, оспы, тифа, сифилиса и т.п.) [Giffin, Lankapalli, 2020].

Заключение

Подводя итоги сказанного, хочется отметить, что многочисленные вспышки чумы фиксировались на протяжении всей истории человечества. Правда, до последнего времени все предположения относительно природы возбудителей крупных эпидемий прошлого носили исключительно умозрительный характер. Внедрение в 2010-х в исследовательскую практику при исследовании биологического материала из захоронений древности метода полимеразной цепной реакции (ПЦР) позволило определить чумную бактерию в качестве доминирующего вида возбудителя большинства крупных эпидемий древности. Фактически это при-

вело к реальному началу в исторической науке междисциплинарной «революции».

Одним из значимых научных результатов этого процесса явилось признание в эволюционном процессе *Y. pestis* природных очагов (резервуаров), расположенных на территории России. При этом практически все современные исследователи-гуманитарии вне зависимости от принадлежности к той или иной научно-исследовательской школе пришли к выводу о важной роли крупных эпидемий чумы в дальнейшем развитии человеческих социумов.

Исходя из опубликованных данных современных палеогенетических и эпидемиологических исследований, стало возможным проведение реконструкции дописьменного периода истории крупных эпидемий древности. В качестве исходной точки всех чумных эпидемий необходимо рассматривать процесс формирования в различных местах микро- и экзочагов *Y. pestis*. Различные природно-климатические условия поспособствовали дальнейшей эволюции и складыванию более вирулентных штаммов озвученного болезнетворного микроорганизма. Последующая активизация человеком своей хозяйственной деятельности в эпоху Неолитической революции и складывание крупных поселений на фоне резких климатических изменений, усиление миграционных процессов в степях Евразии, нахождение оседлого населения в условиях длительного стресса привели к первым масштабным вспышкам чумных эпидемий — «нулевой пандемии чумы».

Аналогичные процессы были зафиксированы во время остальных пандемий чумы. Правда, каждая последующая отличалась не только формой проявления, но и скоростью распространения. Если во время «нулевой пандемии», как предполагают современные палеогенетики, произошли вспышки легочной чумы, то в эпоху «чумы Юстиниана» была зафиксирована бубонная форма заболевания. Как и в случае с «нулевой пандемией», использование при изучении биологического материала из массовых погребений на территории России полимеразной цепной реакции (ПЦР) позволило ученым окончательно определиться не только с самой природой возбудителя Первой пандемии чумы, но и определить временной промежуток возникновения опасного для человека штамма бактерии *Y. pestis* (1690 г. до н.э.).

При этом важную роль во время «чумы Юстиниана» сыграло нахождение человеческих социумов в условиях длительного стресса, вызван-

ного массовым переселением кочевников, и последовательное развитие дорожной сети (Великого шелкового пути). Изучение письменных источников эпохи «чумы Юстиниана», а также палеогенетические исследования позволили говорить о специфических чертах раннего этапа любой пандемии чумы (параллельной активности сразу нескольких возбудителей эпидемических заболеваний и 500-летнем цикле протекания чумных пандемий).

Углубление палеогенетических исследований уже в ближайшее время позволит осветить один из интереснейших периодов в истории чумных эпидемий. Главным образом речь идет о межпандемическом периоде (IX–XIII вв.), когда в эпидемических процессах произошло постепенное возрастание роли человека и антропургических очагов чумы. Это подтверждают результаты палеогенетического анализа крупных захоронений периода «*Черной смерти*» и повторные вспышки чумы *plague secunda*. Полученные таким образом данные позволяют ученым с большой долей вероятности говорить о меньшей адаптивности к штамму «*Черной смерти*» у жителей Западной Европы. При этом письменные источники арабо-мусульманского мира свидетельствуют о преимущественно восточном происхождении данного бедствия. В этом смысле имевшие лучшую транспортную связность, более развитые и густонаселенные районы Евразии выглядят куда более перспективными в плане последующего изучения, чем аналогичные западноевропейские. Этого нельзя сказать о Новом времени. Вследствие более масштабной перестройки системы экономических отношений, наступившего в XV в. «*Малого ледникового периода*», выхода жителей Евразии за пределы континента именно быстрое складывание близ крупных городских агломераций больших макроочагов чумы стало влиять на последующее развитие эпидемической ситуации.

Выявленное в ходе анализа протекания Второй пандемии чумы на Евразийском континенте возрастание в эпидемическом процессе роли человека позволило нам выдвинуть предположение о поливариантном протекании этого бедствия, привязке активности *Y. pestis* к длительности человеческой жизни и хронологической последовательности протекания до конца XVIII в. 14 пандемических волн. Таким образом, мы можем говорить о том, что Вторая пандемия чумы сыграла немаловажную роль в истории обитавших на пространстве Евразии человеческих сообществ и государственных образований.

ГЛАВА 2

ЭПИДЕМИИ ЧУМЫ В ИСТОРИИ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

*Сколько храбрых всадников и сколько красивых,
целомудренных женщин погибло в долине 'Амваса.
Они встретились с Господом, но Он не был несправедлив к ним.
Когда они умерли, они были среди не обиженных людей в Раю.
Мы переносим чуму, как знает Господь, и утешились в час смерти...*
Ибн Асакир (ум. в 1175)

Нам неизвестно об эпидемиях в арабских землях в доисламское время. Арабские племена в то время жили в основном на Аравийском полуострове, где отдаленность от мировых экономических центров препятствовала распространению болезни. Но постепенно тяжелые климатические условия стали «выжимать» арабов на Север. По мнению ряда ученых, причины, которые «подтолкнули арабов выйти с оружием в руках далеко за пределы исконных мест обитания», кроются отнюдь не в особой воинственности ислама, тем более что «никогда больше арабы-мусульмане не предпринимали ничего подобного, а в резком изменении климата» [История халифата, 2002: 13]. К. Буцер, американский географ и эколог, объясняет выход арабов с территории Аравийского полуострова тем, что «на 591–640 гг. пришелся период резкого усиления засухливости, создавший критическое демографическое положение в Аравии, разрядившееся в арабских завоеваниях» [История халифата, 1993: 13].

К тому же развитие торговли потребовало освоения новых рынков. И лишь после того, как арабы перебрались на территорию нынешних Сирии, Иордании, Палестины и Ирака, где вступили в контакт с проживавшими там народами и стали пользоваться международными торговыми путями, они стали более уязвимы для подобных заболеваний.

Возникший халифат, обретя все атрибуты государственности, в том числе ведение хронологии, зафиксировал появление отдельных эпидемий. Правда, хроникеры не всегда были способны описать точные признаки того или иного заболевания.

Позднее описание чумы и даже методы борьбы с ней дали арабские врачи, хорошо знакомые с трудами медиков античного периода. Известно, что при дворе династии Аббасидов в Багдаде был создан Дом мудрости, в котором постепенно была собрана огромная по тем временам библиотека рукописей по различным отраслям науки, переведенных на арабский язык. Основная работа переводчиков развернулась в правление халифа ал-Ма-муна (813–833). Многие провинциальные правители последовали примеру халифа и также стали создавать свои библиотеки, благодаря чему в халифате шел обмен научными знаниями. В 1258 г. пришедшие на Ближний Восток монголы уничтожили багдадское собрание рукописей, однако то, что многие древние труды были переведены на арабский язык, позволило сохранить труды античных медиков для последующих поколений.

В VI в. впервые в истории была зафиксирована эпидемия, которая получила известность как Юстинианова чума, названная по имени правившего в тот период императора Восточной Римской империи. Ее рецидивы поразили разные страны. Та, что распространилась на Ближний Восток, началась в Пелузии (близ современного Суэца)¹ в 541 г. н. э., затем пошла на запад до Александрии и на юго-восток до Палестины, прежде чем достичь византийской столицы Константинополя. Одновременно она поразила Европу. Как отмечал византийский историк Прокопий² около 570 г., Юстинианова чума повторялась в течение девяти-двенадцати циклов на протяжении середины VI и VII вв. За полстолетия она охватила Азию и Европу и унесла за это время более 100 млн жизней³.

Любопытно отметить, что подобные эпидемии практически всегда возникали на фоне изменений климата, засухи или наводнений, которые приводили к неурожаю и голоду. В частности, в 536 г. началось похо-

¹ Город-крепость Пелузия находился в Нижнем Египте, в 30 км юго-восточнее нынешнего Порт-Саида, в дельте Нила, на самом восточном из его рукавов.

² Прокопий Кесарийский — придворный историк, заразился чумой, но затем выздоровел в 542 г.

³ Рецидивы фиксировались по прошествии десятков и даже сотен лет. Так, последний всплеск Юстиниановой чумы был зафиксирован в 775 г., через два с лишним столетия после главных и самых страшных событий.

лодание, которое современные ученые (в 2015 г.) квалифицировали как начало позднеантичного ледникового периода, продлившегося до 660 г. н. э. [Sigl, Winstrup, 2015: 543–549]. Большинство источников сходятся во мнении, что появлению чумы на Ближнем Востоке способствовали купцы, возившие товары с Востока, например, из Египта, который с древности обладал крупномасштабным сельским хозяйством, в Византию, поставляли туда пшеницу и ячмень, которую дальше развозили по разным странам.

Доподлинно известно, что в 638–639 гг. византийскую провинцию Сирия поразила эпидемия бубонной чумы¹, впоследствии ставшая известной как чума ‘Амваса (عمواس طاعون), названная так по наименованию палестинской деревни, где она была зафиксирована. Это произошло во времена правления второго Праведного халифа Умара². В 636 г. арабы одержали победу над персами в битве при Кадисии, которая ознаменовала начало исламизации Ирана. К 638 г. уже была завоевана значительная часть византийских земель, в том числе Дамаск (634) и большинство городов южной Сирии. 20 августа 636 г. арабы разбили вдвое превышавшее их по численности византийское войско в битве у р. Ярмук. Известно, что византийцам, в отличие от сплоченных религиозным духом арабов, мешало соперничество между командирами. Кроме того, Византия была истощена войной с Персией. Поздние историки отмечают, что Византия к этому времени пережила несколько эпидемий, что не могло не сказаться на состоянии ее армии. После поражения византийцев при р. Ярмук Сирия перешла в руки мусульман, но в 638 г. наступление арабских войск на византийские земли пришлось остановить.

Мусульманские отряды расположились лагерем в деревне ‘Амвас на зимовку, так как в зимнее время они обычно не воевали. Именно здесь их настигла смертоносная болезнь. Естественно, что воины пребывали в замешательстве, так как в подобной ситуации они оказались впервые. Одни предлагали срочно покинуть деревню, другие увидели в случившемся недобрый знак.

Петербургский востоковед О. Г. Большаков считает, что «чума, видимо, была спровоцирована неурожаем, так как в то же время в Аравии не выпали зимние и весенние дожди, остатки старой травы сгорели под

¹ Слово чума, по-арабски طاعون (ta'oun), означает «жало копья духов».

² Абу Хафс Умар ибн аль-Хаттаб (590–644) — один из ближайших сподвижников пророка Мухаммеда, второй Праведный халиф (634–644).

палящими лучами солнца и мертвые степи лежали, словно присыпанные пеплом, отчего и год получил прозвание “год пепла”» [Большаков, 2021]. В Коране¹ об эпидемии чумы нет ни слова. Однако в хадисах — сборнике преданий и речений пророка Мухаммада, записанных со слов его родственников и приближенных, есть информация, свидетельствующая о том, что это заболевание пророку и людям из его окружения было известно.

Так, со слов Айши, жены пророка, известно, что он сказал: «Чума — это наказание, которое Аллах насылает на кого пожелает, [однако] для верующих Аллах сделал [чуму] милостью, ибо любой (из них), кто останется на своей земле, когда там начнется чума, и будет проявлять терпение, надеясь на награду Аллаха, [должен] помнить, что поразить его может лишь predetermined ему Аллахом...»² [Аль-Бухари, 2003: 546]. Уже скоро чума сгубила многих воинов в ‘Амвасе. Понимая сложность ситуации, халиф Умар решил отозвать в Медину командующего Абу Убайду³. Но военачальник догадался, что халиф хочет спасти его от смерти, и решил остаться с войском. Дело в том, что Абу Убайда был одним из самых уважаемых соратников покойного пророка.

Согласно одному из основных повествований исламских традиционных источников, Умар встретился с армейскими командирами в местечке Сарг (тринадцать дней пути к северу от Медины). Встреча завершилась тем, что Умар послал к Абу Убайде гонца с приказом увести армию из зараженной деревни. Абу Убайда собрал остатки армии и направился к высокогорному району Хауран, известному своим более здоровым климатом. Но по дороге Абу Убайда скончался. Вслед за ним умерли две его жены, сын и многие воины.

Считается, что от чумы в ‘Амвасе скончалось больше половины армии — около 20 тыс. воинов, в том числе их командиры⁴. В тот год эпи-

¹ Окончательная редакция Корана была сделана в 631 г. после смерти пророка Мухаммада.

² Хадис №1386 (3474).

³ Абу Убайда ибн аль-Джарраа (583–638) — один из ближайших сподвижников пророка Мухаммада, известный полководец. Возглавлял арабские армии при покорении Сирии и Палестины в 634–638 гг.

⁴ В то время воинов обычно сопровождали их семьи. Для понимания уровня потерь следует обратить внимание на то, что в сражении с византийцами при р. Ярмук арабы потеряли 3 тыс. человек. Лечение чумы не было эффективным: оно сводилось к кровопусканию, прижиганию, обмыванию тела дегтем и поджогу любого подозрительного объекта. Правда, арабы воспринимали чуму как факт неизбежного божественного предопределения, а смерть — как способ попасть в небесный рай.

демия унесла жизни от 25 до 70 тыс. мусульман. Среди погибших были сподвижники пророка и военачальники. В 640 г. от чумы умер назначенный Умаром наместник Сирии Язид ибн Аби Суфьян¹, старший брат Муавии ибн Аби Суфьяна, который позднее стал халифом и основателем династии Омейядов. Назначение Муавии ибн Аби Суфьяна губернатором Сирии после смерти командиров проложило путь к возвышению рода Омейя. В 661 г. сепаратизм сирийского наместника обозначил начало процесса обособления провинций, в конце концов приведшего к распаду халифата в 750 г.

Сложившаяся после чумы ситуация привела к депопуляции сельской местности, способствовала переселению арабов в города. В то же время многие сирийские христиане спешили вслед за византийскими войсками в Константинополь. Миграция была вызвана прежде всего бегством от чумы. Что касается арабов, то их выселение из Аравии в процессе завоеваний было невелико. По мнению петербургского востоковеда О. Г. Большакова, «в Сирию и Палестину вышло не более 20–25 тыс. человек, а в Ирак — около 16 тыс.» [Очерки истории... 1982: 158]. В дальнейшем частые рецидивы болезни продолжали подрывать естественный прирост населения в Сирии, Палестине, центре халифата Омейядов и ослабляли их власть. Чума не оставила Сирию в покое и в 750 г., когда на фоне очередной вспышки болезни происходило падение династии Омейядов.

Тяжелые потери коренного христианского населения и возросшая эмиграция из Сирии в результате чумы 'Амваса были факторами, способствовавшими росту процесса заселения Сирии арабами и их проникновению в местное общество во время правления династии Омейядов. По мнению историка ближневосточной медицины Л. И. Конрада, «арабы, полагаясь на доходы от подушного налога, собираемого с неарабов в завоеванных регионах, возможно, не намеревались заселять Сирию, но после эпидемии чумы они были вынуждены вновь заселить опустевшую местность. Политика расселения арабских племен на этой территории оказалась исключительной. В других завоеванных областях, таких как Ирак, ранние арабские поселения были в основном ограничены недавно построенными гарнизонными городами» [Conrad, 1981: 39–40]. Тем не менее уже в 640 г. арабы после

¹ Не путать с Язидом ибн Муавией, вторым халифом Омейядов.

долгой осады Кесарии завершили завоевание Палестины. На средиземноморском побережье под контроль мусульман перешли города Сидон (Сайда), Тир (Сур), Библ (Джебейль) и Бейрут, а затем они покорили Триполи (Тарабулус) и Аскалон.

Чума еще много раз посещала Ближний Восток. В конце концов выработалась традиция «избегания» (الإبطال), в основе которой лежит практика отказа от контактов с заболевшими людьми или непосещения территорий, где закрепилась болезнь. В одном из хадисов сказано: «Эта эпидемия (чума и т. п.) — скверна, или наказание, которое Аллах послал на сынов Израилевых или тех, которые были до вас. Если вы услышите, что чума [распространилась в какой-нибудь] земле, не приезжайте туда, если же она распространится на той земле, где вы находитесь, не покидайте [этой] земли» [Аль-Бухари, 2003: 546]. Принципы, выведенные из подобных высказываний пророка, цитировались в дебатах о предопределении и свободе воли, отказах от бегства или проникновения в зараженные чумой земли.

Известно, что этого принципа придерживались и османы. Так, Ожье Гислен де Бусбек¹, посланник Священной Римской империи в Стамбуле в период правления султана Сулеймана, обратился к великому визирю Рустему-паше с просьбой предоставить ему другое помещение, т.к. в его доме уже есть заболевший чумой человек. Со слов великого визиря, султан Сулейман ответил, что чума — «стрела Всевышнего, которая бьет точно в цель. И ничего от нее не спасет, если Аллах решит его этой стрелой поразить». Он также добавил, что даже в Топкапы (во дворце султана) есть заболевшие, тем не менее султан остался на своем месте. Следовательно, посол должен поступить так же [Busbeck, 2010: 38]. Пытаясь противостоять болезни, мусульмане, так же как и христиане, при первых же признаках начала эпидемии собирались на коллективные молитвы. Иногда заболевших было так много, что их не успевали хоронить. В Дамаске иногда трупы складывали в Большой мечети, прежде чем отвезти их к месту погребения.

Естественно, что не все мусульмане могли создать условия, позволяющие здоровым членам семьи изолироваться от больных. Но халифы династии Омейядов решили эту проблему, отказавшись от постройки

¹ Ожье Гислен де Бусбек (1522–1592) — фламандский ученый-энциклопедист, дипломат и писатель. Находился в Османской империи с 1556 по 1563 г. в качестве посланника Священной Римской империи.

своей резиденции в Дамаске. Вернее, сначала был построен дворец (по словам византийского посла, «похожий на голубятню»¹) в центре города рядом с базарами². Но после того, как стало ясно, что именно в толчее базаров легче всего заразиться этой страшной болезнью, халиф стал вывозить свое семейство в пустыню, где под черными шатрами было гораздо безопаснее.

Через некоторое время правящая династия обзавелась небольшими замками (которые можно назвать коттеджами или охотничьими домиками), находившимися в оазисах. Таковым был Каср аль-Хейр аш-Шарки к северо-востоку от Пальмиры и Каср аль-Хейр аль-Гарби (постр. в 727 г.) недалеко от Хомса. Халиф аль-Валид ибн Абд аль-Малик (705–715) построил себе резиденцию в 115 км к юго-востоку от Дамаска, Хишам Абд аль-Малик (723–743) построил целых четыре дворца в районе Русафы [Syrie, 1993: 176–177]. Именно в эти резиденции удалялись халифы на время эпидемии. А когда государственные дела требовали присутствия халифа в столице, он запирался в цитадели Дамаска. По мнению большинства ученых, пандемия, уничтожившая, по разным оценкам, от 33 до 60% населения Средиземноморья, стала печальным итогом эпохи античного мира [Денисенков, 2020].

Чума продолжала свирепствовать на Ближнем Востоке вплоть до 763 г., когда она достигла Багдада, новой столицы, основанной всего за два года до этой даты. Затем таинственным образом исчезла. Исчезновение чумы было зафиксировано в популярном в то время анекдоте, записанном арабскими летописцами: выступая на публике в Дамаске, аббасидский чиновник заявил, что ее исчезновение должно рассматриваться как «знак божественной милости» по отношению к правящей династии, так как чума исчезла с тех пор, как Аббасиды пришли к власти. Услышав это, один из присутствующих, сторонник свергнутых Омейядов, ответил ему (с иронией и долей мужества), что Аллах, обладающий двумя язвами для наказания людей, соизволил «по своей доброте» заменить чуму Аббасидами [Biraben, 1979].

¹ О.Г. Большаков пишет, что неприязнительность дворца Муавии «вызвала ехидные замечания византийского посла». См. [Очерки истории арабской культуры V–XV вв., 1982: 170].

² На месте дворца сейчас расположен Сук Сага — серебряные ряды знаменитого рынка Хамедия.

«Черная смерть» XIV–XV вв.

Вторая пандемия, получившая название Черная смерть, пришла в XIV в. Ни одно государство Средиземноморья ее не избежало. Вероятно, это была та же бубонная чума, проявлявшаяся в виде небольших опухлей и фурункулов в подмышечной и паховой области, а также за ушами. Кожа вокруг приобретала нездоровый цвет — зеленовато-черный. Затем опухоль изъязвлялась, рану от нее современники сравнивали с раной от удара копьём.

Пандемия продлилась долго. В течение почти пяти столетий она то затухала, то возвращалась. За это время в мире погибло около 40 млн человек [Ганин, 2006]. Так же, как и в случае чумы ‘Амбаса, эпидемии предшествовали различные климатические изменения. В 1010–1011 гг. низовье Нила покрылось льдом [Современное межледниковье..., 2021]. В 1326 г. замерзло все Средиземное море [В 1326 г...., 2006]. Именно этот период климатологи называют началом Малого ледникового периода. По мнению специалистов, это было связано с замедлением течения Гольфстрима, которое произошло около 1300 г. Прямым следствием первой фазы этого ледникового периода стал массовый голод первой половины XIV в. [Малый ледниковый период, 2021]. В этот период наблюдалась пониженная солнечная активность. Ряд ученых связывают резкое похолодание, начавшееся в XIV в., с активностью вулканов, во время извержения которых магма в виде раскаленного жидкого вещества стремительно выходит наружу. Одновременно в атмосферу выбрасываются частички этого вещества, создающие препятствие для проникновения солнечного света, что приводит к похолоданию.

Естественно, что подобный климатический катаклизм негативно сказывался на жизнедеятельности людей, прежде всего на сельском хозяйстве. Разразился страшный голод, в результате которого только за период с 1315 по 1317 г. в Европе вымерла почти четверть населения [Рудевич, 2015]. Глобальные климатические изменения затронули Азию и Ближний Восток. В 20-е гг. XIV в. после продолжительной засухи и нашествия саранчи в Азии начались проливные дожди, которые сопровождались ураганным ветром. Это привело к массовой миграции грызунов — переносчиков инфекций, которые в поисках пропитания стали селиться ближе к людям. Исследователи выяснили, что эпидемия чумы

началась в районе пустыни Гоби, где у тарбаганов (монгольские сурки¹) изначально возникла эпизоотия, или массовое распространение инфекционной болезни среди одного или многих видов животных на определенной территории². Переносчиком чумной палочки была блоха, обитавшая в шерсти крыс, которые являются природным резервуаром возбудителя чумы. Постепенно крысы освоили большую территорию, и эпизоотия превратилась в эпидемию, став из болезни животных смертельно опасным заболеванием для людей³.

Из Азии торговыми путями, в том числе и на кораблях, они попали на Ближний Восток и в Европу. В Египте сильнейшая эпидемия чумы случилась в 1347 г. Считается, что чума пришла морским путем в Александрию, откуда она распространилась по Северному Египту. Авторитетный египетский историк Аль-Макризи⁴ сообщил подробности о прибытии корабля из Константинополя, на котором из 32 купцов и 300 человек корабельной команды и рабов в живых остались лишь 40 моряков, 4 купца и один раб, «каковые умерли тут же в порту» [Черная смерть, 2021]. Вместе с ними, отмечает Макризи, в город пришла чума, и далее, поднимаясь по Нилу, достигла Асуана, опустошая по дороге страну. В дальнейшем продвижении на юг неодолимой преградой для чумных крыс и блох стала пустыня Сахара [Черная смерть, 2021]. Ученые объясняют

¹ Монгольское название чумы — «тарбагане-убучи».

² Когда блоха кусает больное животное, в ее организм попадают бактерии, которые в организме блохи начинают усиленно размножаться и в итоге забивают блохе проход из пищевода в желудок. Блоха все время испытывает чувство голода и, чтобы насытиться, атакует все новые жертвы. При укусе она, пытаясь освободиться от бактериальной пробки, отрыгивает в ранку сгусток бактерий, занося в кровь животного или человека чумную бактерию. [См. История чумы. Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/mag/823-plague> (дата обращения: 05.08.2021)].

³ Грызуны являются природным резервуаром возбудителя чумы. От «хозяев» чумной палочки (тарбаганов, сурков) человек может заразиться непосредственно при разделке туш животных и через «посредников» — блох. Несмотря на рекомендации врачей, местное население не только охотится на этих животных с целью получить мех, но и употребляет их мясо в пищу.

⁴ Таки ад-Дин Абуль-Аббас Ахмад ибн Али аль-Макризи (1364–1442) — египетский историк и географ периода мамлюков. И. Ю. Крачковский считал его одним из крупнейших средневековых историков «не столько в связи с точностью его сообщений, которая не всегда безупречна, сколько по своему неустанному прилежанию, далеко идущим интересам и большой внимательности к социальной и демографической стороне истории».

этот феномен тем, что крысиные блохи, передающие чумную бактерию, при температуре выше 20 градусов перестают размножаться и быстро умирают, если влажность падает ниже 70% [Shoshan, 1981].

Макризи дал вполне компетентное сообщение об источнике чумы. Он пишет, что первоначально она возникла «в шести месяцах пути от Табриза... в землях Великого хана. Далее она прошла через земли, поклонявшихся Огню, Солнцу и Луне, кара-хитаев (так в тексте — авт.) и монголов... Языческие племена, общим числом более трех сотен, пали без видимых причин в своих летних и зимних стойбищах в ходе выпаса своих стад и во время сезонных миграций... Их поселения обезлюдели, а люди и животные были брошены там, где они упали... Как только зловоние и смрад достигали городов, шатров или местности и это вдыхал человек или животное, они обязательно умирали» [Dols, 1977: 243–244].

В этот период в Египте и Сирии правила династия мамлюков. Во главе государства стоял Аль-Музаффар Хаджжи¹ из династии мамлюков-бахритов², который в силу своего возраста — ему было 14 лет — предпочитал игру в поло и забавы с голубями. Султан откровенно пренебрегал своими обязанностями. Казна была пуста. В конце концов мамлюкские эмиры восстали и свергли султана аль-Музаффара, посадив на трон его брата аль-Хасана ан-Насира, которому исполнилось 11 лет. Группа эмиров взяла на себя управление страной и для пополнения казны перепродавала черкесских рабов, приобретенных предыдущим султаном.

Начавшаяся эпидемия чумы буквально косила население Каира, крупнейшего города Средиземноморья. Из-за недостаточных разливов Нила и последовавшего голода население было ослаблено, и это способствовало быстрому распространению болезни. Ее жертвами, по неточным подсчетам, стала треть населения города — почти 200 тыс. человек. Каирская больница аль-Мансури, рассчитанная на 8 тыс. пациентов, была переполнена [Dols, 1977: 176]. Грязь, нищета, скученность населения, отсут-

¹ Аль-Музаффар Хаджжи (1331 — декабрь 1347), шестой сын султана ан-Насира Мухаммеда (1280–1342), который заставил мамлюкских эмиров поклясться в том, что его потомки будут править Египтом. Восемь его сыновей и четверо внуков правили Египтом до 1382 г.

² Мамлюки-бахриты — черкесские мамлюки-гвардейцы Салах ад-дина и мамлюки-черкесы из полка Салихия. Название — бахриты — получили по месту расквартирования на о. Равда на Ниле (местное название Нила — Бахр, т. е. «море»). Мамлюки правили Египтом с 1250 до 1382 г.

ствие элементарных гигиенических знаний и были причинами распространения этого заболевания. Из-за того, что некому было убрать тела умерших, некоторые кварталы города были покинуты, и оставшиеся в живых не возвращались в свои жилища несколько лет...

В городах пустыли базары. Закрылись бани, мыловарни, текстильные мастерские. За амбарами, где хранилось зерно, никто не следил... Ремесленники не могли сбыть свой товар. В поисках заработка некоторые из них были вынуждены заняться более опасным делом — обработкой трупов по законам шариата, их вывозом и захоронением. Другие продавали имущество умерших вплоть до белья, не подозревая, что таким образом они способствуют распространению болезни. Интеллектуальная жизнь замерла, книги продавались по заниженной стоимости. Закрылись популярные кофейни — *ан-нафара*, где мужчины традиционно курили кальяны под звуки голоса сказителя, рассказывавшего о подвигах пророка и его сподвижников. Одновременно поднялась цена на воду и зерно, ибо заметно уменьшилось число водоносов, да и верблюдов — основной тягловой силы — в Каире стало значительно меньше. Ухудшилась и криминальная обстановка, было много нищих и голодных людей, а родственники и соседи присваивали имущество умерших.

В 1348 г. чума уже распространилась по всей дельте Нила. В городе Асьюте (в среднем течении Нила), где до эпидемии проживало 6 тыс. жителей, уже к концу года в дафтерах (налоговых ведомостях) было зафиксировано всего 116 человек. Затем чума пришла в Палестину и далее повторила маршрут первой эпидемии VII в. В целом эта эпидемия сократила примерно на треть общую численность населения Египта и Сирии, но мамлюкской элиты она практически не коснулась¹ [Somer, Ducène]. Начиная с Алеппо и Антиохии, куда эпидемия пришла в последних числах июля 1348 г., чума стала распространяться на север и северо-запад по всей Анатолии, в 1349 г. добралась до Ирака, захватив Мосул, Багдад и Басру. Впрочем, в Византии чума уже давно собирала жатву. Об этом свидетельствуют многочисленные церковные хроники.

Считается, что в Сирии рецидивы чумы случались 23 раза, причем 18 из них были особенно тяжелыми. Впрочем, надо иметь в виду, что

¹ Возможно, это было связано с тем, что «мамлюки практически не смешивались с местным населением. Они могли жениться только на женщинах того же этнического происхождения, что и они, а их сыновья, родившись свободными, не могли стать мамлюками».

хроникеры, описывающие события, иногда путали чуму и другие болезни, которые также посещали Ближний Восток [Shoshan, 1981]. В последующие годы Черная смерть возникала снова и снова. Из-за недостаточных разливов Нила в городах Египта свирепствовал голод, добавлявший страданий людям. Огромная смертность привела к ужасающей бедности, ирригационная система разрушилась, мельницы не работали, пекарни опустели. Крестьяне в поисках спасения от эпидемии уходили в города, бросая свои жилища и поля. Но город с его высокой концентрацией населения делал египтян более легкой добычей для эпидемии. Естественно, что недоедание и снижение физической сопротивляемости человеческого организма обуславливали размах того бедствия, которое обрушилось на Египет.

Подобная ситуация наблюдалась повсеместно. В 1434 г. Бертрандон де ла Брокьер (1400–1459), европейский путешественник¹, автор книги «*Le Voyage d'Outre-Mer*» описал районы в Сирии как «пустынные», а венецианские послы, побывавшие в Сирии в примерно в то же время, сообщили о «почти заброшенном сельском хозяйстве» [Черная смерть на Ближнем Востоке, 2021]. Действительно, в сельской местности не осталось людей, которые могли бы собирать урожай. Экономические последствия эпидемии были огромными. Убыль населения привела к сокращению численности оседлых земледельцев, а также к снижению налоговых поступлений в казну султана.

Согласно сведениям, оставленным арабскими хроникерами, власти не принимали каких-либо действенных мер для запрещения или ограничения мобильности населения во время эпидемии. В Египте крестьяне не должны были покидать свои деревни без разрешения своего господина. Но в большинстве мест этот запрет нарушался, потому что люди предполагали, что именно в городе они найдут целителей. Некоторые районы Верхнего Египта, особенно Нубия, пострадали в 1403 г., когда эпидемия чумы происходила на фоне катастрофических наводнений Нила и набегов бедуинов.

Много информации об эпидемии средневековой чумы содержится в сочинениях арабо-мусульманских хронистов. Однако все оценки возникших эпидемий носят ярко выраженный эмоциональный характер,

¹ На самом деле он был шпионом бургундского герцога Филиппа Доброго (1396–1467).

а их причины рассматриваются исключительно с точки зрения религии. Надеясь смягчить гнев Аллаха, юный султан Хасан приказал построить новую мечеть¹, на тот момент крупнейшую в мире (позднее она получила его имя). Средства на ее строительство были собраны за счет налогов, пожертвований, а также наследства умерших, так как согласно Шариату при отсутствии наследников собственность умерших автоматически переходила в казну. Был построен целый комплекс зданий, включая медресе и грандиозную гробницу. Начатое в 1356 г. строительство было завершено через пять лет, однако незадолго до его завершения один из минаретов рухнул, что было истолковано как дурное предзнаменование для правителя. Так попытки умиловить Аллаха и прогнать Черную смерть не увенчались успехом, да и султана его набожность не уберегла: он погиб в результате дворцового заговора.

Арабский историк Аль-Макризи, будучи уроженцем Каира и очевидцем эпидемии, случившейся в Египте, писал: «Каир стал похож на пустыню, в городе невозможно встретить людей. Можно пройти от ворот Баб аль-Зувейла² до ворот Баб аль-Наср, не встретив ни души. Мертвых так много, что живых не найти. На улицах горы мусора, лица у людей смурные, доносятся плач и стон; нет ни одного дома, где бы не оплакивали умерших. Трупы уже складывают вдоль улиц, похоронные повозки сталкиваются друг с другом, мертвецов скидывают в могилы второпях» [История Африки в древних..., 1990]. По его словам, ежедневно умирало свыше тысячи человек.

Мусульманские теологи рассматривали чуму как наказание от Бога, если она была нацелена на не мусульманина. Однако если болезнь настигла правоверного, то это рассматривалось как знак благосклонности Аллаха, который хотел наградить набожного мусульманина смертью «шахида»³, который непременно попадет в рай. Считалось, что заболевший чумой таким образом искупает свои грехи уже при жизни. Вероятно, на основе этой точки зрения формировалось официальное отношение к пандемии, что объясняет, почему власти не принимали никаких мер для предотвращения ее распространения.

¹ Любопытно, что при возведении здания использовалась облицовка, демонтированная с пирамид Гизы.

² Ворота Баб Зувейла были построены в X в. Во времена династии мамлюков здесь совершались казни.

³ К шахидам относились те, кто испытал мучения перед смертью.

Так, со слов Ибн Баттуты¹, жившего в 1348 г. в Алеппо, мы знаем о том, что как только болезнь стала распространяться среди жителей города, «малик ал-умара, наместник султана Аргуша, приказал глашатаям объявить жителям Дамаска о том, что они должны поститься три дня, последним из них был четверг. И вот в этот день амиры, знатные люди города, кади, факихи, представители других слоев населения, все без исключения, стали собираться в мечети, пока не заполнили их до отказа. Ночь с четверга на пятницу они провели здесь в молитвах, все они пешком, амиры тоже, держа в руках Коран, направились к масжид ал-Акдам. К ним присоединилось все население города — мужчины и женщины, взрослые и дети. Евреи шли, держа в руках Талмуд, христиане — Евангелие. С ними шли их жены и дети, все они шли со слезами на глазах, смиренно моля Господа через ниспосланных им Его посланников и книги. Собравшись у мечети, они в молитвах и богослужении провели весь день и только к вечеру возвратились в город на пятничную молитву. Аллах Великий и Всемогуший услышал их молитвы: количество умерших за один день не превысило двух тысяч, тогда как в Каире и в Старом Каире число умерших за один день достигало двадцати четырех тысяч» (цит. по [Тизенгаузен, 1884: 137–138]).

В Аравию в 1348–1349 гг. чуму привезли паломники из Египта, после чего Джидда и Мекка были сильно опустошены. Спустя два года, в 1351 г., вспышка чумы произошла в Йемене. В арабских хрониках Аравийского полуострова эпидемии упоминаются столь же часто, как и нападения саранчи, обрушивающейся на посевы. Чума, но чаще оспа и холера, обычно попадали на Аравийский полуостров через порты Персидского залива. Эти болезни привозили не только паломники, но и купцы. Описывая эпидемии, случившиеся в Египте, авторы, как правило, путают бубонную и легочную чуму. Но в основном это была эпидемия бубонной чумы, ибо она поражала свидетелей своими внешними признаками.

Большинство эпидемий возникали весной или в ноябре-январе: бубонная чума возникала весной, в то время как легочная чума появлялась зимой. Описывая бубонную чуму, летописцы отмечали быстротечность заболевания. Сами бубоны бывали размером «с персик» [Shoshan, 1981].

¹ Ибн Баттута (1304–1377) — путешественник, посетивший все страны исламского мира, автор книги «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий».

Свидетели констатировали, что заболевшие умирали через 3–5 дней. Что касается легочной формы чумы, то она сопровождалась лихорадкой, мокротой и развивалась еще быстрее. Лихорадка, кашель и боль в груди упоминаются при чуме в 1403 г. Те, кто оставил свидетельства о чуме 1403–1404 гг., отмечали, что люди умирали так быстро, что «падали друг на друга на улицах». Позднее в отчете о чуме за 1460 г. было отмечено, что 99% заболевших погибло [Ibn Taghri Birdi, 1972: 140–144].

Арабская медицина в тот период еще не знала, как лечить инфекционные болезни. Поэтому причины подобных заболеваний, изложенные знаменитыми врачами древности, с точки зрения современной науки выглядят абсолютно фантастическими. Однако Ибн Сина/Авиценна¹ в своем труде «Канон врачебной науки» писал, что этой болезни предшествует «появление на поверхности живущих под землей животных (мышей и других мелких зверьков)» [Ибн Сина, 1982: 26]. Действительно, современные ученые доказали, что именно грызуны являются переносчиками заболевания.

Позднее сириец Ибн аль-Варди² написал трактат «Весть о чуме», в котором он описал путь проникновения болезни на Ближний Восток, а также методы лечения. Предлагалось делать кровопускание (إزالة الدماء), окуривание (التبخير), использование так называемой «армянской» глины из Каппадокии, употреблять черный тмин и мед, а бубоны окуривать ладаном. Карантин, который в условиях эпидемии логичен и неизбежен (к тому же к нему призывал ряд высказываний самого пророка), в тот период был мало кому доступен. Люди жили чрезвычайно скученно. Вслед за христианами, которые стали прибегать к contagiозной магии (целовать иконы, носить при себе частички мощей святых и т. д.), мусульмане вешали на шею кожаный мешочек, где хранили листочки с переписанными из Корана аятами, которые должны были помочь предотвратить болезнь.

Последующие рецидивы чумы заставили мусульманских врачей обобщить опыт и создать целый список мер для лечения заболевания. Этот список представлен в трудах Ибн Хаджара аль-Аскаляни (1372–1449), где упоминается специальная диета, рекомендации по борьбе

¹ Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хасан ибн Али ибн Сина (980–1037) – средневековый персидский ученый, философ и врач.

² Ибн аль-Варди Сирадждин Абу Хафс Омар (1290 — 1349) — географ и историк. Умер от чумы.

с вшами, а также запрет на использование мяса заболевших животных. Был рекомендован и карантин (الحجر الصحي — *хаджар сиххи*). Для подтверждения важности этой рекомендации использовался опыт чумы VII в., подкрепленный хадисами, а также высказывания пророка. Лекари успокаивали больных словами: «того, кому Аллах желает добра, Он подвергает испытаниям» [Аль-Бухари, 2003, хадис №1859 (5645): 751] или «каждый мусульманин, умерший от чумы, является шахидом» [Аль-Бухари, 2003, хадис №1880 (5732): 758], т. е. человеком, который обязательно попадет в рай.

После 1349 г. чума в арабских землях не исчезла и повторялась регулярно. Согласно сохранившейся информации, только за период между 1347 и 1517 гг. в Египте чума была зафиксирована 28 раз¹ [Dols, 1977: 221]. Дата — 1517 г. — взята не случайно: в этот год произошло покорение Египта Османской империей. Таким образом, можно констатировать, что чума способствовала завоеванию страны турками. 22 января 1517 г. армия мамлюков была разгромлена османскими войсками в сражении при Ридванийи под стенами Каира, после чего Египет стал османской провинцией (вилаятом). И далее турки распространили свою власть на Сирию и Палестину. Еще раньше — в 1453 г. — прекратила свое существование Византия, а Константинополь превратился в Стамбул, столицу Османской империи.

Противник, с которым Византия столкнулась еще в XIV в., был гораздо страшнее гражданских войн, набегов кочевников и мусульман. Французский исследователь Г. Вит, автор книги «Великая черная чума в Сирии и Египте» [Wiet, 1962], размышляя о последствиях чумы на Ближнем Востоке, пришел к выводу, что турки-османы воспользовались ослаблением Египта и Сирии после чумных эпидемий, так как «черная чума приготовила им путь». Именно жесточайшая эпидемия чумы, в которую погрузилась территория Ближнего Востока, способствовала дестабилизации общественного развития региона на долгие годы.

* * *

Распространено мнение о том, что чума якобы не дала арабам-мусульманам продолжить свои завоевания. За этим утверждением стоит

¹ По другим данным — 55 раз.

взгляд на ислам как на исключительно агрессивную идеологию. Есть версия, что передвижение арабов произошло под давлением «перенаселения Аравии», что абсолютно неверно. О. Г. Большаков пишет, что «если даже допустить, что в первые 10–15 лет из Аравии выселилось вместе с семьями около 100 тыс. человек, то и тогда остается неясным, почему впоследствии никогда больше из Аравии не выходила большая армия завоевателей, хотя условия жизни продолжали оставаться столь же суровыми...» [Очерки истории...1982: 168].

Действительно, после чумы арабы стали переселяться в опустевшие города Сирии и Палестины, но отнюдь не массово. При этом они селились не компактно, а дисперсно, что свидетельствует о том, что местное население не воспринимало их как захватчиков, и угрозы для жизни пришельцев не было. Отметим также, что, объединив под своей властью захваченные территории, арабы создали многонациональную империю, где, по некоторым данным, «завоеватели, пришедшие из Аравии, составили всего треть населения» [Hodgson Marshall, 1999: 23].

Последствия эпидемий чумы для геополитики Ближнего Востока до сих пор мало изучены. Позднейшие исследования выявили колоссальные демографические потери. Если численность населения Европы вернулась к уровню XIV в. уже во второй половине XV в., то в Египте и Сирии сокращение численности населения ощущалось вплоть до начала XIX в. К 1800 г. население Египта составляло только треть той численности, что была зафиксирована в VII в., к моменту арабского завоевания [Dols, 1979]. На наш взгляд, именно память об этих печальных событиях стала причиной того, что практически ни в одном из арабских государств не были приняты программы по ограничению рождаемости, хотя экономическая ситуация не улучшается и ежегодно растет безработица среди молодежи.

ГЛАВА 3

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЯХ В СТАРОДАВНЕЙ ЯПОНИИ: ПРИРОДНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ В ЭПОХУ «МИРА И СПОКОЙСТВИЯ»

Введение

Япония — страна, где природные явления чрезвычайного характера, способные привести к гибели людей и масштабным разрушениям, происходят постоянно. Катаклизмы (наводнения, извержения вулканов, землетрясения и цунами) настолько обильны, что их изучение предполагает как теоретическое, так и практическое значение [Япония, 2012]. Борьба с природными аномалиями имеет в Японии давние традиции. В силу актуальности вышеозначенной тематики рассмотрим историю столкновения с разнообразными бедствиями в период Хэйан (794–1185).

Период Хэйан, именуемый не без должных оснований золотым веком японской культуры, запечатлелся в памяти потомков своими грациозными нравами, изысканностью и эстетикой недосказанности. При императорском дворе царила манерность, почитался особый склад ума и специфический язык, наполненный не только изяществом, но и двуличием. Двор между тем был своеобразным «хором голосов», совокупностью противоположностей, где каждый придворный был способен иметь множество «Я», за которыми подчас немыслимо разглядеть его истинное лицо. При первом знакомстве с придворной жизнью она представлялась изумительным зрелищем, которое, однако, теряло свое очарование по мере погружения в его атмосферу. Идиллический образ эпохи Хэйан, как представляется, был окружен «масками», словно бесчислен-

ными оттенками цвета, меняющимися в зависимости от освещения, при котором смотришь на предмет. В этот «век безмятежности», рисуемый в ярких тонах на страницах творений галантных кавалеров и утонченных придворных дам, не прекращается кровопролитие (проявления насилия и жестокости являлись существенной компонентой «технологии властвования» в жизни знатных особ эпохи Хэйан), а природные бедствия напоминают о себе с ужасающим постоянством.

В 794 г. по повелению божественного августейшего правителя Камму (прав. 781–806) двор был перенесен в провинцию Ямасиро, где началось строительство новой столицы. Столица располагалась на территории Киотской впадины между двух рек — Камогава и Кадоногава (ныне Кацура). Грандиозность замысла правителя состояла в создании оплота стабильности и процветания, дабы обнаруживались знаки благоденствия державы в будущем. Столицу, как того и требовали существующие стандарты, окружали природные защитники «сидзин» (досл. «четыре божества охранителя сторон света»), а также окружавшие ее три священные горы, обеспечивающие заступничество новому городу. В «Нихон кираку» («Краткие записи о Японии») читаем: «Стекающийся [в новую столицу] люд воспевает ей хвалу и в один голос величает “Традом мира и спокойствия”» (Хэйанкё — М.Г.) [Нихон кираку, 1965, т. 1: 268].

Сразу после возведения столицы Хэйанкё государь Камму во время пиршества в окружении высокопоставленных чиновников двора лицезрел «песенное шествие» (*утагаки*), когда при помощи движений танца земле, уставшей после явления плодов, возвращалась жизненная сила, что служило гарантией обеспечения плодородия на будущее. Слуху государя предстала вот такая песня: «Со времен стародавних известно: [провинция] Ямасиро — благодное место. Жилище государя, что недавно возведено — восхитительно. В окрестностях долины и ровные дороги, взор простирается на тысячи *ри*¹. Для описания красот, простирающихся вокруг, не подобрать слов. Славна новая столица. Благодатна земля Хэйан. Тысячу лет ей стоять. Сердца людей открыты и являют благодать. Дворец, словно величественный храм, нареченный [местом] мира и спокойствия, не состарится ему никогда и стоять на вечные времена. Славна новая столица. Благодатна земля Хэйан. Тысячу лет ей стоять.

¹ 1 *ри* — ок. 650 м.

В начале года, в первый лунный месяц Полярная звезда¹ ярко сияет в благородном космосе и все вокруг наполняется благодатным светом наступившей весны. Красивые девы стоят в ряд, рукав к рукаву, их движения сообразны ритму весны. В танце [устанавливают они] дальние рубежи власти государя. Славна новая столица. Благодатна земля Хэйан. Тысячу лет ей стоять. И простолюдины, и знатные преисполнены благостными чувствами, а сердца их — восхищением. Даже за пределами столицы — благодать, повсеместно поют хвалу восторженные голоса. Этот танец великого умиротворения, прославляющий новый столичный град, на веки вечные преподносим в саду августейшего государя. Славна новая столица. Благодатна земля Хэйан. Тысячу лет ей стоять» [Нихон коки, 2006, с. 74–75].

Такое расположение столичного града, с одной стороны, являлось стратегическим преимуществом, но, с другой, доставляло немало трудностей. Река Камогава, выполняющая функцию головной водной артерии, по замыслу строителей Хэйанкё должна была предотвращать застой энергии — «*ки*», унося из города в юго-западном направлении скверну и негативную энергетику. Камогава, будучи символическим олицетворением дракона — защитника Востока (*сэйрю*), одного из четырех «охранителей» столичного града (*сидзин*), на деле выступала источником постоянных нападений.

Уже в IX в. разгул стихии в Японии был невероятно обилён. Общее количество катаклизмов (извержения вулканов, землетрясения, наводнения, тайфуны, пожары и т. д.), нашедших отражение на страницах летописей и сводных исторических трудов, по нашим подсчётам, было около 140.

Основная часть

Наводнения

Самым частым злополучием столицы Хэйанкё были, вне всякого сомнения, наводнения, накрывавшие город и его окрестности с безрадостной регулярностью (первое зарегистрированное в летописях наводнение относится к 796 г., т.е. уже через два года после переноса

¹ Ключевой небесный символ правителя, имеющий огромное сакральное значение.

столицы [Нихон киракю, 1965, т. 1: 270]. В эпоху Хэйан источники фиксируют 155 наводнений в столице. Ученые связывают бедствия с антропогенными факторами — сведением лесов ради обеспечения потребностей в древесине (например, активной вырубке леса выше по течению рек во время строительства столицы) и нерациональным ведением сельского хозяйства, способствующим ощутимому снижению инфильтрационных свойств почв¹. Наиболее распространена гипотеза, объясняющая увеличение числа наводнений естественным изменением климата [Катахира, 2006: 643–644; Накадзима, 1986: 80].

Основными природными причинами разлива столичных рек являлись затяжные дожди, зачастую вызываемые либо приходом тайфунов (8-й лунный месяц), либо наступлением сезона «сливовых дождей» (5-й лунный месяц). Однако обнаруживается немало примеров, когда половодье происходило в другое время (например, в 3-й и 7-й лунные месяцы).

Впервые обстоятельную запись о широкомасштабном наводнении в «граде мира и спокойствия» мы находим в летописном своде «Сёку Нихон коки» под 8-м лунным месяцем 848 г.:

«3-й день. Льет дождь. Шел всю ночь без остановки.

4-й день. Весь день — ливень. Сильный. Переполнились колодцы.

5-й день. Повсюду наводнения. Потоками воды уносит людей и скот. Разрушился мост Каябаси, осталось от него лишь 6 *ма*.² Накренился мост Удзибаси, прохудилась в нескольких местах дамба Манда... В нынешнем году вода поднялась на 4–5 *сяку*³ выше, чем в 1-м году Дайдо⁴» [Сёку Нихон коки, 1934: 215].

Интересно, что о наводнении 806 г., оставшемся в памяти людей и даже по прошествии 40 лет считавшемся одним из самых страшных событий, в летописи «Нихон коки» сказано немного. Из текста узнаем: по причине «затяжных дождей» случилось наводнение, и «все

¹ Взаимосвязь между активным возделыванием полей в окрестностях р. Камогава и наводнениями не раз становилась предметом беспокойства властей [Руйдзю сандай кяку, 1998, т. 1: 324–326].

² Т. е. пролетов между столбами. Известно, что с конца X в. ширина одного пролета составляла 3 *сяку*, т. е. ок. 1 м. Что касается середины IX в., то ширина могла несколько отличаться.

³ 100–150 см.

⁴ 806 г.

провинции Поднебесной испытали многообразные невзгоды». Убытки были вызваны «совмещением» обильных «водных стихий», справиться с которыми было возможно только при надлежащих общих стараниях. Беда, увы, не пришла одна: слабый здоровьем государь Хэйдзэй (прав. 806–809) в час уныния сетовал, что страна не сумела оправиться от бедствия 806 г., а в следующем году погрузилась в атмосферу эпидемии, погубившей многих людей [Нихон коки, 2006, т. 2: 36, 82].

В отличие от летописей, в дневниковых записях сановников можно встретить многословные, насыщенные эмоциональными переживаниями рассуждения о наводнениях в столице. В 1000 г. Фудзивара Юкинари (972–1028) констатировал, что обезопасить от буйства стихии не удавалось даже личные усадьбы властносановных особ. Поместье Фудзивара Митинага, когда «вода хлынула в город», «все заполнилось водой, будто море, не различить теперь, где пруд, а где сад». Придворные передвигались «кто на лошади, кто на спинах людей...» [Гонки, 2020, т. 1: 409–410].

В 1017 г. глава государственного совета Фудзивара Митинага (966–1028) с сожалением писал: «Столица и окрестности стали подобны морю. Собирался посетить Хокоин для восьмеричных чтений сутры Лотоса. Но и территория Хокоин, и дорога Ооимикадо скрылись под водой, храм посетить не смог», ибо «пришедшие [в храм] люди словно море пересекали» [Мидо кампакуки, 1952–1954, т. 3: 109]. Ему вторил старший советник двора Фудзивара Санэсукэ (957–1046), называя случившееся «катастрофой» (*тэндзай*): «Последние годы не видывал, чтобы три дня и две ночи без остановки шел сильнейший дождь... Ныне вода прорвала плотину Хоку[хэн] на первой линии и воды реки Камогава неожиданно обрушились на город... Большие и малые дороги столицы уподобились океану. Все постройки столицы и окрестностей получили повреждения от стремительного потока» [Сёюки, 1959–1986, т. 4: 204]¹.

В 1105 г. советник двора Фудзивара Мунэтада (1062–1141) с трепетом характеризует картину наводящих страх событий 5-го лунного месяца: «6-й день. Дожди не прекращаются, и каждый день только усиливаются. Столица утопает в грязи. Дороги, в большинстве своем, пришли в беспо-

¹ В 886 г. продолжавшийся четыре дня ливень привел к затоплению столицы. Уровень воды поднялся настолько, что в городе невозможно было передвигаться даже на спинах лошадей [Нихон сандай дзицуруку, 2009, т. 2: 407].

рядок. 13-й день. Дождь лил, не переставая, несколько дней. 14-й день. Этим утром струи дождя еще сильнее полились с небес. Обычный люд испытал тревогу, поскольку несколько дней был затяжной ливень, точно небеса разверзлись. Императорский сад превратился в водоем. Дороги стали похожи на реки. Необычайно сильно половодье чувствовалось в Тобадэн¹. Воды Камогава и Кадоногава затопили все вокруг и достигли императорских кладовых. Промокли даже вещи государя» [Тююки, 1934–1935, т. 3: 42]².

В 1119 г. политический советник двора (*санги*), глава государственной канцелярии и человек ближнего круга государя Тоба (прав. 1107–1123) Фудзивара Моротоки (1077–1136) в дневнике сделал такую запись: «Весь день ливень. За ночь дождь так и не прекратился, но ослаб, а посему я обрадовался утреннему дождю, обратив взор в сторону Храма Востока³... Ранее в 15-й день⁴, когда отправился в храм Тодзи на богомолье, в Поднебесной⁵ явил себя Демон Засухи⁶. День за днем

¹ Резиденция экс-государя Сиракава (прав. 1072–1086; экс-государь 1086–1129). Располагалась в месте слияния Камогава и Кадоногава.

² Свидетелем удручающих событий был и правый министр Фудзивара Тададзанэ (1078–1162) [Дэнрэки, 1960–1970, т. 2: 75].

³ Храм Востока — Тодзи. Утренний небольшой дождь перед поездкой в храм, а Минамото Моротоки запланировал поездку в Тодзи, считался хорошим предзнаменованием, сулящим удачный исход начинания.

⁴ В тот день были также проведены моления о ниспослании дождя.

⁵ Согласно средневековым текстам Поднебесной (*тэнка*) было принято обозначать именно Японию, а не Китай. Японские авторы трактатов об управлении государством полагали, что Поднебесной может владеть только божество на троне, сияющее с небес. Например, в дневнике Фудзивара Сансукэ термин «тэнка» как определение Японии встречается 677 раз, а как определение Китая — 4 раза, и то в виде цитат из текстов VIII в. В свою очередь, Китай в основном именуется как Тююку (Чжунго) или Дайкоку (Великая страна).

⁶ Демон Засухи (яп. Канхацу, кит. Ханьба). Его приход сулил жару и знойную погоду, сопровождающуюся гибелью посевов и эпидемиями. Согласно «Шань хай цзин» происхождение Демона Засухи связывается с небесной девой Ба, которая «не смогла вновь подняться [на небо]» и осталась жить на земле, а потому, «где она поселилась, там не стало дождей» [Каталог гор и морей, 1977: 125]. В древней и средневековой Японии верили, что Демон Засухи является причиной одного из наихудших бедствий, и чтобы остановить засуху, необходимо этого демона поймав и уничтожить (согласно поверьям — сжечь). Его буйство знаменует тяжелые времена для страны, когда простые люди обречены на голодную смерть. «Голоса» проверяющих с мест (отчет из владений храма Кофукудзи) гласил: «В прошлом

продолжались томительные ожидания перемен к лучшему. И когда на северо-западе поднялись облака¹, и когда на юго-востоке образовалось дождевое болото². Мало-помалу похолодало. Струи дождя полились обильным потоком. То было длительное ненастье, ибо хлынули ливневые дожди, а потоки воды переполнили все вокруг. Неужто настал конец света? Сбываются ли предсказания?³ Можно ли величать людей искренними, коли они неспособны продумывать и обсуждать?» [Тёсюки, 1965, т. 1: 148].

По сравнению с 1133 г., оставившим скверные воспоминания «осенними паводками, принесшими много разрушений» [Хякурэнсё, 1942: 59], 1134 г. выдался особенно суровым на ненастье. Не унимающиеся затяжные дожди, вследствие чего «весь год свирепствовали наводнения» [Хякурэнсё, 1942: 60], усугублялись ураганскими ветрами и погружали обитателей столичного града «мира и спокойствия» в уныние. Словно сама природа преподнесла неприятный сюрприз. В тот момент, когда император пробудился 1-го числа 1-го лунного месяца 3-го года Тёсё (1134 г.), в столице «накапывал небольшой дождик», воспринятый при дворе как «источник монаршего благословения», знак расположения

году (1169 г. — М.Г.) по всей Поднебесной свирепствовал великий Демон Засухи. Высокие хлеба все еще не восстановились. Всходы нового урожая во многих местах погибли. Осуществляемое сообща возделывание земли не приносит желаемых результатов» [Хэйан ибун, 1947–1980, т. 7: 2763]. Удручающая картина обнаруживается и в другом документе (речь идет о пространном донесении 1072 г. о положении дел в земельных владениях Ивасимидзу Хатимангу Гококудзи, в котором приводятся примеры предшествующих катаклизмов 1024, 1025 и 1034 гг.): «Работный люд массово гибнет. Многие поля в частных владениях пребывают в запустении... Демон Засухи принес страдания и хворобы, которым нет конца» [Хэйан ибун, 1947–1980, т. 3: 1101]. Управляющий частным владением (сёэн) Такадэн (принадлежало храму Тодайдзи) из провинции Ямато справедливо заключил, что с приходом масштабной засухи 1169 г. «вся страна получила горький опыт» [Хэйан ибун, 1947–1980, т. 7: 2761].

¹ Ассоциация с устойчивым выражением: «когда поднимаются облака, то из них вылезают драконы», т.е. в сложной обстановке появляется надежда на спасение.

² Т.е. блага и милости ниспосылаются в изобилии.

³ Речь идет о многочисленных предсказаниях, имеющих отношение к якобы наступившей в 1052 г. «эпохе Конца Закона» (*маппо дзидай*). В одном из таких предсказаний приход «эпохи Конца Закона» устойчиво увязывается с непредсказуемостью погоды, когда систематически на страну обрушивается половодье, сменяемое невыносимой жарой, несущей пожары. См., напр.: [Хонтё сэйки, 1938: 614].

высших сил, засвидетельствовавший «начало долгих лет преобладания радости и веселья». Однако к тому моменту, когда должен был начаться обряд «поклонения четырем сторонам света»¹, дождь полил стеной и «до конца дня не прекращался». В итоге «из-за дождя не состоялся обряд поклонения четырем сторонам света, а также не было проведено малое лицезрение государя»² [Тююки, 1934–1935, т. 7: 68]. Более того, гадание показало, что на протяжении трех лет по причине перемещений

¹ Обряд поклонения четырем сторонам света (*сихохай*), несмотря на китайское происхождение, был важнейшей частью новогодних мероприятий в Японии и проводился в Час Тигра (03.00–05.00). Пробудившись еще до восхода солнца, когда его энергия жизни была на подъёме, император принимался отбивать поклоны четырем сторонам света и могилам предков. Важно, чтобы ритуал проходил именно в тот момент, когда начинает вставать солнце и земля озаряется его животворящим светом. Важнейшей частью *сихохай* было чествование семи звезд Большой Медведицы и Полярной звезды, вокруг которой, как считалось, вращаются звезды Большой медведицы. Шаги и повороты императора, возносящего хвалу высшим силам, должны были указывать на положение звезд и созвездий, что ассоциировалось с его «путешествием» по небесным дворцам. Все обрядовое действие сопровождалось провозглашением специальных словесных формул и было проникнуто атмосферой таинственности, а его магико-символический смысл состоял в напитывании божественного августейшего императора живительным солнечным светом с целью обретения благополучия и отращения злых сил на подвластной ему территории на весь последующий год. Если обряд не проводился, то это негативно отражалось на возможности сотворения благих деяний в стране и воспринималось как нехорошее предзнаменование, сулящее многообразные несчастья государству (все это может объяснить некую обеспокоенность, которая чувствуется в записях Фудзивара Мунэтада за 1134 г.). Популярность обряда *сихохай* была столь сильна, что известны примеры его проведения в именитых семействах, приближенных к государеву двору [Токоро, 1985: 372–386].

² Помимо общего приветствия правителя всеми придворными чиновниками, которое производилось в Зале Полярной звезды, было еще «малое» благопожелание (*котёбай*). Государь, не покидая личных покоев в Зале Чистой Прохлады (Сэйрёдэн), получал утренние поздравления от высших сановников (протокол предусматривал не только почтенное преклонение колен, но и вычурный «танец благодарения» присутствующих сановников). Сокровенная суть ритуала была в том, что во время чествования император проливал животворную энергию на свое ближайшее окружение, дабы не только приблизить их к себе, но и одарить недоступными другим благами (Сайкюки, 1993: 2–5). Некоторые правители по политическим причинам запрещали «малое лицезрение государя» (так поступил, к примеру, государь Дайго (прав. 897–930), чтобы не порождать фаворитов), однако эти ограничения впоследствии снимались [Токоро, 1985: 393–394; 400–413].

«странствующего божества» (югё) Дайсёгун¹ запретным (катаими) будет северное направление, что создавало существенные неудобства именитым персонам, вынужденным прибегать к «катагаэ» — практике «обхода запретного направления»² [Тююки, 1934–1935, т. 7: 69]. Такова неприглядная картина первого дня нового 1134 г., некий зачин, откликнувшийся последующими невзгодами, о чем есть яркие свидетельства в исторических источниках:

- 2-й лунный месяц.

(2-й день): «Всю ночь до рассвета гроза с ливнем. Ураган валил деревья. Крыша прохудилась и дала течь. Одежда полностью промокла» [Тёсюки, 1965, т. 2: 179].

(3-й день): «Дождь при ясной погоде. Ветер свирепствует. Стало очень холодно. С Часа Дракона³ по настоящее время льет подобно водопаду» [Тёсюки, 1965, т. 2: 179].

(4-й день): «Все еще лютует ледяной ветер. Такова воля небес» [Тёсюки, 1965, т. 2: 180].

(17-й день): «Сгорел дотла дворец Рокудзёин⁴» [Хякурэнсё, 1942: 59].

¹ Дайсёгун («Великий полководец») было одним из самых опасных странствующих божеств в представлениях хэйанской знати. Фудзивара Канэдзанэ, наряду с Кондзин («Золотое божество»), именует Дайсёгун «злым божеством» (акудзин) [Гёкуё, 1966, т. 1: 316].

² Запретное направление устанавливалось посредством гадания. Поскольку непосредственно движение в запретном направлении считалось неблагоприятным, но могло оказаться, что если усадьба того или иного придворного расположена к югу от государева дворца, а чиновник по долгу службы должен регулярно являться во дворец, то он мог испытывать значительные неудобства. По этой причине существовал специфический алгоритм вычислений движения, если направление считалось запретным. Если запретное направление (катаими) — юг и именно там находится дворец, куда необходимо попасть, то строго на юг двигаться нельзя. Но можно на юго-запад и юго-восток (как и в остальных направлениях, ибо странствующее божество перекрывало только южное направление). При расчетах передвижений божеств-огё (к счастью, такие божества появлялись на строго ограниченной территории) точкой отсчета была усадьба конкретного служащего. В условиях, существовавших в те времена религиозных предубеждений, только так было возможно проложить путь в обход запретного направления [Маруяма, 2001: 125–126].

³ 07.00–09.00.

⁴ Рокудзёин, другое название — Рокудзё дайри («Дворец на Шестой линии»). Дворец был возведен по повелению императора Сиракава, который использовал его

(17-й день): «В огне полностью сгинул дворец Рокудзёин. Поблизости от него полыня уничтожило много небольших построек» [Тююки, 1934–1935, т. 7: 78].

- 3-й лунный месяц.

(1-й день): «Столичный град накрыло половодье. Дороги превратились в бурные реки» [Хякурэнсё, 1942: 59].

- 4-й лунный месяц.

(23-й день): «В павильоне Сайин в святилище Камо по причине затопления внутреннего двора все стало гнить, приходя в негодность» [Тююки, 1934–1935, т. 7: 99].

- 5-й лунный месяц.

(6-й день): «Весь день пасмурная погода. Из леса доносится звук завывания ветра. Волны на реке шумят в унисон. Всю ночь напролет звуки эти повергают в удивление, навевая чувство тревоги» [Тююки, 1934–1935, т. 7: 100].

(7-й день): «Весь день небо затянуто тучами, и дождь только усиливается. После Часа Лошади¹ тучи мало-помалу разошлись, и подул холодный ветер [Тююки, 1934–1935, т. 7: 100].

(8-й день): «Ночью над рекой был виден свет, излучаемый светлячками, летающими хаотично, словно звезды Млечного Пути» [Тююки, 1934–1935, т. 7: 100].

«Каждый день ливневые дожди и наводнения. Дороги в столице и окрестностях пришли в полную негодность. Семь регионов и пять столичных провинций² пребывают в величайшем беспокойстве» [Хякурэнсё, 1942: 59].

(17-й день): «В мире страстей воды рек вышли из берегов. В Кавахара многим небольшим постройкам нанесены повреждения. Река Хорикава рядом с дорогой Ниси-но тоин вышла из берегов; в потоке сгинули люди. Ныне наводнения особенно губительны.

как резиденцию после отречения от престола. Позднее Рокудзёин был известен как резиденция экс-государя Тоба (прав. 1107–1123, экс-императора в 1123–1156). После уничтожения Рокудзё в огне экс-государь Тоба несколько раз менял место своего представительства. Рокудзё отстраивали несколько лет. Известно, что в Рокудзёин после отречения от престола обосновался Госиракава (прав. 1155–1158, экс-император в 1158–1192) в 1134 г., а «государевым обиталищем» Сутоку (прав. 1123–1141) был дворец Нидзё Хигаси Тоин [Тююки, 1934–1935, т. 7: 68, 69].

¹ 11.00–13.00.

² Т.е. вся страна.

Реки Камогава и Кацурагава постоянно разливаются, и люди не могут через них переправиться» [Тююки, 1934–1935, т. 7: 102].

(18-й день): «У моста Сирадзи на первой линии паводковые воды превратили дворцовый сад в пруд. Неистовые воды ныне сменяются засухой» [Тююки, 1934–1935, т. 7: 102].

- 6-й лунный месяц.

(7-й день): «Пасмурно. Льет дождь. Так продолжалось до Часа Змеи¹, потом дождь прекратился. Подул ветер, и дождь возобновился... К Часу Овцы² струи дождя заметно усилились. Воды рек вышли из берегов. По этой причине священный паланкин³ святилища Гион в Час Обезьяны⁴ пришлось переправлять на лодке. Об этом судачила челядь⁵» [Тююки, 1934–1935, т. 7: 105].

- 9-й лунный месяц.

(12-й день): «С вечера прошлого дня лил непрерывный дождь, сопровождающийся ураганным ветром. Многие дома в столице и окрестностях были разрушены. Нынешний год ознаменован наводнениями, страшными пожарами и губительными штормовыми ветрами» [Тююки, 1934–1935, т. 7: 112].

(12-й день): «Ураганные ветра сотворили немало разрушений, поломав деревья и ограды и порушив постройки. Из зданий государственных управ и жилых домов в столичном граде и его окрестностях не осталась ни одного неповрежденного строения. В этом году ветры, воды и огонь — суть три горя-злосчастия» [Хякурэнсё, 1942: 59–60].

¹ 09.00–11.00.

² 13.00–15.00.

³ Священный паланкин (*микоси*) используется во время праздничных ритуалов для переноса божества-ками в другое освященное место. В *микоси* находится священный предмет — «тело божества» (*синтай*), куда временно «переселяется» дух *ками* святилища, которому он принадлежит. Священный паланкин требует специального обращения. Нанести вред *микоси* — страшный грех, способный вызвать гнев божества.

⁴ 15.00–17.00.

⁵ Переправить священный паланкин, увы, не удалось, поскольку течение оказалось стремительным, и *микоси* унесло бурным потоком. Из дневника Фудзивара Мунэтада известно, что было повреждено священное зеркало святилища Гион. По всей вероятности, именно зеркало являлось священным предметом (*синтай*), поэтому были организованы гадания о дальнейшей судьбе поврежденного зеркала [Тююки, 1934–1935, т. 7: 105, 107, 108].

- 12-й дополнительный лунный месяц.

(30-й день): «В нынешнем году ветры и воды были чрезвычайно губительными. К концу осеннего сезона на Поднебесную обрушились повсеместные эпидемии. Для десятков тысяч людей настала черная полоса. Что же это за проклятый год такой?» [Тююки, 1934–1935, т. 7: 122].

Очевидцы событий, не скупясь на обилие мрачных красок, рисуют самую удручающую картину будничности столичного града и его обитателей в 1134 г.¹ Катаклизмы, вселившие ужас в жителей столичного региона, начертались на памяти наводнениями (особенно во 2-й, 5-й, 6-й и 9-й лунные месяцы), которые во время своего максимального разгула отягощались беснованием тяжелых хворей. Пик эпидемии пришелся на 10-й лунный месяц, погубив тысячи людей и младого, и почтенного возраста [Тююки, 1934–1935, т. 7: 115; Тёсюки, 1965, т. 2: 224].

Извержения вулканов

Гора Фудзияма выглядит величественно², и ныне этот стратовулкан идентифицируется как слабоактивный³. Тем не менее, несмотря на

¹ Иногда непогода совпадала с томительным ожиданием долгожданного повышения по службе. И именно в этот момент случалось неординарное, неведомое событие, способное омрачить думы придворного в чрезвычайно сложные для него времена. Приведем показательный, хотя и иллюстрирующий более ранние события, пример. В дневнике Фудзивара Санэсуке читаем: «В этот день должно было состояться обсуждение дел в Государственном совете. В дом одного из ближних государевых слуг залетела горлица и, пробыв там недолго, выбралась на волю (досл. «вылетела прочь» — М.Г.). По этой причине тотчас было приказано провести гадание на счастье или несчастье (яп. *рэйсэн киккё*)» (т.е. решали, к добру или худу примета — М.Г.). В конце концов было установлено, что примета хорошая, сулящая продвижение по карьерной лестнице (об этом сообщается в одной из последующих записей, когда речь идет о похвале императора в адрес чиновника, в доме которого произошло вышеозначенное происшествие) [Сёюки, 1959–1986, т. 7: 185].

² Фудзияма, расположенная между преф. Сидзуока и Яманаси, является высочайшим пиком Японии (3776 м). Старый вулкан Фудзи сформировался ок. 100 тысяч лет назад, но нынешней (так называемый «юный Фудзи») своей формы достиг ок. 10 тысяч лет назад.

³ Последнее значительное извержение (так называемое «великое извержение годов Хэйэй») произошло в 1707 г. и унесло жизни ок. 10 тысяч человек. Извержение продолжалось 16 дней. Общий объем выброшенного вулканического материала оценивается в 1,4 млрд м³ (т.е. 1,4 км³) [Кояма, 2002; Окибо сайгай, 2013: 8].

внешнюю красоту¹, документы свидетельствуют о регулярных извержениях вулкана, порой весьма разрушительных, оказывающих немаловажное влияние на жизнь людей у подножия горы. Еще при жизни государя Камму случилось два мощных извержения вулкана на горе Фудзияма². Об извержении 800 г. источник сообщал: «Сначала все заволокло едким дымом. Ночью зарево охватило небеса, и все вокруг грохотало, а затем полил огненный дождь. Горы и реки окрасились в багряный цвет» [Нихон киракю, 1965, т. 1: 275]. В 802 г. имело место сильное землетрясение, сопровождаемое извержением вулкана³. Все вокруг заволокло темным туманом и густыми облаками, а через десять дней рядом с горой Фудзияма появилась еще одна небольшая гора. В сводном историческом труде «Нихон киракю», в частности, находим такие слова: «Днем и ночью пламя полыхало. Мелкие камешки напоминали смерзшийся снег. Было проведено гадание на панцире черепахи и тысячелистнике» [Нихон киракю: 1965, т. 1: 277].

Японские специалисты, изучающие вулкан Фудзи, полагают, что извержение 800 г. продолжалось несколько месяцев и составило 3 балла по шкале вулканической активности⁴. Вулканический дым превратил день в сумерки, а по ночам небо освещал извергающийся из кратера огонь. Зрелище выходящей лавы завораживало, но вместе с тем представляло большую опасность. Песок и гравий падали дождем, уничтожая не только посевы и нанося непоправимый вред жилым домам.

¹ Такое же великолепное зрелище представляет вулкан Ундзэн, расположенный на п-ове Симабара (о-в Кюсю, преф. Нагасаки). Название «ундзэн» означает «облака, где обитают бессмертные». В 1663 г. вулкан активизировался (погибло 30 человек). Извержение 1792 г., сопровождавшееся сильным землетрясением, привело к обрушению горы и гибели 15 тысяч человек, что стало одной из крупнейших катастроф в истории Японии [Сэкигути, 1992].

² О сравнительно небольшом извержении 781 г., произошедшем в год вступления Камму на престол, источник повествует: «У подножия горы Фудзияма пепел выпал словно дождь, накрыв всю округу. Листва на деревьях полностью высохла» [Сёку ни-хонги, 1989–1996, т. 5: 205].

³ По всей вероятности, речь идет об активности вулкана на протяжении нескольких лет, с 800 по 802 г.

⁴ Шкала вулканической активности (англ. Volcanic Explosivity Index (VEI)) представляет собой показатель силы извержения вулкана. Диапазон включает от 0 до 8 баллов. Например, извержение с показателем VEI6 способно вызвать эффект вулканической зимы — ощутимого похолодания в планетарном масштабе.

Было нарушено транспортное сообщение. Центральный тракт Токайдо оказался либо залит остатками расплавленных горных пород силикатного состава, либо же засыпан вулканическим пеплом, осевшим на землю. Восстановление дорожной инфраструктуры потребовало немалых усилий. В итоге непроходимая дорога через перевал Асигара¹, являвшаяся ключевой транспортной артерией провинций Каи, Сагами и Суруга (своеобразные «ворота» в регион Канто), была отремонтирована только в следующем 801 г. В провинции Каи поток лавы перегородил старое русло р. Кацура, сформировав оз. Яманака [Кояма, 1998: 349–366; Фудзисан функа, 2020].

Летописный свод «Нихон сандай дзицуруку» («Правдивые записи о правлении трех императоров Японии») сохранил пространное свидетельство страшного извержения Фудзиямы, начавшегося в 864 г.: «Затяжные дожди. В столице и окрестностях много голодных и заболевших, которым оказывают материальную помощь. Из провинции Суруга доложили: “В уезде Фудзи главное божество великой горы Асама², третий ранг, извергает огонь. Полыхает неистово. Огонь сжег гору на один-два *ри*³ в окружности. Пламя достигало двадцать *дзё*⁴ в высоту. Великий шум был подобен громоханию. Земля содрогалась три раза. Извержение продолжается уже десять дней, а огневой пожар только разгорается. Он выжигает скалы, крошит вершины. Песок и камни падают словно дождь. Дым и облака сгущаются, и люди не могут приблизиться. Обгоревшие камни стекали к озеру Мотосу к северо-западу от горы Фудзи. Поток обожженных камней простирался на

¹ Перевал Асигара красочно охарактеризован в поэтической антологии «Манъёсю» («Собрание мириад листьев», сер. VIII в.).

² Главным среди всех святилищ горы Асама являлось Фудзисан хонгу Сэнгэн тайся (ныне г. Фудзиномия, преф. Сидзуока). Божеству, обитающему там, был присвоен третий ранг, что указывало на значимость этого *ками*. На территории святилища осуществлялись разнообразные подношения, дабы умиротворить божество (например, для развлечения *ками* регулярно проводились конные стрельбы из лука (*ябусамэ*)).

Процесс присвоения ранга божеству был такой же, как среди чиновников: оглашался императорский указ, а затем ко двору являлся синтоистский священнослужитель из святилища, где почиталось конкретное божество.

³ Ок. 1 км.

⁴ Ок. 60 м.

тридцать ри¹. Ширина потока была три-четыре ри², а высота два-три дзе³. Огонь, в конце концов, добрался до границы с провинцией Каи”» [Нихон сандай дзицуруку, 2009, т. 1: 243].

Два месяца спустя из провинции Каи, которая соседствовала с Суруга, последовал отчет: «Произошло извержение вулкана в провинции Суруга. Горные пики огнем разрывает на куски. Травы и деревья выгорают. Объятые огнем почва и камни стекали вниз как к озеру Мотосу в уезде Яцусиро, так и озеру Цукуба. Вода в озерах закипела, рыбы и черепахи полностью погибли. Жилища простолюдинов рядом с озерами были погребены, и даже неповрежденные дома оказались в запустении. Таких примеров не счесть. К востоку от двух озер располагается озеро Кавагути, огненный поток двигался и к нему. Прежде чем озеро оказалось во власти огненной стихии, произошло великое землетрясение. Громыхало, и обрушился ливень. Накатившие тучи и туман погрузили озеро во мрак. Горы и долины стали неразличимы. Вот такая пришла беда» [Нихон сандай дзицуруку, 2009, т. 1: 246].

Естественно-научные исследования позволили скорректировать данные о количестве и ареале распространения вулканического пепла, а также специфике лавового потока, сделав возможным оценить масштабы произошедшей катастрофы⁴. Обширное извержение вулкана Фудзи, происходившее в несколько фаз с 864 по 866 г., современными учеными квалифицируется как щелевое или трещинное извержение, сопровождаемое серией сильных землетрясений. На склоне в 10 км к северо-западу от вершины образовалась новая гора Нагао и несколько шлаковых конусов, а лава без заметной взрывной активности направилась вниз по лавовым каналам. Общий объем извержения достиг 1,4 млрд м³ жидкой базальтовой лавы и ядовитых соединений, выброшенных из вновь образованных параллельных трещин, что создало многочисленные массивные вулканические сооружения.

¹ Ок. 20 км.

² Ок. 2,6 км.

³ 7–10 м.

⁴ Руины Уэнохара на восточном берегу озера Мотосу, расположенные на высоте 900 м над уровнем моря, представляют собой благодатный край для проведения научных изысканий как вулканологами, так и археологами. Обнаруженные там остатки жилищ и предметов повседневной жизни указывают на разыгравшуюся трагедию, которая разворачивалась так стремительно, что люди не всегда успевали спастись от гибели.

Лавовая река с невероятным шумом, сопровождаемая дымом и пеплом, стремительно выливалась из шлаковых конусов и накрыла северо-западное подножье вулкана, принесла страшные разрушения и гибель всему живому, что попадалось на пути (некоторые нынешние хребты были сформированы лавовыми массами). Отдельные холмы оказались расколоты, и образовались разломы. В результате из одного крупного озера, которое было разделено потоками лавы, образовалось еще три, сформировав, таким образом, пять озер горы Фудзи¹. Ущерб был нанесен и коммуникационной системе, ибо пришли в негодность транспортные пути. Тракт Токайдо получил еще большие повреждения, чем во время извержения 800–802 гг., чем, собственно говоря, и объясняется запаздывание отчета о происшествии из провинции Каи к императорскому двору, ибо дороги были непроходимы. Вкупе с уничтожением посевных площадей извержение нанесло урон хозяйственной жизни всего региона [Кояма, 2002: 23–26; Кояма, 2007: 122–123; Фудзисан функа, 2020].

Сохранили документы хэйанской поры наименования и других вулканов, извержения которых сулили многочисленные напасти: Асама на границе провинций Синано и Кодзукэ, Одзима в Идзу, Сираяма в Кага, Сонай в Осуми, Тёкайяма в Муцу и т.д.

В IX — нач. X вв. по Японскому архипелагу прокатилась волна мощных извержений:

- 810 — гора Тёкайдзан (на границе преф. Ямагата и Акита²);
- 832 — о-в Миякэдзима (группа о-вов Идзу; общий объем извержения — 13 млн м³);
- 838 — о-в Идзуосима (группа о-вов Идзу; 830 млн м³);
- 838 — о-в Кодзусима (группа о-вов Идзу; 1,04 млрд м³)³;

¹ Извержения Фудзиямы происходили и позднее: в 875, 932, 937, 999, 1020, 1032, 1033, 1083 (звук был слышен даже в столице Хэйанкё), 1112, 1435, 1511, 1545, 1627, 1700, 1707, 1792, 1825 гг. и позже.

² Общий объем извержения неизвестен.

³ В летописном своде «Сёку Нихон коки», что небезынтересно, сообщается о мощном извержении в провинции Идзу только в 840 г. (специалисты затрудняются с определением шкалы вулканической активности этого извержения). Однако под 29-м числом 9-го лунного месяца 5-го Дзёва (838 г.) содержится запись о необычном природном явлении: «С 7-го лунного месяца до настоящего времени из шестнадцати провинций — Кавати, Микава, Тотоми, Суруга, Идзу, Каи, Мусаси, Кадзуса, Мино, Хида, Синано, Этидзэн, Кага, Эттю, Харима, Кии непрерывно сообщают: “Многие вещи испачканы пеплом, который падает с неба в виде дождя много дней подряд,

- 850 — о-в Мякэйдзима (группа о-вов Идзу; 145 млн м³);
- 857 — о-в Ниидзима (группа о-вов Идзу; 93 млн м³);
- 864 — гора Фудзияма (на границе преф. Сидзуока и Яманаси; 1,4 млрд м³);
- 871 — гора Тёкайдзан (на границе преф. Ямагата и Акиита; 28 млн м³)¹;
- 886 — о-в Ниидзима (группа о-вов Идзу; 1,23 млрд м³);
- 915 — кратерное озеро Товада (на границе преф. Аомори и Акиита; 6,5 млрд м³)² [Окибо сайгай, 2013: 2].

Вулкан Асама таил не меньшую угрозу, нежели Фудзияма. Тихую, размеренную жизнь в местах вдоль дороги и около горы Асама, длившуюся несколько веков (предшествующее извержение произошло еще в 685 г. при императоре Тэмму (прав. 673–686), в начальный год Тэннин (1108 г.), нарушило пробуждение вулкана ото сна.

В дневнике левого министра Фудзивара Тададзанэ читаем: «В Час Быка³ слышен был с северо-восточной стороны сильный шум. Звук его был как звук большого барабана. Чиновники вопрошали: “Что это

не останавливаясь. Однако, несмотря на все странности, ущерб хозяйству причинен не был. Ныне в столичном районе Кинай в семи регионах богатый урожай, а цена на пять злаков не высока. Старожилы из деревень называют это явление ‘воздушным рисом’ (досл. «рисовые цветы» — *М.Г.*)”» [Сёку Нихон коки, 1934: 78–79]. Шкала вулканической активности извержения 838 г. предположительно составляла 5 баллов, однако вся мощь вулканической активности была направлена в восточном и юго-восточном направлениях в сторону Океании, чем объясняется минимальное воздействие на обжитые японские территории к северу и западу от группы островов Идзу. Объем причиненного стихией ущерба вычислить не представляется возможным по причине отсутствия в то время письменности у народов, проживающих в Микронезии и Полинезии.

¹ Очевидец отмечал: «Полыхала земля и камни. Звук напоминал громахание. Гора уподобилась реке, как будто грязная вода залила все, окрашивая в угольно-черный цвет. Едким дым заполонил всю округу, так что невозможно было дышать. Дохлая рыба была повсеместно, перегораживая течение. Потоки лавы походили на две большущие змеи длиной около 10 *дзё* (более 30 м — *М.Г.*). Лава текла, напоминая реку с мутной водой, уничтожая травы и деревья» [Нихон сандай дзицуруку, 2009, т. 1: 530].

² Мощнейшее извержение за последний две тысячи лет, не получившее, увы, практически никакого освещения в синхронных источниках, за исключением немногословных отголосков в сводном историческом труде «Фусо рьяки», где упоминается восходящее солнце, испускающее необычное сияние.

³ 01.00–03.00.

за шум?» Они изумлялись: «От чего такое может быть?» В Час Лошади¹ слышался звук, и снова он был таким же». Два дня спустя было проведено гадание о причине этого странного шума [Дэнрэки, 1960–1970, т. 2: 305].

В дневниковых записях Фудзивара Мунэтада находим более обширную информацию о происходящем в 1-й год Тэннин²:

- 25-й день 8-го лунного месяца. Между Часом Тигра³ и Часом Зайца⁴ небеса в восточном направлении озарились красным цветом [Тююки, 1934–1935, т. 3: 384].
- 3-й день 9-го лунного месяца. «Небо ясное. Ранним утром на небе в восточном направлении было красное зарево. Так продолжалось 7–8 дней подряд. Воистину это было удивительно и малопонятно» [Тююки, 1934–1935, т. 3: 387–388].
- 5-й день 9-го лунного месяца. «Из провинции Кодзукэ доложили: “В землях провинции есть высокая гора. В годы Дзирэки⁵ из пика стал выходить наружу дым. Совсем небольшой, и вскоре это прекратилось. В нынешнем году, в 21-й день 7-го лунного месяца, к удивлению, вершина горы оказалась охвачена пламенем. Этот дым поднимался высоко в небеса. Пойменные заливные поля и сады по всей провинции высохли... Обильные плодоносные поля погибли. Бедствие одной провинции настолько странное и редкое, что достойно записи”» [Тююки, 1934–1935, т. 3: 389].

¹ 11.00–13.00.

² Фудзивара Мунэтада долгие годы сохранял статус одного из самых влиятельных царедворцев. Он, как и один из его предшественников — Фудзивара Санэсукэ (957–1046), был весьма конкретен в формулировках и не демонстрировал высокомерия и самолюбия, оставаясь человеком, который строг и к себе, и к другим. Это делает дневник Фудзивара Мунэтада ценнейшим источником знаний о мире императорского двора в эпоху Хэйан. Ко времени вышеозначенных событий Мунэтада занимал ключевые посты и входил в состав высшего совета, где обсуждались главенствующие вопросы политики и формировался государственный курс: с 1107 г. он политический советник среднего ранга (яп. *тюнагон*), с 1122 г. — старший советник (яп. *дайнагон*), а с 1131 г. — всесильный внутренний министр (яп. *найдайзин*), обладавший таким мощным ресурсом властвования, как право предварительного просмотра документов (яп. *найран*) еще до того, как оные станут известны другим членам государственного совета, что делало Фудзивара Мунэтада высоко информированным сановником.

³ 01.00–03.00.

⁴ 03.00–05.00.

⁵ 1065–1068 гг.

- 23-й день 9-го лунного месяца. «Сегодня в Час Быка¹ в галерее дворца провели гадание... О результатах гадания уведомили управу провинции Камицукэно» [Тююки, 1934–1935, т. 3: 395].

Комплексный вулкан² Асама, высота отдельных пиков которого превышает 2500 м, находится в центре японского о. Хонсю, неподалеку от курортного города Каруидзава (ранее это была граница двух провинций — Синано и Кодзукэ). Современные специалисты в области вулканологии полагают, что Асама — один из самых опасных в Японии действующих вулканов, чему есть многочисленные подтверждения³. Как показали исследования, в 1108 г. случилось крупномасштабное извержение вулкана, шкала вулканической активности которого составляла 5 баллов (VEI5). В тот год жерло Асама озарили огненные всполохи, и центральный пик Маэкакэ⁴ выбросил в тропосферу 50–60 миллиардов тонн продуктов⁵ (столб дыма и пепла был столь массивным, что, по всей видимости, мог достичь стратосферы). Выбросы лавы сопровождалась объемными пепельными осадками. Пирокластический поток спустился вниз на 15 км, похоронив несколько поселений у подножия вулкана⁶ (предполагается, что водные преграды хоть и уменьшили мощь пирокластического потока, но заметно ускорили его, а потому он охватил обширную территорию). Облака пепла накрыли всю провинцию Кодзукэ. Погибло много людей, а пахотные угодья, оказавшиеся под толстым слоем пепла, были полностью уничтожены, превратив целую провинцию, ранее благодатный край, в пустошь [Окибо сайгай, 2013: 5; Ясуи, 2015: 212–238].

¹ 11.00–13.00.

² Такой тип вулкана включает несколько вершин и кратеров, образованных серией мощных извержений. Не существует единой горы под названием Асама. Одна из крупнейших кальдер в мире протяженностью с севера на юг 25 км, с востока на запад 18 км и окружностью 100 км, включает горы Такадакэ, Накадакэ (Маэкакэ), Эбосидакэ, Кидзимадакэ и Нэкодакэ, которые именуются «пятью пиками Асама» (как правило, именно они называются горой Асама).

³ Значительные извержения вулкана Асама письменные источники фиксировали в 685, 1128, 1532, 1582, 1783 гг. и впоследствии. В XXI в. вулкан напоминал о себе в 2004, 2008, 2009 (тогда облако пепла достигло Токио), 2015, 2016, 2019 и 2021 гг.

⁴ Самый активный из всех кратеров вулкана Асама.

⁵ Т. н. *тефра*.

⁶ Вероятно, пирокластический поток достиг территории, где ныне располагается г. Коморо.

В 2020 г. швейцарская исследовательская группа опубликовала результаты достопримечательных исследований, согласно которым значительное понижение среднегодовой температуры в Западной Европе в начале XII в., спровоцировавшее экстремальные погодные условия и сильный голод, случилось по вине вулкана Асама. Ранее считалось, что первопричиной аномальных климатических изменений в Западной Европе (в 1110 г. небо потемнело на несколько месяцев, а в один из дней луна «полностью исчезла»¹; холодное лето повторялось несколько лет подряд; постоянные проливные дожди от Ирландии до германских земель и Каталонии; ранние заморозки и т. д.) был исландский вулкан Гекла² (извержение произошло в 1104 г.), однако пиковые значения отложений вулканического сульфата в исследуемых ледяных ядрах Гренландии соответствовали промежутку между 1108 и 1113 гг. Швейцарские специалисты высказали точку зрения (наличествующая информация верифицировалась самым тщательным образом) об извержении в 1108 г. «плинианского» типа с мощными выбросами лавы, сопровождающимися масштабными пепельными осадками. Представляется, что вместе с пеплом в стратосферу попал диоксид серы, который не пропускал солнечный свет, что в долгосрочной перспективе и привело к столь значимым изменениям климата даже в Западной Европе. Все вышесказанное стало причиной устойчивых неурожаев и наступления недородных лет³, приведших к массовому истощению населения, когда «ужасный голод косил людей повсеместно» [Guillet, Corona, Ludlow, Oppenheimer, Stofel, 2020: 1–8].

¹ Редчайшее астрономическое явление 1110 г., когда Луна стала полностью невидимой, так называемое «черное затмение». Англосаксонская хроника повествует о тех мрачных событиях: «Вечером пятого дня месяца мая взошла яркая Луна, но затем свет ее постепенно уменьшался. Как только настала ночь, она полностью исчезла, и не было видно ни ее света, ни ее сферы, ничего» [Guillet, Corona, Ludlow, Oppenheimer, Stofel, 2020: 2].

² По причине своей небывалой активности в средневековых источниках получил зловещее прозвище «Врата в Ад».

³ «Хроника» аббатства Мориньи (ныне регион Иль-де-Франс на севере Франции), например, сообщала: «Вся Галлия страдала от жестокого голода, и в течение семи лет непрерывно сохранялось отсутствие всего необходимого для поддержания жизни, что привело к гибели многих людей и довело бесчисленное количество богатых людей до нищеты» [Guillet, Corona, Ludlow, Oppenheimer, Stofel, 2020: 6].

События седьмого — девятого лунных месяцев 1108 г. (вкуче с другими малорадостными известиями¹) вызывали трепет среди придворных и негативно отразились на самочувствии пятилетнего государя Тоба, который тяжело занедужил.

Обратим внимание читателей на один немаловажный аспект, иллюстрирующий бытовавшие в то время представления о сущности власти императора в древней и раннесредневековой Японии и ее связи с природными процессами. Японский император, согласно официальной доктрине эпохи Хэйан, считался центром универсального устройства мира. Рожденный человеком, в процессе интронизационного цикла он обретал божественную сущность, становясь «божеством, воплощенным в брэнном мире» (яп. *акицу миками*). Явленное в мире людей божество обладало человеческим телом, но несло в себе сущность бога (*арахитогамии*). Наложение представлений о божественной природе императора на концепцию совершенномудрого правителя, который мыслился олицетворением интеллектуального и высоконравственного совершенства, дало начало синтезу, просуществовавшему многие годы. Речь идет о сложнейшем (и многоуровневом) построении, центральный тезис которого формулировался следующим образом: совершенномудрый правитель — не только мудрец, обладавший прозорливостью и обилием признаков высокой моральности, а личность особенного типа, наделенная сверхъестественными способностями. Эти таланты были соразмерны мирозданию и не могли идти ни в какое сравнение с обычными человеческими возможностями.

Если каждая знатная персона обладала «добродетельностью» (*току*), то августейший божественный правитель был наделен колоссальным запасом персональной «благотворительности», которую был способен восполнять посредством определенных ритуалов. Вращивая сокровенный потенциал, исходящий из внутренней духовной силы, правитель мог транслировать разнообразные щедроты на подданных через «священную преобразующую силу» (*сэйка*), чтобы его «неустанные бдения соотносили августейшие милости с благодатным дождем и росами» [Хонтё мондзуй, 1996: 218]. О государе Камму, которого считали родоначальником

¹ Сразу после восшествия на престол императора Тоба из дальних окраин пришли вести о многих военных столкновениях, а «злобствующие монахи» даже в стольном регионе являли множественные примеры гибельности избранного «служителями буддийского Закона» пути, словно «непроглядная тьма» поразила его.

«мудрых правителей» (*сэйдэй*), современники писали: «Совершенств он был высочайших, а природных качеств выдающихся. Недостаток цивилизованности он озарял светом величия и добродетельности» [Нихон коки, 2006, т. 1: 404, 410]. Прославляя государя Дайго (прав. 897–930), просвещенный подданный (*бундзин*) Ки Хасэо (845–912) писал, что императорская «добродетель со времен стародавних несоизмеримо высока, а преобразующая сила кристально чиста; до краев земли все окутано ветрами торжества и радости, и простой люд обретает дар долголетия посредством человеколюбия» [Хонтё мондзуй, 1996: 314].

Существовала иерархия различных проявлений персональной творческой активности императора, причем гармоническое взаимодействие и всеохватность сил, присущих ему, выступали залогом особых дарований государя, воздействующих на широкий круг социальных и природных явлений. «Если правитель пестует свои внутренние силы, — отмечал ученый муж Фудзивара Ацумицу (1063–1144), — несчастья прекращаются сами собой... Коли государь сумеет совладать над потаенными глубинами собственной натуры, но при этом произойдут перемены, оные не обернутся бедствиями» [Кодай сэйдзи, 2001: 171–172]. Универсальность внутренней силы правителя, когда «демонстрация грозного величия напоминала раскаты грома, сопровождавшегося дождем и обильными росами», становилась залогом процветания, показателем «эпохи великого мира» [Одзёдэн, 1974: 226]. Постепенная утрата персональных качеств государя, какова бы ни была причина, являлась предвестием неминуемых бед: «Ныне милости государевы не велики, а потому от тягот народных происходят многочисленные погибели», — с прискорбием сообщает современник о «немощности» императора Итидзё (прав. 986–1011) в 1009 г. [Сайкюки, 1993: 890]. Скромность государя и умение принимать на себя бремя ответственности за нарушение равновесия природных процессов были бесспорным свидетельством присутствия индивидуальной «благой силы» правителя. Его облик должен быть безупречен, ибо «недостойная внешность» служила неблагоприятным знаком, нарушая существующий миропорядок и указывая на несоответствие силы правителя строго установленным стандартам.

Правитель должен был обладать неповторимой наружностью, отличающей его от всех окружающих. Выявление уникальных телесных характеристик правителя находилось в компетенции Ведомства темных и светлых сил (*Оммёрё*). В исторических источниках обнаруживается

преклонение перед царственностью государя Сэйва (прав. 850–876), при жизни отличавшегося элегантными манерами и необычным обликом. Об императоре Сэйва, который вступил на престол в девятилетнем возрасте и с детских лет посвятил себя усердному учению, в летописи «Нихон сандай дзицуроку» сказано: «Манеры августейшего императора были изящны. Он был торжественен и спокоен, как божество; снисходителен, добр и великодушен. Давал мудрые советы... В своем поведении придерживался устоявшихся традиций. С упоением читал книги, а его мысли были пропитаны буддийскими наставлениями. Никогда не проявлял интерес к соколиной и псовой охоте или же рыбной ловле. Обладал энергичным темпераментом и изобилием высоких качеств величественного государя» [Нихон сандай дзицуроку, 2009, т. 2: 183]. Даже свой смертный час он встретил, будучи преисполнен царственной величавости, проявляя сострадание и заботу о своих подданных¹: он «отправился на небеса в колеснице, запряженной фениксами»; почил сидя, ноги его были скрещены, и казалось, что он все еще жив [Нихон сандай дзицуроку, 2009, т. 2: 185], засвидетельствовав принадлежность к наследию «императора-мудреца» Сага (Сэйва был его правнуком), облик которого стал образцом для подражания на многие века.

Существенное значение имели и представления о «теле императора» (*отай*), поскольку хорошее физическое состояние правителя указывало на способность восстанавливать баланс природных сил, поддерживая, таким образом, порядок в Поднебесной. Любой недуг был верительным знаком осквернения и источником ритуальной нечистоты. Таковая скверна не только передавалась от одного человека к другому, но в случае «осквернения» императора, считавшегося гарантом стабильности и благоденствия державы, распространялась на всю страну. Согласно традиционным представлениям, причиной болезни государя мог быть гнев божества, что, в свою очередь, приводило к глобальным катаклизмам — стихийным бедствиям и безрадостным последствиям для подданных императора, живущих на подвластной ему территории. Функция государя по обеспечению процветания страны диктовала насущную необходимость осуществления многообразных ритуальных практик по поддержанию его физического здоровья, ибо плохое самочувствие правителя

¹ Перед смертью Сэйва «объявил великую амнистию по всей стране», хотя государем уже не был, ибо отрекся от престола в 876 г.

сулило невзгоды государству. Если же повелитель уже захворал, то надлежало провести специальный обряд (*гётэй гёбоку*), дабы осведомиться о причинах болезни, не связана ли она с гневающимся божеством (яп. *татаригами*) или какой-либо иной опасностью, сулящей неминуемые беды. Во время церемонии, помимо сакэ и ритуальной посуды, использовалось много любопытных, на первый взгляд, предметов (растительный пух, водоросли, морское ушко, конопля, ветки дуба, корневища бамбука, маленькие топорики и т.д.), а само обрядовое действие зачастую включало гадание на панцире черепахи [Энгисики, 1998: 23–24]. Язык пророчеств был двусмысленным и открывал широкий простор для их толкования. Так случилось, например, в 1105 г., когда после известий о «необычном шуме» и «дрожании земли», исходящем из гробниц императора Сэйму¹ и регента Дзингу когу², и без того не отличавшийся здоровьем государь Хорикава (прав. 1086–1107) сильно занемог [Тююки, 1934–1935, т. 3: 79–80]. Только после определения истоков недуга можно было реализовать серию мер, направленных на избавление от вероятных угроз. Результаты, полученные вследствие проведенных мероприятий, доводились до сведения главы Палаты по делам земных и небесных божеств (*Дзингикан*). Все имеющее отношение к «телу государя» было покрыто тайной и окружено немалочисленными табу. Ошибки в осуществлении ритуалов, связанных с «телом правителя», не допускались, ибо могли стать залогом разрушения привычного миропорядка, началом погружения в хаос. Тело императора между тем выступало своего рода «жертвой», которая расплачивалась здоровьем, даже если вины правителя в гневе божеств не было.

Именно так дело обстояло в 1108 г., когда по причине болезни государя Тоба было проведено гадание, которое, к радости присутствующих, показало, что она случилась «сама по себе» и никак не связана с гневающи-

¹ Один из легендарных правителей Ямато, 13-й по счету после первоимператора Дзимму, которого традиционно называют основателем династии Ямато еще в 660 г. до н.э. Принято считать, что Сэйму прожил 107 лет и правил с 131 по 190 г. Согласно современным исследованиям. Сэйму, вероятнее всего, царствовал в IV в. и был убит в результате заговора.

² Легендарная правительница Японии, прожившая 101 год. Хотя государыней и не была (Дзингу когу занимала пост регента при малолетнем императоре Одзине), правила твердой рукой 69 лет, с 201 по 269 г. Ряд специалистов считает, что в реальности Дзингу когу могла быть собирательным образом, воплощающим черты правления нескольких правителей.

мися божествами, а, следовательно, не имеет отношения к извержению вулкана, и вскорости правитель вернулся к привычному ритуальному распорядку [Дэнрэки, 1960–1970, т. 2: 314, 316, 318]. Недуг императора Тоба в 1114 г. также потребовал проведения обряда *гэтай гёбоку*, который удостоверил придворных в предельно четкой связи между непрекращающимися проливными дождями и болезнью правителя, а вина в бедствии была возложена на *микадо* [Дэнрэки, 1960–1970, т. 4: 104–105].

Землетрясения

Помимо наводнений и извержений, беды также несли землетрясения, которые в Японии происходят с невероятной регулярностью, поскольку регион Японского моря расположен на стыке четырех литосферных плит: Евразийской, Тихоокеанской, Филиппинской и Охотоморской (или Северо-Американской). Япония, таким образом, находится над зоной субдукции, в которой литосферные плиты с океанической земной корой вдавливаются под мощную континентальную земную кору Евразийского континента. При превышении сил трения, вдавливающих сил и предела прочности контактирующих горных пород (за последние несколько тысяч лет особенно активны Тихоокеанская и Филиппинская литосферные плиты), происходит подвижка, когда Филиппинская литосферная плита погружается под Амурскую и Окинавскую плиты, а Тихоокеанская — под Охотоморскую плиту. На поверхности Земли такое движение воспринимается как землетрясение [Barnes, 2008: 3–36].

Крупнейшие межплитные землетрясения происходят вдоль впадины Нанкай (известна как Нанкайский мегапростор), северная часть которой именуется «желоб Суруга», а восточная — «желоб Сагами». В зоне активной субдукции Филиппинской плиты мощные сотрясения земной коры происходят с регулярностью в одно-два столетия. В 684 г. произошло одно из таких землетрясений (магнитуда 8,0–8,25)¹, последствия которого были огромны. Сильное движение грунта нанесло невероятный урон. Землетрясение стало причиной цунами, что существенно расширило площадь разрушений. Погибло много людей и домашних животных. Были уничтожены или сильно пострадали жилые дома (знатных особ и простолюдинов), буддийские храмы и синтоистские святилища. Только

¹ В японской историографии это событие получило наименование «великое землетрясение периода Хакути» (Хакути дзисин).

в провинции Тоса (о-в Сикоку) под слоем грязи оказалось погребено не менее 12 км² пахотных угодий. Ущерб был нанесен не только столичному региону, но и многим провинциям на о-вах Хонсю и Сикоку [Исибаси, 1999: 402–404].

На протяжении VIII в. неоднократно имели место крупные землетрясения разной магнитуды: 715 г. — 6,5–7,5, 734 г. — 7,0, 744 г. — 7,5 и выше, 745 г. — 7,9, 762 г. — 7,0 и выше [Исибаси, 2014]. Общегосударственный летописный свод «Сёку нихонги» фиксирует подробности тех печальных событий:

- 715 г. — провинция Тотоми: «обрушившаяся гора завалила реку Аратамакава, так что движения воды не было. Это продолжалось несколько десятков дней, а потому было подвергнуто затоплению около 170 домов в трех уездах — Фути, Наганосимо и Ивата. Убытки претерпели и рисовые посадки»; провинция Микава: «разрушено 47 амбаров уездных управ; полностью уничтожены многие крестьянские дома» [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 1: 229];
- 734 г. — «Разрушены дома простолюдинов Поднебесной; многие люди сгнули под завалами. Оползни по причине рухнувших гор засыпали реки; образовавшихся завалов не сосчитать» [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 1: 277];
- 744 г. — «В провинции Хиго громыхало, и лил дождь. Земля сотрясалась. В трех уездах — Яцусиро, Амакуса и Асикита — было повреждено более 290 *mē*¹ государственных полей, около 470 домов, пострадало 1520 человек. Горные оползни случились в более чем 280 местах, погибло около 40 человек» [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 2: 441];
- 745 г. — «Ночью случилось землетрясение, продолжавшееся три дня и три ночи. В провинции Мино частные дома, строения государственных управ и амбары, а также буддийские пагоды и крестьянские жилища подверглись столь сильному воздействию, что рассыпались при легком прикосновении к ним» [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 3: 9].

Однако сейсмическая активность, фиксируемая в японских источниках VIII в., представляется незначительной по сравнению со свидетельствами документов IX в. Расчеты ведущего специалиста в области

¹ 1 *mē* — ок. 1 га.

истории сейсмологии Японии Хаякава Юкио убедительно демонстрируют, что в IX в. только разрушительных землетрясений магнитудой 6,0 и выше насчитывалось пятнадцать:

- 818 г. — регион Канто (7,5);
- 827 г. — столичный град (6,7);
- 830 г. — провинция Дэва (7,2);
- 841 г. — провинция Синано (6,5);
- 841 г. — провинция Идзу (7,0);
- 850 г. — провинция Дэва (7,0);
- 856 г. — столичный град (6,2);
- 863 г. — провинции Эттю и Этиго (7,0);
- 868 г. — провинции Харима и Ямасиро (7,0)
- 869 г. — у побережья Санрику (8,3);
- 878 г. — регион Канто (7,4);
- 880 г. — провинция Идзумо (7,0);
- 881 г. — столичный град (6,4);
- 887 г. — весь Японский архипелаг (8,2);
- 891 г. — столичный град (6,0) [Хаякава, 1999: 25].

Обратимся к текстам письменных источников. Составители летописного свода «Нихон сандай дзицуроку» с содроганием сердца рисуют зловещую картину одного из самых смертоносных землетрясений за всю историю Японии, которое произошло 26-го числа 5-го лунного месяца 11-го года Дзёган (869 г.) и сопровождалось цунами: «В провинции Муцу было сильнейшее содрогание земли. Лунные блики на воде сверкали словно днем. Вскорости люди стали вопить о помощи. Упавшие не могли подняться. Некоторые в собственных жилищах были задавлены насмерть повалившимися деревьями, иные, упав в расщелины, оказались заживо погребенными. Кони и быки в испуге шарахаются и топчут друг друга. Стены укреплений, кладовые, ворота и изгороди обрушиваются. Морские волны ревут, словно раскаты грома. Страшные волны набегают на берег и проходят далеко вглубь территории. Они внезапно достигают стен укреплений и распространяются на многие *ри*, так что никто уже не различает, где было побережье. Пахотные земли и дороги превратились в синюю пучину. Никто не успел погрузиться в лодки или спрятаться в горах. Сгинули тысячи людей. Имущество и хлебоброд потеряны» [Нихон сандай дзицуроку, 2009, т. 1: 454].

В 30-й день 7-го лунного месяца 3-го года Нинна (887 г.) трагедия повторилась: «В Час Обезьяны¹ разыгралось мощное землетрясение. [Сотрясение земной тверди] не прекращалось несколько часов. Государь покинул дворец Дзидзюдэн и пребывал в южном саду Павильона Синсидэн. По распоряжению [главы] министерства Большой казны для правителя были сооружены два шатра в семь *дзё*². Постройки западной и восточной частей столицы, включая государственные управы, подверглись разрушениям. Много люда сгнуло под завалами, лишалось чувств или внезапно умирало. В Час Кабана³ земля сотряслась еще трижды. Во всех пяти провинциях столичного региона и [вдоль] семи дорог ощущалось сильное землетрясение, и получили повреждения государственные учреждения. Побережье накрыли накатившиеся воды, утонувших было [столько, что] не сосчитать. Более других пострадала провинция Сэццу. В ночную пору на западе и востоке дважды слышали громоухание» [Нихон сандай дзи-цуруку, 2009, т. 2: 460]. Несмотря на наличие землетрясений в X в. (934, 938, 976 гг.), о них, тем не менее, не сохранилось страшных подробностей в памяти очевидцев, в отличие, к примеру, от XI в., ознаменовавшегося серией масштабных землетрясений.

В 1026 г. в провинции Ивами произошло землетрясение⁴, ставшее причиной сильнейшего цунами — так называемое «великое цунами годов Мандзю» (*Мандзю-но ооцунами*). Магнитуда землетрясения предположительно составила 7,5–7,8. Свидетельства, повествующие об этом катаклизме, рисуют яркую картину разрушений в прибрежных деревнях, где погибло около тысячи человек и еще больше осталось без крова. В процессе извержения о-в Камосима погрузился в воду, вызвав цунами невероятной силы. Прибрежные рыбацкие деревни несколькими мощными приливными волнами, распространившимися на 50 км вглубь суши, были полностью уничтожены, а потом с отливом строительные материалы унесены в море, о чем красноречиво говорят исследования обнаруженных пластов, содержащих большое количество ила, который перемежался с обширными слоями песка и гравия. Поток грязи уничтожил заливные поля и иные пахотные угодья. Разрушению подверглись

¹ 15.00–17.00.

² Ок. 21 м.

³ 21.00–23.00.

⁴ По непонятным причинам бедствие не нашло отражения в сводных исторических трудах и дневниках столичной знати.

не только гидротехнические сооружения и многочисленные (около пятисот) жилища, но и культовые постройки, в том числе постройки святилища Тода Хатимангу. Был нанесен ущерб экономике нескольких провинций [Като, 2013: 13–20].

В 1096 г. Страну Восходящего солнца постигло еще оно страшное несчастье — землетрясение в районе впадины Нанкай. В 1951 г. выдающийся ученый в области сейсмологии Кавасуми Хироси (1904–1972) установил, что магнитуда землетрясения составила 7,0, однако современные исследования показывают, что сила землетрясения составила 8,0–8,5 [Усами, 2003: 41–42]. Очевидцами событий были канцлер (*кампаку*) Фудзивара Моромити (1062–1099) и пребывавший на высокой должности правого среднеуправляющего Государственного совета (*утюбэн*) Фудзивара Мунэтада¹. Именно в дневниковых записях этих царедворцев можно отыскать обстоятельное описание землетрясения, которое принесло колоссальную разруху в столице и центральном регионе². В Час Дракона³ 24-го числа 11-го лунного месяца 3-го года Кахо (1096) случилось «великое землетрясение» (*дайджисин*). По причине субдукции Филиппинской плиты тектоническое напряжение, накапливавшееся в восточной части впадины Нанкай, достигло критической точки, и высвободилось колоссальное количество энергии. Сейсмическая энергия была настолько велика, что волны стремительно докатились до столичного региона Японии. На протяжении нескольких часов ощущалось шесть мощных последовательных толчков, затем их сила уменьшилась, но средние и слабые толчки продолжались на протяжении месяца (до 29-го числа 12-го лунного месяца, согласно записям Фудзивара Мунэтада). В небо поднялось много пыли. При дворе началась паника. В святилище Касуга был слышен необыкновенный шум, напоминавший гудение. Сильные колебания грунта были не только в столице и соседствующих с ней провинциях (*Кинай*), но и у оз. Бива (провинция Оми),

¹ В 1098 г. по причине деятельного участия в устранении последствий землетрясения 1096 г. и восстановления дворцового комплекса Фудзивара Мунэтада будет назначен на пост главы государевой канцелярии (*куродо докоро*), в 1099 г. удостоится должности придворного советника (*санги*), а в 1136 г. станет Правым министром (*удайджин*).

² Важную информацию о землетрясении 1096 г. можно также почерпнуть в актовой документации.

³ 07.00 — 09.00.

а также в окрестностях р. Иби в провинции Мино (ныне преф. Гифу). Землетрясение вызвало гигантские волны-цунами, особенно разбушевавшиеся в пров. Суруга, Исэ, Оми и Ава [Исибаси, 1999: 407–410; Исибаси, 2016: 81–88].

Хотя случаи гибели людей в дневниках Фудзивара Моромити и Фудзивара Мунэтада, как и в актовом материале, не зарегистрированы, но при этом дворцовый комплекс значительно пострадал (восстановительные работы продолжались до 4-го лунного месяца 1098 г.). Ранее величественные строения к востоку и западу от врат Отэнмон¹ завалились на бок; ряд опорных колонн «Зала Полярной звезды» (*Дайгокудэн*)² наклонился в восточном направлении, а с крыши обрушилась часть черепицы; западный дворец покосился на запад. Серьезный ущерб был причинен зданиям во дворце экс-императора, палатах наследника престола и резиденции государыни. Находящийся в состоянии стресса семнадцатилетний император Хорикава пытался укрыться от напасти у пруда в саду рядом с дворцом Каньин³, где и был обнаружен Фудзивара Мунэтада. Тот незамедлительно вывез правителя и его супругу из полуразрушенного дворца, а через несколько дней после вышеозначенных событий государь тяжело занемог.

Немало храмов столичного града Хэйанкё и прежней столицы Нара было разрушено. В храме Ходзёдзи пострадали восточная и западная пагоды; в храме Хоссёдзи много статуй было разбито или им был нанесен иной урон; в храме Тодзи у центральной пагоды обрушился шпиль⁴;

¹ Отэнмон («Врата, установленные по велению Неба») — центральные, парадные ворота дворцового комплекса.

² Тронный Зал.

³ Дворец отдохновения, ставший резиденцией государя Хорикава. Не совсем ясно, чем была продиктована попытка императора и его супруги погрузиться в лодку, дабы оказаться посреди неглубоководного пруда по соседству с резиденцией Каньин. Выскажем два допущения: либо в те времена полагали, что во время землетрясения безопаснее находиться в середине мелководного водоема, либо странность выбора безопасного места обусловлена стрессовым состоянием и сильным эмоциональным возбуждением правителя и его окружения.

⁴ В центре пагоды расположена вертикально стоящая колонна, на которую как бы нанизаны ярусы. Шпиль (*сорин*) выступает над крышей пагоды. На нем устанавливаются девять бронзовых колец, символизирующих девять небесных сфер. Считается, что подобная конструкция обладает сейсмоустойчивостью и во время землетрясений ее элементы двигаются в местах соединений, не распадаясь.

в храме Якусидзи была повреждена галерея; в храме Тодайдзи на землю рухнул колокол; обрушения зданий случились и в храме Кофукудзи.

Бедя пришла не только в столицу и ее окрестности. В провинции Исэ, местечке Ано-но цу большая волна уничтожила немало жилищ простого люда. В провинции Оми из-за цунами рухнул мост Сэта. В провинции Суруга несчастье повторилось, как уже было месяц назад (тогда волны-цунами стерли с лица земли около 400 крестьянских домов, а также много буддийских храмов и синтоистских святилищ). Архивные документы информируют: испуганные жители провинции Суруга укрылись от ненастья в святилище, расположенном у горы Усибусияма, а когда волны отступили, усердно молились божеству святилища, дабы оно защитило их от повторения катастрофы. Стихия накрыла и о-в Сикоку. Буддийский храм Тайрюдзи (ныне преф. Токусима) получил такие повреждения, что понадобилось несколько лет, дабы восстановить его из развалин [Исибаси, 1999: 407–410; Исибаси, 2016: 81–88; Тююки, 1934–1935, т. 1: 395–404; Ята, 2009: 30–45].

В 1099 г., когда печальные события 1096 г. стали мало-помалу забываться, а жизнь людей начала возвращаться в норму, горе-злосчастье нагрянуло вновь. В настоящее время среди специалистов нет единства относительно специфичности сейсмической аномалии 1099 г., которая не так подробно охарактеризована в дневниковых записях сановников (как, например, бедствие 1096 г.), однако ряд ученых полагает, что это было сильное землетрясение магнитудой не менее 8,0, произошедшее после двухгодового сейсмического затишья и сопровождавшееся массивными волнами-цунами, которые принесли немалые разрушения как в столице, так и за ее пределами [Самукава, 1997: 42–44; Ята, 2009: 46–49]¹.

В 1185 г., через несколько месяцев после завершения Шестилетней войны (1180–1185), окончившейся падением ранее могущественного дома Тайра, столицу потрясла сильнейшая сейсмическая угроза.

¹ Иные исследователи считают, что сила землетрясения 1099 г. была не так велика (магнитуда 6,4), поскольку речь идет в лучшем случае об афтершоковом процессе, т. е. частном случае сейсмической активности, возникающей, как правило, после сильного землетрясения и существенно не превышающей его по своей мощности. К тому же существуют немалые нарекания относительно аутентичности актового документа из провинции Тоса, который рассматривается в качестве важнейшего свидетельства природной аномалии 1099 г. Не отрицая вероятности существования более раннего документа XI в., к которому мог восходить ныне имеющийся текст, надлежит признать, что его окончательная редакция относится в концу XIII в. [Исибаси, 2016: 85–86; Канда, 1968: 142–143].

В кратких, но насыщенных разнообразной информацией «Записках из кельи» («Ходзёки», сост. в 1212 г.) досточтимого монаха и прославленного литератора Камо-но Тёмэя (1155?–1216) немало места уделено трагическим событиям того времени. Камо-но Тёмэй обратил свой пылливый взор и на землетрясение 1185 г., дав ему красочную и в то же самое время внушающую ужас оценку: «Вид его был необыкновенный: горы распадались и погребали под собой реки; море наклонилось в одну сторону и затопило собой сушу; земля разверзлась, и вода, бурля, поднималась оттуда; скалы рассекались и скатывались вниз в долину; суда, плывущие вдоль побережья, носились по волнам; мулы, идущие по дорогам, не знали, куда поставить ногу. Еще хуже было в столице: повсюду и везде — ни один храм, ни один дом, пагода или мавзолеей не остались целыми. Когда они разваливались или рушились наземь, пыль подымалась, словно густой дым. Гул от сотрясения почвы, от разрушения домов был совсем, что гром. Остаться в доме — значило быть сейчас же раздавленным; выбежать наружу, — тут земля разверзалась. Нет крыльев — значит и к небесам взлететь невозможно; сам — не дракон, значит и на облака взобраться трудно. Мне думается, что из всех ужасов на свете самое ужасное — именно землетрясение! ... Прошло десять — двадцать дней, и толчки постепенно отдалились. Потом их стали насчитывать четыре или пять в день, а то и два–три; потом уже через день, или один раз в два–три дня: остатки колебаний продолжались, таким образом, месяца с три» [Исэ моногатари, 1979: 217, 218].

Зрелище стихийного бедствия, которое мастерски изобразил Камо-но Тёмэй, достойно восхищения¹. Однако надлежит обратить внимание почтенного читателя, что автор «Записок из кельи» видел в круговерти

¹ В сводном историческом труде «Хякурэнсё» («Стократно закаленные записи») мы обнаруживаем не менее душераздирающие подробности ущерба, нанесенного стихией 1185 г., продолжавшейся несколько часов и сопровождавшейся «гулом, похожим на громыхание». Здания дворцового комплекса, к счастью, устояли, но с крыш попадала черепица и повалилась ограда; значительный урон был нанесен западному флигелю дворца Кангин; жилища обывателей столичного града были либо полностью разрушены, либо получили сильные повреждения; в столичном храме Хоссёдзи «Зал будды Амида» пришел в негодность, а единственная в своем роде, построенная в 1083 г., Девятиярусная пагода не рухнула, но находилась в плачевном состоянии [Хякурэнсё, 1942: 116]. Урон был также нанесен главному молельному залу и колокольне (ремонтные работы продолжались до 1187 г.). Тяжесть повреждений была такова, что пагоду восстанавливали пять лет, но в 1208 г. она снова пострадала от удара молнии, а в 1342 г. оказалась вконец разрушенной после чудовищного пожара [Годзюнто, 1996: 138–140].

многообразных катастроф (пожар 1177 г., ураган и перенесение столицы 1180 г., голод 1181 г., землетрясение 1185 г.) предвестия, указующие на неминуемое падение хэйанской государственности¹. В этом состояла катастрофичность восприятия действительности представителями интеллектуальной элиты, к которой Камо-но Тёмэй относил и себя. Мрачная оценка заката некогда блистательной хэйанской державности, происходившего в те времена, порой насыщенная устрашающими картинами ураганных ветров, пожарищ, наводнений и сотрясений земной тверди, внезапно обрушившихся на Японию, присуща авторам тех времен [Хякурэнсё, 1942: 59–60, 116, 118, 120, 122]. К слову, правый министр Кудзё Канэдзанэ (1149–1207) завершает выразительную характеристику землетрясения 1185 г., продолжавшегося три дня (с 9-го по 12-й день 7-го лунного месяца) и сопровождающегося многочисленными разрушениями в столице и ее окрестностях (императорском дворце, буддийских храмах, синтоистских святилищах и обителище простых людей), пространными рассуждениями об «уникальности» этого события, которое еще предстоит «уразуметь человеческим сердцем», дабы изгнать из души страх безысходности. Само происшествие идентифицируется вельможным сановником в качестве верительного знака приближения «наивысшего предела века Конца Закона», «величайшего порока Неба и Земли», «погибели государства» [Гёкуё, 1966, т. 3: 89–91].

Ритуально-магические и практические средства минимизации последствий природных бедствий

Знаки свыше знаменовали большие события, а потому к толкованию таких предвестий относились с особой осторожностью. По этой причине придворные отнюдь не молчаливо взирали на происходящее, стараясь реагировать в меру сил.

¹ Одна из центральных идей, постулируемых Камо-но Тёмэй, состоит в оценивании конкретной ситуации с общепринятых позиций. По его мнению, состояние нравственного осквернения достигло невиданного масштаба, пребывая не в «скрытой», а в «явной» форме. «Неблагое» стало одерживать верх над «благим», порождая неисчислимые пороки. Уныние заполонило мысли людей. «Все люди стали говорить, как безотрадные дела земные. Поэтому начинало казаться, что вот-вот хоть немножко ослабнет порок в людских сердцах... Но дни и месяцы шли за другими, перевалили год, и скоро уже совсем не стало таких, кто хотя бы словом заикнулся об этом всем», — заключает Камо-но Тёмэй [Исэ многатару, 1979: 218–219].

Уже в VIII в. в Японии оформилась модель государственной идеологии, в основе которой пребывала сложнейшая совокупность ритуально-магических и практических способов, направленных на поддержание (в периоды соответствия идеалу гармонии) или воссоздание (в случае критических ситуаций) миропорядка. Система государственной идеологии представляла собой полиморфное образование, состоявшее из разнообразных идейно-ритуальных и ритуально-политических предприятий (изменение летоисчисления посредством провозглашения нового девиза правления (*нэнго*); придворные музыкально-песенные и танцевальные церемонии с магическим подтекстом, дворцовые пиры и т.д.), дополненных новыми элементами на основе местных верований и культов.

Неотъемлемым компонентом комплекса представлений о верховной власти по-прежнему была китайская концепция «отклика небес» (*тэнъо*) на любые (хорошие или дурные) поступки людей (в первую очередь — правителя). Хорошие поступки побуждали появление добрых «откликов», плохие «отклики» становились следствием дурных деяний. Поскольку государь был гарантом мирового порядка, то Небо стремилось наставить его на праведный путь, являя благие и злоешие «небесные знаки» (*тэммон*), которые демонстрировали правильность или неправильность управленческой стратегии. Это были «отклики» на уже свершившиеся действия. Благие знаки (*сёдзуй*) случались, когда по причине изобилия благотворной мироустроительной силы (*току*) на землях императора царили безмятежные времена¹. В случае нарушения равновесия «пяти первоэлементов» (*гогё*) из-за просчетов правителя и его ближайшего окружения Небо наказывало страну бедствиями (*сайи*) [Фукухара, 1974: 1–30].

Существовали специальные департаменты, наблюдавшие за природными явлениями (*Дзингикан* и *Оммёрё*), служащие которых в случае надобности обязаны были осуществлять толкование того или иного

¹ Считалось, что появления благих знамений невозможно было достичь с помощью грубой силы, ибо они направлялись высшими силами. Именно Небо было вправе решать, когда оно явит благоприятный знак и в каком количестве. Так, в 768 г. во время правления государыни Сётоку (764–770), когда воцарились времена благолепия, Небо послало сразу три хороших предвестия: «ворона с белыми перьями», «черепаху с красными глазами» и «голубую лошадь с белой гривой и хвостом», что повлекло за собой пространные рассуждения о причинах появления сразу нескольких знамений [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 4: 215].

«необычного» явления. Фиксация всего противоестественного становится одним из главенствующих критериев «технологии» историописания: «Счастливые предзнаменования (*сёдзуй* — М. Г.) указывают на благословление Небес; зловещие знамения (*сайи* — М. Г.) предостерегают людей. Они выявляют оправданность политики, а потому все упоминания о них мы собрали воедино, постоянно об оных размышляя», — читаем мы в предисловии к государственному летописному своду «Нихон сандай дзицуруку» [Нихон сандай дзицуруку, 2009, т. 1: ii]. В свode IX в. «Руйдзю кокуси» («Систематизированная национальная история»), призванном упорядочить накопленный материал, переосмыслив его сообразно местной историко-культурной традиции, содержатся несколько рубрик, посвященных счастливым и неблагоприятным знамениям [Руйдзю кокуси, 1934, т. 2: 123–201]¹.

В источниках нередко можно обнаружить самоуничижительные слова правителя или раскаяние по поводу тех или иных его действий. Приведем небезыңтересное свидетельство. В 828 г. после серии землетрясений и горных оползней, вину за которые император Дзюнна (прав. 823–833) взял на себя, определяя беды как «кару небес за прегрешения», правый министр и наставник наследника престола Фудзивара Оцугу (774–843) заявил, что «производящее свойство земли пришло в беспорядок; горы рухнули, а земля затряслась» не только по вине государя, но и по причине безучастности ближних слуг (досл. «рук и ног») правителя к судьбе державы, их нежелания оказывать всестороннюю поддержку своему повелителю [Нихон коки, 2006, т. 3: 286, 287].

Первейшими процедурами, осуществляемыми после того, как произошла какая-либо природная аномалия (наводнение, извержение вулкана, землетрясение и т. д.), насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении источники эпохи Хэйан, были оценка ущерба и гадание.

¹ Примеры благих предвестий, классифицированные в «Руйдзю кокуси» (сохранился не полностью) в хронологическом порядке, весьма изобильны: солнце, луна, звезды, облака, дождь, капли росы, снег, фазан, белолобый гусь, сокол, большой баклан, ворон, ласточка, воробей, горлица, сова, филин, вьюрок с белыми перьями (обычно темно-зеленое оперение), перепел, влетевший в помещение роженицы. Хотя большая часть разделов о «несчастливых признаках» утрачена, их список внушительен: засуха, землетрясение, пожар, нашествие саранчи, неурожайный год, год тройного соединения, когда на небе сходятся три небесных объекта (*санго сай*), эпидемия.

Если катастрофа случилась в столице, то определение масштабов разрушений могли проводить самолично император, экс-государь или же придворные сановники¹. В случае происшествия в дальней округе туда отправлялись императорские посланники, которые должны были не только установить масштаб потерь, но и принять участие в проведении специальных ритуальных мероприятий по упорядочиванию природного хаоса. По возвращении в столицу посланники предоставляли доклад, на основании которого императорским эдиктом устанавливались конкретные меры материальной помощи пострадавшим: содействие в восстановлении разрушенных жилищ, уменьшение налогового бремени (подушная подать (*тё*) и местные налоги (*ё*) уменьшались вдвое), выдача продовольствия из государственных хранилищ, проведение похорон погибших и т.д.

Источники приводят данные о количестве простого люда, обеспеченного продуктами питания в лихую годину. В 871 г., когда затяжные дожди прекратились и воды строптивой р. Камогава отступили, вспомоществование получили 3995 человек в восточной и западной частях столицы. Сохранились сведения об общем количестве вспомоществования, хотя цифры представляются завышенными: в 1135 г. экс-император Тоба из своих кладовых раздал «бедным и испытывающим лишения людям» тысячу *коку* риса (ок. 150 т), а провинции Харима, более других пострадавшей от голодного мора, было пожаловано три тысячи *коку* зерна (ок. 450 т). Наконец, известны нормы предоставления продуктов на человека. В 929 г. каждому взрослому мужчине и женщине на пропитание в день выдавали один *сё* риса (ок. 1 л), одно *сяку* соли (ок. 0,01 л) и одно *го* сои (ок. 0,1 л); дети получали половинную норму [Гёкуё, 1966, т. 3: 89–90; Нихон киракю, 1965, т. 2: 19, 177, 254; Нихон сандай дзицуроку, 2009, т. 1: 538; т. 2: 460; Сёку нихонги, 1989–1996, т. 2: 237; т. 4: 385; Сэйдзи ёряку,

¹ При этом религиозные запреты могли стать уважительной причиной неучастия в таковых мероприятиях, ибо нарушение строгого запрета (*моноими*) считалось опасным. В частности, срочное прибытие на ночной пожар в усадьбу канцлера Фудзивара Ёримити в 1020 г. стало причиной тяжелой хвори старшего чиновника государева двора Фудзивара Таданобу, поскольку он пренебрег запретом-*моноими* и покинул свой дом, что не дозволялось [Сёюки, 1959–1986, т. 5: 239]. И хотя выезжать за пределы поместья во время строгого запрета не разрешалось, принимать посетителей не возбранялось [Сёюки, 1959–1986, т. 1: 101].

1981: 612; Тююки, 1934–1935, т. 1: 395–396; Хонтё сэйки, 1938: 102; Хосо руйрин, 1934: 45; Хякурэнсё, 1942: 51, 60]¹.

Зачастую уменьшение налогового бремени и предоставление материальной помощи пострадавшим после природных аномалий сопровождалось проведением «великого помилования» (*тайся*), поскольку амнистия являлась не только мероприятием, направленным на популяризацию правителя, но и деянием, благотворно влиявшим на природу в целом. От верных или неверных поступков государя зависел природный баланс, а Небо выступало финальным адресатом его деятельности. Хаос социальный и природный были свидетельствами нарушения гармонии с природой. Правитель мыслился в качестве защитника космического порядка, гаранта согласованности континуума. Утяжеление наказаний и неоправданная жестокость власти отзывались неодобрительными знаками свыше, которые могли способствовать разгулу стихийных бедствий и приходу тяжелых недугов, а потому, дабы продемонстрировать гуманность правителя и умиловить Небо, надлежало провозглашать амнистию. Любая необузданная стихия могла быть усмирена только противоположной стихией, и правитель своими действиями был призван укротить ее буйство, вернув мир в состояние упорядоченности. По этой причине амнистия, провозглашаемая в торжественной обстановке императорским указом, была разновидностью ритуально-магического действия, конечной целью которого становилось восстановление гармонии природы² [Дэнрэки,

¹ Надлежит при этом отметить, что в случае обнаружения счастливого знамения обычные люди обеспечивались не меньшим (а порой и большим) количеством предношений: в 860 г., когда, несмотря на «землетрясение, грозу и град» в столице, из провинции Суруга сообщили, что «над горой Фудзияма появились пятицветные облака», император Сэйва и его супруга одарили подданных обильными подарками — рисом, солью, молодым вином, кушаньями из клейкого риса с разнообразными начинками, морскими водорослями, медными монетами и т.д. Хотя цифры, скорее всего, существенно преувеличены, щедрость пожертвований императорской четы кажется невообразимой. Одного только риса было предоставлено 600 *коку* (ок. 90 т), кушаний (*тимаки*) приготовлено 1500 штук, морских водорослей — 33300 *кин* (ок. 20 т), а монет — 125 тысяч [Нихон сандай дзицуроку, 2009, т. 1: 88].

² Амнистии могли проводиться по различным значимым причинам: стихийное бедствие, благое знамение, смена девиза правления, вступление на престол, объявление наследника престола, болезнь правителя, экс-императора или наследника престола, моления о рождении наследника, церемония совершеннолетия и т. д. Согласно подсчетам Сатакэ Акира, с 887 по 1198 г. было объявлено 220 амнистий, причем в 72 случаях поводом стали стихийные бедствия [Сатакэ, 1983: 3–4].

1960–1970, т. 3: 223; т. 4: 40–41; Нихон киракю, 1965, т. 2: 19, 253–254; Нихон сандай дзицуруку, 2009, т. 1: 106–108; Руйдзю кокусси, 1934, т. 1: 505–509; Сатакэ, 1983: 1–30; Сёку нихонги, 1989–1996, т. 1: 329–330; т. 2: 49, 51; Сёюки, 1959–1986, т. 2: 5; т. 4: 32, 33; т. 10: 110; Тююки, 1934–1935, т. 3: 225–226].

Что представляло собой гадание в те далекие времена? В древней и раннесредневековой Японии были известны разнообразные гадательные техники, зачастую заимствованные из Китая. Порой гадание предполагало витиеватую комбинационную технику с использованием «гадательной доски» (*тёкубан*) с несколькими пластинами, на которые были нанесены циклические знаки¹. Однако наибольшее признание в древней Японии получает гадание на лопатке оленя (*рокубоку*) и панцире черепахи (*кибоку*). В конце периода Нара (710–794) все большее распространение приобретает гадание на панцире черепахи, и в документах IX в. оно предстает в качестве официально признанной гадательной практики². Кроме того, в эпоху Хэйан было широко распространено «гадание на панцире черепахи и тысячелистнике» (*кидзэй*) [Косака, 1993: 24–26; Нагадомэ, 1984: 87–115]. Монополия на гадательные практики

¹ Расположение знаков становилось основой распознавания «счастливых» и «несчастливых» отрезков времени или умозаключений (порой весьма таинственных и двусмысленных) относительно какого-либо необычного явления. Процедура гадания иногда доподлинно неизвестна, как например, при «гадании по пяти первоэлементам» (*гогё уранай*), а потому реконструкция гадательных техник представляет сложнейшую исследовательскую задачу [Косака, 1993: 19–75].

² Согласно традиции, технология гадания на панцире черепахи была создана на небесах [Кудо, 2003: 144]. Проведение гадания было привилегией представителей рода Урабэ, профессиональные функции которых дали название всему роду (*урану* — «предсказывать, производить гадание»). Именно они следили за соблюдением процедуры получения предсказания, дабы получить ответ на интересующий вопрос. Интересно, что термин, применяемый для обозначения «трещин» (*тё*) на подвергнутом нагреву панцире черепахи, означал также «предзнаменование»: «Знак «боку» (предсказывать — *М. Г.*) относится к обжиганию панциря черепахи. Знак «тё» (трещина — *М. Г.*) имеет отношение к горизонтальным и вертикальным узорам, образовавшимся в результате его опаливания. Обжиг панциря черепахи для установления благоприятных или зловещих знаков — это предпринятие, вменяемое в обязанности гадателям из рода Урабэ» [Рё-но сюэ, 1972, т. 1: 31–32].

принадлежала Палате по делам небесных и земных духов и Ведомству темных и светлых сил¹.

Процедура гадания требовала осторожного выбора не только самого прорицателя, но и места проведения мероприятия, ибо любая ошибка могла привести как к аннулированию результатов гадания, так и к бедам, вызванным гневом божества. Участники гадания должны были выдерживать немалочисленные запреты: придерживаться ритуалов очищения несколько дней; не есть мясо и некоторые виды продуктов на протяжении семи дней; еду надлежало готовить на отдельном очаге; следовало соблюдать изоляцию от вероятного «загрязнения» гадателей кровью или смертью. Существовали жесткие требования к используемым панцирям черепах относительно их формы и способа получения [Blacker, 1981: 65–67]. Когда гадатель производил специфические манипуляции², пытаясь установить «виновника» (или «виновников») катаклизма, дабы иметь представление, каких божеств надлежит умиловить посредством подношений³, а также понять, не существует ли более сложной закономерности случившегося. Таким образом, гадательные практики открывали вероятную перспективу для проведения специальных ритуаль-

¹ Формально во главе Дзингикан стоял чиновник 4-го ранга, но фактически его возглавлял сам государь. Оммёрё было де-юре ведомством в составе Министерства центральных дел (*Тюмусё*), но обладало изрядной долей самостоятельности в вопросах «правильной» интерпретации природных явлений (принятие окончательного решения, вне всяких сомнений, оставалось неотъемлемой прерогативой правителя). Особый статус двух вышеозначенных департаментов отчетливо просматривается в преимущественном праве его служащих подавать доклад лично императору (служащие иных одиннадцати ведомств Министерства центральных дел, к примеру, такой возможности не имели). Тем не менее приоритетность принципов бюрократии была настолько значительна, что в силу своего формального подчинения Министерству центральных дел Оммёрё (несмотря на свой престижный статус в системе государственных органов) осуществляло гадание исключительно по запросам других департаментов, если таковые поступали через аппарат Тюмусё [Рё-но сюэ, 1972, т. 1: 57–76].

² На внутренней стороне панциря специальным инструментом наносили несколько вертикальных и горизонтальных черт. Во время нагрева на огне на лицевой стороне образовывались трещины. Именно эти трещины становились основой для предсказаний о грядущем.

³ Обязательные подношения божествам осуществляли, дабы умиловать их и, таким образом, устранить стихийные бедствия, а по возможности предупредить их в будущем.

но-магических мероприятий, были способом установления причинности и характера произошедших природных аномалий, а сами «необычные» явления рассматривались зачастую в качестве предзнаменований грядущих событий¹.

Иногда в донесении из дальней округи государев двор информировали о результатах состоявшегося гадания. Так обстояло дело и в 840 г., когда на о-ве Камицу в провинции Идзу произошло извержение вулкана. У этих событий была предыстория. Существовало поверье, что на вершинах вулканов и горных пиков в своих чертогах (*ками ин* или *ками мия*) обитают божества, способные выражать собственное недовольство посредством природных аномалий. Еще в 832 г. с помощью гадания было выяснено, что гнев божеств Мисима-но ками и Иконахимэ-но ками стал причиной засухи, обрушившейся на многие провинции Японии и давшей начало смертоносным болезням [Нихон коки, 2006: 366–367]. В 838 г. на о-ве Кодзусима (расположен рядом с о-вом Камицу) было крупное извержение вулкана². Предшествующие трагические события настолько врезались в память, что после «оживления» вулкана на о-ве Камицу в 840 г. было незамедлительно инициировано гадание, которое «установило», что в извержении повинно божество Ава-но ками. Ава-но ками — центральное божество святилища Мисима тайся и главная супруга божества Мисима — гневалось, ибо не получило ранга, в то время как другая супруга божества Мисима-но ками по имени Иконахимэ-но ками желанным рангом обладала³. В следующем месяце «безранговому» (*муи*) божеству Ава (как и еще нескольким божествам, не имеющим ранга) был пожалован пятый придворный ранг нижней ступени⁴, дабы «чудотворной

¹ Ритуально-магические мероприятия могли проводиться и заблаговременно, и постфактум, если о предстоящей угрозе уведомляло гадание или были иные, указывающие на его неминуемость, признаки [Сёку Нихон коки, 1934: 107].

² Извержение было настолько мощным, что даже в столице были слышны звуки, напоминающие «удары в большой барабан» [Сёку Нихон коки, 1934: 77].

³ Иконохимэ-но ками стала супругой божества Мисима позже Ава-но ками, которая к тому времени родила богу пятеро детей. К тому же Иконохимэ-но ками осмелилась извергнуться раньше и была вознаграждена рангом, а Ава-но ками все еще не являлась счастливой обладательницей ранга (*канъи*). Все это вызвало у нее ревность и гнев (*татари*), который стал причиной извержения. Ныне святилища Мисима тайся и Иконохимэ-но микото дзиндзя располагаются на п-ове Идзу, в преф. Сидзуока.

⁴ Такой же ранг был присвоен и дочери Ава-но ками — безранговому божеству Моноимина-но микото (его роль в печальных событиях 840 г. не совсем понятна).

силой» придворного статуса утихомирить гнев божества [Сёку Нихон коки, 1934: 110–112]. Поскольку группа о-вов Идзу не раз являла примеры вулканической активности и иных напастей, божество Мисима-но kami неоднократно (в 850, 852, 859, 864 и 868 гг.) повышалось в ранге¹, пока в 868 г. после нескольких крупных землетрясений и серии необычных природных явлений оно не было удостоено третьего младшего ранга², ибо жалование придворного ранга гневающемуся божеству мыслилось «надежным» средством устранения его беснования [Нихон сандай дзицуруку, 2009, т. 1: 430; Руйдзю кокуси, 1934, т. 1: 115]³.

В 886 г. из провинции Ава поступило донесение о необычных и новодящих страха аномальных явлениях. Вечером 24-го числа 5-го лунного

¹ В отличие от определения статуса того или иного святилища, «ранги божеств» (*синкай* или *синъи*) были маркерами их персонального статуса в общей иерархии. После представления со стороны Палаты по делам небесных и земных божеств и обсуждения запроса на государственном совете присвоение ранга (или дальнейшего повышение в ранге) осуществлялось указом божественного августейшего правителя. Система «рангов божеств» во второй половине IX в. превратилась в мощный инструмент поддержания престижа императорской власти. Речь идет о практике «Итидай итидо дайджинхоси» («Государевы посланники к святыням великих божеств, отправленные один раз в одно правление»), согласно которой каждый раз, вступая на престол, новый император «заручался поддержкой» божеств, отправляя специальных посланников в святилище Исэ дзингу и другие значимые святилища с целью подношения особых даров [Сакэйки, 1965, с. 28–29]. Регулярное повышение в рангах божеств крупных святилищ было частью этой практики. В свою очередь, управители провинций оказывали содействие государеву двору, дабы использовать ранги божеств для усиления контроля над местными синтоистскими святилищами (сохранились свидетельства запросов местных властей о предоставлении рангов тем или иным божествам). В конце эпохи Хэйан «ранги божеств» превратились в своеобразные почетные титулы и постепенно утратили свою былую значительность. Известны случаи, когда повышение в ранге осуществлялось без непосредственного участия императора по представлению управителей провинций [Касэ, 2012: 13–24]. Реестр пожалований божеств придворными рангами см.: [Руйдзю кокуси, 1934, т. 1: 103–121].

² Третий ранг, без сомнения, считался высоким.

³ Надлежит заключить, что надежды на обуздание гневающегося божества, если в обилии странных природных катаклизмов первой половины 868 г. было повинно именно Мисима-но kami, увы, не оправдались. После того, как божество в конце 7-го лунного месяца 868 г. было повышено в ранге, уже в следующем месяце произошло пять землетрясений, и весь месяц был отмечен проливными дождями; вдобавок дотла сгорел дворец престолонаследника [Нихон сандай дзицуруку, 2009, т. 1: 430–431].

месяца над морем в юго-восточном направлении появилось ядовитое «черное облако, внутри которого сверкала молния», но «глубокой ночью гроыхающий звук, словно от землетрясения, прекратился». На рассвете 26-го числа приключились «гром и молния, ветер и дождь» и «на землю посыпалась вулканическая пыль, полностью накрыв горы, долины, поля и сады». Вся рассада засохла на корню, многие лошади и быки погибли, поскольку не смогли добраться до корма из-за толстого слоя пыли. Вердикт служащих Оммёрё был таков: «Злость почтительного духа¹ взрастила ярость проклятия. Эта провинция будет охвачена бедствием эпидемии. На юго-востоке провинции произойдет войсковой мятеж» [Нихон сандай дзицуруку, 2009, т. 2: 419].

Иллюстрируя историю, когда гадание определило первопричиной природной аномалии негодование «почтительного духа», приведем небезынтересный пример. В 860 г. из провинции Нагато пришла беда — эпидемия морового поветрия — «умерших было не счесть». Следующий год явил немало устрашающих событий. Зловещее гроыхание над дворцовым комплексом, пугающие грозовые дожди, необычное (не по сезону) цветение груши и сливы, и в довершение ко всему — эпидемия дизентерии, принесящая смерть многим детям младше десяти лет от роду. 862 г. прошел под знаком повышенной сейсмической активности, а 863 г. начался с появления в столичном регионе смертоносной хвори, когда у недужных наблюдались приступы астматического кашля. На этом невзгоды не завершились. По причине распространившихся напастей и «ритуального осквернения» (*кэгарэ*) на неопределенное время были отложены значимые священнодействия (*Касуга мацури*, *Тосигои мацури*), а сам дворец государя был закрыт для посещения с целью соблюдения строгого запрета и проведения очистительных мероприятий. Со страниц летописи взору предстает ужасающая картина разгула стихий. Очевидец тех страшных событий с болью в сердце отмечал: «Пять злаков не поднялись. Простой народ прозябает в крайней нужде. Лютуют губительные хворобы. Не пересчитать погибших». Служащие дворцовых ведомств корень зла узрели в свирепствовании «проникших» в столичный град «духов-горё».

¹ Почтительный дух (*горё*) — дух несправедливо осужденного, который мстил обидчикам, вымещая на них злобу, между делом производя иные бедствия (пожары, недуги, засуха и т.д.), от чего страдали и ни в чем не повинные люди.

В 5-ю луну 863 г. в саду Божественного источника (располагался на территории дворцового комплекса) было проведено грандиозное очистительное действие с целью умиротворения и избавления от мести злобствующих духов, поскольку страх перед теми, кто умер неестественной смертью, питал веру, что их неприкаянные души способны стать источником злосчастий. Обряд был направлен на защиту от шести духов (для них были подготовлены специальные места, а также цветы и фрукты, источавшие чудодейственные ароматы). То были духи ранее оклеветанных и сгинувших при подозрительных обстоятельствах высокопоставленных придворных, с именами которых связывались катаклизмы последних лет. В летописи констатировалось: «Распространившиеся повсеместно эпидемии сгубили много народу... несчастья были порождены злонравными духами-горё» [Нихон сандай дзицуруку, 2009, т. 1: 140, 142, 167, 171, 186, 188, 195–196, 202].

В 887 г. произошло мощное землетрясение, сопровождаемое необыкновенными погодными явлениями (сформировавшаяся над столичными воротами Даттимон¹ дымка, которая «дымкой не являлась», «напоминала радугу, но радугой не была») и странным поведением насекомых (в поднебесье взмывал рой «крылатых муравьев» (*хаари*)). Предпринятое по инициативе придворных гадание силами Оммёрё показало: сотрясение земной тверди — предвестие будущих катаклизмов: ураганов, наводнений и пожаров. Через несколько дней полчище «крылатых муравьев» выбралось из кладовых императорской сокровищницы. Насекомые сбились в рой и взмыли в небо, направившись в Фунаока, что в северо-западном направлении от императорского дворца. Это поистине необычное зрелище, происходившее на фоне нескольких новых подземных толчков, напоминало радугу. Восседавшие над теремом Белого тигра (*Бяккоро*) и теремом Прозрачной дымки (*Сэйкаро*) две белоснежные цапли побудили служащих Ведомства темных и светлых сил повторно провести гадание, указавшее, что землетрясение возвещает грядущие пожары [Нихон сандай дзицуруку, 2009, т. 2: 460, 462].

В 986 г. специалисты *Дзингикан* и *Оммёрё*, определяя первопричину затяжных дождей, возложили «вину» за ливни на «гневающееся великое божество», странствующее либо в юго-восточном, либо в северо-западном направлениях [Хонтё сэйки, 1938: 141].

¹ Одни из трех внешних врат северной ограды дворцового комплекса.

В 1152 г. (нечто подобное имело место и в 994 г.) во время эпидемии по столице поползли «злостные рассказы» о пришествии «божества болезней» (*экики*), которое будет «бродить» (*югё*) по столице, а потому нельзя выходить на улицу. Более половины жителей, как знатных, так и простолюдинов, опасаясь последствий встречи с «божеством болезней», «схоронились в своих домах», подвешивая над входом ветки мирта китайского¹ [Хонтё сэйки, 1938: 192, 827]. В дневниковых записях Фудзивара Санэсукэ неоднократно упоминаются гадания, «установившие», что «божества болезней» способны «производить порчу», и это могло стать причиной тяжкого недуга или иной напасти [Сёюки, 1959–1986, т. 4: 41, 58, 61; т. 8: 117]. Также сохранилось свидетельство о проведенном в 832 г. подношении даров «известным божествам провинций столичного региона и семи дорог», дабы «отблагодарить божества болезней» и в итоге «предотвратить» в будущем «ураганные ветры и дожди» [Хосо руйрин, 1934: 45].

Представляется, что уже в IX в. при выявлении причин стихийных бедствий все более очевидным становится конфликт между государственной идеологией, где существенное значение отводилось китайской доктрине императорской власти и концепции «отклика небес», и местной религиозной традицией, которая покоилась на культах локальных божеств. Функция гадательных практик в некотором смысле состояла в сглаживании имеющейся несогласованности, ибо гадание позволяло выяснить волю того или иного божества, если оно негодовало и насылало порчу. По этой причине значительно увеличилась совокупность сверхъестественных существ, способных стать источником необычных явлений: «гневающиеся божества»-«*татаригами*»; мстительные духи людей, умерших насильственной смертью; божества болезней. И для каждого случая существовал свой инструментарий избавления от напасти.

Более того, в X в. при объяснении тех или иных бедствий в текстах источников появляется идея «движения событий в соответствии с принципом *ри*» (*риун*), о чем, к примеру, свидетельствуют записи дневника именитого царедворца Фудзивара Санэсукэ (957–1046) за 984, 1015

¹ Муррай метельчатая — вечнозеленое растение. Цветы источают сильный аромат, напоминающий запах жасмина. Бытовало поверье, что запах растения может защитить от злых духов.

и 1022 г., где обрушившиеся «несчастья» (*яку*) и «катастрофы» (*дзай*) растолковываются неясной внутренней логикой событий [Сёюки, 1959–1986, т. 3: 57; т. 4: 58; т. 6: 91].

Идея «движения событий в соответствии с принципом *ри*», впервые появившаяся в контексте объяснения механизма возникновения стихийных бедствий во время годов *санго*¹, также с течением времени приобретает все большую популярность в придворном сообществе, а с начала X в. встречается в случаях толкования причин того или иного катаклизма. Первоначально трактовкой «небесных знаков» и вынесением суждений относительно причин бедствий занималась Палата небесных и земных божеств, в то время как Управление темных и светлых сил выступало с прогнозами на будущее и уведомляло государев двор о бедствиях грядущих. Однако с возрастанием влияния Управления темных и светлых сил при дворе интерпретация

¹ В трактате «У син да и» («Основной смысл пяти первоэлементов») отмечалось, что на Небе располагаются «девять дворцов», по которым странствуют божества, являющиеся олицетворением тех или иных светил. Девять божеств имеют свои «пристанища» — «дворцы». Каждое «пристанище» является отправной точкой для одного из божеств, способного пройти полный круг по всем «дворцам» небосвода. Три божества: *Дайтоси* (Годовое светило), *Какки* (Вредоносный дух) и *Тайин* (Великая Инь) своих «дворцов» не имеют. Именно на основании передвижения этих светил вычислялась вероятность наступления годов *санго* [Гогё дайги, 1990: 166–167]. Божество *Дайтоси* соответствовало Юпитеру, *Тайин*, его невидимый «теневого спутник», отличный и от обладающего таким же именем божества, закрепленного за восьмым по счету «дворцом», как и от другого астрономического Большого Инь — Луны. Оба они перемещались по небу в соответствии с 12 циклическими знаками, расположенными на экваторе, однако Юпитер «путешествовал» в соответствии со своим реальным движением с запада на восток, в то время как Тайин — с востока на запад. Что касается *Какки*, то этот астрономический объект проходил «полный круг» по небосклону за четыре года и встречался с *Дайтоси* и *Тайин* раз в девять лет лишь в одном «дворце». В пятичленной структуре основных параметров мироздания также наблюдается движение, и «пять стихий» (кит. *у син*, *яп. гоэ*) проходят три стадии эволюции: «рождение» — «возмужание» — «умирание». Согласно представлению о годах *санго*, «энергия дерева» обретает наибольшую силу в 10-й, 2-й и 6-й лунные месяцы; «энергия огня» — в 1-й, 5-й и 9-й; «энергия металла» — в 4-й, 8-й и 12-й; «энергия воды» — в 7-й, 11-й и 3-й. Так поддерживается правильное чередование четырех сезонов, а нарушение цикла доминирования «энергии» чревато катастрофическими последствиями и предвещает приближение несчастливых лет [Сога, 2013: 96–101].

смысла уже свершившихся бедствий входит в круг его полномочий. Свидетельства расширения компетенции *Оммёрё* начинают встречаться в текстах с 70-х гг. IX в. Если поначалу оба государственных департамента приходят к единым выводам и в посвященных гадательным практикам записях мнения служащих *Дзингикан* и *Оммёрё* подаются единым блоком¹, то уже в 890-х гг. Палата небесных и земных божеств и Управление темных и светлых сил обнаруживают очевидное несогласие в толковании одного и того же события.

Одновременно с этим в донесениях служащих *Оммёрё* просматривается систематичность употребления формулировки «движение событий в соответствии с принципом *ри*». Порой она дополняется пространными рассуждениями о причинах уже свершившихся явлений, как, например, в компендиуме по истории буддизма в Японии «*Фусо рякки*» («Краткие записи о стране Помощной Шелковицы») в записи от 9-го дня 6-го месяца 9-го года *Энги* (909 г.) сообщается, что служащие обоих департаментов были приглашены для выяснения причины затяжных дождей. Чины *Дзингикан* вынесли вердикт: непрекращающиеся ливни — результат «ритуального осквернения» территории святилища. Служащие *Оммёре* между тем настаивали на верховенстве идеи «движения событий в соответствии с принципом *ри*», а непосредственным «виновником» случившегося стал гнев божества (*татари*), проистекающий из святилища и соседствующей с ним императорской усыпальницы. Похожая ситуация описывается и в записях 938 г., когда землетрясение именуется чинами *Оммёрё* «несчастьем по причине движения событий в соответствии с принципом *ри*» [Ямагути, 2020: 369].

Девизы правления (*нэнго*) были идеологемой, указующей на обязанность правителя успешно выполнять возложенные на него функции и достигнуть мира и преуспевания для своей державы. Порой они вос-

¹ Первое свидетельство проведения совместных мероприятий *Дзингикан* и *Оммёрё* принято относить к 782 г., когда департаментам было поручено провести совместно гадание, дабы установить причину «знамений» и «бедствий», обрушившихся на государство. В совместном отчете говорилось: «Хотя подношения божествам во время общегосударственных богослужений производятся старательно, служащие обряжаются в простые одежды, смешивая благое и дурное. По этой причине великое божество, чтимое в Исэ, как и божества иных святилищ, наводит порчу (*татари* — М.Г.)» [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 5: 245, 247].

принимались как имя государя, и в источниках не обнаруживаются примеры их наследования от предыдущего правителя. Это был неотъемлемый компонент процедуры интронизации: магическая словесная формула, призванная не только декларировать принципы предстоящего правления, но и служить гарантией благоденствия на будущие времена, чтобы «обновление» правления происходило на высочайшем уровне [Сайкюки, 1993: 472–473, 513–514]. Поскольку японский император считался «владельцем» времени и каждый новый правитель начинал утроение заново именно с Нового года, дабы соответствовать определенным космическим ритмам, то смена девиза правления рассматривалась в качестве действенного средства минимизации последствий природных катаклизмов. Девизы правления, обнаруживающие прямую связь со знаменами (как благоприятными, так и зловещими, ибо неблагоприятные события порой требовали смены *нэнго*), выступали в роли верительных знаков магической силы, которой обладал каждый правитель, ее семантическим выражением, в связи с чем небезынтересен пример влияния событий года *санго* на смену *нэнго*, предоставленный нам дневниковой литературой. 1110 г. был отождествлен с «годом несчастий *санго*, поскольку на днях было явлено необычное небесное явление» (*тэнхэн*) в виде «появившейся кометы», о чем государь Тоба был незамедлительно уведомлен. По этой причине прежний девиз правления *Тэннин* (досл. «Милосердие Неба») изменили на *Тэнъэй* (досл. «Вечно [незыблемые] небеса») [Тююки, 1934–1935, т. 7: 172].

Впоследствии года *санго* приобрели достаточную значимость и учитывались во время смены девизов правления, в особенности если накануне или непосредственно во время этих годов случались какие-либо стихийные бедствия или политические коллизии. Любопытны рассуждения Маруяма Сюити — известного специалиста по истории японских верований. Он предположил, что смена девиза правления в конце эпохи *Энги* (трад. 901–923) может иметь отношение к годами *санго*, смена девиза *Тэнряку* (трад. 947–957) имела место по той же причине, так как в сводном историческом труде «*Нихон киракю*» («Краткие записки о Японии») отмечено, что изменение *нэнго* *Тэнряку* случилось из-за засухи, которая стала результатом наступления года *санго*. Принятие нового девиза правления *Дзёряку* (трад. 1077–1081), как и девиза *Дзюэй* (трад. 1182–1184) в 1182 г. (в тот год, помимо жертв войны между кла-

нами Минамото и Тайра, наблюдался разгул стихии, запомнившись современникам невероятной засухой и страшной эпидемией), признаются следствием сочетания различных бедствий и наступления года *санго* [Маруяма, 1992: 94, 107, 177].

Поскольку информация, полученная на основе изучения выборочных данных о смене девизов правления, не может служить прочным фундаментом для статистических интерпретаций, выскажем предположение, что наступление года *санго* не воспринималось как главенствующая причина смены девиза правления, иначе принятие нового *нэнго* осуществлялось бы с удивительной регулярностью — раз в девять лет. Изменение наименования девиза правления было лишь одной из экстренных мер реагирования на обнаружившееся мирорасстройство по причине пришествия года *санго* (или иной весомой причине), когда надлежало восстановить в стране миропорядок, восстановив стабильность, если проявлялись признаки разлада в виде эпидемий, бедствий или смут.

Вычисления моментов наступления годов *санго* осуществлялись по сложной схеме и требовали специальных навыков, а монополия на эти знания тщательно оберегалась служащими соответствующих департаментов. При этом случались и досадные недоразумения. Ввиду многосложности процедуры подсчетов результат не всегда получался качественным. Порой и божественный августейший правитель оказывался неверно информирован. В 1018 г. властно сановный муж Фудзивара Санэсукэ зафиксировал в дневнике интересный случай «грубой погрешности» при расчетах годов «троичного соединения». Прочитав императорское повеление, прославленный знаток китайской словесности Фудзивара Кинто (966–1041) сообщил регенту Фудзивара Ёримити (992–1074), что в тексте высочайшего эдикта «отвергается» вероятность наступления «злополучного года *санго*». Тем не менее повторный просмотр донесения служащего *Оммёрё* Абэ Ёсихира позволил прийти к заключению, что передвижения по небосклону Верховного божества *Тайицу* были истолкованы неверно. Без сомнения, нынешний год следует идентифицировать как год *санго* [Сёюки, 1959–1986, т. 5: 2–3].

К середине X в. для оглашения результатов собственных гадательных практик *Дзингикан* вслед за *Оммёрё* начинает использовать идею «движения событий в соответствии с принципом *ри*». Так, в сводном истори-

ческом труде «*Хонтё сэйки*» («Записи о существовании нашей династии») содержится запись от 8-го дня 7-го лунного месяца 2-го года *Тэнгё* (939), которая гласит, что для проведения гаданий ко двору были приглашены чиновники *Дзингикан* и *Оммёрё*. Причиной засухи тогда было признано «движение событий в соответствии с принципом *ри*» (вероятно, итоговое решение было согласовано между служащими обоих департаментов) [*Хонтё сэйки*, 1938: 37]. Согласно «Записям молений о [ниспослании] дождя», устанавливая причину засухи 961 г., *Дзингикан* и *Оммёрё* оказались единодушны, что она стала следствием естественного хода вещей. Аналогичная ситуация наблюдалась и в 963 г. [*Ямагути Эри*, 2020: 372].

В документах X в. вина за разнообразные природные катаклизмы нередко возлагалась на «гневающихся божеств», однако этот вид эмоций не интерпретировался как сформировавшийся по причине каких-либо проступков человека, а мыслился в качестве проявления естественной природы «гневающихся божеств».

Имеющаяся в распоряжении исследователей совокупность первичных исторических материалов не всегда делает возможным точное определение всех способов устранения беспорядка в природе, предпринимаемых властями. Конкретизируем порядок действий в случае обрушения напасти со стороны реки. Наиболее «действенными» и «общепонятными» мерами умирения угроз для императорского двора эпохи Хэйан были ритуалы молений о прекращении дождя и отправка в святилища посланников с дарами. На этапе формирования системы «экстренных» молений в случае экстремальной ситуации следовало справлять службы в храмовых комплексах, посвященных божествам-«*мёдзин*», однако к середине IX в. составляется определенный список святилищ, «ведавших» дождевыми делами (Ниу, Кибунэ, Мацуноо, Огура, Инари, Камо и т.д.). Нередко проводилось «умиротворение» божеств, если их действия признавались причиной бедствия.

Источники не позволяют во всей полноте реконструировать ритуал прекращения дождя, который, по всей вероятности, был в отдельных деталях аналогичен обряду испрашивания дождя [Гокэ сидай, 1991: 590–591]¹. Главенствующая компонента ритуала состояла в подношении «свя-

¹ По нашим подсчетам, только в летописном своде «Нихон сандай дзицуроку» содержится 51 упоминание о церемонии вызова дождя по причине засухи и 20 примеров ритуала молебствований о его прекращении.

щенных коней» (*дзинмэ*) святилищам. Суть такого дара прочно связывалась с его сакрально-магическими свойствами. Когда в 731 г. «провинция Каи преподнесла божественного коня вороной масти, грива и хвост — белые», в летописи даны пояснения: «Божественный конь — это дух реки... Коли добродетельность [правителя] достигает горных вершин, показывается божественный конь... Взаправду — сие величайшее благостное предвестие. Оно ниспослано храмами предков, алтарями земли и злаков¹» [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 2: 252, 255].

Сохранились детали проведения вышеозначенных действ: «Если с 4-го по 8-й лунный месяц долго нет дождей, надлежит молить [небо] о ниспослании дождя. [Чинам] палаты по делам небесных и земных духов надобно провести гадания об [истоках] гнева [божеств]... Отправить посланников в святилища... и поднести коня вороной масти... Коли в течение 8-го и 9-го лунных месяцев затяжные дожди не прекратятся, следует просить [небеса] о прекращении дождей. Провести гадания о [причине] гнева [божеств]. Сделать приношения различным святилищам... Даровать коня рыжей масти. Как в случае с ритуалом молений о дожде, гадания проводить на панцире черепахи и тысячелистнике. Если при расследовании в святилище проявится скверна, то, устранив [источник опасности], навести порядок» [Сингисики, 1931: 275]².

Без сомнения, практика чтения сутр была одним из самых распространенных средств избавления от природных бедствий и в более ранние времена, о чем говорит сообщение от 725 г., когда 600 монахов были призваны во дворец для чтения «Сутры о великой праджня-парамите» («Дайханьякё»)³ с целью спасения от злосчастия [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 2: 159].

В летописном своде «Сёку нихонги» 758 г. читаем: «Большое писцовое управление⁴ докладывало: «Согласно “Канону девяти дворцов

¹ Т.е. божествами, оберегающими страну.

² Аналогичная практика упоминается и в других источниках X–XII вв. [Гокэ сидай, 1991: 591; Тююки, 1934–1935, т. 2: 90–91], однако в IX в. с мольбами о прекращении дождя ассоциировалось «подношение коня белой масти» [Нихон сандай дзицуроку, 2009, т. 1: 675; т. 2: 40].

³ Этот текст объемом в 600 свитков посвящен учению о «запредельной» первоизданной мудрости.

⁴ Речь идет о Ведомстве темных и светлых сил.

[Желтого императора]”, предстоящий год является годом *санго*. В [этой] книге говорится, что год *санго* приносит такие бедствия-«*дзай*», как наводнения, бездождие и болезни. Слышали мы, “Сутра сердца праджня-парамиты” почитается матерью всех будд. Коли выучить и возглашать ее четырехсложные *гатхи*, обретишь такое счастье и добродетели, что и исчислить невозможно. Если их будет возглашать Сын Неба — мятежи и бедствия страну обойдут стороной. А будут [сутру] возвещать люди простые — болезни и духи злополучия не войдут в их дома. Нет лучше того, дабы отвести зло и обрести благое.

Пусть это станет известно во всех провинциях Поднебесной, чтобы мужчины и женщины, стар и млад читали бы “Сутру сердца праджня-парамита” — стоя, сидя, передвигаясь пешком, когда язык их будет свободен от иного. Люди служивые, гражданские и военные, пусть читают ее во время каждодневного путешествия к месту службы и не теряют времени даром. Желаем того, чтобы ветра и дожди соответствовали сезонам, не случались горести засухи, холодное и горячее уравновешивали друг друга, дабы болезни покинули нас. Пусть повеление сие будет объявлено далеко и близко, и стала известна воля Наша» [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 3: 281].

Однако в период Хэйан чтение сутр стало поистине универсальным действием по спасению от опасностей различного свойства, поскольку считалось, что провозглашение сутр способствует искуплению злокозненных деяний не только «гневающегося божества», но и злобствующего духа умершего человека [Нихон сандай дзицуроку, 2009, т. 1: 201–202]. Как и в период Нара, местом проведения чтений мог быть дворцовый комплекс¹, крупный буддийский храм² и даже открытое пространство за пределами столицы³ (в ряде случаев прибегали не только к чтению, но и переписыванию сутр⁴, а также пострижению избранных в монахи⁵).

¹ В 737 г. с целью «успокоения страны» 700 монахов «читали сутры [путем] перелистывания» (т. е. оглашением избранных мест сутры) в 15 разных местах дворцового комплекса [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 2: 327].

² Например, в храмах Дайандзи, Якусидзи, Гангодзи и Кофукудзи [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 3: 11].

³ См., напр.: [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 2: 163].

⁴ Там же: 125.

⁵ Там же: 163, 169, 327.

Претерпел изменения и арсенал средств борьбы с напастями: вместо чтения «“Сутры сердца праджня-парамиты” — стоя, сидя, передвигаясь пешком», как отмечается в рескрипте 758 г., ныне надлежало осуществлять поклонение местным божествам при помощи подношений, усердно возглашать «Алмазную сутру праджня-парамиты» (или же иные значимые сутры) и жалобно зывать к милосердию Будды-исцелителя *Якуси* и бодхисатвы *Каннон*. «В [центральном] регионе Кинай и всех провинциях семи регионов сделали подношения знаменитым божествам... Днем монахи читали “Алмазную сутру праджня-парамиты”, а ночью слезно зывали к Будде-исцелителю *Якуси* и бодхисатве милосердия *Каннон*. Так продолжалось три дня [и три ночи]. И пришла [долгожданная] радость избавления от наводнения и засухи, эпидемий, гибели людей в конфликтах и пожарах», — читаем в императорском указе 875 г. [Нихон сандай дзицуруку, 2009, т. 1: 679–680; Руйдзю кокуси, 1934, т. 2: 188–189].

К молениям о дожде (*сэйги*) привлекали буддийских монахов, основная задача которых состояла в декламации сутр (в 1017 г. «Сутру о человеколюбивом государе» (*Ниннокё*) на протяжении трех дней возглашали 500 монахов). В случае недостижения желаемого эффекта, церемонию могли продлить (например, как в 1028 г., на два дня), равно как и прекратить, если дождь все же проливался (или останавливался) [Сакэйки, 1965: 69, 234; Сёку Нихон коки, 1934: 27].

Чтение сутр позволяло не только вызывать дождь во время засухи, но и останавливать затяжной ливень¹. В 1134 г., когда проливные дожди спровоцировали наводнение и превратили существование столичных обывателей в мучение, фактически парализовав жизнь государева двора, в буддийском храме Хоссёдзи тысяча монахов читала сутры с мольбой о прекращении ливней [Тююки, 1934–1935, т. 7: 94].

Так как «дождевые вопросы» непосредственно влияли на основу благосостояния государства — урожай, меры урегулирования нестабильных природных явлений могли включать идеологические мероприятия, призванные продемонстрировать благодетельность и иные высокоморальные качества государя на случай, если именно его огрехи в вопросах управления державой послужили причиной природных аномалий (так поступил в 806 г. Хэйдзэй) [Нихон коки, 2006, т. 2: 32–33].

¹ Церемония прекращения дождя именовалась «*уги*».

Император, вне зависимости от возраста, возлагал на себя ответственность практически за любые природные катаклизмы. Закономерно, что в 860 г. десятилетний император Сэйва заявлял о неспособности управлять «всем народом, который доверили ему небеса», ибо «слаб телом» (безрадостные природные явления были тому ярким подтверждением) [Сэйдзи ёряку, 1981: 106–107]. В 1017 г. Фудзивара Санэсукэ предположил, что основание обрушившихся на страну бед не только в «недостаточности преобразующего влияния правителя», но и в «низких моральных качествах» Фудзивара Митинага и членов его семьи [Сёюки, 1959–1986, т. 4: 205].

Религиозные ритуалы представляли собой не только «экстренную» меру воздействия на окружающую природу в качестве «отклика» на стихийные бедствия: часть из них должна была отправляться ежегодно ради поддержания стабильности в государстве и предотвращения возможных напастей. Персональная ответственность за несвоевременное осуществление мер, направленных на исправление представляющих опасность явлений в природе, возлагалась на управителей провинции. Когда в 814 г. засуха пришла в провинции Кинай, Оми и Тамба, повинны оказались управители-«*кокуси*», пренебрежительно относившиеся к обязанностям, так как «хранили безмолвие» (*мокудзэн*) и не инициировали соответствующие обряды при первых признаках природных аномалий и, стало быть, довели подведомственную территорию до несчастья [Нихон коки, 2006, т. 2: 341–342]¹.

В текстах эпохи Хэйан представлен целый список причин возникновения напастей, одолевающих столицу, где нашла отражение система воззрений на стихийные бедствия, получившая распространение в кругу придворных. Важнейшей причиной надлежит признать дождевые паводки. Однако появление дождей, равно как и продолжительное их отсутствие, понималось как проявление тех или иных сверхъестественных сил. Помимо идеи личной ответственности правителя и чиновников в результате допущенных ими ошибок в управлении государством, в разное время «виновниками» наводнений и иных катаклизмов признавались: гнев божеств [Руйдзю кокуси, 1934, т. 1: 115; Тююки, 1934–1935, т. 3: 52]; общий упадок людских нравов, в особенности буддийского духовенства,

¹ Также см. многоречивые сообщения за 917 и 1107 гг. о бездейственности чиновников: [Сэйдзи ёряку, 1981: 542–543; Тююки, 1934–1935, т. 3: 174].

когда «река злобствующих монахов», шедших наперекор небесам, порожидала неотвратимые напасти, предвещая «наступление эпохи окончания веры в Дхарму» [Тююки, 1934–1935, т. 3: 144–145, 335]. А также следование законам мироздания в рамках представлений о несчастливых годах (*якудоси*) и годах *санго*, способных принести невообразимые неблагоприятия [Нихон сандай дзицуруку, 2009, т. 1: 679; Сёюки, 1959–1986, т. 8: 128; Тююки, 1934–1935, т. 1: 2].

В пору, когда страну постигали страшные явления, с особой очевидностью проявлялась способность чиновников нести груз ответственности за судьбу державы, со всей полнотой раскрывался их потенциал государственных служащих. Именно в такие моменты придворные являли свои профессиональные качества. Во время стихийных бедствий от служащих ожидали последовательных и слаженных действий, когда чиновники демонстрировали не только наличие специальных знаний, но и умение применить их на практике. Когда случалось землетрясение (как, например, в 887 и 1096 гг.), надлежало незамедлительно прибыть во дворец вне зависимости от времени суток и приступить к исполнению своих служебных обязанностей: озаботиться судьбой государя, который воспринимался в качестве гаранта мира и процветания державы; не допустить распространения панических настроений и при необходимости с помощью жестких мер восстановить порядок.

Поскольку в любых вопросах, связанных с проявлением воли небес, следовало действовать с осторожностью, то надлежало собрать совет сановников, где происходило обстоятельное рассмотрение произошедшего события, дабы установить, какие опасности от него проистекают с точки зрения государственной идеологии, и, соответственно, разработать программу действий. По этой причине на заседание совета зачастую приглашались специалисты из различных ведомств, чтобы внести ясность в обсуждаемый вопрос.

В 1097 г. произошло наводнение. Оно сопровождалось ураганным ветром, срывавшим крыши с домов и поломавшим немало деревьев, а на следующий день, в довершение к не унимавшейся стихии, началось землетрясение. Согласно устоявшимся традициям, на высочайшее имя должен был быть подан «секретный доклад о небесных знаках» (*тэммон миссо*) [Сайкюки, 1993: 506], что и было сделано. Личный секретарь канцлера Накахара Морото (1070–1130) представил документ конфиденциального содержания, где высказал мнение об угрожающих последствиях

стихии для всей страны (такие донесения становились предметом скрупулезных разбирательств при императорском дворе) [Тююки, 1934–1935, т. 2: 52].

После мощнейшего землетрясения во 2-м лунном месяце 1166 г. Абэ Ясутика (1110–1183), служащий Ведомства темных и светлых сил (*Оммёрё*), также представил «секретный доклад». Свои доводы он строил на основе скрупулезного изучения десяти трактатов, где рассматривался вопрос о влиянии стихийных бедствий на судьбу страны. В этом документе, имевшем бюрократический характер, исходная информация была обработана тщательным образом, что свидетельствует о наличии у составителя профессиональных качеств в строго определенной сфере деятельности.

Приведем текст «секретного доклада о небесных знаках» Абэ Ясутика: «В 4-й день текущего лунного месяца в Час Свиньи¹ произошло землетрясение. С превеликим усердием расследуя, обнаружил: “В ‘*Тянь вэнь лу*’ и ‘*Чунь цю вэй*’ сказано: ‘Когда земля содрогается, лицемеры и краснобаи держат бразды правления. Благородные мужи удаляются от дел, а должности занимают ничтожные людишки’. Еще сказано: ‘Коли земля приходит в движение, низы устремляются к верхам’. В высокопочитаемом сочинении Чжан Хэна есть такие слова: ‘Сотрясение земной тверди — есть тягость народная’. В ‘*Цзин фан яо чжань*’ отмечается: ‘Земля движется весной — урожай не будет обильным’. В ‘*Тянь ди жуи сянь чжи*’ говорится: ‘Коли земля движется во 2-м лунном месяце, то через 30 дней начнутся беспорядки’. Еще сказано: ‘Если происходит землетрясение в то время, когда луна пребывает в созвездии Вэй (Желудок), появятся многочисленные разбойники’. В ‘*Нэй лунь*’ читаем: ‘Если водные божества приходят в движение, то хлеба не уродаются. Сыну Неба угрожают бедствия, а сановники будут обречены на нищенство’. В ‘*Тянь цзин цзин*’, [между тем], сказано: ‘Коли земля [во 2-м лунном месяце] сотрясается, то в стране может обнаружиться умысел измены, имеющий отношение к государыне’. В ‘*Цзай и чжань*’ отмечается: ‘Землетрясение — предвестник эпидемий’. В ‘*Чунь цю*’ говорится: ‘Если земля содрогается, то властитель не сможет сохранять мир’. В ‘*Чжун луй цзай и*’ есть такие слова: ‘Земля сотрясается — государство ожидает траур’”» [Оммёдо, 1988: 91].

¹ 21.00 — 23.00.

Способы предупреждения стихийных бедствий

При всем очевидном разнообразии ритуальных мер реагирования на стихийные бедствия было бы неверно полагать, что они составляли весь арсенал средств предупреждения природных катаклизмов. Столица была «обиталищем августейшего правителя», «величайшим краем радости Поднебесной», а потому благоденствие столицы — сакрального центра государства — считались стратегической задачей управления державой.

Разработка комплекса защитных мер не была инициирована в период Хэйан. Источники VIII в. сохранили упоминания не только о наводнениях, но и об осуществлении гидротехнических мероприятий в надежде их предупреждения. Чрезвычайная сложность возведения плотин, дамб и каналов по традиционной технологии требовала значительной концентрации сил, которую мог себе позволить только правитель, имеющий в своем распоряжении большое количество человеческих ресурсов. При этом трудозатратные проекты были бы маловероятны при отсутствии надлежащего уровня развития сельского хозяйства, который позволял бы освобождать значительную часть людей для участия в строительстве. Законами предусматривалась вероятность мобилизации свыше 500 человек для ремонта плотин и дамб [Рё-но сюгэ, 1972, т. 3: 768], что согласуется с материалами нарративных источников. В 779 г. в провинции Суруга случился большой разлив реки и в двух уездах были разрушены дамбы. Когда вода, наконец, отступила, рисовые поля оказались погребенными под землей, а многие жилища серьезно пострадали. Для проведения ремонтных работ потребовалось 63 200 человеко-дней [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 5: 113]¹. В обычное время возведение и ремонт гидротехнических сооружений в столице, по всей видимости, находились в компетенции министерства народных дел, а на периферии — в ведении управителя провинции [Рё-но сюгэ, 1972, т. 1: 95] (при сооружении новой столицы работами руководила управа, ответственная за строительство всего города [Мэйдзи, 1936: 1193]). Известны имена выдающихся мастеров: преподобного Гёги, который «вел за собой последователей,

¹ В 762 г. починка плотины Саяма-но икэ потребовала работ объемом 83 000 человеко-дней. В 784 г. на восстановление поврежденной в пятнадцати местах плотины в уезде Мамута понадобилось 64 000 человеко-дней [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 3: 407; т. 5: 303].

повсеместно, где возникала необходимость, наводил мосты и воздвигал дамбы» и управителя провинции Тикуго Мити Обитона [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 2: 43; т. 3: 61].

«Мудрый правитель» Сага (прав. 809–823, ум. 842) открыл новую страницу в деле обеспечения защиты столицы от половодья. В 820 г. при обсуждении вопроса об уроне, наносимом вследствие «разрушения плотин и дамб», было решено, что следует «ежегодно проводить проверки» для устранения любых повреждений. Виновных надлежало «строго наказывать» [Руйдзю сандай кяку, 1998, т. 2: 504]. В условиях грандиозных административных преобразований, что предпринял Сага при поддержке брата (следующий государь Дзюнна), в 824 г. был реализован перспективный проект.

История функционирования служб по контролю над реками Камогава и Кадоногава (*Бокаси* и *Бокадоно-но гаваси*) поучительна. Обязанности служащих ведомств были весьма обширны: контроль уровня воды в реках, своевременный надзор вверенных объектов с обязательным ведением реестров, где фиксировалось не только их количество, но и текущее состояние, а также устранение последствий разливов [Руйдзю сандай кяку, 1998, т. 2: 505–506]. Поддержание великих замыслов государя Сага начинает ослабевать со смертью его внука — императора Монтоку (прав. 850–858). В 861 г. круг обязанностей чинов *Бокаси* и *Бокадоно-но гаваси* при самом деятельном участии главного министра Фудзивара Ёсифуса (804–872) для разрешения этого вопроса был передан управителю провинции Ямасиро [Руйдзю сандай кяку, 1998, т. 2: 503]¹.

С воцарением государя Дайго полномочия *Бокаси* и *Бокадоно-но гаваси* были переданы сыскному ведомству *Кэбииситё*. Службы были объединены в одну (*Бокаси*), а общий надзор за деятельностью стал осуществлять левый главноуправляющий делами государственного совета [Тэйсин коки, 1956, т. 1: 115]. Значительность ведомства в системе административных учреждений возросла. Главами *Бокаси* становились влиятельные люди: Тайра Ёритоки (890–954) — любимец государя Судзаку

¹ Для понимания подлинных мотивов «ликвидации» служб по контролю над реками Камо и Кадоно надлежит обратить внимание еще на одно небезынтересное обстоятельство. При обвинении чиновников вышеозначенных департаментов в неэффективности, а также акцентировании внимания на непомерных затратах казны на содержание служб функции ведомств были переданы под управление Ки Имамори — человека ближнего круга Фудзивара Ёсифуса.

(прав. 930–947) [Тэйсин коки, 1956, т. 1: 177], Фудзивара Сигэру — ближний слуга императора Мураками¹ (прав. 946–967) и т. д. [Нихон кияку, 1965, т. 2: 56].

Основной задачей *Бокаси* (или же *Бока докоро*) — «Управы по предупреждению [бедствий] на реке Камогава» было возведение противопаводковых сооружений, поскольку эффективность в этой области становилась залогом успешного прохождения служебной аттестации [Тёя гунсай, 1964: 589]. Полномочия *Бокаси* не ограничивались только столичным градом, а распространялись на всю территорию провинций Ямасиро² и Ямато. Хотя штат был невелик — всего пять человек [Сингисики, 1931: 297], тем не менее в случае экстренной необходимости ведомству предоставлялся вспомогательный персонал (зачастую из сысского ведомства), а служащие *Бокаси* могли мобилизовать работников [Рё-но сюгэ, 1972, т. 3: 767–769]. В 1127 г. во время ремонтных работ по восстановлению нескольких дамб в четырех уездах провинции Ямато освобождение от других работ (как и обеспечение провизией) получили 222 труженика [Хэйан ибун, 1947–1980, т. 5: 1820–1821]³.

У чинов *Бокаси* был внушительный хозяйственный комплекс. Самыми распространенными объектами, находящимися на их попечении, были дамбы (*цуцуми*), плотины и запруды (*сэки*), рвы (*мидзо*), ирригационные каналы, а также протоки (*унатэ*)⁴. Только одних каналов и проток-«унатэ» насчитывалось около 1700. В качестве строительного материала использовались дерево, бамбук, камень, глина, земля, песок и солома. На дамбах и в окрестностях сажали бамбук, вяз, иву и другие деревья, поскольку считалось, что корни деревьев удерживают землю и песок, оттого дамба обретает большую устойчивость. Помимо прочего, деревьям можно было найти применение во время ремонтных работ. При создании гидротехнических сооружений японские мастера использовали как китайские труды о теории и практике ремесленного производства,

¹ Судзаку и Мураками были сыновьями Дайго и продолжателями его начинаний.

² Беспокойство властей вызывало село Ямадзак. Пленяющие своей красотой места слияния трех рек нередко становились источником большой беды.

³ См. также документ, повествующий об усердии работников *Бокаси* при строительстве гидротехнических сооружений в провинции Ямасиро в 1054 г. [Хэйан ибун, 1947–1980, т. 3: 839–840].

⁴ Инструкции относительно эксплуатации сооружений см.: [Руйдзю сандай яку, 1998, т. 2: 504–507].

так и собственные решения. Чтобы уменьшить зону разлива реки и предотвратить заторы, параллельно низкому берегу возводили плотины, а вдоль течения рек прорывали водоотводные каналы с целью регулирования расхода воды (их ширина, как и глубина, составляла 4 *сяку* (ок. 1,2 м)). Дамбы сооружали посредством отложения ила в воде по обоим берегам рек [Рё-но сюэ, 1972, т. 3: 769; Сэйдзи ёряку, 1981: 353–360].

Плотины и дамбы представляли собой масштабные конструкции. Длина дамбы Аратама составляла ок. 300 *дзё* (ок. 900 м) [Сёку нихонги, 1989–1996, т. 3: 383]. В 1020 г. у святилища Камо дзиндзя были построены: южная дамба протяженностью 170 *дзё* (ок. 510 м), дамба Како — 60 *дзё* (ок. 180 м) и еще одна дамба длиной 120 *дзё* (ок. 360 м) [Сакэйки, 1965: 103]. Всего в столице было 17 крупных плотин и дамб, три самых мощных из которых (Хокухэн, Тока и Дода) предназначались для защиты императорского дворца от высокой воды [Мэйдзи, 1936: 1194–1201]. За долгие годы эксплуатации наносы ила были значительны, и речное дно возвышалось над окружающей местностью. Уровень воды в междамбовом пространстве, как следствие, возрастал, а пропускная способность русла, наоборот, падала, что и приводило к неминуемой катастрофе. В 1142 г. в результате плохого содержания на одной из столичных дамб, построенной на восточном берегу р. Камо, произошел прорыв, и жители «града мира и спокойствия» испытали «трагедию уподобления рыбам и черепахам» [Хонтё сэйки, 1938: 373].

Время от времени погода преподносила неприятные сюрпризы, противостоять которым люди были не в силах, и ответственных лиц *Бокаси* укоряли в нерадивости [Гонки, 2020, т. 1: 160]. Таковые нарекания служащих *Бокаси* можно рассматривать как часть существующих в мире чиновничества традиций. Фронт работ служителей ведомства оставался, между тем, весьма обширным и включал небезынтересные эксперименты. В 1004 г. после разрушения плотины была предпринята попытка укротить строптивую реку Камогава, перенаправив ее воды в новое русло (курировал проект принц крови Ацумити). Однако обильные дожди, пришедшие в столичный регион, свели на нет титанические усилия устроителей [Гонки, 2020, т. 2: 329]. В 1106 г. после разрушения системы водоотводных каналов под угрозой затопления оказалась гробница государя Мураками. Усилиями рабочего люда было прокопано новое русло с сетью каналов, и кризис миновал [Тююки, 1934–1935, т. 3: 100–101]. Работы по сохранению гидротехнических объектов не оста-

навливались даже во время войны домов Минамото и Тайра (1180–1185) [Мэйдзи, 1936: 264].

Заключение

Восприятие стихийных бедствий как проявления гнева божественных сил характерно для жителей всего земного шара на протяжении тех периодов истории, когда научное знание не было достаточно развито для объяснения механизмов протекания природных явлений. Не обошло такое мировидение и Японию, которая в силу своих географических особенностей регулярно сталкивается со всевозможными стихийными бедствиями. К моменту формирования «государства, основанного на законах» (*рицурё кокка*) в текстах летописных сводов наиболее распространенным объяснением крупных стихийных бедствий выступает недостаток добродетели у государя или придворных. Аналогичные идеи были заимствованы из инструментария китайской политической науки, как, собственно, и сама концепция обустройства государства, которая базировалась на законах гражданских и уголовных. Представления о стихийных бедствиях как верительных знаках истончения благодной силы божественного правителя обнаружили невероятную устойчивость в государственной идеологии Японии на протяжении длительного времени¹. Между тем существовало и иное объяснение обрушивавшихся на Японию стихийных бедствий. В отличие от Китая, где структурообразующее понятие «мандата Неба» служило источником легитимности правящей династии, при этом благорасположение небес не было постоянным, и порочность правителя могла стать залогом его потери, в Японии уже в ранних мифолого-исторических сводах красной нитью проводится идея, что Страной Восходящего солнца правит потомок богини Аматэрасу Оомиками и не может быть иной династии, кроме правящей по ее воле. В дальнейшем китайская концепция восприятия стихийных бедствий как отклика Неба на отсутствие надлежащих достоинств и выдающихся качеств у правящего императора не смогла в полной мере инкорпорироваться в систему государственной идеологии японской державы.

¹ Землетрясение в Канто в 1923 г. и цунами в 2011 г. в свое время также именовали «карами небесными».

Распад государства *рицзурё* ознаменовался поэтапным упадком устоев державности. Дневники царедворцев периода Хэйан (это утверждение приобретает особенную актуальность для сочинений XII в.) свидетельствуют об атмосфере ностальгии по прошлым временам, когда правили «совершенномудрые правители», а государство процветало; временам, которые, увы, давно утрачены, в «век конца Закона», когда социальные и природные неприятности множились.

Рассуждения сановников эпохи Хэйан позволяют допустить, что уже в те далекие времена сложившаяся точка зрения, что природные катаклизмы выводились из отсутствия надлежащих нравственных качеств у императора, была не единственной. Существовало и альтернативное видение причин разнообразных неурядиц, как природных, так порой и политических. Придворные задавались мыслью о роли гневающихся божеств в случае наступления несчастий. Гневливость *ками* предстает на страницах их дневников, как и в других нарративных источниках, более значимым источником бедствий, нежели *не*-благость императора, что хорошо укладывается в концепцию «движения событий в соответствии с принципом *ри*», проникнуть в сокровенную суть которого непосвященным людям не представлялось возможным. Повлиять на природу вещей и вернуть утраченный миропорядок было допустимо только при условии усердного отправления ритуалов и надлежащего почитания божеств и будд.

По всей вероятности, концепция «движения событий в соответствии с принципом *ри*», где принцип — определяющий закон существования вещей, является продуктом именно японской натурфилософской мысли, хотя и базирующейся на китайских представлениях о «пяти первоэлементах» и учении об *инь* и *ян*. В отличие от Японии, Китай не находился практически полностью в неустойчивой сейсмической зоне, а, следовательно, при применении на практике концепции персональной ответственности правителя за природные катастрофы, которая была заимствована из арсенала китайской политической науки, неизбежно обнаруживался диссонанс. Главенствующее положение «теории знаменений» проистекало из объяснения возникновения стихийных бедствий ошибками государя, допущенными во время управления подведомственными территориями, что ставило японского императора в заведомо невыгодное положение ввиду высокой повторяемости стихийных бедствий на Японских островах. Все это потребовало определенного переосмысления

имеющихся в распоряжении японской правящей элиты формальных схем в области искусства управления, которые могли актуализироваться, формируя определенную реакцию на реальные условия повседневности. Не отвергая полностью разработанных китайскими мыслителями схем трактовки необычных природных явлений (они продолжают фигурировать в летописях, сводных исторических трудах и дневниковых записях сановников), в эпоху Хэйан при японском государевом дворе разработали и поэтапно применили на практике максимально корректную для его нужд идею «движения событий в соответствии с принципом *ри*». Она позволяла, заслоняя истинные политические реальности, в каждом конкретном случае выбирать приемлемую стратегию поведения, позволяющую принять наиболее сбалансированное решение.

В этих условиях создается и по мере необходимости корректируется поведенческий канон, который охватывает все стороны жизни человека. Органической компонентой таких установлений был алгоритм поведения в случае каких-либо природных аномалий. Поскольку «постоянство» бедствий не всегда помогало их предотвращению, а город Хэйан на протяжении своей истории среди многочисленных стихийных бедствий Японии особенно страдал от постоянных наводнений, то с наибольшей полнотой в источниках отражены способы реагирования властей на бедствия со стороны рек. В попытках обуздать водную стихию (хотя значительных успехов достигнуто не было) императорский двор предпринимал обширный спектр мероприятий, как религиозно-магических (регулярных и предполагающих «экстренный» характер), так и практических. Более того, в каждом конкретном случае порядок действий после природной катастрофы мог обнаруживать специфику, а сообщения о мерах ритуального свойства о причинах извержения вулканов выявляют их крайнюю лапидарность. Может сложиться впечатление, что извержения вулканов вовсе не рассматривались в качестве стихийных бедствий в рамках концепции ответственности власти за природные катаклизмы (чаще всего активность вулканов связывалась с гневом божеств).

В качестве способов предупреждения бедствий можно указать на практику создания специальных служб, ответственных за сооружение и поддержание в надлежащем состоянии гидротехнических сооружений. В долгосрочной перспективе урбанизация стала одним из весомых факторов как усиления наводнений, так и увеличения их повторяемости. Действующая система дамб, плотин и каналов в случае затяжных дождей

не справлялась с регуляцией уровня воды столичных рек, поскольку процесс накопления осадков в русле ускорялся и вырвавшийся из-под контроля водный поток смывал находящиеся на его пути дома и мосты, затапливал улицы, парализуя жизнь города. Вряд ли можно признать весомой причиной наводнений халатность чиновников соответствующих служб, поскольку обитатели столицы оказались заложниками тех явлений, с которыми не способны были совладать, особенно учитывая техническое несовершенство инженерных конструкций. В конце концов, даже в XX и XXI вв., когда технологии строительства достигли очевидного прогресса, наводнения все еще наносят значительный урон городу Киото — наследнику столичного Хэйанкё.

ГЛАВА 4

1556 г.

ВЕЛИКОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ ЭПОХИ МИН

Введение

Катастрофы являются одной из неизменных составляющих истории человечества. Согласно своей разрушительной природе они приводят к страшным последствиям и огромному количеству человеческих жертв. К числу явлений, которые принято называть катастрофами, также относятся и стихийные бедствия, в частности — землетрясения. Землетрясение — это, с одной стороны, колебание грунта под воздействием сейсмических волн, а с другой, — процесс разрушения целостности Земли в области очага. С давних времен эта грозная сила и масштаб ее разрушительных последствий поражали воображение людей. Вместе с тем люди придавали большое значение событиям, связанным с землетрясениями, считая их дурным предзнаменованием.

С развитием естествознания ученые высказывали множество предположений о причинах возникновения землетрясений. По мнению Чжан Шуцина из Ланьчжоуского сейсмологического научно-исследовательского института, в прежние времена в Китае применялись «три великие теории», с помощью которых люди стремились понять природу землетрясений: «теория о движении материи», концепция о «взаимодействии Неба и человека»¹ и «доктрина о Небесном мандате» [Xi, 2017: 91]. Вопросы, связанные с природой землетрясений, было принято включать в определенные разделы китайских династийных «Историй». Например, в официальной истории эпохи Мин (1368–1644) сведения о землетрясениях

¹ Эта концепция была разработана реформатором конфуцианства Дун Чжуншу во II в. до н.э.

были включены в «Раздел о пяти стихиях». Вместе с тем сохранилось много частных записей на эту тему, принадлежавших перу прежде всего чиновников, ставших невольными свидетелями страшных событий.

Особенности сейсмической активности в средневековом Китае

Среди тех, кто одними из первых выдвинули предположение о естественных причинах землетрясений, были известные древнегреческие мыслители Фалес Милетский и Аристотель, древнекитайский ученый, астроном и философ Чжан Хэн¹ (78–139) и многие другие. В «Речах царств»² о причинах землетрясений сказано следующее: «[Женское и мужское начала] *инь* [и] *ян* теснят друг друга, энергия-*ци* опускается вниз, поэтому [происходят] землетрясения» [Wei, 1936: 9]. Таким образом, в представлении китайцев стихийные бедствия происходят из-за чрезмерного увеличения энергии, которая давит на окружающую среду и вызывает неконтролируемые процессы.

Землетрясения принято разделять на естественные и искусственные: к естественным относятся тектонические, вулканические и обвальные, а к искусственным, которые также называются техногенными, относятся землетрясения, возникающие при взрывах. Кроме этого, их принято подразделять на удаленные (при расстоянии до точки наблюдения более 1000 км), близкие (расстояние от 100 до 1000 км) и местные (до 100 км). Как правило, землетрясению предшествует медленное движение блоков горных пород. При этом «изгиб толщи горных пород на участке сопряжения блоков не может происходить бесконечно долго... Упругая энергия высвобождается частично в виде тепла и, частично, в виде упругих волн, вызывающих землетрясение. При этом вдоль разрыва могут возникнуть сдвиги³...» [Соломин, 2008: 7, 11].

¹ Согласно китайской истории, Чжан Хэн сконструировал древнейший в истории человечества сейсмограф, вернее, сейсмоскоп, регистрирующий землетрясения на больших расстояниях и определяющий направление к эпицентру [Духовная культура Китая, 2009: 932].

² Это памятник ораторского искусства Древнего Китая. Он включает в себя около 300 речей правителей и сановников китайских царств и княжеств.

³ Например, при катастрофическом землетрясении в Японии (Канто) в 1923 г. глина залива Сагами к югу от Токио местами изменилась на 250 м [Соломин, 2008: 7].

За последние десятилетия в КНР произошло несколько чрезвычайно разрушительных землетрясений: 28 июля 1976 г. в г. Таншань (唐山) провинции Хэбэй в результате стихийного бедствия погибло более 242 000 человек, пострадало более 164 000. 12 мая 2008 г. произошло мощное землетрясение в уезде Вэньчуань провинции Сычуань, в результате которого погибло около 70 000 человек, более 374 000 получили ранения различной степени тяжести. Вместе с тем считается, что одним из самых страшных по количеству разрушений и числу жертв в китайской истории стало землетрясение, которое произошло 23 января 1556 г. в эпоху Мин [Feng, 2009: 9]. Оно также известно как «Великое землетрясение Цзяцзин¹». Эпицентр землетрясения находился в уездах Вэйнань (渭南), Хуа (华县), Хуайнь (华阴) и Тунгуань (潼关) в низовьях р. Вэй (渭河) и в районе Пучжоу (蒲州). В результате землетрясения затронуло провинции Шэньси, Ганьсу, Шаньси, Хэнань, Хэбэй, Шаньдун, Хубэй [Guo, 1957: 59].

В эпоху Мин землетрясения были не редкостью, приводя к многочисленным разрушениям и большому количеству жертв. Согласно данным, приведенным ученым Дэн То², на протяжении эпох Мин и Цин землетрясения случались 165 раз (цит. по [Си, 2017: 91]). За этот период провинция Шэньси пострадала от сейсмической активности в наибольшей степени. На ее территории произошло два крупных землетрясения — 19 января 1501 г. в уезде Чаои³ (朝邑) магнитудой⁴ 7 и 23 января 1556 г. магнитудой 8,25. В обоих случаях магнитуда была большой, продолжительность интервалов недолгой, и как итог — огромные потери.

Интенсивность землетрясения 1501 г. в уезде Чаои составила 9–10 баллов. Стихийное бедствие унесло жизни 170 человек, 94 получили ранения. Вместе с тем интенсивность землетрясения 1556 г. составила

¹ Цзяцзин, или ««Чудесное умиротворение» (嘉靖) — девиз правления императора Ши-цзуна (1522–1566).

² Дэн Т. (1937). *История помощи голодающим в Китае*. Пекин: Commercial Press.

³ Уезд получил название Чаои во времена династии Западная Вэй. Он расположен на востоке уезда Дали (大荔县) городского округа Вэйнань пров. Шэньси.

⁴ Магнитуда — слово латинского происхождения, дословно означает «важность, значительность, крупность, величие». С помощью магнитуды сейсмологи определяют силу землетрясения, а с помощью баллов — степень разрушений на поверхности земли.

около 12 баллов¹, хотя современные специалисты полагают, что она была все-таки ниже и составила 8,25. Начиная с 1569 г. и до конца XVIII в. сейсмическая активность в этом районе была значительно ниже, о чем сохранились подробные сведения в летописях. Иными словами, в целом она носила неравномерный характер, при этом определенное влияние на возникновение новых землетрясений оказывали подземные процессы, вызванные предыдущими случаями.

Сейсмическая активность Земли проявляется в возникновении землетрясений, которые классифицируются по эпицентральному расстоянию (Таб. 1). Эпицентром называется центральная точка очага землетрясения. В наше время для определения его местоположения используют записи сейсмических станций. В эпоху Мин еще не существовало таких технических возможностей, поэтому было очень сложно определять точное место очага. При этом наибольшие разрушения часто происходят не в самом эпицентре, а на некотором расстоянии от него. Дело в том, что от очагов землетрясений, взрывов и других источников под землей распространяются сейсмические волны. Вблизи очагов сильных землетрясений сейсмические волны обладают разрушительной силой при доминирующем периоде в десятые доли секунды [Соломин, 2008: 3, 6].

Колебания Земли могут возникать в случае сильных, катастрофических землетрясений, когда «...освобождается огромное количество упругой энергии, накопленной в результате различных внутренних физико-химических процессов. Эта энергия распространяется по всему объему планеты в виде продольных и поперечных волн» [Саваренский, 1963: 10–11]. Еще один тип волн — поверхностный, в формировании которых «заметная роль принадлежит поверхности Земли... Такие длинные волны служат ценным средством для изучения строения Земли и определения характеристики очагов землетрясений» [Саваренский, 1963: 11].

¹ Для измерения силы землетрясения используют 12-балльную шкалу, которая позволяет оценить разрушительные последствия этого явления. Согласно этой шкале, наибольшая разрушительная сила характерна для землетрясения в 12 баллов, и квалифицируются такие сильные толчки как «сильная катастрофа». В основе как этой шкалы, так и других шкал интенсивности — бытовые последствия землетрясений. Вследствие этого возникают сложности для принятия единой международной шкалы. Например, в Австралии одну из степеней сотрясения сравнивают с тем, как «лошадь трется о столб веранды», а в Европе существует описание «начинают звонить церковные колокола»; также понятие «крепко стоящее строение» различно, например, для Японии и стран Европы [Соломин, 2008: 9].

Таблица 1

Шкала сейсмической активности MSK-64¹

Интен-сивность, баллы	Общая характеристика	Признак
1	Незаметное	Не ощущается
2	Очень слабое	Замечается отдельными людьми в состоянии полного покоя
3	Слабое	Замечается немногими людьми.
4	Умеренное	Замечается многими, возможно дребезжание стекол
5	Довольно сильное	Просыпаются многие спящие, качание висячих предметов
6	Сильное	Легкие повреждения в зданиях, тонкие трещины в штукатурке
7	Очень сильное	Трещины в штукатурке и откалывание отдельных кусков, тонкие трещины в стенах
8	Разрушительное	Большие трещины в стенах, падение карнизов, дымовых труб
9	Опустошительное	В некоторых зданиях обвалы: обрушение стен, перекрытий, кровли
10	Уничтожающее	Обвалы во многих зданиях. Трещины в грунтах до метра шириной
11	Катастрофа	Многочисленные трещины на поверхности Земли, большие обвалы в горах
12	Сильная катастрофа	Изменение рельефа в больших размерах

Составлено по: [Соломин, 2008: 8]

¹ Шкала землетрясений, принятая в России.

Сейсмические волны распространяются в твердых или жидких материалах: например, они переносят механические колебания в горных породах. Скорость их распространения зависит от плотности среды. По мере углубления волн она постепенно возрастает: в верхней части земной коры она составляет 2–8 км/с, а при погружении до уровня мантии — 13 км/с. Их низкая частота колеблется от 2 до 50 Гц. Что касается длины сейсмических волн, она обычно составляет несколько километров [Сейсмические колебания..., 2022].

Благодаря сохранившимся документам современные исследователи могут получить четкое представление о масштабе сильных землетрясений, которые происходили в прошлом. До наших дней дошли многочисленные записи подобных случаев. Принято считать, что старейшее из таких собраний — китайское, где дается описание всех умеренных и сильных землетрясений начиная с 780 г. до н. э. Описание случаев землетрясения можно найти в таких текстах, как «Хань шу. Записи [правителя Западная Хань] Чэн-ди¹ (29 г. до н.э.): «Утром произошло солнечное затмение, [а] ночью — землетрясение», или в «Хоу Хань шу. Записи [правителя Восточная Хань] Ань-ди²» [Feng, 2009: 10]. Люди высказывали свою точку зрения относительно увиденного, при этом опираясь на собственные знания и опыт [Xi, 2017: 92].

Разрушительное землетрясение 1556 г.

Что касается землетрясения, произошедшего в 1556 г., в свете масштаба разрушений и количества жертв, сохранившиеся материалы позволяют воссоздать цельную картину случившегося. Согласно «Достоверным записям [эпохи] Мин»³, последствия землетрясения описывались следующим образом: «Что касается раздавленных насмерть чиновников, военных [и] гражданских, в докладе императору было упомянуто более 820 тыс. [человек]»⁴. Даже если предположить, что эта цифра несколько преувеличена, исходя из нее, нетрудно вообразить масштаб случившейся

¹ Чэн-ди (51 до н.э.–7 н.э.) — двенадцатый император эпохи Западная Хань.

² Ань-ди (94–125) — шестой император эпохи Восточная Хань.

³ Т. е. императорская хроника.

⁴ «压死官吏军民 奏报有名者八十二万有奇».

катастрофы¹ [Guo, 1957: 59]. Многие люди восприняли произошедшее как предзнаменование еще больших бед.

Были и те, кто стремился придать этому событию политическую окраску. Известный минский сановник Ма Вэньшэн² (马文升) увидел в этом знак скорого вторжения вражеских сил с севера. Безусловно, его не волновали истинные причины землетрясения — наоборот, он хотел использовать случившееся, чтобы навязать свои политические взгляды императору [Xi, 2017: 92]. Вместе с тем при императорском дворе сочли, что катастрофа разразилась из-за разгневавшихся божеств гор и рек, поэтому чиновникам, отвечавшим за церемониал, было приказано отправиться в пострадавшие районы и провести соответствующие ритуалы.

Сохранилось подробное описание трагических событий — «Записки о землетрясении», которые принадлежат перу чиновника в чине *цзиньши* Цинь Кэда (秦可大), находившегося в то время в Сяньнине (咸宁). По его словам, «[Когда] разносятся [звуки надвигающегося] бедствия, [то] невозможно резко выскочить [из дома], спрятаться [и] ждать затишья. Даже если бы существовало прочное гнездо, можно [было только] мечтать о сохранности яиц, [если бы они лежали внутри]» [Цинь Кэда, 2011]. Описывая события, чиновник постарался найти объяснение случившемуся, основываясь на собственных наблюдениях.

С точки зрения исторической ценности «Записки о землетрясении» Цинь Кэда по-своему уникальны, поскольку автор в непосредственной, эмоциональной форме подробно описал события той ночи и воцарившуюся после землетрясения обстановку. Когда земля закачалась, люди в ужасе начали выбегать из домов, но вместо спасения многие оказались погребены под разрушившимися стенами и погибли [Xi, 2017: 95]. Цинь Кэда предположил, что в такой ситуации лучше всего лечь и оставаться в неподвижном положении, а не бросаться на улицу и хаотично бегать между строениями. В таком же ракурсе дается описание в «Записях уезда

¹ Например, в результате землетрясения в Греции (в Коринфе) в 856 г. погибло 45 тыс. человек, 11 октября 1737 г. в Индии (в Калькутте) — 300 тыс. В 1923 г. в японском городе Канто погибло 143 тыс. человек [Соломин, 2008: 8].

² Ма Вэньшэн (1426–1510) родился в области Цзюньчжоу (совр. пров. Хэнань). С юных лет проявлял интерес к военному делу. В 1451 г. сдал государственные экзамены на высшую ученую степень *цзиньши*, благодаря чему получил чин ревизора по высочайшему повелению. В 1465 г. был назначен чиновником в Палату по уголовным делам в г. Нанкин. Посмертно награжден титулом «наставника наследника престола».

Вэйнань» («渭南縣志»): местный житель по имени Нань Шичжун (南師仲) оказался среди тех, кого завалило вне стен дома, и он смог самостоятельно выбраться только под утро. Таким образом, часть людей, будучи непосредственными участниками событий, старались сформулировать определенный алгоритм действий в случае чрезвычайной ситуации.

В «Записках о землетрясении» также упоминается метод строительства примитивных построек из досок, который в основном использовался в качестве ответной меры, чтобы не погибнуть во время повторных сейсмических толчков, или афтершоков [Xi, 2017: 95]. Дом был прост по своей конструкции и не отличался особой прочностью, благодаря чему не мог нанести вреда здоровью людей. Кроме того, он не предполагал большого количества вещей: внутри могла стоять только кровать. Вместе с тем в таких «сборных» домах люди могли пережить период непредсказуемой сейсмической активности.

Цинь Кэда обратился к местному населению с предложением возвести временные жилища по этому принципу, а также «лежать ничком и ждать затишья». Он также упомянул, что богатые люди были вправе строить чердаки в верхней части подобных «временок», которые бы выполняли антисейсмическую задачу, т. е. защищали от вибраций. Несмотря на то, что у людей эпохи Мин не было тех научно-технических средств, которые в наши дни позволяют предсказывать землетрясения и анализировать их причины, различные тексты «Записок» свидетельствуют о том, что люди, уже накопив определенный опыт, находили нестандартные пути для решения проблем.

Землетрясению, которое произошло в 1556 г., предшествовали форшоки, т. е. предварительные толчки. Согласно «Записям уезда Хуачжоу», опубликованным в 1580 г.: «в 12 день под вечер [с трех до пяти часов] возникло ощущение, [что] земля закружилась [и] задвигалась, в результате чего в голове помутилось. Небо потемнело. [Когда] наступила глубокая ночь, луна увеличилась [в размерах, но] не светила. Земля накренилась, все [до единого] высохшие деревья повалились на землю. Неожиданно на юго-западе [раздался звук], похожий на [шум] 10 000 колесниц, [которые] шарахнулись и рванули [вперед]. Вдобавок, словно [раскаты] грома вырвались из земли. Народ испугался [и] потерял [голову]: все те, кто встал [на ноги, и] те, кто лежал, потеряли [присутствие духа], а все дома, [обнесенные] стеной, беззвучно рухнули» (цит. по: [Guo, 1957: 60]). За исключением двух уездов — Хуайнь и Хуа, записей о землетрясении

в соседних уездах в этот день не было, поэтому «ощущение кружащейся земли», скорее, было связано с явлением локальных землетрясений. Таким образом, можно предположить, что это были форшоки, предшествовавшие страшным событиям 23 января 1556 г. [Guo, 1957: 60].

Иногда форшоки бывают настолько слабыми, что их способны зафиксировать только сейсмографы, при этом люди даже могут не почувствовать колебаний. Безусловно, изучение форшоков является одним из способов прогнозирования землетрясений, при этом возникновение небольших колебаний не обязательно является предвестником сильного землетрясения [Guo, 1957: 61]. Например, в районах с рыхлым грунтом, несмотря на возникновение и затухание колебаний, многочисленные небольшие землетрясения никогда не приводят к серьезным последствиям.

Кроме форшоков, которые являются предвестниками землетрясения, его неотъемлемой частью также являются афтершоки¹. Несмотря на то, что их интенсивность постепенно уменьшается, они могут длиться месяцами, при этом в первые часы после главного толчка вероятность сильных афтершоков наиболее велика. Проблема афтершоков интересовала людей уже давно: например, японский сейсмолог Омори Фусаки² (1868–1923) использовал приборы для фиксации афтершоков после землетрясения в провинциях Мино и Овари в 1891 г. Он пришел к выводу, что существует определенная зависимость между частотой афтершоков и временем их убывания, которую он сформулировал в виде математической формулы.

После землетрясения 1556 г. афтершоков было много: в течение нескольких дней с определенной регулярностью возникали десятки толчков, но затем их число стало постепенно сокращаться. По словам чиновника Цинь Кэда, описавшего произошедшие события, повторные толчки продолжались более десяти лет. Что касается этих подземных толчков, среди них были и разрушительные: например, 21 сентября 1558 г. в Хуачжоу (华州) произошло еще одно крупное землетрясение. В результате дома рухнули, был нанесен значительный ущерб.

¹ Афтершóк (англ. aftershock) — повторный сейсмический толчок, меньшей интенсивности по сравнению с главным сейсмическим ударом.

² Омори Фусаки (大森 房吉) принято считать пионером японской сейсмологии, который известен своими изысканиями в области наблюдений за частотой афтершоков. Он открыл первый закон физики землетрясений, известный как «закон Омори».

23 января 1556 г. глубокой ночью, а затем 24 января произошло стремительное обрушение зданий. Цинь Кэда вспоминал: «В ту ночь я испуганно пробудился ото сна из-за тряски. Тело снова и снова не могло удержаться на тюфяке. [Я] услышал, [как] поблизости лежанка и утварь, словно люди, столкнулись [друг с другом]. Черепица резко загремела, внешне [напоминая] 10 000 лошадей, [которые стремительно] понеслись. Сначала появилось подозрение, [что это был] вор, [которое] сменилось подозрением, [что это был] призрак [или] нечистая сила. Вскоре стена, о которую [я] ударился головой, неожиданно рухнула. И только тогда [я] осознал, что это [было] землетрясение» (цит. по: [Guo, 1957: 61]).

О том, сколько времени продолжался главный толчок, судить сложно, однако, по словам чиновника, «[когда была] четвертая стража [с 1 до 3 часов ночи] с лишним, сила [колебаний] увеличилась чрезвычайно. Звук, похожий на 10 000 [раскатов] грома, мог испугать. [К тому моменту, когда] наступила пятая стража [с 3 до 5 часов утра, колебания] немного затихли» (цит. по: [Guo, 1957: 61]). В итоге катастрофа произошла за этот недолгий промежуток времени. С учетом существующих характеристик местные строения были достаточно устойчивы, но во время землетрясения почти все были разрушены. В результате разразившейся катастрофы в уезде Вэйнань разрушению подверглись многочисленные постройки: административные учреждения, училище, храмы, жилые дома и др. Стены, окружавшие город, также были разрушены, а городские ворота провалились под землю [Guo, 1957: 61].

Бассейн р. Вэй¹ является колыбелью китайской цивилизации. Сохранились записи о случившемся в этом районе землетрясении в 1189 г. до н. э. Согласно историческим данным, с 1189 г. до н. э. до середины XX в. в местности к востоку от уезда Тунгуань и Юнцзи (永济), к западу от Баоцзи (宝鸡), по направлению вдоль меридиана в границах 34 и 35° в общей сложности было зафиксировано 25 случаев разрушительных землетрясений [Guo, 1957: 59]. Если расположить даты в хронологическом порядке, окажется, что с 1487 по 1569 г. сейсмологическая активность в районе р. Вэй была наиболее сильная. На протяжении этого периода произошло девять крупных землетрясений, три из которых были наиболее разрушительными.

¹ Р. Вэй — правый приток р. Хуанхэ.

Цинь Кэда предположил, что вдоль бассейна р. Вэй слой почвы в районе Гуаньчжун¹ (关中) был довольно плотный, а течение реки — сильное. Из-за землетрясения река вышла из берегов, вызвав наводнение. В результате бурные потоки обрушились на строения, стены которых были сложены из утрамбованной земли², что привело к многочисленным разрушениям и жертвам среди населения [Xi, 2017: 92–93]. Чиновник объяснял природу землетрясения как конфликт двух природных субстанций — почвы и воды. С учетом того, что другие официальные лица связывали причины произошедшего с устоявшейся концепцией взаимодействия человека и высших природных и провиденциальных сил, можно сказать, что выводы Цинь Кэда благодаря иной трактовке выглядят опередившими свое время.

После землетрясения 23 января 1556 г. страшная картина наблюдалась и в других местах. В уезде Хуачжоу были разрушены городские стены, административные учреждения, училище, храмы и дома. Пагоды также были серьезно повреждены. В уезде Хуайнь рухнули городские стены, дома, а также каменный мост с пятью пролетами. В уезде Пучжоу землетрясением почти полностью были разрушены храмы, павильоны, административные учреждения, каменные стелы, жилые дома. Также рухнули городские кирпичные стены, серьезно пострадала большая каменная насыпь вдоль р. Хуанхэ, закрепленная с помощью деревянных свай и металлических болтов.

Поскольку землетрясение произошло среди ночи, когда люди еще крепко спали, а бассейн р. Вэй относится к числу густонаселенных районов Китая, такое стечение обстоятельств также могло привести к большому числу жертв. На основании сохранившихся записей, где было подробно описано как само землетрясение, так и его катастрофические

¹ Гуаньчжун располагается в центральной части пров. Шэньси.

² Постройки такого типа были характерны для центральной и западной части Китая. Благодаря доступности строительного материала их отличала простота конструкции и низкая себестоимость. Кроме этого, в жаркое время года такие дома хорошо сохраняли прохладу. Вместе с тем они отличались низкой сейсмостойчивостью. Технология строительства из утрамбованной земли была известна китайцам издавна. Согласно археологическим раскопкам, во времена эпох Шан, Чжоу, Цинь и Хань фундамент дворцов и других значимых строений делали с использованием такого материала. В наше время подобные сооружения еще можно увидеть в западных районах КНР. Однако из-за возросшего числа стихийных бедствий местные власти разрабатывают проект по улучшению качества строительства.

последствия, была составлена статистическая таблица, где четко видно, сколь велико было число погибших в тот день среди жителей близлежащих уездов (Таб. 2). С учетом того, что в исторических записях иногда фиксировалась только доля погибших, а не их приблизительное число, ряд цифр в таблице также приведен в процентном соотношении [Guo, 1957: 61–62].

В результате этого землетрясения в земле образовались расщелины, произошли провалы грунта, оползни, обвалы и другие явления. Например, в уезде Хуачжоу повсюду образовались трещины, горы и реки преобразились, изменились дороги. Иными словами, в мгновение ока то, что возвышалось, превратилось в холм, то, что по форме было ямой, превратилось в овраг, то, что бурлило, превратилось в родник, то, что по форме было трещиной, превратилось в ущелье. В уезде Вэйнань в земле возникло множество трещин, из которых вырывалась вода. Глубина некоторых из них достигала более 60–90 м. Городские ворота провалились под землю, а посередине улиц образовались траншеи глубиной около 1–2 чжанов¹, т. е. местами она могла достигать 6,5 м [Guo, 1957: 62]. На восточной окраине города когда-то была очень высокая гора, которую огибала р. Вэй, но из-за землетрясения она обрушилась, в результате чего течение реки сместилось севернее примерно на 2–2,5 км.

Таблица 2

Название уезда	Число погибших людей	Отношение числа погибших к общему числу населения
Вэйнань	несколько десятков тысяч	50%
Хуа	несколько десятков тысяч	60%
Хуаинь	—	60%
Тунгуань	—	70%
Пучжоу	свыше 37 000	40%

Составлено по: [1556 nian 1 yue 23 ri guanzhong da dizhen: 61]

¹ В старом Китае одной из единиц измерения длины являлся чжан. В эпоху Мин 1 чжан составлял 3,2 м.

В уезде Хуайинь земля также растрескалась, а речные воды разлились по округе. Множество людей упало в образовавшиеся расщелины. Воды, вытекавшие из долины в горах Хуа[шань], превратились в водоворот в северной части равнины. В уезде Тунгуань многие горы обрушились, дороги засыпало, реки «потекли вспять». В Пучжоу трещины, покрывшие землю, превратились во рвы. В итоге землетрясение повсеместно вызвало огромное количество разрушений, приведших к серьезным изменениям ландшафта, а также к большому числу погибших среди местного населения. Что касается упавших и унесенных деревьев, нарушения межей между полями и прочего, то таких случаев было бесчисленное количество. Принимая во внимание число пострадавших из-за землетрясений территорий, можно предположить, что в тот день эпицентральная интенсивность достигла 12 баллов [Guo, 1957: 62].

В результате масштаб катастрофы поражал воображение. Согласно записям, землетрясение затронуло 185 уездов: от уезда Дай (代县) и до уезда Баодэ (保德) на севере (пров. Шаньси), уезд Цзинъюань (靖远) на западе (пров. Ганьсу), от уезда Шэньчжоу (深州) до уезда Хэншуй (衡水) на северо-востоке (пров. Хэбэй), от уезда Юйтай (鱼台) и до уезда Бопин (博平) на востоке (пров. Шаньдун), от Цяньцзяна (潜江) и Сяньнина (咸宁) до Цичжоу¹ (蕪州) на юго-западе (пров. Хубэй). Общая площадь земель, пострадавших от стихийного бедствия, составила 1 100 000 км² [Guo, 1957: 62].

Также сохранились записи о разрушениях в 89 уездах, начиная с уезда Нинъюань² (宁远) на западе (пров. Ганьсу), Цинъяна (庆阳) на северо-западе (пров. Ганьсу), от уезда Линь (临县) и до уезда Тайюань (太原) на севере и северо-востоке (пров. Шаньси), от уезда Сюу (修武) и до уезда Учжи (武陟) на востоке (пров. Хэнань). На юге и юго-востоке изменений почти не произошло: по сохранившимся воспоминаниям ряда очевидцев, разрушения были зафиксированы только в некоторых местах, расположенных на территории пров. Хэнань — в уезде Фугоу (扶沟) и в Нэйсян (内乡). По общим подсчетам, зона разрушения составила около 260 000 км² [Guo, 1957: 62].

Согласно составленной китайскими специалистами изосейсмической диаграмме, общая картина произошедшей катастрофы выглядела

¹ Цичжоу — сокр. от «уезд Чичунь» (蕪春县).

² Сейчас это уезд Ушань (武山) городского округа Тяньшуй.

следующим образом: с наибольшей силой землетрясение проявилось в направлении восток–север. При этом в северной части объем разрушений был велик, и интенсивность землетрясения ослабевала медленно. Так, находясь на расстоянии 300 км от эпицентра, дома и городские стены в уезде Суйдэ (绥德) рухнули. Такая же участь постигла дома и стены в уезде Линь, которые находились на расстоянии 360 км. Были повреждены дома в Тайюане. Кроме этого, пострадало множество людей, а также домашний скот. Несмотря на масштаб трагедии, территории, располагавшиеся на юге сейсмической области, пострадали в наименьшей степени. Например, уезды Лонань (淮南) и Хуайнь разделял только горный хребет Циньлин (秦岭), вместе с тем расстояние между ними составляло чуть больше 50 км. В результате землетрясения в уезде Лонань только сотрясало горы, при этом жилые постройки устояли.

Согласно научной терминологии, землетрясение, произошедшее на территории уезда Хуа, исследователи определяют как палеоземлетрясение, т. е. это подземные толчки, которые произошли до эпохи инструментальных сейсмологических наблюдений и не упомянуты в исторических источниках. Места, где они произошли, выявляют по оставшимся нарушениям земной поверхности. Таким образом, точное расположение эпицентра сейчас определить невозможно¹.

Уезд Шан (商县) также был отделен от уезда Хуа горами Циньлин, и с учетом, что расстояние между ними составляло менее 70 км, до людей только доносились звуки, похожие на раскаты грома. В уезде Чжашуй (柞水), как и в уезде Шаньян (山阳), только сохранились записи о мощном землетрясении в Наньшань. В остальных уездах разрушения также не были зафиксированы. Таким образом, можно сделать вывод, что уезды, располагавшиеся в южной части сейсмической зоны, действительно не подверглись каким-либо разрушениям. Хотя долина р. Вэй представляла собой область распространения лёсса, уезды Шан и Лонань у южного склона гор Циньлин также располагались на слое лёсса. Несмотря на то, что они находились близко к реке, состав грунта был не лучше, чем в долине.

¹ В последние годы вышло несколько работ, посвященных этой теме: «Новые данные об эпицентральной области и сейсмогенных тектонических процессах землетрясения 1556 г. магнитудой 8^¼» Хуан Вэньлина (环文林), «Великое землетрясение в [уезде] Хуасянь 1556 г.», под редакцией Фэн Сицзе (冯希杰) и Юань Тинхуна (原廷宏) и др. [Xi, 2017: 91].

Что касается влияния геологических условий, то оно, безусловно, есть, поскольку горы Циньлин располагались на юге мейзосейсмической¹ зоны. Горные породы внутри неоднородны: например, там есть слои, которые могут вызывать отражение или поглощение сейсмических волн, переносящих их энергию колебаний. Поэтому в южной части гор Циньлин волны были слабыми. Мейзосейсмическая зона располагалась в «восточном — северо-восточном» направлении, поэтому разлом располагался таким же образом. Китайские специалисты высказали предположение, что, поскольку долина р. Вэй является низменной областью, а горы Циньлин — возвышенной, то в 1556 г. разлом на месте землетрясения был результатом сброса, возникшего из-за тектонического смещения участка горной породы.

В результате земельный массив в районе долины р. Вэй, с одной стороны, сократился, с другой стороны, в районе гор Циньлин он увеличился. Эти выводы также согласуются с фактом возникновения крупного разлома в районе уезда Тунгуань [Guo, 1957: 63, 66]. С точки зрения топографии долина представляет собой низменность, которая протянулась с востока на запад. На южной стороне возвышаются горы Циньлин: перепад высот горного массива составляет примерно 2000 м. С учетом особенностей этой местности вполне закономерна концентрация напряжения в грунтовом основании и, как результат, возникновение трещин. Согласно проведенным исследованиям, глубина опускания превысила 500 м. С другой стороны, горы Циньлин приподнялись: на стыке долины р. Вэй и горной гряды с востока на запад образовался большой разлом. Таким образом, мейзосейсмическая зона во время землетрясения 1556 г. совпала с пограничной полосой, пролежавшей между долиной и горами Циньлин [Guo, 1957: 66].

Согласно историческим материалам, в уездах, находившихся под юрисдикцией округа Шанчжоу (商州), случаи сейсмологической активности начали фиксировать после 1486 г. С того времени в уездах Шан, Лонань, Шаньян, Чжашуй и Шаннань было зарегистрировано несколько сотен землетрясений, но при этом они не носили разрушительного характера. Вместе с тем в долине р. Вэй интенсивность землетрясений была неравномерной: своеобразной разделительной линией могут выступать

¹ Мейзосейсмическая зона — это зона максимального повреждения во время землетрясения.

уезды Цзиньян (涇阳) и Сяньян (咸阳). К востоку от этой границы сейсмическая активность была сильнее, тогда как к западу — слабее. Это также согласуется с неотектоническим движением, которое наравне с тектоническими движениями сформировало основные черты современного рельефа описываемой местности [Guo, 1957: 66–67].

В исторических материалах, кроме описания положения солнца, луны и звезд, степени повреждения построек, антисейсмических свойств, изменения рельефа, еще указываются многочисленные аномалии, такие как звуки земли, грунтовые воды, необычное поведение животных, различные метеорологические явления и др. [Feng, 2009: 10]. Они являются следствием вибраций, которые возникают в результате сейсмической активности. Интенсивность звука меняется в зависимости от удаленности от эпицентра. 23 января в день катастрофы жители многих уездов слышали грохот, но при этом немногие могли с уверенностью определить его направление. Люди, находясь в эпицентре, слышали звуки, похожие на «раскаты грома», «топот 10 000 лошадей» или «1000 столкнувшихся колесниц». Однако в отдаленных районах он был скорее похож на раскаты грома [Guo, 1957: 65].

Согласно сохранившимся записям, жители уезда Хуа, пытаясь определить направление звука, говорили, что он «двигался с северо-запада [по направлению] к юго-востоку» [Feng, 2010: 189]. Кроме этого, встречается описание странного явления в уезде Хуачжоу: «Неожиданно на юго-западе небо треснуло, засверкало [и] засияло светом и так же неожиданно сомкнулось». Специалисты выдвинули несколько предположений о природе этого «сияния»: кто-то связывает его с процессом изменения очага землетрясения; кто-то считает, что это связано с последствиями землетрясения на земной поверхности; кто-то считает, что это — чистое совпадение. Если такое событие и имело место, то однозначного объяснения случившемуся никто дать не может.

Заключение

Таким образом, в прежние времена методы фиксации сейсмической активности в большей степени подразумевали наблюдения, в том числе за счет поиска источника звука. Этот подход был весьма неточен, поэтому он мог приводить к серьезным ошибкам в ходе ликвидации последствий

землетрясения, как это было, например, в уезде Хуа. При этом часть методов получила широкое распространение, а некоторые из них используются до сих пор. С учетом многочисленных сведений, сохранившихся, в том числе, благодаря записям свидетелей страшных событий, землетрясение 1556 г. поистине является одним из самых разрушительных не только в истории Китая, но и в истории человечества в целом.

Безусловно, такой вид природных катастроф, как землетрясение, является неотъемлемой частью окружающего мира. Как правило, он связан с серьезными разрушениями и массовой гибелью людей. Кроме этого, стихийные бедствия могут оказывать влияние на экономические и политические изменения в государстве, а также на численность населения и на процессы миграции. Исследования в области истории катастроф позволяют не только реконструировать события прошлых веков, но и находить точки соприкосновения истории как в прошлом, так и в настоящем. В случае с сейсмической активностью в центральной части Китая это остается актуально и в наши дни.

ЧАСТЬ II

ИНДИЙСКИЙ ВОПРОС

ГЛАВА 5

ПОМОГАТЬ ИЛИ НЕ ПОМОГАТЬ: ГОЛОД В ИНДИИ (1860–1880-е гг.)

Введение

Голод — одно из древнейших и наиболее травмирующих испытаний для людей¹. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций определяет это социальное бедствие как острый дефицит еды, сопровождающийся голодной смертью, нищетой и экстремальным уровнем недоедания [IPC, 2020]. В разработанной организацией пятифазной классификации уровней нехватки еды голод (famine) относится к высшей фазе и приравнивается к катастрофе. Обеспечение населения пропитанием или условиями для постоянного доступа к нему на протяжении веков является одной из главных функций государства, исполнение которой население в первую очередь ожидает от него. Поэтому голод — это серьезное испытание для властей, не упредивших его наступление, а неспособность справиться с этим бедствием негативно отражается на репутации политических элит, критически снижает уровень доверия к ним. Когда в современной Индии, недавно отметившей 75-летие со дня получения независимости, речь заходит о моральном и материальном долге Великобритании перед бывшей колонией, многочисленные случаи массового голода едва ли не в первую очередь вменяются в вину прежним правителям².

¹ Настоящая статья является дополненным и доработанным вариантом статьи [Сидорова, 2021].

² См., напр., книгу историка, публициста, общественного и политического деятеля Ш. Тхарура «Эра тьмы. Британская империя в Индии» [Tharoor, 2016], в которой он считает политику Великобритании по отношению к Индии источником голода, а невмешательство и бездействие колониальных властей во время бедствий —

Д. Арнолд, автор исследования «Голод. Социальный кризис и исторические перемены» пишет, что в обществах, где люди постоянно жили под угрозой нехватки еды, часто складывалась система «моральной экономики», которой были свойственны идеи «разделенной бедности» и «взаимопомощи». В периоды невзгод они способствовали частичному перераспределению ресурсов между людьми, что гарантировало самым незащищенным слоям населения необходимый минимум пищи для выживания [Arnold, 1988: 80–81]. По мнению исследователя Б. М. Бхатиа, такая система на уровне межкастовых и семейных связей существовала и в доколониальной Индии [Bhatia, 1962]. Однако с наступлением эпохи колониализма прежний социальный порядок пришел в упадок. «Было замечено, например, — пишет Арнолд, — что в Индии во время голода во второй половине XIX в. многие влиятельные землевладельцы, или *заминдары*¹, не имели ни средств, ни намерений подкармливать своих арендаторов. Вместо этого они положились на колониальную администрацию» [Arnold, 1988: 83].

В 1858 г. была ликвидирована Ост-Индская компания, которая годами подвергалась жесточайшей критике за проводимую в Индии политику, и управление колонией перешло к британскому парламенту и короне. Новые власти были призваны исправить ошибки прежних администраторов и продемонстрировать эффективность управления. Этому должно было поспособствовать и то, что с упразднением Ост-Индской компании рухнули последние бастионы протекционизма. Наступило время либерализма, победившего практически во всех областях общественной жизни, прежде всего в экономике, где торжествовали идеи неприкосновенности частной собственности, свободных рыночных отношений или фритреда, невмешательства государства в дела частного бизнеса (*laissez-faire*). Непокойный период рубежа 1850–1860-х гг., отмеченный в Индии кровавым сипайским восстанием (1857–1858), административными реформами, хлопковым голодом из-за Гражданской войны в Америке, многократно усилившим нагрузку на индийского хлопкороба, сменился временем относительного спокойствия, о котором министр по делам Индии виконт Кранборн (1866–1867, 1874–1878)² сказал: «...нынешнее

причиной их тяжелейших последствий. Рецензию на книгу Тхарура на русском языке см.: [Кулик, 2017].

¹ *Заминдар* — землевладелец.

² С 1868 г. маркиз Солсбери.

положение Индии вряд ли можно назвать блестящим, однако оно стабильно и постепенно изменяется к лучшему... В таких мирных условиях мы можем радоваться, что нет необходимости проводить какую-либо политику вообще. Сохранять мир и активизировать общественные работы — вот те цели, которым мы должны следовать» [Hansard Parliamentary Debates¹, 1866, vol. 184: 1091]. Многочисленные британские сторонники идей фритреда, получившие через парламент возможность напрямую воздействовать на индийские дела, казалось, могли беспрепятственно наслаждаться действием естественных экономических законов, чтобы наращивать как свое, так и национальное богатство. Но вместо этого в Индии наступила череда случаев голода, вынудившая власти реагировать.

О диапазоне их реакций, порой отражавших прямо противоположные позиции, можно судить по следующим фразам, произнесенным или написанным всего в течение десяти лет. В феврале 1866 г. сэр С. Бидон, лейтенант-губернатор Бенгальской провинции (1862–1866), после недельного визита в Ориссу, где к тому моменту свирепствовал голод, заявил, что «люди должны полагаться сами на себя, и если он позволит регулировать цены на зерно, то он будет немногим лучше, чем дакойт² или вор» [HPD, 1867, vol. 189: 777]. Вспоминая события голода в Бихаре и Бенгалии в 1873–1874 гг., сэр Д. Кэмпбелл, лейтенант-губернатор Бенгалии (1871–1874), написал, что «объем правительственных поставок зерна и мер по борьбе с бедствием превышал то, что он считал целесообразным и совершенно необходимым» [Campbell, 1893, vol. 2: 331]. Наконец, вице-король Индии лорд Литтон (1876–1880) в меморандуме по поводу голода, охватившего в 1876–1878 гг. Южную Индию и некоторые другие регионы субконтинента, говорил: «Абсолютное невмешательство в деятельность частного коммерческого бизнеса должно стать основанием нашей нынешней политики во время голода»³.

В этой главе речь пойдет о борьбе с голодом в колониальной Индии второй половины XIX в. как наборе индивидуальных чиновничьих решений и их восприятию в британском обществе, что в конечном счете привело к серьезным институциональным сдвигам в вопросах предотвращения такого типа катастроф и преодоления их последствий.

¹ Далее HPD.

² *Дакойт* — бандит, разбойник.

³ Lord Lytton Minute on Famine Policy. August 12, 1877 (цит. по [Philips, 1962: 670]).

Орисса (1866): бездействие

Когда летом 1865 г. в Ориссе началась засуха, обернувшаяся к октябрю неурожаем¹, чиновники местного уровня немедленно предложили, чтобы правительство направило туда рис. Но власти Бенгалии, в чью юрисдикцию входила и территория Ориссы, уповая на универсальность закона спроса и предложения, считали, что если в каком-то месте существует нехватка определенного товара и повышенный спрос на него, то он обязательно поступит из других районов. Предполагалось, что рыночная конкуренция будет лучше способствовать производству сельскохозяйственной продукции и налаживанию обмена, чем государственное регулирование и протекционизм.

Однако рис не хлынул в регион, и там начался голод. Плохо развитая транспортная система не позволила торговцам из соседних районов осуществить доставку продовольствия в Ориссу. Тем временем бенгальские чиновники, члены департамента по налогам и сборам занимались тем, что собирали информацию о состоянии рыночных цен, отказываясь импортировать рис вплоть до июня 1866 г. Когда же они, наконец, спохватились и снарядили корабли и обозы, район из-за начавшихся муссонов, размытых дорог и отсутствия хороших портов оказался полностью отрезанным. Беспрецедентное наводнение в августе 1866 г. только усугубило ситуацию. Люди умирали от голода, а также от холеры, оспы и дизентерии. Общая смертность составила от 800 тысяч до более 1 млн человек, или около 27% населения [Mohanty, 1993: 56, 63; Report..., 1885: 45].

В октябре 1866 г. министр по делам Индии Кранборн писал вице-королю Индии Д. Лоуренсу (1864–1868): «Эта прискорбная задержка в принятии тех мер, которые в данных обстоятельствах могли быть реально полезными для спасения от ужасов голода умирающих людей, кажется, должна быть отнесена на счет решимости во что бы то ни стало не предпринимать шагов, не отвечающих законам политической экономии... То, что законы и принципы экономической науки не должны попирацца даже в малом, а поставки и распространение средств существования по всей стране, за исключением экстраординарных обстоятельств, должны подчиняться действию закона “спроса и предложения”, не подлежит обсуж-

¹ Общие работы по этому и другим случаям голода в Индии в XIX в. см.: [Bhatia, 1962; Loveday, 1914; Srivastava, 1968, Report ..., 1885].

дению. Однако не может быть ни малейших сомнений в том, что законами политэкономии, какими бы ценными они ни были в обычных условиях, следует пренебречь, если их соблюдение представляет угрозу жизни и здоровью людей»¹ [Selections from Despatches..., 1867: 279].

События в колонии нечасто попадали на передовицы английских газет. Как писал маркиз Солсбери в письме лорду Т. Нортбруку, занимавшему пост вице-короля Индии в 1872–1876 гг.: «Индия, как лиса в мешке, показывается только тогда, когда нет никого другого»² [Correspondence between Lord... (b), №: 18]. Тем более примечательно, что именно британское общественное мнение преимущественно оказывало воздействие на индийскую политику. В другом письме к Нортбруку Солсбери делился такими соображениями: «Как правило, я считаю необходимым уделять больше внимания влиянию английского, нежели индийского общественного мнения. Если индийское мнение выражает недовольство, вы всегда можете проигнорировать его, но если английскую публику что-то не устраивает, то оно принимает форму голосования в парламенте, что вынуждает вас без возможности сопротивления предпринимать шаги, которые могут быть фатальными»³ [Correspondence between Lord... (b), №17: 37]⁴. Поэтому вполне объяснимо его «желание, чтобы ради блага Индии в Палате общин было побольше тем для обсуждения на внутренние и международные темы»⁵ [Correspondence between Lord... (b), №7: 18], так как в ситуации тотального безразличия к проблемам Индии только кризисные события в этой колонии привлекали внимание публики, к числу которых в первую очередь относились случаи голода.

С почти что миллионом умерших в Ориссе индийские чиновники вряд ли могли избежать горячей дискуссии в Англии, отражавшей критический настрой общества по отношению к предпринятым властями

¹ Public Despatch to India. № 85. October 09, 1866.

² Salisbury to Northbrook, February 05, 1875 (Private).

³ Salisbury to Northbrook, April 09, 1875.

⁴ Здесь уместно вспомнить рассуждение нобелевского лауреата по экономике А. Сена, подробно занимавшегося проблемами голода, о том, что «...в ужасающей истории голода никогда сколько-нибудь существенный голод не случался в стране с демократической формой правления и относительно свободной прессой». Причина заключается в том, что демократические правительства должны выигрывать выборы и сталкиваться с общественной критикой, а потому иметь мощные стимулы для предотвращения голода и других катастроф [Sen, 1994: 34].

⁵ Salisbury to Northbrook, February 05, 1875 (Private).

шагам. Выступая в парламенте 2 августа 1867 г., член консервативной партии Г. Сеймур говорил о неприменимости принципов свободного рынка и *laissez-faire* в регионе, охваченном голодом: «Бенгальские власти так боялись нарушить законы политэкономии, а именно закон Спроса и Предложения, изложенные уважаемым членом парламента от Вестминстера [Дж. С. Милль. — С.С.] в его прославленной работе¹, что они в течение долгого времени отказывались от любой помощи по закупке продовольствия, хотя люди умирали тысячами. Если бы они с большим тщанием изучили принципы уважаемого джентльмена, они бы узнали, что его позиция заключается в следующем: правительство не должно вмешиваться в торговые процессы в нормальных условиях, но в чрезвычайных ситуациях, когда коммерсанты отсутствуют, а торговля необходимым товаром не ведется, вмешательство и спасение жизней людей является его обязанностью» [HPD, 1867, vol. 189: 778].

Во время бурных дебатов 1867 г. парламентарии были озабочены не только выяснением причин случившегося, но и поиском виновных — это была дискуссия, полная обвинений и извинений. С. Бидон, Д. Лоуренс, члены бенгальского департамента по налогам и сборам, департамента общественных работ и многие другие в ответ на жесткую критику, обрушенную на них парламентом, правительством Индии, министерством по делам Индии, специально созданной комиссией по расследованию голода в Ориссе и прессой, выступали с длинными защитными речами и письмами. Они стремились отбиться от обвинений, переложить груз ответственности на других или, по крайней мере, разделить его между всеми участниками событий, предстать в более выгодном свете в глазах общественности и спасти свою профессиональную политическую будущность. Отчет комиссии по орисскому голоду был неблагоприятен для С. Бидона — он был вынужден покинуть Индию, а его карьера была разрушена.

Однако и после крайне неудачной кампании в Ориссе власти Индии продолжали придерживаться линии поведения эпохи победившего фритреда. Так, в 1868 г. правительство Индии выпустило резолюцию относительно политики во время голода. В ней, в частности, говорилось: «... вице-король хотел бы донести до всех чиновников, наделенных властью,

¹ Речь идет о книге Джона Стюарта Милля «Принципы политической экономии» (1848 г.), одной из самых читаемых публикаций по экономике в рассматриваемый период [Mill, 1865].

необходимость избегать малейшего вмешательства в естественный ход торговли во время бедствия... Следует иметь четкое представление, что в период крайне тяжелого голода, когда дефицит продовольствия невозможно восполнить поставками извне, главным средством борьбы с ним становится сокращение потребления, которое эффективно обеспечивается подъемом цен»¹ [Philips, 1962: 668].

Видимо, при таком подходе официальных властей, сэр У. Мьюр, лейтенант-губернатор Северо-Западных провинций (1868–1874), пытаясь защититься от возможных репутационных потерь, в том же году издал указ, возлагавший персональную ответственность «на каждого дистриктного чиновника по недопущению голодных смертей, которые можно избежать, если чиновник и его подчиненные будут прилагать усилия и принимать меры» [The Imperial Gazetteer of India, 1907: 478]. В то же время важным последствием орисских событий стало признание некоторыми представителями колониальной администрации на самом высоком уровне неэффективности классической политэкономии в Индии в период чрезвычайных ситуаций. На этот счет Солсбери четко высказался в парламенте еще в 1867 г., заметив, что в Индии порой возникают ситуации, в которых не следует механически следовать законам политэкономии [HPD, 1867, vol. 189: 809].

Позднее (в 1875 г.) после того, как власти успешно преодолели угрозу нового голода в Бенгалии и Бихаре (об этом ниже), Солсбери писал в частном письме Нортбруку: «Когда в феврале (1874 г. — С. С.) я заступил на должность (министра по делам Индии — С. С.), я помнил о своем собственном опыте, приобретенном еще в 1866 г. Тогда в первый день моего пребывания на должности (министра по делам Индии — С. С.) лорд Элленборо написал мне письмо с предупреждением о первых признаках надвигающегося голода (в Ориссе — С. С.) и необходимости предпринять своевременные шаги. Я был новичком в этих вопросах и верил, что если какие-либо меры предосторожности понадобятся, то местные власти непременно предпримут их. Я ничего не делал в течение двух месяцев. Когда это время пролетело, порты в Ориссе были закрыты из-за муссонов, оказать помощь стало невозможно, около миллиона человек погибло. Власти Индии и Бенгалии ничего не сделали. Возможно, послушай я сразу лорда Элленборо, то удалось бы избежать стольких

¹ Resolution of the Government of India on Famine Policy. September 22, 1868.

смертей. Я никогда не снимал с себя вину за такой исход. Я делюсь с вами своим горьким опытом, чтобы объяснить вам мое чрезмерное беспокойство прошлой весной (1874 г. — С.С.). Я должен был убедиться, что ваше правительство не станет следовать примеру правительства 1866 г., учитывая то, что ваш нынешний министр был одним из главных виновников тех событий»¹ [Correspondence between Lord...(b), № 6: 11–12].

Бихар и Бенгалия (1873–1874): чрезмерное регулирование

В 1873 г. в Бихаре и некоторых районах Бенгалии из-за отсутствия сезонных дождей началась засуха, охватившая территорию в 40 тыс. кв. миль² с населением около 18 млн человек [Moulton, 1968: 115]. Когда забрезжили признаки надвигающегося голода, не только воспоминания о неудачах в Ориссе, но и тогдашний мощный общественный резонанс, резкая критика в парламенте и рухнувшие политические карьеры, как в случае в Бидоном, заставили колониальные власти предпринимать меры по недопущению голодных смертей. Вице-король Нортбрук, хотя и являлся убежденным сторонником теории фритреда, однако, по выражению его современника и биографа Б. Маллета, прежде всего был практиком и гуманным либералом [Mallet, 1908: 82]. В своей деятельности он ориентировался на реальные условия в Индии и считал, что первоочередная задача правительства состоит в спасении жизни людей. Поэтому правительство Нортбрука впервые за всю историю Британской Индии предприняло беспрецедентные меры по предотвращению голода и взяло под свой контроль обеспечение населения продовольствием, введя при этом некоторые элементы регулирования рыночных механизмов. Власти спешно организовали в районах бедствия общественные работы, на которых было занято около 1,61 млн человек. Они закупили у частных торговцев 480 тыс. тонн зерна (в 10 раз больше, чем в аналогичных ситуациях в прошлом) и продавали их голодающим по среднерыночным ценам, тем самым предотвратив традиционный для голодных лет скачок цен, организовали доставку этого зерна в труднодоступные районы, арендовав у индийских плантаторов около 100 тыс. повозок и 230 тыс. голов

¹ Salisbury to Northbrook, January 27, 1875 (Private).

² Примерно 103600 кв. км.

тяглового скота. Кроме того, они начали строить «легкую» железную дорогу, соединившую северный берег Ганги с районом Дарбханга, выделили средства для организации перемещения населения в соседние Ассам и Бирму, выдавали авансы *заминдарам* для покупки семян и обеспечения крестьян продовольствием в их поместьях [Moulton, 1968: 110–114].

Из письма Нортбрука Аргайллу¹: «Расширены работы на Сонском канале. Начата прокладка Северной Бенгальской железной дороги. Лейтенант-губернатор² санкционировал развернуть дополнительные работы и нанимать нуждающихся в них людей. Зарплата выплачивается зерном. Сделаны запасы продовольствия для рабочих. В Мадрасе и Бирме размещены заказы на поставку риса. Железнодорожные тарифы на доставку зерна в терпящие бедствие районы сокращены вполтину. Я отклонил предложение запретить экспорт зерна и регулировать торговлю. Исследования относительно прокладки легкой железной дороги для переброски зерна во внутренние районы продолжаются... Формируются Центральный и региональные комитеты по оказанию помощи... Будет санкционировано предоставление авансов землевладельцам и другим для закупки зерна для дальнейшего распространения... Я стараюсь сделать все подготовительные мероприятия заранее. Ожидается, что кризис придется на период с февраля по август 1874 г.»³ [Telegrams to and from Duke..., №6].

Все это выглядело как отход от фритредерских принципов. Тем не менее, чтобы не спровоцировать пагубные для развития индийского рынка последствия, Нортбрук до последнего воздерживался от более радикальных мер. Так, считая, что процветание любой страны зависит от уровня и объемов внешней торговли, он не санкционировал запрет на экспорт зерна из страны. Д. Кэмпбелл, в свое время входивший в комиссию по орисскому голоду, а ныне занимавший пост лейтенант-губернатора Бенгалии, сообщал, что в низинных восточных и юго-восточных районах еще сохранялись запасы риса, которые он предлагал задержать и переправить в терпящие бедствие северные части региона. В своих мемуарах он комментировал: «Я не сомневаюсь, что в любой другой стране, за исключением тех, что управляются Британией, так бы и произошло. Но это было предложение, противоречившее многим английским прин-

¹ Джордж Аргайлл — министр по делам Индии (1868–1874).

² Ричард Темпл — лейтенант-губернатор Бенгалии (1874–1877).

³ Northbrook to Argyll, November 06, 1873.

ципам, и я бы не удивился, если бы вице-король отверг его... Лорд Нортбрук, воспитанный в традициях самых преданных английских фри-тредеров, воспринял мое предложение как гнусную ересь и был шокирован не меньше епископа, если бы тому повстречался священник, отрицающий 39 статей¹» [Campbell, 1893: 322–323].

Сам Нортбрук в письме Аргайллу сообщал: «Торговля очень чутка. Однажды потеряв, восстановить ее будет крайне сложно. Наши потребители могут предложить очень высокую цену, но если они увидят, что при первых признаках дефицита мы закрываем порты, они поймут, что у них нет никаких гарантий в будущем, и обратятся к другим странам, где торговля регулируется стабильными принципами и не подвержена неожиданному вмешательству исполнительной власти» (цит. по: [Campbell, 1893: 89]). Такой курс всецело нашел поддержку у лондонских властей. Аргайлл информировал Нортбрука 29 ноября 1873 г.: «Вопрос о голоде в Индии был вынесен на обсуждение кабинета и Совета при министре по делам Индии. Мы одобряем политику правительства, направленную на закупку продовольствия, а не запрет экспорта, но нас беспокоит, что вам придется одновременно покупать рис в Индии, Бирме и Сиаме в максимальных количествах, необходимых для покрытия дефицита в случае, если события будут развиваться по худшему сценарию. По информации торговцев, в обычной ситуации этот рис не поступает на бенгальские рынки, т.е. нельзя рассчитывать на естественное течение дел. Если вы не купите этот рис, то он весь будет продан в Америку и Европу»² [Telegrams to and from Duke..., № 29]. В результате, по словам Кэмпбелла, в Бенгалии «можно было наблюдать странные сцены, когда целые флотилии кораблей, вывозившие рис по реке Хугли, проходили мимо встречных судов, груженных тем же продуктом. Иногда один корабль выгружал партию риса и тут же принимал на борт другую» [Campbell, 1893: 324].

Надвигающийся голод в Индии поначалу вызвал огромный резонанс в Индии и Англии. Газеты и журналы были полны сообщений о событиях в колонии и оценок предпринимаемых властями мер. Как писал Р. Темпл, преемник на посту лейтенант-губернатора Бенгалии Д. Кэмпбелла, «английское общественное мнение под влиянием прессы все больше возбуждалось» [Temple, 1882: 397]. Несмотря на общее одо-

¹ 39 статей — вероучительный документ Церкви Англии.

² Argyll to Northbrook, November 29, 1873.

брение выбранного Нортбруком курса, постоянно выражались опасения в связи с недостаточным количеством сделанных усилий по предотвращению бедствия, высказывались слова в поддержку более активного вмешательства государства в дела внутренней и внешней торговли Индии. Британская газета «The Times» писала в ноябре 1873 г.: «Непросто принять политику, позволяющую экспортировать зерно из страны, которой оно, бесспорно, скоро понадобится... Законы политэкономии являются законами обмена, действующими в ординарных условиях; обстоятельства же, в которых находится центральное правительство (Индии — С. С.)... таковыми не являются. В данной ситуации правительство не должно полагаться на волю случая, и если оно может заблаговременно удержать зерно, оно должно без колебаний сделать это» [The Times, November 27, 1873]. Во многом именно под влиянием общественного мнения Аргайлл, а вслед за ним и Солсбери требовали от индийских властей делать еще больше запасов зерна. В статье «Индийский голод и пресса», опубликованной в апреле 1874 г., О. Колвин, чиновник индийской гражданской службы, впоследствии член Совета при вице-короле (1883–1888), отметил: «Когда я утверждаю, что правительство здраво и трезво оценило трудности, с которыми оно столкнулось, я далек от того, чтобы недооценивать ту помощь, которую при этом оказала пресса. Бескорыстный пыл, с которым она защищала дело миллионов бессловесных индийцев, проник в самое сердце английской нации. Усилия индийского правительства, в том числе, стимулировались осознанием, что оно действовало под испытующим взглядом английской общественности. Однако в порядке вещей то, что люди всегда немного ревниво относятся к тем, кого они наделили властью, и поэтому сейчас необходимо скорее поддержать лорда Нортбрука, чем отвлекать его жалобами, возражениями или упреками» [Colvin, 1874: 494].

Успех в борьбе с засухой был достигнут дорогой ценой. Кэмпбелл полагал, что «непомерная сумма денег была пожертвована в угоду идее, потребовались огромные усилия и труд, в то время как простой запрет экспорта сделал бы все необходимое естественным путем». «Позиция правительства, — писал он, — казалась мне нелогичной. Я могу понять принцип невмешательства в торговлю, но в данном случае гигантские объемы обеспеченного правительством импорта как раз и были искусственным вмешательством в нее, сопоставимым с запретом экспорта» [Campbell, 1893: 323].

После того, как весной 1874 г. Кэмпбелл из-за проблем со здоровьем вынужден был уехать в Англию, мерами по спасению населения от голода продолжил заниматься сменивший его Р. Темпл (1874–1877). По итогам кампании около ста тысяч тонн риса, поставленных правительством в провинцию, остались неизрасходованными. На закупку продовольствия и организацию масштабных общественных работ оно истратило беспрецедентную сумму в размере 6,5 млн ф. ст. Для сравнения: всего с начала XIX в. на борьбу с голодом во всей Индии была израсходована такая же сумма [Report..., 1880: 21]. Однако каждый раз последствия оказывались крайне тяжелыми. Из-за высокого уровня смертности населения, падежа рабочего скота, отсутствия у крестьян средств на приобретение посевного материала значительно сокращались площади запашки, властям приходилось предоставлять земледельцам безвозмездные авансы, а также отсрочки по уплате налогов. Это сказывалось на доходности бюджета, увеличивалась крестьянская долговая зависимость от ростовщиков и *заминдаров*. Об улучшении качества сельскохозяйственной продукции думать не приходилось. В итоге в результате принятых властями действий не было зафиксировано случаев смерти от голода [Dutt, 1900: 9; Report..., 1880: 21]. Более того, удалось избежать эпидемии холеры, оспы, малярии [Temple, 1882: 405].

Голод 1873–1874 гг. вошел в историю как «панический». Ситуация была столь неожиданной и непривычной, что Солсбери с некоторой обидой и недоумением писал в мае 1874 г. об утрате интереса со стороны английской публики к событиям в Индии: «Интерес к голоду здесь (в Британии — *C.C.*) постепенно спадает. Ничто не производит столь благотворного впечатления, как сообщения о количестве смертей, которые поступают сюда... Газеты, которые временами рычат, понимают, что без историй об огромном количестве жертв у них нет шансов завоевать внимание публики. Все, что им теперь остается, это время от времени высказывать сомнение в достоверности вашей информации относительно количества смертей от голода. Во время одного обеда Делейн конфиденциально сообщил мне: “Они не говорят вам всего, что происходит”»¹ [Correspondence between Lord... 23 (a), №10: 17].

По окончании голода на фоне огромных трат и отсутствия смертных случаев действия властей и непосредственно Темпла подверглись

¹ Salisbury to Northbrook, May 08, 1874.

жесткой критике из-за нарушения принципа бережливости, важнейшего для увеличения и сохранения государственных доходов. Журнал «The Economist» указывал, что «мы применили западные, а точнее английские, идеи к восточному народу. Мы... сообщили восточной нации то, что до сих пор не говорил ей ни один правитель, а именно, что долг правительства сохранить жизнь людей», и, выполняя этот новый долг, оно «разбрасывалось деньгами, которые следовало сохранить» [The Indian Famine..., 1874: 802]. В результате карьера Темпла оказалась на грани краха. С известной долей обиды он писал в своих воспоминаниях: «По иронии судьбы совершенно серьезно доказывалось, что в действительности опасность голода была не слишком велика, так как впоследствии с ней успешно справились» [Temple, 1882: 405].

Если в начале кризиса Аргайлл и Солсбери были вынуждены защищать бенгальские власти от обвинений в недостаточности предпринимаемых для спасения населения действий, то спустя два года участники событий отбивались от нападков противоположного характера. Нортбрук в письме Солсбери от 28 января 1876 г., расхваливая заслуги Р. Темпла во время голода и предлагая даровать ему титул баронета, с горечью заметил: «Некоторые люди, сильные задним умом, говорят теперь, что никакой опасности не было и вовсе, однако у них нет никакого твердого основания для таких умозаключений»¹ [Correspondence between Lord... (b), №6: 14–15]. Кэмпбелл также выступил в защиту Темпла: «Ричард Темпл, мой преемник, принимал меры по недопущению голода. Он действовал в соответствии с указаниями правительства Индии, а оно полностью взяло на себя ответственность за чрезмерный объем поставок, так как прекрасно знало, насколько относительными и неточными бывают даже самые лучшие расчеты в ситуациях с голодом и как высоки риски в случае, если оценки оказываются неверными. Я буду последним человеком в мире, который позволит себе обвинения в перерасходе. Величайшее достижение состояло в том, что впервые в истории Индии масштабный неурожай, который до сих пор всегда оборачивался голодом, был встречен такими мерами, которые позволили спасти жизни людей и избежать высокой смертности» [Campbell, 1893: 331–332].

В эти годы Нортбрук попытался сформулировать новые принципы государственной политики, направленной на борьбу с голодом. В фев-

¹ Northbrook to Salisbury, January 28, 1876.

рале 1875 г. была выпущена резолюция индийского правительства, в которой излагались ее основные черты. Так, в ней содержались положения относительно права государства вмешиваться в торговлю зерном во время голода, если отсутствовали основания надеяться на то, что частная торговля сможет обеспечить районы бедствия недостающим продовольствием. Кроме этого, указывалось, что одной из главных причин, по которой правительство не смогло точно предсказать масштабы только что минувшего голода, было полное отсутствие информации о запасах зерна у населения Бенгалии¹ (цит. по: [Moulton, 1868: 121]). Поэтому сбор статистических данных относительно уровня сельскохозяйственного развития в различных провинциях стал одной из основных задач сельскохозяйственного департамента, созданного индийским правительством несколькими годами позже. Спустя месяц, 19 марта 1875 г., Солсбери писал Нортбруку: «Положения вашей прекрасной, по моему мнению, резолюции основаны на опыте нынешнего бедствия, на который мы должны ориентироваться в будущем»² [Correspondence between Lord... (b), №14: 31].

Правительство Нортбрука сделало несколько рекомендаций относительно финансирования мероприятий государства по предотвращению голода. Огромная сумма денег, истраченная властями во время засухи в Бенгалии и Бихаре, не создала для властей серьезных затруднений благодаря удовлетворительному состоянию индийских финансов в предыдущие несколько лет. Однако Нортбрук понимал, что правительство не сможет сохранить затраты на ликвидацию последствий будущих потенциальных бедствий на том же уровне. Еще в 1874 г. он заявил, что «пора перестать расценивать голод в Индии как исключительное и непривычное явление, поэтому связанные с его ликвидацией расходы, которые несет правительство, должны считаться ординарными. Лорд Нортбрук справедливо заключил, что попытка бороться с голодом только за счет государственных заимствований без одновременного увеличения доходности бюджета приведет к финансовому краху» (цит. по: [Strachey, 1882: 158]). Чтобы избежать этого, согласно резолюции, изданной в апреле 1875 г., предлагалось ежегодно сохранять определенную часть доходов бюджета для покрытия расходов на борьбу с голодом в будущем. Этот

¹ Indian Government resolution. February 18, 1875.

² Salisbury to Northbrook, March 19, 1875.

принцип был всецело поддержан Солсбери. Однако практическое воплощение он получил позднее, уже при новом вице-короле Литтоне (1876–1880). Оценивая деятельность правительства Нортбрука по борьбе с голодом, его биограф Б. Маллет писал в начале XX в.: «Следует помнить, что система защиты страны от голода, которая с тех пор достигла в Индии уровня точной науки, тогда находилась лишь на экспериментальной стадии» [Mallet, 1908: 86].

Южная Индия (1876–1878): умеренное вмешательство

В 1876–1878 гг. в период вице-королевства Литтона тяжелый голод охватил обширные районы Индии — часть Майсура, Мадрасского и Бомбейского президентств, Центральных и Соединенных провинций, а также некоторые районы Панджаба — площадью 257 тыс. кв. миль с населением в 58,5 млн человек [The Imperial Gazetteer of India, 1907: 488]. Испытывая финансовые трудности, но главным образом памятуя о критике, обрушившейся на власти за расточительность во время бихарско-бенгальского голода, новая колониальная администрация перед лицом очередного кризиса демонстрировала приверженность принципам фритреда и таким приоритетам, как экономия, эффективность и контроль (Подробнее см.: [Hall-Matthews, 2008: 1192]).

В январе 1877 г. Литтон писал Темплу: «Даже для достижения столь высочайшей цели, как спасение жизней людей, очевидно, что существуют ограничения, налагаемые на нас фактами, с которыми мы вынуждены мириться... мы должны признать, что задача спасения населения независимо от затрат находится за пределами наших возможностей. Проблемы с государственным долгом и доходами от налогообложения в связи с нынешними тратами скоро станут более фатальными, чем сам голод» (цит. по: [Ambirajan, 1978: 93]). Основными мерами борьбы с голодом стали: обеспечение населения своевременной информацией, увеличение пропускной способности и грузоподъемности железных дорог, отмена внутренних пошлин и ограничений, сокращение тарифов на железнодорожные перевозки, улучшение качества дорог и устранение проблем, которые могли бы препятствовать эффективному функционированию внутренней торговли, а также организация общественных работ.

Именно Темпла Литтона выбрал для решения практических задач, назначив его правительственным уполномоченным по вопросам голода. Как пишет М. Дэвис в книге «Поздневикторианский холокост», Темпл видел в этом назначении возможность «восстановить репутацию» после обвинений в чрезмерных расходах во время предыдущего голода [Davis, 2001: 37]. Посетив в начале 1877 г. терпящие бедствие районы Мадрасского президентства, Темпл заключил: «Обстоятельства выгодно отличались от тех, что сложились в Бихаре и северной Бенгалии. Здесь железная дорога пересекала охваченную голодом местность от начала до конца, во все стороны расходились хорошие дороги; в достаточном количестве имелся тягловый скот и повозки для осуществления торговли, продажи зерна были очень активными, а городские и деревенские рынки были хорошо обеспечены продуктами. В регионе было много продуктов питания, но огромное количество людей не имели средств для их покупки из-за неурожая, не было работы на полях и соответственно возможности заработать. Из тех, кто мог себя поддержать, выжимали последнее, и они не могли помочь другим, в результате множество людей, живших подаями или другими формами вспомоществования, остались без средств существования и были обречены на смерть... Необходимо было обеспечить широкомасштабную занятость населения и помощь, адекватную обстоятельствам, чтобы сохранить людям жизни. Поэтому в то время, как предоставление правительством людям работы являлось острой насущностью, импорт зерна в регион, как в случае с Бихаром и северной Бенгалией, не требовался» [Temple, 1882: 448].

Для трудоспособного населения правительство развернуло общественные работы, за участие в которых выдавалась зарплата, для тех, кто не мог работать, предусматривались благотворительные выплаты. Именно размер этих выплат стал контрольным вопросом для Темпла и породил жесткую дискуссию. После двух недель поездок по Мадрасской провинции он обнаружил, что выдаваемое там пособие было выше, чем в Бомбейском президентстве. Стараясь на этот раз придерживаться курса экономии и беречь казенные средства, он предложил привести все пособия к «бомбейскому» знаменателю, посчитав, что одного фунта зерна (450 г) и одной анны¹ на человека в день будет доста-

¹ Анна — разменная монета, равная 1/16 рупии. Выпускалась с XVIII до середины XX вв.

точно для пропитания. Доводы Темпла состояли в том, что государство должно обеспечивать людей минимальным объемом помощи. В противном случае слишком щедрые выплаты деморализуют людей и лишат их предприимчивости и склонности к труду [Hall-Matthews, 2008: 1193].

В полемику с ним вступил санитарный уполномоченный по Мадраасскому президентству У. Р. Корниш. Он настаивал на том, что необходимый минимум составляет 1,5 фунта зерна (680 г), а также фрукты и ряд других продуктов [Hall-Matthews, 2008: 1194; Report..., 1885: 207] и полагал, что уменьшение пособия «сказалось бы губительно на здоровье и силах рабочих-бедняков» [Temple, 1882: 449]¹. Литтон в этой дискуссии поддерживал Темпла, а предложенный последним размер пособия вошел в историю как «зарплата Темпла» (Temple wage).

Дискуссия о выплатах отражала победившую в конце концов точку зрения, которая сводилась к тому, что государственное участие в борьбе с голодом является обязательным, но должно ограничиваться минимумом, необходимым для физического выживания, а не для создания комфортного или привычного уровня жизни. И уже Солсбери в 1877 г. продекларировал: «Несомненно, спасение человеческих жизней является высшей целью с любой точки зрения. Однако важно, чтобы чиновники, преследуя эту цель, всячески опасались создать у людей представление, что они могут положиться на государство вместо того, чтобы рассчитывать на свои силы и бережливость. В интересах самого бедствующего населения, равно как и всех налогоплательщиков в целом, следует принимать такие же меры предосторожности против праздности и жульничества, как и против злоупотреблений при распределении общественной помощи» [The Imperial Gazetteer of India, 1907: 478].

Резолюция Литтона по вопросу голода, изданная в августе 1877 г., гласила: «Свободная и независимая частная торговля не может сосуществовать с правительственными закупками. Абсолютное невмешательство в деятельность частного коммерческого бизнеса должно стать основанием нашей нынешней политики во время голода. Попытки государственного регулирования могут привести к уменьшению общего количества имеющегося продовольствия и тем самым усугубить катастрофу»² [Philips, 1962: 670]. В том же году правительство Индии учре-

¹ Подробнее о дискуссии см.: [Hall-Matthews, 2008; Davi, 2001: 33-41].

² Lord Lytton Minute on Famine Policy. August 12, 1877.

дило специальный Фонд помощи голодающим. Из ежегодных доходов бюджета в него должны были выделяться 1,5 *круп*¹ рупий, в связи с чем был введен специальный новый налог [Strachey, 1882: 54–60]. В том случае, если год оказывался спокойным, эти средства должны были идти на покрытие государственного долга.

Тем не менее определить необходимый минимум для сохранения жизней людей властям не удалось. Смертность во время голода 1876–1878 гг. превысила 8 млн человек [Digby, 1901: 128]. Уильям Дигби, английский либерал, почетный секретарь исполнительного комитета Фонда помощи голодающим, принимавший активное участие в борьбе с голодом [Digby, 1878] и жестко критиковавший фритредерские меры Темпла, писал: «Это был самый страшный из известных к тому моменту голод в истории Индии» [Digby, 1901: 131]. Примечательно, что в мемуарах Темпл, коротко описав свой визит в Мадрас в 1877 г., довольно быстро завершил сюжет, будто опасаясь новых обвинений: «После моего отъезда последовал еще один катастрофический сезон..., голод стал еще более тяжелым... Но, так как я не владею информацией о тех событиях из первых рук, я более не буду к ним возвращаться» [Temple, 1882: 458].

Действия властей во время этого голода демонстрировали отход от двух главных принципов, определявших британские действия в Индии во второй половине XIX в. С одной стороны, это было отступление от политики *laissez-faire*, отрицавшей возможность регулирования экономических процессов, в частности вмешательства в торговлю зерном даже во время голода. С другой стороны, это нарушало принцип экономии, в соответствии с которым борьба с голодом должна была быть минимально затратной, чтобы не вводить новые налоги и не подрывать доверие и поддержку землевладельческих и торговых групп Индии.

И на этот раз властям не удалось избежать негативных оценок, которые вдобавок приобрели партийный характер. Литтон стал мишенью для резкой критики не только как чиновник, не справившийся с возложенной на него задачей, но как представитель консервативной партии, находившейся в тот момент у власти². В одной из предвыборных

¹ *Круп* — десять миллионов.

² Подробнее о том, как Индия стала объектом партийных разногласий в конце 1870-х гг., см.: [Сидорова, 2023].

речей лидер либерального крыла общества У. Гладстон пенял торийским оппонентам: «Налоги были увеличены, но повышение сопровождалось самыми торжественными, очень конкретными и не единожды повторенными обещаниями, что это было сделано не для покрытия регулярных потребностей правительства, а исключительно для борьбы с голодом. Было указано, и совершенно справедливо, что голод, бедствие, которое, как кажется, является особенно ужасным в Индии, совершенно растратывает финансы, чего не происходило бы, если бы противодействие ему носило системный и упорядоченный характер. Поэтому получаемая от увеличения налогов сумма в случае, если в текущий момент нет необходимости тратить ее на борьбу с голодом, должна быть отложена в сторону как неприкосновенный запас, предназначенный исключительно для предотвращения голодной смерти и крайней нужды населения, когда придет черед следующего бедствия. Ни слова не было сказано о намерении посягать на эти деньги с целью решения политических проблем или ведения войны... Было ли это обещание исполнено? Налог был повышен. Обещание дано. И оно было вероломно нарушено. Деньгами начали пользоваться. Их истратили. Они пошли на разорительную, несправедливую, разрушительную войну в Афганистане¹. И даже расходы и доходы не были приведены в соответствие, потому что после растраты средств, предназначенных исключительно на борьбу с голодом, к концу этого года дефицит бюджета составит примерно шесть миллионов². Джентльмены, я хочу знать, это ли должный способ управления Индией? Это ли способ, каким мы должны воздействовать на умы миллионов, которых мы сделали частью Империи, Империи, которая по целому ряду обстоятельств имеет дурное происхождение, но которую мы, унаследовав, должны стремиться очистить от плохой славы, облагородить и посвятить Всемогущему Богу строгим исполнением принципов справедливости и доброжелательности, щедрости и милосердия по отношению к людям, которые от первого до последнего проявили исключительное послушание и расположение...» [Гладстон, 1879: 202]. В результате выборов 1880 г. в Англии к власти пришло либеральное правительство во главе с У. Гладстоном, назначившим вместо Литтона вице-королем Индии лорда Рипона (1880–1884).

¹ Имеется в виду Англо-афганская война (1878—1880).

² Имеется в виду «фунтов стерлингов».

Индийский кодекс о голоде

В 1878 г. Литтон назначил комиссию по расследованию причин и последствий голода, завершившую свою работу уже при следующем вице-короле. Итогом ее работы стал объемный отчет, одна из частей которого посвящена истории случаев голода в Индии, начиная с Бенгальского голода 1769–1770 гг., с подробным разбором причин, предпринятых мер и последствий [Report..., 1885].

Комиссия пришла к выводу, что политика по борьбе с голодом, основанная на принципах классической политэкономии, в целом была правильной. В заключении к отчету было сказано, что по мере развития экономических знаний все более верным представляется мнение, что вмешательства государства, в частности в виде закупок зерна и продажи его по более низким ценам, следует избегать, и только исключительные обстоятельства могут оправдать такую линию поведения. Но и в том случае, когда властям пришлось бы прибегнуть к такой мере, следовало соблюдать особую осторожность, потому что любое вмешательство усугубляло то зло, которое оно было призвано ликвидировать, и, как следствие, оно ограничило бы доступ торговцев на рынок, который регулировало правительство. В то же время Комиссия подчеркивала необходимость поднимать общий уровень жизни людей, указав, что это единственная возможность предотвратить тяготы голода, носящего периодический характер. Среди других предложений было увеличение объемов строительства транспортных путей, ирригационных систем, сокращение задолженности сельского населения.

Конкретные рекомендации, сделанные Комиссией, были следующие: подготовка унифицированного кодекса по борьбе с голодом, обеспечение трудовой занятости населения в районах бедствия, организация безвозмездной помощи и создание домов для бедных, инспекция деревень. В число рекомендаций также входило сокращение препятствий для торговли, предоставление субсидий землевладельческим классам, создание специального сельскохозяйственного департамента для регулярного сбора информации об условиях жизни сельского населения и количестве сельскохозяйственной продукции. Комиссия настаивала на политике невмешательства в действие свободного рынка, за исключением особых случаев, когда очевидно, что без этого поставки

продовольствия будут невозможны. Она акцентировала внимание на необходимости осуществления общественных работ, как продуктивных, так и защитных¹ как одним из главных средств преодоления трудностей в период голода. Было особо отмечено, что «среди прочих способов, которые могут обеспечить прямую защиту Индии от голода, бесспорно, первостепенное значение имеют работы по созданию ирригационных систем» [Report..., 1880]. Предложенный план действий представлял собой промежуточный вариант между тем, что в свое время делали Нортбрук и Литтон. Оставаясь на позициях фритредерского государства, власти, тем не менее, признавали свою ответственность за жизни людей и необходимость активного участия в период бедствий, осуществления гуманитарных мероприятий.

Обосновывая необходимость создания кодекса, члены Комиссии писали в отчете: «Каждое правительство, которое занималось организацией помощи во время голода, чувствовало необходимость дать общие указания, чтобы обеспечить унифицированность и системность действий, а также избежать рисков, исходящих от чиновников, не обладающих личным опытом в такого рода работе» [Report..., 1880: 51]. Секретарь Ч. Эллиот написал проект Индийского кодекса о голоде (Indian Famine Code), который «соответствовал большинству предложений, сделанных Комиссией, а также основывался на его собственном опыте в Северо-Западных провинциях и Майсуре» [Brennan, 1984: 91]. Проект был направлен для обсуждения в провинции Британской Индии, Департамент государственных сборов и сельского хозяйства при центральном правительстве Индии. Результатом дискуссий и критики стали отдельные для каждой провинции кодексы (provincial Famine Codes), регламентирующие меры помощи пострадавшему от неурожая населению с учетом местных особенностей. В 1883 г. кодексы были узаконены правительством Рипона.

¹ В колониальной Индии под защитными общественными работами (protective) понимались те, которые финансировались из текущих доходов бюджета и в основном были нацелены на регулярное поддержание и ремонт технических систем, а также на реализацию небольших проектов, призванные в первую очередь обеспечивать жизнедеятельность людей, но не сулившие финансовой прибыли. Под продуктивными общественными работами (productive) подразумевались самоокупаемые крупные инфраструктурные проекты, на начальном этапе финансировавшиеся за счет инвестиций и займов.

Для определения размера помощи кодексы впервые вводили трехфазную классификацию территорий по степени их поражения бедствием: на грани дефицита продовольствия (*near-scarcity*), дефицит продовольствия (*scarcity*), голод (*famine*). В 1881 г. было принято решение о том, что большая часть неиспользованных средств Фонда помощи голодающим, учрежденного Литтоном, могла быть направлена на строительство защитных ирригационных систем, после чего такое строительство начало развиваться высокими темпами. К 1903 г. было построено 11 таких систем [Лодыгин, 1925: 14]. Принципы, зафиксированные в кодексе, стали руководством к действию во время последующих катаклизмов. Прописанные в них правила и порядок действий были обязательными для исполнения чиновниками. Д. Арнолд назвал этот кодекс «одной из наиболее важных административных мер, принятых за весь период британского правления в Индии» [Arnold, 1988: 96].

К британскому опыту в Индии присматривались и в других регионах мира. В 1892 г., когда несколько губерний России переживали тяжелый голод вследствие неурожая хлеба в 1891 г., в журнале «Вестник финансов, промышленности и торговли» появились две объемные публикации. В статье «Неурожай в Индии и меры борьбы с ними» приводились данные о случаях голода в британской колонии начиная с 1866 г. Экскурс в историю индийских неурожаев показывал, что совокупность экологических и экономических обстоятельств «делала индийское земледельческое население почти неспособным бороться с таким бедствием, как голод, без помощи со стороны правительства». Выработка специальных нормативных положений стала результатом богатого опыта, накопленного англичанами в этой области, и учета их собственных «ошибок, сделанных при организации общественных работ и вообще помощи бедствующему населению» [Вестник финансов, промышленности и торговли, 1892: № 13, 805–809]. Вторая публикация представляла собой перевод практически без купюр кодекса, разработанного для Панджаба¹ (*Punjab Famine Code*), чтобы продемонстрировать то, как с подобного рода проблемами справлялись в Индии [Вестник финансов, промышленности и торговли, 1892: № 24, 622–627].

¹ Регион, наиболее близкий российскому Поволжью по климатическим характеристикам.

Заключение

Голод в Ориссе был первым крупным событием такого рода после ликвидации Ост-Индской компании. Начиная с этого момента, индийские чиновники уже действовали не от имени частной торговой компании, будучи ответственными только перед ней, а как представители английской короны и парламента. Случаи голода в 1860–1870-х гг. стали для них своеобразным контрольным тестом. После долгого пребывания за кулисами из-за того, что события в Индии редко интересовали публику, они вдруг оказывались на авансцене в свете софитов. Однако представление каждый раз грозило обернуться провалом. Поэтому актеры были вынуждены прибегать к экстравагантным уловкам, пытаясь убажить непостоянную публику, а именно преданных фритредеров в парламенте, прижимистых чиновников из министерства по делам Индии и правительство Индии, считавших бюджетные деньги, рядовую публику, преисполненную сострадания к бедствующим людям. Когда Солсбери писал о том, что незаинтересованность индийскими делами идет ей на благо, он наверняка понимал, что это приносит пользу и колониальной бюрократии.

Поскольку отсутствовал четкий алгоритм действий для выхода из кризисных ситуаций, каждый раз он зависел от решений, принятых отдельными чиновниками. Они полагались на собственные взгляды и убеждения, а также на информацию, которую им удавалось раздобыть, действовали, находясь под давлением тех или иных политических сил, которым они с разной степенью успешности противостояли. Именно случаи голода в эпоху победившего фритреда наиболее наглядно показали неэффективность и неадекватность либеральных экономических принципов в колониальной ситуации в целом и в минимизации последствий неурожая в частности. На неэффективные попытки решить проблему накладывались личные амбиции чиновников, пытавшихся сохранить «лицо» и избежать критики. Это объясняло использование властями раз от раза диаметрально противоположных стратегий и непоследовательность их действий, которые можно охарактеризовать как панические. Но именно в 60-е — 70-е гг. XIX в., когда колониальное государство было вынуждено приспособливать считавшиеся универсальными законы политэкономии к индийской действительности, проблемы выяв-

ления признаков надвигающегося голода, предотвращения и смягчения катастрофы стали предметом бурных дискуссий.

Тяжелые последствия засух, наводнений и неурожая, критические настроения в обществе, разрушенные карьеры и накопленный практический опыт позволили к началу 1880-х гг. выработать относительно сбалансированный алгоритм действий для властей во время голода, который сочетал ряд непрямых протекционистских и превентивных мер и возможность ограниченного вмешательства в рыночные механизмы. По итогам работы Комиссии по вопросам голода 1878–1880 гг. все провинции Британской Индии приняли кодексы, регламентирующие меры помощи пострадавшему от неурожая населению, которые с некоторыми поправками служили руководством к действию вплоть до 1970-х гг., т.е. еще несколько десятилетий после получения Индией независимости. Процедура оказания помощи была забюрократизирована и практически исключала возможность произвольных решений: колониальные чиновники должны были следовать предписанному алгоритму, а случаи провала теперь относили не к неумелым действиям конкретных лиц, а несовершенному законодательству. С того момента голод редко использовался как повод для персонифицированных обвинений и извинений.

Кодекс же был первым в мире современным, детально проработанным сводом правил, которыми должны были руководствоваться чиновники в случае голода. На его положения ориентировались власти других стран, регулярно сталкивавшиеся с этой катастрофой. И, как написано в энциклопедии «Британника», «кодекс продолжает оказывать влияние на современную политику по борьбе с голодом, например, когда речь идет о программах «продовольствие в обмен на работу» (food-for-work) или о том, что в кодексе называлось «бесплатной помощью» (gratuitous relief) для тех, кто не может работать [Британника, 2023].

ГЛАВА 6

ВЫСТРЕЛЫ В СПИНУ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ: УЯЗВЛЕННАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ НА ФОНЕ БУБОННОЙ ЧУМЫ

Сюжет настоящей главы возник под влиянием пандемии COVID-19 и «Закона об эпидемиях» (Epidemic Diseases Act), принятого колониальным правительством Индии в феврале 1897 г. и примененного вновь для обоснования жесткого локдауна в Республике Индия в марте 2020 г. Эта историческая рифма всколыхнула череду воспоминаний о событиях более чем 120-летней давности, когда в 1896 г. из Гонконга в Южную Азию через портовый Бомбей пришла и более 20 лет не затихала эпидемия бубонной чумы¹ [МакАлпин, 2012; Ванина, 2012; Бьюкенен, 2012; Дзоши, 2012]. Ответом на жесткие и даже жестокие меры, предпринятые властями для сдерживания инфекции, стали пули, выпущенные в двух британских чиновников. Потрясающее весь мир двойное убийство признается первым в истории Британской Индии терактом, а Махараштра, где это случилось, исторический регион и (с 1960 г.) современный штат независимого государства, — родиной индийского терроризма.

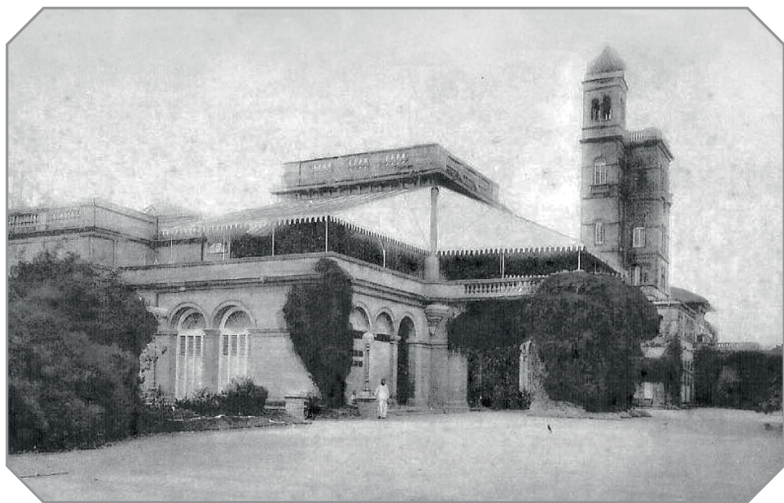
Настоящая глава с опорой на методологии «аффективного поворота» реконструирует эмоциональные триггеры этого сюжета, в наши дни обретшего свежее дыхание. Впрочем, это чрезвычайное происшествие никогда не забывалось и уже давно стало одним из символов *хиндута*вы, мобилизационной идеологии индийского общества на основе унифици-

¹ Мортальности в целом посвящена монография «Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение», содержащая отдельный раздел («Последний недуг») о чумной эпохе в Индии [Глушкова, 2012: 397–465].

рованной модели индуизма. В этой парадигме кровопроливатели обрели иной статус — не террористов, но революционеров, борцов за национальное освобождение.

Радость-на-крови

22 июня 1897 г., на пике могущества Британской империи, более чем 450 млн ее подданных ликовали в связи с «бриллиантовым юбилеем», т.е. 60-летием со дня восшествия на трон королевы Виктории. Хотя в Бомбейском президентстве все еще буйствовала эпидемия бубонной чумы и начинались дожди, в губернаторском дворце в Пуне (*Илл. 1*), муссонной столице президентства в 150 км к юго-востоку от Бомбея, состоялся пышный прием. Среди гостей находились Уолтер Чарлз Рэнд, служащий Индийской гражданской службы, за четыре месяца до того назначенный на должность главы Противочумного комитета города, и лейтенант Чарлз Эджертон Айерст. Ближе к полуночи на выезде из ухоженного парка вокруг резиденции на заднюю подножку фаэтона вскочил мужчина и всадил пулю в спину Рэнда; через пару минут другой человек метнулся к ехавшему следом экипажу, где сидел Айерст с женой, и выстрелил в упор молодому офицеру в висок.

Илл. 1. Губернаторский дворец

(<https://www.flickr.com/photos/158624352@N07/42196744420>)

27-летний Айерст, случайно попавший под горячую руку, погиб на месте, а 34-летний Рэнд — истинная цель нападения — скончался через 11 дней в пунском Сассун-госпитале. Обоих с военными почестями похоронили на кладбище Гроба Господня, ныне запущенном анклав на Пунско-Солапурском шоссе. Несколько месяцев спустя организатор убийств восстановил в автобиографии следовавшие за тем минуты и часы: «Вернувшись домой, мы с полным почтением вознесли хвалу Всевышнему, но на радостях (*ānandāmuḷe*) уснуть той ночью не смогли. На рассвете после омовения и прочих ритуалов вышли на улицу — слегка перекусить и заодно посмотреть, что там происходит. Перекуса не получилось, но к десяти–одиннадцати утра новость уже разнеслась по городу. К вечеру ее обсуждали и повсеместно радовались (*ānand hī ānand*). Причем радовались все (*ānand vāṭlā*) — от бедного до богатого, от малого до старого — что уж о нас-то говорить: о том, что чувствовали мы (*tyā arthi āmhalā kiṭi jhālā*), пусть читатель сам вообразит. Видя, что люди радуются, мы радовались еще больше (*lokās ānand pāhūn āmhalā ānand*). С господином Рэндом вражды у нас не было. Если бы он приструнил солдат, поднявших руку на нашу религию, вынудил бы их к поведению по закону, мы бы не пошли на это дело» [Khobreakar, 1974: 90].

Состояние эйфории подтверждают и мемуары современников: «Если описывать, о чем в тот день говорили люди, то повсюду — в доме, на пороге, в повозке, в колледже — все нашептывали друг другу в ухо одно и то же. Как это произошло, кто это сделал? Вообще, в душе у каждого били фонтаны радости (*ānandāce phavāre uḍat hote*), потому что такое событие, о котором говорят *na bhūto na bhaviṣyati*¹, не просто случилось, а случилось вовремя» [Rajvade, 1980: 45]. На созванном колониальной администрацией чрезвычайном собрании членов городского муниципалитета глава пунского округа Р. Э. Лэм(б) заявил следующее: «Я ожидал, что случившееся в Пуне будет подвергнуто общественному осуждению, но ничего подобного не произошло!» (цит. по: [Joshi, 1973: 112]). Очевидность всеобщей радости фиксировала и местная пресса: «...*Moda Vritt*, газета на маратхи, 15 июля 1897 г. выразила недоумение: как можно ожидать от индийцев печали по поводу смертей Рэнда и Айерста... когда европейцы могут безнаказанно забирать жизни беззащитных местных

¹ Санскр. выражение «никогда не было и никогда не будет».

жителей, как если бы они были мартышками, воронами или медведями» [Arnold, 1988: 65].

В завершение преисполненной угроз речи Лэм(б) выразил уверенность в том, что к убийству привел тщательно выношенный заговор пунских брахманов, в значительной степени воодушевленных подстрекательской деятельностью местной прессы и мемориальными празднованиями в честь Шиваджи¹, чья фигура незадолго до этого была извлечена из забвения. В дальнейшем этот мотив был подхвачен мировой прессой, например, *Daily Mail* писала: «Пуна, конечно, уже давно известна как рассадник южноиндийского фанатизма» (цит. по [Joshi, 1973: 117]). Эту мысль на все лады утверждали даже те, кто сами, как Артур Кра(у)форд², бывший бомбейский коллектор, имели неоднозначную репутацию. Будучи автором исторического исследования «Наши беды в Пуне и на Декане» [Crawford, 1897], он считал бывшую вотчину Шиваджи и штаб-квартиру заправлявших Маратхской конфедерацией брахманов-читпаванов³ неистощимым источником британских злосчастий [Johnson, 1977: 53–117; Глушкова, 1993; 2000: 301–303, 305–312]. Своим мнением он также делился с газетами в метрополии: «Никто из тех, кто имеет представление о деканских брахманах, ничуть не удивлен последними новостями из Пуны. Разве мы не наблюдали

¹ Шиваджи (1627/30–1680), называемый ныне не иначе как «чхатрапати Шиваджи-махарадж», — национальный герой маратхов, основатель независимого государства маратхов. Во время коронации (1674) принял титул *chatrapati*, «обладающий зонтом», т. е. символом царской власти. Пуна, где произошли описываемые события, еще будучи небольшим поселением, была пожалована как военный лен отцу Шиваджи, полководцу при разных мусульманских правителях, и передана последним своему сыну.

² Артур Кра(у)форд (1835–1911) — первый муниципальный комиссар и коллектор Бомбея, чьим именем был назван бомбейский рынок. С его именем также связан ряд скандалов, в которых нападающей стороной были Тилак и Г.К. Гокхле.

³ Брахманская подкаста выходцев из Конкана, отсюда второе наименование читпаванов — коканстха (*kokaṇstha*, «стоящие в Конкане»), в отличие от более многочисленной группы считающихся не пришлыми, а коренными брахманами, т. е. принадлежащими Дешу, части Деканского плато к востоку от Западных Гхатов, дешастха (*deśastha*, «стоящие в Деше»). К концу XIX в. среди маратхизычного населения насчитывалось около 4% брахманов всех видов; менее 25% от этого числа составляли читпаваны, большинство — дешастха [McDonald, 1968: 594]. Перепись 1901 г. установила численность читпаванов как 113 606 человек [Johnson, 1977: 55].

пресловутый бунт Васудева Балванта Пхадке¹ с набегами среди окруживших Пуну отрогов Сахъядри, его рамоши-грабителей, стремительно выраставших до бандитских генералов?» (цит. по: [Crawford, 1897: 122]).

Один из самых знаменитых «пунских брахманов», приглашенный на празднество в губернаторском дворце, читпаван Бал Гангадхар Тилак (1856–1920), в издаваемом им маратхиязычном еженедельнике «Кесари» (*Kes[ā]rī*, «Лев») попытался опровергнуть равнодушие Пуны к произошедшему: «Когда на следующее утро город узнал об этом, поначалу никто не верил... никто вообще не верил, что такой кошмар мог случиться, и поэтому все были ошеломлены и преисполнены скорбью. По всему городу прокатился вздох, выражающий ужас» (цит. по [Joshi, 1973: 114]). А в редакционных статьях из двух последующих выпусков, названных соответственно «Голова-то на месте у правительства?» (*Sarkārce ḍoke ṭhikāṇāvar āhe kāy?*) и «Править не значит мстить» (*Rājy[a] karṇe mhanje sūḍ ugāṇe navhe*), он гневно обрушился на колониальные власти за повальное охуливание брахманов в целом и Пуны как бывшей столицы Маратхской империи, откуда по всему субконтиненту распространялась власть *нешв* — брахманов-читпаванов.

Бывшая более века властным центром субконтинента, Пуна была травмирована утратой в 1818 г. своего статуса. В течение последующих десятилетий она находилась под неусыпным контролем колониальных властей, но при этом усваивала и пускала в рост западное воздействие, превратившись «в последней трети XIX в. в безоговорочный интеллектуальный центр всего маратхиязычного ареала» [Zelliot, 1982: 41] с несомненным доминированием читпаванов, преобладавших, в том числе, в качестве издателей и редакторов весьма многочисленной периодики. В списке наиболее влиятельных представителей брахманских кругов Пуны периода 1880–1920 гг. присутствует 18 имен, 16 из которых принадлежат читпаванам [Cashman, 1975: 222]. «Более того, к концу XIX в. Пуна установила почти единоличный контроль над вернакулярной прессой... что обеспечило поразительное сходство новостей и единодушие мнений» [Johnson, 1977: 62–63]. Впрочем, в ночь с 27 на

¹ Васудев Балвант Пхадке (1845–1883), брахман-читпаван, считается «отцом индийского вооруженного восстания», в колониальной интерпретации — «предводитель бунта».

28 июля на основании ст. 124А Индийского уголовного кодекса по обвинению в подстрекательстве к убийству представителей власти посредством публикаций в «Кесари», приуроченных — еще до убийства Рэнда и Айерста — к празднованиям в честь Шиваджи¹, был арестован Тилак, «архетипический пунский брахман» [Zelliot, 1982: 51]. Это вызвало протест по всей стране — Тилака уже знали и в Индии, и в метрополии — и сбор средств для его освобождения под залог.

Маратхский историк В. Ш. Дзоши, читпаван и автор документального исследования «Омовение кровью и жертвенность» (*Kaṇṭhśnān āṇi balidān*), объясняет его арест и последовавшее за этим задержание братьев Нату² как хитрость, нацеленную на то, чтобы выйти на настоящих преступников [Joshi, 1973: 129]. На самом деле пролившаяся кровь стала удачным поводом для обуздания «серого кардинала» Пуны, как квалифицировали Тилака в британских кругах [Catanach, 1984: 2].

Пунский диктат и «правила чувствования» Арли Р. Хохшил(ь)д

Нормативный акт «Закон об эпидемиях», принятый колониальными властями 4 февраля 1897 г. под предлогом распространения заразы,

¹ Речь идет о публикации в «Кесари» (15.06.1897) ранее прочитанной лекции профессора Фергюсон-колледжа Ч. Г. Бхану «Убийство Афзал-хана» с оправданием поступка Шиваджи, убившего во время дипломатического randevu мусульманского полковника. Подробнее об этом см. в специальном разделе «Убийство и его интерпретация как животворящий элемент» [Глушкова, 2012а: 75–113]. В том же номере была опубликована прозвучавшая на празднике поэма «Изречения Шиваджи» (*Śivājīce udgār*), в которой великий маратх обращается с небес к своему народу и упрекает его за бездействие в отношении поработителей.

² История братьев, известных как Бала-сахеб и Татъя-сахеб, из родовитого читпаванского клана, требует отдельного рассказа. За их семейством тянулся шлейф позора, навлеченного поступком Баладжи-панта Нату, водрузившего 17 ноября 1817 г. британский флаг над Шанивар-вадой, дворцом *пешв* в Пуне, и тем самым признавшего власть англичан. Стирая память о недостойном поступке родича, братья сознательно противодействовали вводимым колониальной властью новшествам, поддерживали самые ортодоксальные институты и учредили спортивный клуб для тренировки физической выносливости в среде брахманов. Празднования в честь Шиваджи в июне 1897 г. прошли в саду вокруг их жилища. В одной из депеш через месяц после происшествия лорд Сэндхёрст, бомбейский губернатор, рапортовал: «По расхожим слухам, за всем этим делом стояли три человека — м-р Тилак и братья Нату» (цит. по: [Wolpert, 1962: 90]).

наделил вице-короля и губернаторов президентств исключительными полномочиями, в том числе на разные виды принуждения и насилия. Он лишал население, в первую очередь жителей Бомбея и Пуны, эпицентров инфекции, свободы выбора и передавал специальным комитетам неограниченное право распоряжаться их телами (производить анатомический осмотр, отправлять в госпитали, изолировать в лагерях, подвергать вскрытию трупы и осуществлять захоронения/кремацию) и имуществом (нарушать целостность жилищ, дезинфицировать и уничтожать собственность). Слово *emotion*, как свидетельствует почти полное его отсутствие в англоязычных источниках, было еще не в ходу, но официальные документы того времени зафиксировали устойчивый спектр чувств (*feelings, sentiments, passions*) преимущественно негативного характера: страх (*fear, fright*), тревогу (*anxiety*), ужас (*dread*), отвращение (*repulsion*), гнев (*wrath*) и др., которыми были насыщены медицинские отчеты, газетные репортажи и правительственные депеши.

Взрыв негативных чувств был спровоцирован в первую очередь неизвестной в этих краях болезнью: исторический регион, куда входят Бомбей и Пуна, с чумой не был знаком¹. Рамабаи Ранаде, жена Махадева Говинда Ранаде², судьи Высокого суда в Бомбее, историка и просветителя, зафиксировала в мемуарах: «Когда чума 1896/1897 впервые пришла в Бомбей, никто и ничего о ней не знал» [Ranade, 1910: 171]. У болезни не было собственного названия, и из санскритских элементов сконструировали малоупотребительную кальку *grānthik sannipāt* (*granthi*, «узел» < «опухлость»; *sannipāt*, «перемещение вниз» < «болезнь»); английское же *plague* в просторечии превратилось в *pilok*, а *carantine* — в *karantī*. «Никакая другая эпидемия не вызвала такого страха и паники, как чума» [Chandavarkar, 1998: 204], столь мощного выброса физиологических и поведенческих реакций в качестве отклика на сигнал явной, но не охватываемой разумом опасности. С поразившим весь мир коронавирусом SARS-CoV-2 чуму тех лет как раз сближает то, что первоначально ни природа, ни методы противодействия известны не были.

¹ В индийских словарях имеется слово *marāmārī*, букв. «великая смерть», т.е. «эпидемия», в ряде случаев отождествляемая с чумой 1618–1630, 1689–1702 гг. в других районах Индии.

² Махадев Говинд Ранаде (1842–1901) — социальный реформатор, один из основателей партии Индийский национальный конгресс (ИНК).

В Пуне, как и в Бомбее, ответственными за борьбу с эпидемией колониальная администрация назначила европейцев, отстранив от решения санитарно-гигиенических вопросов местные муниципалитеты и не считаясь с индийским жизненным укладом. Облеченный властными полномочиями, сухой и скрупулезный Рэнд рьяно принялся за дело: в период между 13 марта и 19 мая¹ 1897 г. были обысканы 218 124 дома, выявлено 338 заболевших и 64 — добровольно не предъявленных — трупа. В одном и том же месте обыски проводили по нескольку раз, и семейства разъединяли в соответствии с протоколом о заболевших и их семьях — кого отправляли в госпиталь, кого в резервацию на карантин [Arnold, 1988: 64, примеч. 26]. Неприемлемым для консервативного, жестко разделенного кастовыми и религиозными барьерами города было и то, что в отличие от Бомбея, где под присмотром британского офицера пороги жилищ переступали индийцы, в Пуне по рекомендации прибывшего из Гонконга военного хирурга В. В. О. Бевериджа был задействован военный контингент в количестве 1112 солдат-европейцев, а приданный для благопристойности «местный джентльмен» ожидал на улице.

Такое массовое использование войск выглядело как новое завоевание столицы Маратхской конфедерации, самого упорного противника англичан вплоть до его поражения². Однако и с «джентльменами» было не просто, как рапортовал Рэнд в подготовленном незадолго до смерти «Отчете»: «Город был в панике. Множество значимых персон уже покинуло его или намеревалось это сделать в связи со вспышкой... Другой фактор, с которым необходимо было считаться, заключался в том, что часть брахманской общины города, включая ее наиболее влиятельных представителей, не испытывала желания поддерживать какие бы то ни было меры, исходящие из официальных источников, и была предрасположена к тому, чтобы, скорее, противодействовать любым действиям,

¹ Эта дата означает не завершение мер, предпринятых властями, а конец периода, по которому Рэнд успел подготовить отчет [Report on Poona..., 1898: 301].

² Маратхи как претенденты на власть вновь заявили о себе в период Сипайского восстания 1857–1858 гг., когда Нана Сахиб, приемный сын последнего главы Конфедерации, его соратник Тантия Топи и княжеская вдова Лакшми-баи возглавили протест в Центральной Индии [Шаститко, 1967]. В 1870-х гг. маратх Васудев Балвант Пхадке, «отец индийского вооруженного восстания/бунта», планомерно готовил отряды для вооруженной борьбы с колонизаторами. После длительной погони он был схвачен и погиб в тюрьме Адена, входившего тогда в состав Бомбейского президентства.

которые бы намеревалось предпринять правительство для обуздания чрезвычайной ситуации» [Report on Poona..., 1898: 306].

В старой части Пуны читпаваны занимали целые кварталы, чьи названия и в наши дни символизируют отдельное культурно-кастовое сообщество и его ценности, в том числе чувство гордости за свое место в истории Индостана. Процесс поиска чумных бубонов привел к неслыханному насилию над обитателями Садашив- и Нараян-петхов¹ и их домами без понимания того, что означает для тамошних жителей их внутреннее — частное — пространство и каков их кодекс ритуальной чистоты: «[Солдаты] врывались в кухню, когда обитатели находились за трапезой; они проникали в помещения для богослужения (*devghar*), тем самым оскверняя их, и вламывались в женские покои» [Masselos, 1999: 27]. Отовсюду поступали жалобы на прикосновения чужеземцев к изображениям богов и кухонной утвари и недопустимый для индусов интимный осмотр тел, включая женские, преимущественно в области шеи, подмышечных впадин и паха, для обнаружения признаков болезни — «лучше смерть, чем подобное унижение» [Arnold, 1988: 63].

В петициях властям, в редакционных статьях и в обращениях в газеты красной нитью повторялась одна и та же позиция: индийские ценности и чувства противопоставлялись «безразличию и черствости» западной медицины и колониальной администрации. «Приход солдат, жаловалась *The Mahratta*², “еще хуже, чем приход чумы”... Они бесчувственны к людям в домах и бесчувственны к обычаям этих домов» [Masselos, 1999: 26], что приводило к определенным эксцессам. Официальным тоном это подтверждал и Рэнд: «Община брахманов — единственная, чье пове-

¹ *Петх* (*peth*) — территориальное деление в старой части Пуны. Садашив-петх назван по имени Садашив-рава, или Бхау («брат»), двоюродного брата Баладжи Баджи-рава, 8-го *пейшвы* (прав. 1740–1761); в качестве полководца Бхау повел маратхскую армию в бой в Третьей битве при Панипате (1761), где погиб [Глушкова, 20126]; Нараян-петх назван в честь 10-го *пейшвы* — Нараян-рава (прав. 1772–1773), убитого в результате заговора, организованного его дядей Рагхунатх-равом, ставшим 11-м *пейшвой* (прав. 1773–1774). Начиная с 1713 г. должность *пейшвы* (первого министра) перешла к клану Бхатов, брахманов-читпаванов. Расположенные в непосредственной близости от Шанивар-вады, дворца *пейш*, эти кварталы были густо заселены их сородичами, занимавшими ключевые посты в период *пейшван* (*peśvān*), эпохи под властью *пейш*, отобравших фактическую власть у потомков Шиваджи.

² Здесь и далее названия периодики в цитатах остаются в написании соответствующих авторов.

дение по отношению к задействованным войскам было в целом недружелюбным. В кварталах брахманов войска столкнулись с большим количеством препятствий, которые, однако, не переходили в насильственное сопротивление» [Report on Poona..., 1898: 314].

Лидеры местной прессы, возглавляемые брахманами-читпаванами — «великим пунским поколением 1875–1900» [Zelliot, 1982: 22], внесли основательную лепту в аффективную синхронизацию, публикуя наряду с фактами и непроверенные сведения, что, естественно, усиливало «недружелюбные» диспозиции: «*Poona Vaibhav* предупреждала, что в индийской истории уже были примеры деспотических режимов, которые погибали через вмешательство сил, направленных божественным провидением для освобождения угнетаемых. *Sudharak* в отчаянии намекал, что лучше последовать обычаю *jauhar* (самосожжение женщин, детей и стариков), чем позволить “этим бандитам входить в наши дома и оскорблять наших женщин”. *Moda Vrit* оплакивала глубину вырождения, охватившего индийцев менее чем за век с утраты собственного правления, что никто из них не готов противодействовать осквернению идолов или оскорблению женщин» [Ramanna, 2012: 20]. На этом фоне англоязычный еженедельник «Махратта» (*Mahratta*) и маратхиязычный «Кесари», основанные в начале 1880-х гг. Тилаком совместно с Гопалом Ганешем Агаркаром¹, вели себя более сдержанно: «По крайней мере, до конца марта 1897 г. так называемая “умеренная” пресса звучала намного громче, чем *Kesari* и *The Mahratta*, в обличении обысков в связи с чумой. Даже складывается впечатление, что Dnyan Prakash и *Sudharak* в какой-то степени надеялись на свое влияние в побуждении к бунту (*émeute*) в ответ на принимаемые меры» [Catanach, 1984: 3].

«Умеренный» «Судхарак» действительно не стеснялся в выражениях², называя «рэндских» солдат «посланниками Ямы», бога

¹ Гопал Ганеш Агаркар (1856–1895) — читпаван, социальный реформатор, первый редактор еженедельника/газеты *Kes(a)rī*, впоследствии основатель периодического издания «Судхарак» (*Sudhārak*, «Реформатор»). Хрестоматийный сюжет о дружбе, перешедшей в непримиримую вражду между Тилаком и Агаркаром см. [Глушкова, 2017].

² После ранней смерти Агаркара издание возглавил Гопал Кришна Гокхле (1886–1915), читпаван, но автором этих статей, написанных очень жестким языком, был не он, так как находился в это время в Англии. На какое-то время «Судхарак» действительно выбился в лидеры гневного протеста.

смерти, насадившими свои порядки и укрепившими «рэндовщину» (*rāndśāhī*) — «власть Рэнда»¹. В редакторской колонке от 12 апреля 1897 г., например, совершенно явственно звучал призыв к отпору: «С чувством великого стыда (*moṭhyā śarmene*) приходится признать, что на всей земле не встретить слабаков (*nāmard*, букв. «немужчина», «импотент»), подобных нашим людишкам! Эй, как же вы уродились такими пустотелыми? Ну, хоть слегка пошевелитесь, чтобы спасти честь своих родных! Что ж вы скулите, как слюнтяи (*bhāgubāī*)? Лучше научите варвара манерам! Дать сдачи тому, кто дотронулся, проучить того, кто нарушает порядок, проявить мужество — не преступление! Распрямитесь, как подобает мужчинам, вправьте мозги этим британским недоумкам» (цит. по: [Khobrekhar, 1974: 7]).

Возвращаясь к этой теме в каждом выпуске, через месяц — 17 мая — автор уже буквально захлебывался яростью: «Суть происходящего в следующем: наше самоуважение (*svabhimān*, букв. «гордость собой») уничтожено. Если что и оставалось, то утекло с [последними каплями] мужской силы (*hatvīry[a] hoīn padlā āhe*)...» (цит. по: [Khobrekhar, 1974: 7]). Он вновь перечислял творимый внутри пунских жилищ беспредел: «деньги увели», «папад² осквернили», «простоквашу разлили», «богов разломали», «их осколки в лавках заменили гири» и т. д. Помимо того, что перечисленное относится к процедуре богослужения, в домах старой Пуны эти предметы вместе с алтарем располагались в ритуально «чистых» кухонных помещениях, всегда закрытых для посторонних и периодически недоступных даже для членов одного семейства. Автор живописал почтенных патриархов, которых выволакивают на улицу и оголяют для унижительного осмотра, матерей, жен и сестер, которых трогают чужие руки, и использовал дерогатив «импотент» вкупе с указанием на недержание семени как свидетельство полной утраты не только мужественности, но и маскулинности. *Nāmard* означает исключение всех качеств, свойственных *mard*, «мужчине-воину», «герою» — *vīr*, производящему *vīry(a)*, т. е. «оплодотворяющее семя»

¹ Садананд Море утверждает, что этот концепт был вброшен в обиход Тилаком [More, 2010: 94], но мне он впервые попался в статье из «Судхарака», с которым Тилак открыто враждовал.

² *Paṇad* — сухая лепешка-полуфабрикат, после приготовления используется в ритуале богослужения.

и «подвиг», это — оглашение приговора о неполноценности. Показывая разрушение обоих миров — сакрального и профанного — и уличая не только в моральной, но и физической слабости, «Судхарак» вопрошал: «А вы все такие же святые! Такое общество заслуживает презрения (*dhikkār*). Откуда в вас такая рабская покорность?» (цит. по: [Там же]).

Как и большинство пунских изданий, «Судхарак» тиражировал описание практически одной и той же душераздирающей сцены, разогревая воображение тех, кто, не будучи непосредственным свидетелем, был связан со своей средой социальными узами, укрепляемыми, в том числе, общим эмоциональным опытом. Малочисленные по сравнению с другими брахманскими кастами, «читпаваны осознали связь друг с другом. Отчасти это вытекало из признания их превосходящего положения в обществе, отчасти — из их особых родственных уз» [Johnson, 1977: 56]. При этом еженедельник фиксировал внимание читающей публики на утраченной гордости и нестерпимом стыде, тем самым устанавливая «правила чувствования» (*feeling rules*) и «управляя эмоциями» (*emotion management*), что подводило к «предписаниям для действий» (*pres-scripts to action*).

Эти «правила чувствования», в формулировке американского социолога А. Хохшил(ь)д, суть «то, что направляет работу эмоций, устанавливая ощущение причастности или обязанности, которое управляет эмоциональным обменом» [Hochschild, 2012: 56]. «Правила» ложатся в основу социокультурных норм, подсказывающих членам сообщества или определенной его части, что, где, когда, как и насколько сильно чувствовать. А их механизм работает через «напоминания» (*rules reminder*), «распознаваемые» обществом, в рамках которого они существуют: «Мы можем воспринимать это как бормотание про себя, как голос бдительного хора, стоящего в стороне от главной сцены¹, где действуем и чувствуем мы. Также напоминания о правилах приходят к нам от других людей, предлагающих нам *отчитаться* за то, что мы чувствуем» [Hochschild, 2012: 57–58].

Лидеры общественного мнения — известные и яркие фигуры периода активного становления регионального и общеиндийского национализма — М. Г. Ранаде, Тилак, Гокхле, Апте, Нату, Дзоши,

¹ Хохшил(ь)д выстраивает объяснение с опорой на систему Станиславского.

Девдхар, Парандзпе, Кхасгивале¹ — неустанно «напоминали», однако никто из читпаванов не утратил память об эпохе, когда именно «мы», т. е. «наши» отцы, деды и прадеды, правящая элита Маратхской конфедерации, устанавливали — на разных уровнях — всевозможные «правила» вплоть до таких, казалось бы, мелочей, как состав повседневной трапезы и расположение пищи на подносе², соблюдаемые и в наши дни в брахманских домах Пуны. Эта крепкая память не была секретом для колониальной власти: «[С]о времени первых посольств при дворе пешвы британцы поняли, что в Пуне они имеют дело с гордыми людьми, мастерами в плетении интриг, преисполненными политических амбиций... В людях Декана была жесткость и явное нежелание смириться с постоянством британского правительства в Индии, что всегда беспокоило правителей. “Никогда я не встречал в Индии национальных и политических амбиций столь непрерывных, столь длительных, столь далеко идущих, столь совершенно невыполнимых для нас, как у брахманов Западной Индии”, — писал сэр Ричард Темпл в бытность свою губернатором Бомбея [1877–1880]» [Johnson, 1977: 53–54]. Он, как и многие его соотечественники, признавал, что британцы выхватили власть не у Моголов, подточенных непрерывным противостоянием с Шиваджи, *пешвами* и военной знатью Маратхской конфедерации, но

¹ Перечисление ограничивается именами, звучавшими именно в 1897 г., поэтому в списке отсутствуют уже умерший Агаркар, а также семейство Чиплункаров, включая Вишну-шастри (1850–1882). Последнего, плодовитого писателя и основателя знаменитых типографий Citraśālā и Āryabhūṣaṇ Press, нередко характеризуют как ревайвалиста «с легким английским акцентом» и считают главным идеологом политического и эстетического «ренессанса» 1875–1900 гг. [Zelliot, 1982: 45], или, как чаще определяют вторую половину XIX в. в Махараштре, — «пробуждения» (*jāgrāṇ*). Тилак и Агаркар считали его своим вдохновителем.

Помимо прочего, Вишну-шастри считается «отцом современной маратхской прозы», нормы которой он создал собственными эссе в издаваемом им на протяжении 12 лет журнале «Нибандх-мала» (*Nibandhmālā*, «Гирлянда эссе»), черпая одновременно из санскрита и английского. Его эссеистика «воспламеняла чувство гордости за свою родную культуру, свой язык и свою историю», хотя «национализм в том виде, как он выражался в *Nibandhmālā*, воспринимался читателями, скорее, как курс брахманского триумфа» [Gurjarpradhye, 2014: 134]. На основе журнала в 1881 г. и были созданы «Махратта» и «Кесари».

² За гурманной «геометрией» стоит фигура последнего, 13-го, пешвы Баджирава II (прав. 1795–1818). См.: [Келкар, 1990].

у воинственной и честолюбивой Пуны¹. И Пуна этого точно не забывала: «Будучи брахманами-читпаванами, Тилак и Гокхле унаследовали гордое, но трагическое сознание принадлежности к общине, которая вершила судьбу маратхской власти в век ее величайшей славы только для того, чтобы возглавить ее падение» [Wolpert, 1962: 2]².

С. Море, исследователь общественной мысли Махараштры и автор двухтомной эпопеи «От Тилака к Махатме», напоминает, что британцы не просто опасались «маратхских брахманов, в первую очередь читпаванов», ожидая, что за воспламеняющими фразами последует бунт, но были буквально ими одержимы: «Им повсюду мерещились коканстха, как Кансе на воде и на суше, в дереве и камне чудился Кришна³. На ярмарках в те дни распевали один и тот же куплет: «*Конечно, брахман, да и тот из Пуны, / и уж точно из читпаванов. / Белого (gorā) он убил, / появьте из них хоть любого*». Однажды полицейские схватили распевавшего куплет парнишку, привели в полицейский участок и спросили, что такое “гора”? А он им ответил, мол, это бычок (*gorhā*), тем самым хорошенько посыпав рану англичан солью»⁴ [More, 2007: 137].

¹ О «кризисе индийской лояльности» в Западной Индии в годы губернаторства Темпла в виде острой критики правительства Общественным собранием Пуны (*Pune sārva-janik sabhā*), основанным в 1870 г. именитыми читпаванами, а также об опустошительных рейдах под руководством читпавана В.Б. Пхадке, напоминающих о событиях 1857–1858 гг., см. [Tucker, 1969]. Темпл сообщал в Калькутту: «Подобно тому, как под руководством брахманов махратты, неуклонно двигаясь к цели, одержали победу над завоевателями-магометанами... так и читпаваны воображают, что когда-нибудь, более или менее отдаленным днем британцы будут вынуждены сойти в ту тьму, куда до этого сошли Моголы» [Tucker, 1969: 347].

² Книга Волперта — «Тилак и Гокх(а)ле: революция и реформа в создании современной Индии» — предлагает не только глубокий анализ взглядов и вытекающей из них деятельности знаменитых политиков, но и их крайне неприязненные взаимоотношения, также ставшие притчей во языцех.

³ Согласно легенде из «Бхагават-пураны», узурпировавшему власть в Матхуре Кансе была предсказана гибель от руки восьмого ребенка, рожденного Деваки, его сестрой. Однако он видел угрозу в каждом, поэтому умерщвлял подряд всех племянников, но божественное вмешательство спасло Кришну и предсказание было исполнено.

⁴ Шутка построена на противопоставлении простого звука с придыхательным, вызывавшим у англичан фонетические затруднения.

За убийством Рэнда и Айерста в действительности стояли читпаваны: они внимательным образом вчитывались в пунские газеты, но им определенно хватало собственного — внутреннего — «бормотанья»: «Мы постоянно ходили следом за этими грабителями. Наша цель была в том, чтобы увидеть все своими глазами — обыски (*tapāsñī*), которые я предпочитаю называть разбоем (*lūt*). И главным в этом разбое был Рэнд... Эти белые намеренно вели себя так, чтобы вызвать в нас раздражение (*cid*), а Рэнд-сахеб все это с огромным удовольствием наблюдал. То, что при этом происходило в наших душах, я описать не в состоянии. Так мы приняли решение — забрать у него жизнь и от этого [намерения] не отступать», — рассказал в автобиографии главный зачинщик «омовения кровью» [Khobrekhar, 1974: 80], фактически объявив войну против «рэндовщины».

Эмоции самосознания/самооценки (self-conscious / self-assessment emotions). Стыд и гордость в интерпретации Томаса Д. Шеффа

Чрезвычайная плодотворность исследований в русле «аффективного поворота» привела к выделению особого класса эмоций [Тгасу и др., 2007], еще не нашедшего устойчивого наименования в русском языке. Тем не менее объединенные в нем «стыд», «гордость», «вина», «смущение» и «унижение» признаны центральными регуляторами и мотиваторами мыслей, чувств и поведения людей; специфика этих концептов заключается в том, что их интенциональный объект совпадает с субъектом, который их испытывает. В отличие от гордости, однако, позитивные радость или счастье в случае успеха не зависят от стороннего одобрения, в то время как гордость отсвечивает признанием других; а крайне неприятный стыд, в отличие от угрожающего любому какому-либо виду страха, вытекает из его собственного поведения и ситуации, оцениваемых в данном социуме / в данной культуре как неправильные и/или неприличные.

Рецензия на один из трудов классика американской социологии, «певца стыда» Т. Д. Шеффа начинается следующими словами: «Китайский философ Лао-цзы предупреждал, что самый опасный

враг тот, чье достоинство оказалось попрано. Это положение находит отражение в книге Шеффа “Кровавая месть: эмоции, национализм и война”. Автор утверждает, что стыд (shame) является главным виновником войны. Он идет дальше Лао-цзы, предполагая, что наиопаснейший стыд тот, который не признается. Подавленный (или непризнанный) стыд отравляет колодец человеческих отношений, создавая котел гнева. В этом контексте ссоры быстро заходят в тупик, и легко развязывается насилие» [Worchel, 1995: 407]. Компоненты из названия рецензируемой книги почти полностью раскрывают подоплеку пунского кровопролития.

В многочисленных трудах Шефф квалифицирует стыд как *Master Emotion*, «главную эмоцию» с мощными психологическими и социальными функциями, ключевую в социальных взаимоотношениях, но при этом не обособляет его от гордости. Более того, он рассматривает оба концепта как одну сторону монеты, а взаимоотношения, т. е. «связи», — как другую и определяет их полярные контексты: «Мы испытываем гордость за достижения, успех, признание и стыд за ошибки, неудачи, неприятие» [Scheff, 1994: 39]. Шефф отталкивается от труда своего соотечественника Ч. Х. Кули «Человеческая природа и социальный порядок» (*Human Nature and the Social Order*, 1902) и его концепции «зеркального я» (looking-glass self), в основе которой лежит убежденность в «рефлексивном сознании нашего опыта», что проявляется в постоянном «самоконтроле»¹. Из этого вытекает социальность сознания, поскольку «большую часть жизни мы проводим в головах (minds) других, этого не осознавая» [Там же: 45–46]. То есть каждый невольно смотрит на свое отражение не собственным взглядом, а глазами других, представляя, как они расценивают его отражение, и в зависимости от воображенной им оценки других переживает возникающие в результате самоощущения чувства в диапазоне от стыда до гордости.

В совместной с С. Ретцингер книге «Эмоции и насилие. Стыд и ярость в разрушительных конфликтах» Шефф выдвигает основной тезис —

¹ Кули не единственный, с чьими работами Шефф устанавливает преемственность; в списке его предшественников — социологи Н. Элиас, И. Гофман и др., а также ряд психологов и психоаналитиков, включая Д. Брунера и Д. Стерна. В области социологической классики Шефф обращается к трудам К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера и др.

«Стыд (shame) ведет к гневу (anger), который ведет к агрессии» [Scheff, Retzinger, 1991: x], и уподобляет эту эмоцию кислороду, необходимому для живых клеток, но обладающему разрушительной силой при горении. Именно такое свойство в сочетании с вариантами зонтичной эмоции anger обретает стыд, неизбежно вызывая «отчуждение» (alienation) и конфликт в противоположность гордости, создающей условия для «солидарности» (solidarity) и сотрудничества. Эти понятия авторы встраивают в социальную структуру и определяют «социальные связи» (social bonds) как ключевой компонент своей теории наряду с самими эмоциями и коммуникативными тактиками. «Отчуждению» и «солидарности» отводятся позиции полюсов, между которыми расположены степени, т. е. варианты «смешения» (mixtures), когнитивной и эмоциональной «настройки» (attunement) личностных и групповых отношений. А уровень «настройки», в свою очередь, определяется «разделенными» (shared), т. е. общими для индивидов/группы, стыдом и гордостью, способными к одновременному проявлению и сосуществованию.

Теория Шеффа и Ретцингера строится на интерпретации человеческого взаимодействия в разнообразных сферах и ситуациях: супругов на психотерапевтических сессиях, участников телеигр и актеров высокой политики, персонажей мировой классики («Страдания молодого Вертера» Гете) и злодеев XX в. А. Гитлера и его личного архитектора А. Шпеера. Возникновение бурных эмоций и форм поведения (вплоть до войны) становится тем более вероятным, чем ощутимей между людьми состояние несвязанности (boundlessness). То, что социологическая наука в целом усматривает наивысший риск для этих связей в период модернизации и притока современного знания на фоне усиления социальной и географической мобильности и разрушения традиционной общности [Там же: 19], играет особую роль в сюжете «кто убил Рэнда», а под горячую руку и Айерста. В Пуне последнего даже немного жалели: «Бедняга — к добру или худу расстался с жизнью... Все оттого, что находился подле плохого человека. Ведь говорят же: “Бриллиант, что подле клопа раскололся, // словно отшельник, павший в дурном соседстве”¹» [Rajvade, 1980: 45].

¹ Эта строка из стиха Тукарама обыгрывает непреднамеренность/неизбежность уничтожения хороших свойств при соприкосновении с чем-то плохим.

«Душевный надрыв революционера» (ekā krāntikārakācī manācī taḥma!)

Такими словами маратхский энциклопедист Лакшман-шастри Дзоши, читпаван, охарактеризовал жанр впервые изданной в 1974 г. на маратхи автобиографии инспиратора сенсационного «омовения кровью». Она была написана в октябре 1897 г. в знаменитой пунской тюрьме «Йервада», построенной англичанами в 1866 г., и в виде стопки пожелтевших листов, заполненных с двух сторон, лежала там до середины 1950-х, вплоть до начала работы над фундаментальным трудом о движении Индии к независимости. До выхода оригинального текста, транскрибированного историком и архивистом В.Г. Кхобрекаром со скорописи *моди* на стандартный *балбодх/деванагари* [Khobrekhar, 1974], английский перевод, сделанный непосредственно для суда, позднее был опубликован в подборке документов бомбейской полиции (1910) и перепечатан в «Источниках по истории освободительного движения Индии» [Source Material..., 1958: 955–1016]. 18 апреля 1898 г. автор «надрывного» жизнеописания был вздернут на виселице на внутреннем двореике «Йервады».

Впрочем, суд над убийцей состоялся уже после того, как Тилака — 13 сентября 1897 г. — приговорили к 18 месяцам заключения по статье 124А Индийского уголовного кодекса (ИУК), теперь называемой «Законом о подстрекательстве» (Sedition Law): «Тот, кто словами, устными или письменными, или знаками, или видимым изображением, или иным образом вызывает или пытается вызвать ненависть (hatred) или презрение (contempt), или возбуждает или пытается возбудить недовольство (disaffection) правительством, подлежит наказанию в виде пожизненного заключения»¹. Тилаку вменялось «подстрекательство к мятежу» через оправдание убийства могольского

¹ 'Whoever, by words, either spoken or written, or by signs, or by visible representation, or otherwise, brings or attempts to bring into hatred or contempt, or excites or attempts to excite disaffection towards the Government shall be punishable with Life Imprisonment.' В переводе ИУК на маратхи, выполненном только в 1986 г.(!), в соответствующей статье используются: *dveś* (hatred), *tuchatā* (contempt), *apṛīṭī bhāvnā* (disaffection), что фактически навязывает первым двум лексемам определенную семантику, в то время как disaffection передается совершенно искусственным сочетанием.

военачальника Афзал-хана, совершенного Шиваджи: под признаки «подстрекательства» суд подвел опубликованные в «Кесари» поэму «Изречения Шиваджи» и редакционную статью с описанием праздничных мероприятий, проходивших с 12 по 15 июня. Фактически же в основу уголовного наказания легла малопонятная эмоция *disaffection*, что стало едва ли не первым случаем подобного рода под небом Южной Азии¹. Суд проходил в Бомбее — подальше от вотчины «пунских брахманов», плотность которых всегда оказывалась для англичан трудно переносимой. По заявлению судьи А. Стрейчи, возглавившего процесс «Императрица против Тилака», «подстрекательство к мятежу включает в себя: ненависть (*hatred*), вражду (*enmity*), неприязнь (*dislike*), враждебность (*hostility*), презрение (*contempt*) и все формы недоброжелательности (*ill will*) по отношению к правительству»² (цит. по: [Burra, 2018]).

В процессе, где ни судья, ни обвинитель, ни присяжные не владели маратхи, Тилак бился, как подобает издателю газеты «Кесари», т.е. как лев, против того, чтобы его судили за слова, неадекватно переведенные на английский язык. В судебных материалах «эмоции» отсутствуют — эта лексема неопределяемого диапазона к концу XIX в. до Индии еще не добралась. В деле присутствуют только *feeling* (25 раз), *feelings* (20 раз), *sentiment* (5 раз), *sentiments* (5 раз), *passion* (3 раза), *passions* (2 раза) и, наконец, *disaffection* (26 раз) [The Empress vs. ..., 1897]. По поводу последнего Стрейчи сделал заявление: «Неприязнь (*disaffection*) — это попросту отсутствие приязни (*affection*)», которое Стэнли Волперт, блестящий американский историк, назвал «памятником отречения от мудрости перед лицом страха» [Wolpert, 1962: 101].

¹ Фактически эта статья подавляла свободу слова, в особенности в набиравших всендийскую популярность медиа. Впервые статья была применена в 1891 г. против бенгальского еженедельника *Bangobasi*.

² Такое расширительное толкование, безусловно, извращало определение *sedition*, что Тилак не преминул отметить в своем выступлении: «...в связи с чем мы также можем сослаться на заявление лорда Литтона, сделанное им на вице-королевском совете при обсуждении “Акта о вернакулярной прессе 1878 г.”. Его Светлость отчетливо заявил: “Любое недовольство, не сопровождаемое фактическим бунтом, не подпадает под определение подстрекательства”» [The Empress vs. ..., 1897: 61]. На протяжении всего выступления Тилак обращал внимание на то, что связь между публикациями в «Кесари» и убийством колониальных чиновников не установлена.

Тилак, в частности, заявил: «Где же подстрекательство к мятежу? Явно не в тех выражениях, что приводятся [в качестве примеров]. Можно, конечно, предполагать, что оно содержится в намеках и словесных натяжках английского перевода, который нужно проверять строчку за строчкой. Перевод этот, во-первых, высокопарный; а во-вторых, простые выражения удивления (surprise) или горя (grief) были разнесены по огромному количеству опросных листов, тем самым понуждая перевод к допущению того, что отсутствует в оригинале. При переводе какой-либо части следует заботиться о том, чтобы выбирать слова, достаточно близкие оригиналу как по их [прямому] значению, так и по вызываемым ими ассоциациям. Если это правило не соблюдено, то перевод может оказаться более подстрекательским, чем оригинал, и заслуживающим порицания» [Там же: 38]. Слово за словом Тилак сравнивает английский перевод поэмы и статьи с маратхскими оригиналами и разъясняет социокультурные нюансы, искажающие эмоциональное воздействие высказываний. Он отвергает «патриотизм» (patriotism) в качестве аналога *deśācā abhimān*, «гордость за страну» (pride of one's country); светское междометие alas, alas! в качестве замены восклицанию *Śiv-Śiv*, «Шива, Шива!», соединяющему чувство «благочестия» (piety) с «горем» (grief), которое следует переводить как «О Боже» (Oh, God!) [Там же: 39] и т.д.

Помимо того, что эмоции закрепились в индийском законодательстве, будучи уравненными с «преступлением против общественного порядка» с подсчетом материального ущерба, сам суд, широко освещаемый как англоязычной, так и вернакулярной прессой, вызвал шквал чувств: «горе» (grief), «уныние» (gloom), «унижение» (humiliation) — в отношении несправедливого приговора и «уважение» (respect) и «сочувствие» (sympathy) его герою: «Потрясение в связи с приговором м-ру Тилаку, охватившее Индию по всей ее длине и ширине, естественно... Государственный судебный процесс сделал его имя известным в каждом доме. Мы полагаем, что никак не преувеличиваем, что каждый читающий газеты индиец или иным способом находящийся в курсе общественного мнения самым глубоким образом сопереживает его несчастью, а тысячи, нет, сотни тысяч считают его мучеником во имя страны» (цит. по: [Kamra, 2016: 556]). Именно эта широкая, нахлынувшая как цунами известность превратила Тилака в Локаманию — «Признанного народом» — и через год привела к его освобождению

из тюрьмы. На протяжении последующих двух десятилетий — вплоть до его смерти — его популярность подогревалась, в том числе, невероятным количеством театральной продукции, воссоздающей предшествующие процессу события и триумф Тилака [More, 2010: 102–103].

Рэнда и Айерста убили светлоглазые¹ читпаваны Дамодар Хари (1869–1898) и Балкришна Хари (1873–1899) Цапекары. Саспенс с сокрытием вплоть до этих строк главы их имен в самой малой части смоделировал 125-летней давности паралич: несмотря на переполненную сыщиками и информаторами Пуну и объявленное вознаграждение в 20 тыс. рупий, колониальная полиция вышла на след преступников и арестовала Дамодара — мозг всей операции — только через три месяца. Спустя почти год — на территории княжества Хайдарабад — был пойман Балкришна, а через некоторое время Васудев Хари Цапекар (1879–1899). Младший из братьев в событиях 22 июня не участвовал, но вместе с друзьями-читпаванами — Ранаде и Сатхе — пристрелил двух других братьев — Дравидов, также брахманов, но не-читпаванов, указавших властям на тех, кто может стоять за «омовением кровью». Балкришну, Васудева и Ранаде казнили в мае 1899 г.; малолетнего Сатхе приговорили к 10 годам каторги. В письме отцу из тюрьмы Дамодар написал: «Не надо считать, что мысль о последствиях не посещала нас, когда мы замыслили это ужасное действо. Но я не обращал на это внимания, да и сейчас об этом не думаю. Похоронная процессия для меня важнее свадебной» [Khobreakar, 1974: прилож. 2, 97].

Расследованием убийств руководил Гарри Брюин, помощник генерального инспектора бомбейской полиции, откомандированный в Пуну в качестве офицера по особым поручениям. Уроженец Бомбея и знаток маратхи, которым, к слову, владел и Рэнд, а также местных нравов, Брюин очаровал старшего Цапекара обходительным обращением и убедил в необходимости изложить мотивы, приведшие к тяжкому преступлению. Так появился на свет чрезвычайно импульсивный рассказ, изобилующий вспышками гнева и ярости (*santāp, rāg, kop, roṣ*) вперемешку с радостным ликованием (*ānand, paramānand, khuṣī*) — непременными спутниками стыда (*śaram, lāj, lajjā*) и гордости (*abhimān, garv*)

¹ В полицейских протоколах зафиксировано: *dole ghāre*, т.е. «глаза цвета кошачьих» — зеленоватые, голубоватые или сероватые, но не карие, как у большинства индийцев. Читпаванов также отличает светлый цвет кожи и крючкообразные носы.

соответственно, «настройка» которых — в силу рвущихся «социальных связей» братьев с собственной средой и их скатывания от «солидарности» к «отчуждению», — потребовала истребления переживаемого «стыда» и восстановления надломленной «гордости» через «кровавую месть», как об этом писал Шефф [Scheff, 1994].

Цапекары родились в местечке недалеко от Пуны, куда перебрался из Конкана их дед, но подолгу жила в брахманской части города совсем рядом с теперь уже снесенным домом д-ра Ш. Г. Тулпуле, читпавана, знаатока махараштранского средневековья и моего наставника. Обеспеченная семья постепенно нищала¹, и отец — Хари Винаяк — стал *харидасом*, исполнителем религиозных песнопений в честь бога Кришны, научив аккомпанементу и подпевкам своих сыновей. Он пользовался определенной известностью, его приглашали в разные части Махараштры и за ее пределы, хотя для читпавана такой род занятий был шагом вниз. Во всяком случае, бескорыстная отстраненность (*niḥsprhpaṇā*) Хари Винаяка, по оценке Дамодара, злила (*dveṣ karīṭ*) родственников и знакомых. Этот лейтмотив «отчуждения», выраженного обоюдными проявлениями *dveṣ*, гиперонима интенсивной недоброжелательности («злоба», «зависть», «ненависть»), обыгрывается на протяжении всего жизнеописания вопреки тому, что сложившийся в Махараштре в силу ее бурной истории концепт «разрыв с домом» (*gharbhedeṇā*), т.е. раскол в собственном кругу и предательство его интересов — будь то семья, каста или религия, — автором порицается. Тем не менее сами Цапекары все дальше отдалялись от своего круга.

Их семья в целом оставалась консервативной с непомерной гордостью, скорее гордыней, за прошлое (*junyāce abhimānī*) и отвращением (*manasvī ghrṇā*) к пришлому — от английского языка до крикета. Братья толковали священные тексты, были склонны к сочинительству в традиционных жанрах, но в школе² не удержались. Они воображали себя на поле брани, чем прославились читпаваны периода Маратхской конфедерации, и добивались физического превосходства. Вместо «английских приседаний», вызвавших гнев отца, они совершали по 1200 раз

¹ Эксцентричные проявления начались еще у деда, в результате чего он сам отдался от семьи.

² Дамодар недолго посещал New English School, учрежденную по британской модели в 1880 г. Чиплункаром, Тилаком и Агаркараром в самом сердце брахманского квартала — Садашив-петхе.

*sūrya namaskār*¹ и пробегали по 11 миль за полтора часа. Их натренированные тела, будучи еще одним предметом гордости (*śarīrbalānī abhimānī āhe*), вызывали зависть (*dveṣāgni*) брахманов-ровесников, а сами они мечтали о военной карьере — хоть в колониальной армии (и четырежды отправляли главнокомандующему в Симлу послания с просьбой о зачислении!), хоть в княжеской коннице (Гвалиор, Барода, Индор, Хайдарабад, Сангли), хоть в португальских войсках Гоа. Однако отовсюду приходили отказы; а в Колхапуре², где они хотели усовершенствовать борцовские навыки, им прямо сказали: «Мускулы еще не нарастили, да и росточком не вышли³. Пунских брахманов мы вообще не берем» [Khobreakar, 1974: 11, 56]. Это стало крахом их усилий по приспособлению к новой реальности, нанесло болезненный удар по их самоуважению (*svābhimān*, «гордость собой»), утвердило в неприязни к англичанам и выразителям антибрахманских настроений и вынудило перенаправить энергию, включая готовность пускать в ход кулаки, на охрану арийских идеалов древности.

Однако из попыток братьев найти подходящее их самоощущению место в родной среде тоже ничего не вышло. Они копили — подкупая и приворовывая — оружие для формирования собственного круга «солидарности»: «Нам нужна была команда, которая бы находилась у нас в подчинении, но наши друзья оказались к этому не готовы. Они считали нас неучами и, короче, стали умничать» [Там же: 12]. В дальнейшем под видом созданного ими спортивного клуба они прививали навыки агрессии юнцам, нападали на миссионеров, закидывали камнями «неправильные» свадебные процессии, всячески досаждали так называемым реформаторам. «Судхарак», возможно, в силу самоназвания был им особенно ненавистен и еще в дочумную эпоху разжигал в Дамодаре неукротимое негодование критикой традиционных институтов индуизма: «Я совершенно не в силах описать то состояние, в которое меня приводило чтение “Судхарака”. Сколько раз я приходил в такое неистовство

¹ *Sūrya namaskār*, букв. «приветствие Солнцу», — динамичный комплекс упражнений из десятка разных поз, нацеленный на телесную и духовную практику.

² Колхапур — княжество, где правили потомки Шиваджи из воинской касты маратха, считавшие *пейшва*-брахманов узурпаторами их законной власти.

³ Согласно полицейским протоколам, рост Дамодара — 165 см, Балкришны, более физически сильного, чем старший брат, — 162 см, Васудева — 160 [Khobreakar, 1974: прилож. 5, 104].

(*kor anāvar hoīn*, букв. «ярость выходила из-под контроля»), что сжигал газету целиком. Но это, конечно, душу не успокаивало. И мы стали помышлять о том, чтобы разделаться (*dehdaṇḍ*, букв. «наказание тела») [с редактором]. Впрочем, как только я вспоминал, что он из нашей касты, меня охватывала жалость. И поэтому мы решили не убивать его (*dehāt daṇḍ na kartā*), а просто подвергнуть телесному наказанию (*sādhāraṇ daṇḍ karāyēcā*)» [Khobrekhar, 1974: 28–29], что и было приведено в исполнение двумя разными, но жестокими методами с применением железных цепей.

Вообще братья тщательно планировали каждую акцию и по ее завершении рассылали по газетам письма с дальнейшими угрозами жертвам и анонимки с объяснением причин наложенного ими наказания. Братьям хотелось, чтобы их деяния становились сенсацией, и каждая удача наполняла их «радостью достижения цели» (*kāryasidhīcā ānand*). Особое удовольствие они получали, когда их наиболее громкие дела, действительно требовавшие незаурядных усилий и смекалки, — поджог павильона для правительственных экзаменов и осквернение дегтем и гирляндой из старых сандалий статуи королевы Виктории в Бомбее [Сидорова, 2014] — возбуждали всеобщую уверенность в том, что за этим стоят «пунские брахманы». «Гордость за Пуну» (*punṛyācā abhimān*), т.е. за то, что она произвела Шиваджи и Маратхскую конфедерацию читпаванов, ни на секунду не оставляла Цапекаров: «Читая там и сям или слушая пересуды, они потешались от души» (*manātūn gudgulyā hotyā*) [Khobrekhar, 1974: 4].

При этом к своим выдающимся современникам Дамодар относился более чем критически, и для каждого из них у него нашлись обличительные слова — от реформаторов М.Г. Ранаде и Гокхле до радикала Тилака, тем более что ни с кем из них, несмотря на предпринятые им попытки, у него не сложились отношения. Они не видели в нем единомышленника, не приглашали встать рядом и, случалось, буквально силой сталкивали его с трибуны, на которую он забирался, чтобы обратиться к собравшимся. Он же считал их всех — без оттенков — отступниками от брахманских норм поведения и пособниками англичан, из-за чего неуклонно чинил препоны их деятельности, вплоть до препятствования в декабре 1896 г. работе сессии Индийского национального конгресса, состоявшейся в Пуне. «Несмотря на тесные кровные связи — или, возможно, благодаря им — читпаваны не стеснялись единолично бороться

за успех в ожесточенной конкуренции со своими собратьями по касте и родственниками... Яростная независимость мнений и действий была их характерной чертой» [Johnson, 1977: 57].

Собственно, за лидерство среди «своих» Дамодар Цапекар и боролся, прежде чем пролить кровь колониального служащего: «Автобиография с поразительной честностью раскрывает эмоции несчастного и плохо образованного брахмана, который чувствовал, что все хорошее в обществе находится под угрозой уничтожения. Он винил в своих несчастьях неиндийские институты и влияния, развращающие, по его мнению, арийский образ жизни... Гнев Дамодара на нарушителей обычаев индуизма и его решимость подвергнуть их наказанию подпитывались контрастом между его статусом брахмана и его бедностью... Его жизнь представляла собой почти непрерывную череду неудач и разочарований. Одно за другим переживания унижали достоинство, которым, по его мнению, должен обладать брахман» [McLane, 1977: 344]. Это «достоинство» в маратхском варианте автобиографии как раз вербализовано высокой частотностью лексемы *abhimān*, реже — *garv*, «гордость/уважение», — в соединении с сущностями, определявшими кругозор Дамодара: «своя дхарма», т. е. «жизненный уклад с опорой на ритуалистический индуизм» (*svadharm[a]*); «своя страна с богатой историей», т. е. в первую очередь Махараштра и ее главный регион — Деш (*svadeś*); «преданность своей стране», т. е. неприемлемость иных норм, тем более устанавливаемых не теми, кому положено вершить судьбы (*svadeśbhakti*); «собратья по касте» (*svajātīy*); и, наконец, «гордость за свое / самоуважение» (*svābhimān*), что он считал утраченным (*āmcā svābimān naṣṭi jhālā*). Дамодар многократно подчеркивал собственную приверженность кровопролитию и готовность к самопожертвованию: «Когда ради пользы своей родины (*svadeśītākartā*), не жалея собственной жизни (*svaprāṇācī parvā na kartā*), миллионы достойных людей принимают на поле брани смерть, тогда это идет на пользу родине (*tevhā svadeś hit hote*)» [Khobrekhar, 1974: 34].

То, как Дамодар оценивал ситуацию, вызывало в нем стыд, что с очевидностью явствует из его обращений к собратьям по касте, которых он укорял в его отсутствии. Например: «Смысл всех наших шлок¹ был

¹ *Шлока* — санскритский стихотворный размер, двустишие со строчками по 16 слогов.

один: “Попусту не болтай, сделай хоть что-нибудь”. На празднование Ганапати¹ мы с братом облачились в одежды воительницы (*mardānī*) и, жестикулируя, чтобы произвести должное впечатление на аудиторию, продекламировали следующие строки: “Эй, глупцы, зачем вы родились мужчинами (*mard*), // в чем смысл ваших длинных усов? // Нет в вас стыда (*lajjā*) быть рабами, убейтесь хоть сами, что ли //... Эту землю зовут Хиндустаном, // почему здесь правят англичане? Вот так вселенский стыд (*mahālāj*). // Имя [свое] не забывайте, землю свою крепко гордитесь (*dr̥ḥ dhārā deśābhimān manī*). //... Царство наше у нас украли, а нам и не стыдно (*āmuce tarī lajjā na vāṭe manī*)”. Слушатели нам аплодировали, но и предупреждали, что в толпе могут быть соглядатаи. В Бомбее мы выступили в нескольких местах» [Там же: 53].

Острота этого выступления заключалась в том, что для пробуждения в соотечественниках стыда братья использовали прием унижения, упрекая их в отсутствии маскулинности. Во-первых, Дамодар и Балкришна вышли в одежде, ассоциируемой с героиней Сипайского восстания маратхкой и брахманкой-караде Лакшми-баи: «обладательница мужских качеств» (*mardānī*) — это постоянный эпитет рани Джханси. Во-вторых, они надсмелись над мужчинами, указав на единственный — внешний — признак их псевдомаскулинности — усы, которым украшали себя все, без исключения, читпаваны. При этом Дамодар осознавал, что до поры до времени он и сам не может быть образцом мужества, поэтому на случай встречных обвинений у него была заготовлена шлока о преодолении собственного — подавляемого — стыда: «Слушайте! Мы поставим свою жизнь под удар в битве за [наше] государство, // То, что мы говорим, — вовсе не фарс. // Мы прольем кровь врагов, разрушающих нашу религию. // Но умрем мы, убивая, пока вы слушаете сказания, как женщины» [Там же: 52].

Признаками подавляемого стыда, вызывающего к жизни очередную акцию насилия, всегда становился «чрезмерный жар» (*santāp*), т. е. «бьющая через край злость» (*pārākaṣṭecā rāg*): «терпел, терпел и провало» (*āvartā āvartā purevāṭ jhālī*), «гнев не удержался» (*kop anāvar*

¹ Слоноголовый Ганеша/Ганапати/Гаджанан, изначально имевший в Пуне функции деревенского божества-охранителя, по мере обживания *пейш* в бывшей вотчине Шиваджи превратился в «избранного» и «излюбленного» бога клана читпаванов. См. подробнее: [Глушкова, 1999: 299–312].

jhālā) и т. д. В. Ш. Дзоши, от души любующийся Дамодаром, называет его «подвластным чувствам» (*bhāvnāpradhān*), отмечает «вскипающий ртутный [столбик его] гнева» (*rāgācā pāra caḍhat gelā*). В отношении конкретного случая он замечает: «Да при виде такого у кого из пунской молодежи не вспыхнул бы лоб?» (*māthī bhaḍaklī tar naval kāy?*) [Joshi, 1973: 75], а также восхищается зажженным его героем «пожаром» (*hoḷī*), очистившим «мужчин Махараштры» от «приставшего черного пятна [стыда]» (*kāḷimā*) [Там же: 102]. Кхобрекар даже вкладывает свое воображение в характерное для Дамодара состояние, используя обжигающе горячую метафору: «Тело Цапекара вспухало, как кунжутный папад» (*cāpekarāñcyā aṅgācā tilpāpad jhālā*) [Khobrekhar, 1974: 8], т.е. как высушенный на солнце плоский кругляш из гороховой муки с вкраплением кунжута, опущенный в кипящее масло. Дамодар жил в предвкушении такого соединения различных обстоятельств, чтобы весть о случившемся облетела весь мир (что, кстати, и произошло) и о нем бы заговорили как о герое-мученике. И дождался — чума, Рэнд, юбилей Виктории: «Повсюду только и говорили, что надо кончать с Рэндом. И раздраженно вопрошали друг друга — еще остались среди нас настоящие мужчины, испытывающие гордость за нашу религию (*svadharmābhimānī mard?*)» [Там же: 82].

День свершения Дамодар описал во всех подробностях, включая молебен Ганеше, «устранителю препятствий» на пути к поставленной цели: «[Мы знали]: не сегодня, так завтра нам придется выступить открыто, к чему мы с огромной годостью (*moṭhyā abhimānāne*) готовы. Этот радостный день (*ānandācā divas*), по счастью (*sukhāne*), настал, и мы возблагодарили за это Гаджанана» [Там же: 88]. Обласканный Брюином, он зафиксировал в автобиографии: «Я признался в совершении убийства и с большой гордостью (*moṭhyā abhimānānī*), имея целью достижение славы (*yaśākāritā*), рассказал все в мельчайших подробностях» [Там же: 92], а также то, что Балкришна, о котором еще ничего не было известно, тоже был участником: «Про брата я сообщил, чтобы слава выпала и на его долю» (*yaśācā vāṭkarī kele*)» [Там же: 93]. В разных местах автобиографии Дамодар вновь и вновь признает себя с братом героями: «По моему мнению, только те, кто пал в бою с англичанами, не виноваты [в том, что происходит]» и уточняет: «Такие благородные люди встречаются только среди наших брахманов (читпа-

ванов. — И.Г.): Нана Сахеб, Васудев Балвант Пхадке и теперь — мы с братом»¹ [Там же: 45].

Житель того же брахманского квартала в Пуне, где обитали Цапекары, оставил в мемуарах ремарку об их публичных выступлениях, предшествовавших убийству Рэнда и Айерста: «Даже и не надо напоминать, что их шлоки всегда бурлили кровью» [Rajvade, 1980: 43]. Поэтическая кровь в творениях Дамодара была не символом, а предвестником настоящей: она пролилась на дорогу, где вскоре поставили стелу в память о Рэнде и Айерсте. Теперь это Университетский проспект, ведущий из старого города к бывшему губернаторскому дворцу, после обретения Индией независимости превращенному в Пунский университет, с бюстом Дамодара на месте стелы. Как раз когда я впервые переступила порог университета, громким напоминанием о 22 июня 1897 г. стало сложное слово *kaṇṭhśnān*, *kaṇṭh+snān*, «горло»+«омовение», подразумевающее потоки хлынувшей после отсечения головы крови: оно стало частью названия исследования, переведенного мною как «Кровавое омовение и жертвенность» [Joshi, 1973]².

Эта книга легла в основу художественного фильма «22 июня 1897 г.», снятого моими пунскими знакомыми — супружеской парой читпаванов Джаей и Начикетом Патвардханами в 1979 г. и в 1980 г. удостоенного кинематографической награды Индии «Серебряный лотос» как «лучший фильм о национальной интеграции» и награды им. Дада-сахеба Пхалке³ штата Махараштры как «лучший фильм года». Многократно показанный по ТВ в Махараштре и за ее пределами фильм открыл эпоху посмертного триумфа Цапекаров, поддерживаемого не столько горделивой Пуной, сколько современными поборниками *хиндутвы*. «Подвиг ваш не забыт, имена ваши бессмертны, вами гордится страна» — эти слова зазвучали на разных языках Индии, сливаясь в общий хор в поминальные даты

¹ Т. е. с Балкришной. Эти строки писались еще до убийства Васудевом Хари братьев Дравидов. Впоследствии Дамодар переживал, что и младший брат взойдет на эшафот, о чем с горечью сообщал в письме отцу.

² Дзоши не только использовал архивы и еще не опубликованную на маратхи автобиографию Дамодара Хари, но проделал колоссальную полевую работу: в частности, он встречался с его сыном, который пересказывал ему воспоминания своей матери Дурга-баи (ум. в 1956 г.).

³ Дада-сахеб (Дхундирадж Говинд) Пхалке (1870–1944) — «отец индийского кинематографа», автор первого художественного фильма «Царь Харишчандра» (1913), брахман-читпаван.

мучеников. Каждую годовщину «кровавой мести» — 22 июня — звучат новые реквиемы в честь «бессмертных героев, разжегших огонь революции», начинающиеся словами «Сегодня, 22 июня, — особый день в истории борьбы за независимость в Индии. Потому что этот день ровно [столько-то] лет назад потряс берега Темзы и весь Лондон затрепетал...»¹. Изображения братьев воспроизводят на фоне карты Бхарат-маты, «Матери Индии», рядом с богиней-воительницей Дургой и готовым к нападению львом. А власти Махараштры открыли эпоху «тюремного туризма» в «Йерваду» с посещением двора, где были казнены братья и их товарищ Ранаде [Kulkarni, 2021].

Английский вариант биографии Дамодара Хари начинается с отсутствующих в маратхском варианте слов: «Целью человеческого существования должно быть совершение таких праведных деяний, которые вдохновили бы ряды авторов к их описанию. Благословен будь тот праведник, ради изложения в подобающих стихах жизненного пути которого выдающиеся поэты уединялись бы, заложив перо за ухо и вглядываясь в небеса, как будто призывая [богиню красноречия] Сарасвати. Блаженство такого действительно не поддается описанию словами» [Source Material..., 1958: 957].

Первые революционеры (krantivīr) Индии и их гордые последователи

Процесс самооценки (self-assesement) осуществляется внутри норм, принятых тем или иным сообществом в условиях той или иной эпохи, именно поэтому в реконструкцию конкретного case-study проникли аллюзии к взлету и падению Маратхской конфедерации и к читпавам как социокультурному фактору индийской истории XVIII–XX вв. Эмоции самосознания, согласно концепции британского философа Г. Тэйлор, не могут не произрастать из убеждений (beliefs) [Taylor, 1985], и их сложная (по сравнению с базовыми/основными) эволюция предполагает, что они развились для облегчения достижения конкретных социальных целей, поэтому их роль в мотивации и регулировании мыслей, чувств и поведения людей чрезвычайно велика.

¹ Взято из открытых источников.

«Зеркальное я» Кули и английский компонент *self* в классификации эмоций этого разряда удивительным образом перекликаются с высокой частотностью префикса *sva-* — *self*, «сам/свой» в автобиографии Дамодара. Он всматривается в себя, ведет реестр постигших его неудач, подавляет стыд и сопутствующее унижение выплесками агрессии и постоянной возгонкой собственной гордости / самоуважения — *svābhimān*, своего рода морального регулятора, тесно соседствующего с переживанием стыда, и, наконец, присваивает себе статус хранителя общественных устоев. Более того, он составляет список тех, кто является носителем страшных пороков — *dusṭjan*, кто вызывает у него презрение/отвращение (*tiṭkāṛā*) [Khobreakar, 1974: 59], именно для того, чтобы подвергнуть их наказанию, вершимому унижительными, «неправедными», способами. Дамодар испытывает бешенство (*mājhyā aṅgācā santāp jhālā*), когда во время публичной лекции под председательством Тилака на трибуну поднимается недостойный — с его точки зрения — персонаж: «Стыдно же людям его слушать» (*te jamlele lokāni nimūṭpane ekāyase śaram āhe*). И когда, выражая вслух недовольство, он прорывается к сцене, откуда его — по распоряжению организаторов — прилюдно стаскивают силой, он ощущает глубокую подавленность: «Читатели! Никогда в жизни до этой секунды я даже малой толики такого унижения (*apmān*) не испытывал. И никогда не бывал в месте, где бы ко мне проявили такое неуважение (*āmca mān thevila jāṇār nāhī*)» [Там же: 53–54]. Вспоминая мгновения выхода в роковой день из дома для следования выбранной им самим себе миссии, он заявляет: «Я в этом городе [человек] с собственной гордостью (*svābhimānī*), это я должен показать всем негодьям» [Там же: 84].

Осуществляемый мною преимущественно эмоционально-семантический анализ такого уникального документа, как «Автобиография Дамодара Хари Цапекара» грешит очевидными пробелами, связанными не только с нюансами маратхских лексем (*lāj* не только «стыд», но и «смущение», *garv* не только «гордость», но и «спесь», *śaram* не только «стыд», но и «позор») и неописанностью идиоматического пласта маратхи в целом, но и с полисемической нерасчлененностью концептов «стыд» и «гордость», которыми я оперирую. Поскольку «аффективный поворот» скорее транс-, чем междисциплинарен, в разных дисциплинах говорят о различных видах гордости: как «неудержимом порыве» (*passion*) и как «черте характера» (*character trait*) [Taylor, 1985: 43]; как

**Илл. 2. Почтовая марка
с портретом Дамодара Хари
Цапекара**

(URL: <https://www.mintageworld.com/media/detail/9721-indias-brave-revolutionaries/>)

Винаяк Дамодар Саваркар (1883–1966), в чьем доме под г. Насиком читали те же газеты, что и в расположенной в 200 км Пуне, был потрясен казнью — одного за другим — всех Цапекаров вместе с помогавшим им Ранаде. Будучи совсем юным, он поклялся Аштхабхудже, восьмирукой родовой богине, завершить дело, начатое братьями, и написал пронзительную поэму с требованием справедливости и откровенным призывом к вооруженному сопротивлению. Отрывки из нее распространялись «из уст в уста», но полностью она была опубликована только в 1946 г. Читпаван Анант Лакшман Канхере (1892–1910) выстрелом из револьвера убил коллектора Насика А.М.Т. Джексона непосредственно в театре, где давали представление в его честь. Читпаван Васудев Балвант Готте

«фальшивой» (false) и как «оправданной» (justified) [Scheff, Retzinger, 1991: 6, 13, 115]; как «высокомерном» (hubristic) и как «подлинном чувстве» (authentic) [Tracy, Robins, 2007], и о различных видах стыда, например, «природном» и «моральном» (natural and moral) [Taylor, 1985: 54] и т. д.

Обращение «Читатели!», проскальзывающее в автобиографии Цапекара, явно свидетельствует о том, что он писал не только для Брюина, хотя его слова в их первоначальном виде дошли до потомков лишь десятилетия спустя. Тем не менее убийство Рэнда и Айерста и судьба братьев, как и процесс Тилака, широко освещались в прессе во всей Британской империи и в немалой степени возбудили общественные, особенно его радикально настроенные круги. Называемый идеологом современной *хиндутвы*¹ читпаван

¹ Неологизм *хиндутва* как широкое понятие, вбирающее многочисленные противоречия индуизма, изобрел бенгалец Чандрнатх Басу (1892); Тилак в статье «Облик и признаки религии индусов» (*Hindu dharmāce svarūp-lakṣaṇa*, 1910) предложил собственную интерпретацию, от которой в дальнейшем отталкивался Саваркар.

(1910–1974) в 1931 г. ранил бомбейского губернатора Д. В.Э. Хостона во время посещения последней библиотеки Фергюсон-колледжа в Пуне. Памятник Цапекарам на месте стелы в честь Рэнда–Айерста установлен на деньги Гогте-Хостона, как его стали называть в Пуне, мэром которой он также успел побывать. Наконец, убийцей великого Махатмы Ганди стал пунский читпаван Натхурам Годсе¹ (1910–1949), и Саваркар, уже отбывший многолетнее заключение за разного рода антиколониальные действия, вместе с ним снова оказался на скамье подсудимых, но был оправдан за отсутствием улик.

Цапекары упоминаются в многочисленных исследованиях о деятельности Тилака, авторы которых неизменно затрагивают вопрос о степени реальной вовлеченности или осведомленности «серого кардинала» о преступных замыслах братьев. При этом остается фактом, что в дни чумной эпидемии не «Кесари» и «Махратта», а ненавидимый братьями «Судхарак» вместе с другими представителями вернакулярной периодики был вербально близок к их собственной стилистике, что отражения в автобиографии Дамодара Хари не нашло. Принципиально важным — в свете реконструируемой мною исторической чувствительности и ее уязвленности — является сознательное противостояние Тилака навязыванию «эмоциональных стандартов» чужой идеологии и культуры через лингвистическое насилие, выраженное в «подгонке» конкретных понятий исходного даже в пределах одной культуры эпитета Локаманья (*Lokamānya*, «Признанный народом»), которое он вновь подтвердил в 1908 г., когда его вторично обвинили по статьям о «призывах к мятежу / подстрекательству к бунтам»². Некоторая условность при отождествлении эмотивов (в разных интерпретациях этого термина) из иного культурно-языкового пространства с русскими лексемами эмоционального спектра, безусловно, влияет на прочтение как исторического источника, так и современного текста. Многоопытный Шефф отмечает лингвисти-

¹ Ашис Нанди выстраивает убедительную цепочку логических аргументов, объясняющих, почему убийцей стал именно маратхский брахман-читпаван. В высокомерном неприятии в Махаращтре Махатмы Ганди, в руки которого после смерти Тилака в 1920 г. перешла инициатива в общенациональной политике, наряду с исторической гордыней сыграл роль и социальный аспект — принадлежность Ганди к торговой касте, не представленной в Махаращтре [Nandy, 1980]. К слову, и Саваркар, и Ганди также побывали в заключении в тюрьме «Йервада».

² См. об этом в моей статье «Эстетика средневекового отвращения в свете древнеиндийской теории *рас* и *бхав*. Полиптих» [Глушкова, 2021: 166–170].

ческую недостаточность даже в условиях однородности языка описания и описываемого: в отношении соединенных в плотную конструкцию стыда и гордости он признает, что «строгое разделение между ними [невозможно] из-за собственных пределов английского языка... Нашему языку не хватает точных, сложных и тонких слов, описывающих эмоциональные и соотносимые (relational) состояния» [Scheff, 1994: 3].

Старшее — далеко за 80 — поколение пунских жителей, преимущественно жителей брахманских кварталов, еще помнит о том, как в детстве, при англичанах, когда о Цапекарах вспоминали шепотом, отцы и деды показывали им «то самое место», где во время разгула бубонной чумы Дамодар и Балкришна совершили свой знаменитый акт террора, в память о котором в 2018 г. спикер нижней палаты индийского парламента (2014–2019) Сумитра Махаджан, брахманка-читпаванка, торжественно ввела в обращение почтовую марку с портретом Дамодара Хари Цапекара (*Илл. 2*).

ГЛАВА 7

ЭПИДЕМИЯ ЧУМЫ В БОМБЕЕ В КОНЦЕ XIX в. И РЕАКЦИЯ НА НЕЕ В РОССИИ

Впредставленной главе описаны события, связанные с эпидемией чумы в северо-западной Индии в самом конце XIX в., с участием русских врачей в лечении больных и изучении болезни, а также с озабоченностью властей возможностью проникновения этой страшной болезни в пределы Российской империи. Начало болезни было обусловлено голодом, а также природными катаклизмами, предшествовавшими эпидемии. Быстро распространявшаяся болезнь подвигла врачей разных национальностей прийти на помощь Индии. Среди них были и русские медики, командированные от Императорского института экспериментальной медицины.

Наиболее известным русским доктором в Индии в этот период был сотрудник Института Луи Пастера в Париже Владимир Аронович Хавкин (1860–1930), который в кратчайшие сроки сумел разработать вакцину от чумы. Испытания нового препарата он провел на себе, и знаменитая «лимфа Хавкина» стала настоящим спасением для населения Индии. Российские медики вместе с местными врачами лечили, собирали статистику, перенимали накопленный к тому времени опыт по изоляции, карантину, дезинфекции и другим методам борьбы с чумой. Некоторые из них писали о своих свежих впечатлениях непосредственно из Индии, другие составляли отчеты по возвращении, проанализировав собранный материал.

Вся эта информация печаталась в специальной медицинской прессе, чтобы быть доступной для врачей-практиков, которые могли столкнуться со случаями чумы в России. После того как эпидемия пошла на спад, российское правительство, не доверяя сведениям об этом, поступавшим

от англо-индийских властей, послало штабс-капитана Давида Ивановича Ливкина (1862–1913) с секретной миссией разведать на месте и доложить о реальном положении дел. Уже в следующем XX в. опасение по поводу заноса чумы в наши пределы возникло в связи с потоком мусульманских паломников, совершавших хадж через Бомбей. Такое изменение маршрута хаджа было связано с конкурентной борьбой пароходных компаний, предлагавших демпинговые цены на билеты до Джедды.

Все, виденное нами, представляется в высокой степени интересным и важным для России, так как имеется очень много одинаковых условий в жизни здешних обывателей и некоторых частей России

[Кашкадамов, 1898: 10].

Введение

Первый случай чумы в Бомбее был официально зафиксирован 23 сентября 1896 г. в южном районе города, Мандви, доктором Акацио Габриэлем Вигасом (1856–1933). По-видимому, факты заболевания были и ранее, но их относили к категории разного рода лихорадок. Многие полагали, что болезнь занесена из Гонконга, где отдельные случаи заболеваний чумой регистрировалась английскими властями еще с 1890 г. и носили сезонный характер (с января по март). Там эпидемии чумы начинались по окончании более прохладного, не дождливого, но более влажного времени года: в 1894 г. — в мае, в 1896 г. — в апреле.

Этой версии придерживался командированный в Индию русский врач Сергей Андреевич Марк (1861–?), который наблюдал эпидемию в Синде на западе Индостана. Он писал, что чума началась, когда в январе 1895 г. Шропширский полк вернулся из Гонконга в Калькутту. Там он потерял нескольких рядовых и офицера, и в Калькутте несколько солдат жаловались на лихорадочное состояние и опухание лимфатических желез. Поскольку это были легкие заболевания, то все ограничилось дискуссией во врачебной среде, и только в октябре 1896 г. несколько врачей заявили, что у пяти заболевших они определили легкую форму чумы. Притом было проведено бактериологическое исследование, и у них в крови обнаружился возбудитель чумы. После этого взяли анализы у 10 солдат-шропширцев, имевших опухания желез; результат был тот же.

Вскоре заболел еще один горожанин, и на сей раз в тяжелой форме с летальным исходом. Но доктор Д. Д. Каннингэм (D. D. Cunningham), возглавлявший Медицинскую комиссию Калькутты, вообще не признал обнаруженные бактерии как чумные. По-видимому, эта легкая или амбулаторная форма чумы бытовала в Калькутте и ранее, не развиваясь до эпидемии. Официально наличие чумы в Калькутте было признано только в апреле 1898 г. Но в то же время интенсивное железнодорожное движение между крупнейшими индийскими городами могло способствовать перенесению болезни из Калькутты в Бомбей, «где, помимо голода, среди изумительно антисанитарно живущего туземного населения» [Марк, 1898: 930–931] началась уже настоящая эпидемия.

Голод в Индии в 1896–1897 гг.

Небывалому распространению чумы в Индии способствовал недород и голод 1896–1897 гг., спровоцированный засухой 1895 г. и необычным муссоном 1896 г.: с июня по август осадков выпало значительно больше нормы, в сентябре — значительно меньше нормы, а в октябре дождей практически не было. Все это время стояла страшная жара [Марк, 1898: 931–932]. Голод начался в Бунделькханде и распространился по Соединенным провинциям, Центральным провинциям и Берару, Бихару, части Бомбейского и Мадрасского президентств, пострадали также княжества Раджпутаны и Хайдерабад. В целом голод охватил территорию площадью в 800 000 кв. км с населением 69,5 млн человек. В России газеты и журналы публиковали материалы об этом бедствии.

4 декабря 1896 г. житель Ставропольской губернии Н. Безменов писал в Министерство иностранных дел Российской империи: «Неурожай и естественное последствие его — голод, свирепствующий в Индии, — бедствие такого свойства, что единичными усилиями стороны пострадавшей, конечно, отвращены быть не могут. Чувство религии и долг человечности в таких обстоятельствах требует совокупного содействия и помощи от всех остальных народов и стран, могущих оказать таковое содействие и помощь. Россия же издавна была известна как одна из “житниц мира”, причем она по своему человеколюбию и участливому отношению к страждущим никогда не являлась безучастной зри-

тельницей страдания ближних, хотя бы и иноплеменников» [Русско-индийские отношения..., 1997: 323].

По докладу министра внутренних дел И. Л. Горемыкина императором Николаем II 19 декабря 1896 г. было принято решение об образовании трех комитетов (в Санкт-Петербурге, Москве и Одессе) для приема пожертвований деньгами и хлебом голодающему населению Индии и для направления собранного хлеба по назначению; притом начальники других губерний и областей были также уполномочены принимать хлеб и деньги, направляя хлеб в Одессу, а деньги — в ближайший комитет [Русско-индийские отношения..., 1997: 323–326].

Помощь европейской медицины

Эпидемия чумы грозила перекинуться в Европу, как уже бывало в прошлом, и врачи-бактериологи и иммунологи разных стран приехали в Индию, чтобы, с одной стороны, не допустить распространения ее далее по Азии и Европе и, с другой стороны, изучить саму болезнь, методы ее предупреждения, локализации и лечения. Это были прежде всего исследователи, которые вместе с лечением больных попытались определить ее возбудителя, переносчиков болезни, способы заражения и сделали открытия, вошедшие в историю борьбы с чумой. Возможно, самым знаменитым бактериологом в Индии был А. Йерсен (1863–1943), открывший в 1894 г. одновременно с японцем Китадзато Сибасабуро (1853–1931) возбудителя чумы — чумную палочку, названную в его честь *Yersinia pestis*. Он считается швейцарским (по месту рождения и учебы) и французским (по гражданству и месту работы — Институт Л. Пастера) бактериологом, но с 1890 г. практически все время жил во Французском Индокитае. Если во Франции он занимался туберкулезом, бешенством, дифтерией, то здесь, в Азии, главным предметом его исследования была чума, и в результате он выявил идентичность бацилл, вызывающих заболевание у человека и у грызунов. В 1896 г. он одним из первых провел испытание противочумной сыворотки в Гуанчжоу, а в 1897 г. был направлен в Бомбей для подавления эпидемии чумы.

Другим именитым бактериологом из Института Л. Пастера был француз Поль-Луи Симон (1858–1947). После возвращения А. Йерсена во Вьетнам Симон занял его пост в Бомбее: он должен был прокон-

тролировать испытания эффективности противочумной сыворотки. В Карачи он продемонстрировал, как блохи переносят бактерию чумы от крысы к другой крысе и от крысы к человеку. Научное сообщество не сразу признало это открытие, но в конце концов оно стало научным фактом. В международную группу врачей-исследователей входили два итальянца — Джино Галиотти (1867–1921) и Алессандро Люстиг (1857–1937), командированные в Индию для поисков новых методов лечения чумы. Но наряду с медиками-исследователями в Бомбей приезжали европейские врачи-практики с одной целью — лечить и помогать местным медикам ухаживать за больными. Так, доктор Р. С. Нариман (R. S. Nariman) прибыл в Бомбей из Англии в начале октября 1897 г. Он стал простым «участковым» врачом, а зоной его ответственности в период эпидемии был один из административных районов города, Умаркхади [Report, 1896]. «Одновременно с нами приехали 10 английских врачей и 25 сестер милосердия», — писал В. П. Кашкадамов в своем первом письме из Индии [Кашкадамов, 1898: 2].

Деятельность В. А. Хавкина

Самым известным русским бактериологом в то время в Индии был В. А. Хавкин. Ко времени начала эпидемии чумы он уже находился здесь, потому что приехал в Индию еще в начале 1893 г. из Парижа, где в Институте Луи Пастера изобрел противохолерную вакцину. В. А. Хавкин родился в семье учителя казенной еврейской школы, до семи лет ходил в хедер (начальная школа), но семья была не очень религиозной, и далее он получал образование в русской гимназии. В 1879 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Новороссийского университета в Одессе и заинтересовался зоологией простейших. В. А. Хавкин всегда отличался блестящими способностями, большим трудолюбием, четкой целенаправленностью. Он стал любимым учеником и помощником И. И. Мечникова (1845–1916).

Университетский устав 1884 г. покончил с автономией университетов и ввел норму на прием евреев в гимназии и университеты, но еще раньше, в 1882 г., военный министр П. С. Ванновский издал распоряжение, ограничившее 5% численность евреев-врачей и фельдшеров среди медицинского персонала в армии. Удушливая атмосфера реакции, антисемитизм

царили в российском обществе 80-х гг. XIX в. Хавкин вступил в университетский кружок революционеров-народников, в отряд еврейской самообороны [Ткачев, Головань, 2020], подписывал письма-протесты против тяжелого положения студентов и против постоянного надзора университетской инспекции и полиции, который сдерживал инициативу молодежи и убивал научное мышление. За это он был арестован, и его дважды исключали из университета. В 1884 г. ему позволили защитить кандидатскую диссертацию экстерном, но продолжать научную работу или преподавать в Одессе он не мог, поскольку считался неблагонадежным. Это привело его к идее эмигрировать из России. Его учитель И. И. Мечников, к тому времени уже эмигрировавший, поддержал его и посоветовал поступить работать в Пастеровский институт.

С 1889 г. он жил и работал в Париже, занимался созданием сывороток и вакцин. К 1892 г. Хавкин создал первую эффективную вакцину против холеры, притом опыты на безопасность и по выработке правильной дозировки он проводил на себе самом и трех своих товарищах — русских политэмигрантах [Виноградова..., 2018]. Несмотря на то, что в России, Англии, Германии и Франции уже началась эпидемия этого заболевания, предложения Хавкина по вакцинации населения были отклонены правительствами всех стран. В 1892 г. Владимир Аронович выступал с лекциями о результатах своих изысканий в Англии, где был представлен лорду Дафферину (1826–1902), английскому государственному деятелю и дипломату, который в 1879–1880 гг. был послом Великобритании в России, а в 1884–1888 гг. — вице-королем Индии. По его рекомендации правительство Великобритании согласилось на применение вакцины русского бактериолога — тогда ее называли «лимфой Хавкина» — в Индии [Jhala, 2018].

Приехав в Калькутту в начале 1893 г. уже в качестве государственного бактериолога и наладив производство вакцины, он с бригадой врачей разъезжал по зараженным местностям и лично проводил вакцинации. Это было невиданное, новое дело, и мало кто верил в него, тем более что в индуизме болезнь, выздоровление или смерть предопределены свыше и обусловлены деяниями каждого в его прошлой жизни. Приезжая в деревню, собирали жителей и входившие в состав группы Хавкина врачи-индийцы, объясняли, что такое «лимфа Хавкина», что они собирались делать и для чего. Обычно недоверчивые жители отказывались, нередко во врачей летели камни, но русский доктор прилюдно поднимал

рубаху и делал себе укол. Только так, на собственном примере, приходилось показывать его безвредность. За 2,5 года прививки получили 42 тыс. человек. Некоторые все же заболели, но смертность от холеры среди привитых людей снизилась в 10 раз [Виноградова..., 2018]. Эпидемия была остановлена, но сам доктор заразился малярией и вынужден был уехать в Европу. Выздоровев, он вернулся в Индию и продолжил вакцинирование населения.

Когда в 1896 г. в Бомбее началась эпидемия чумы, губернатор лорд Сэндхёрст пригласил Хавкина и предоставил ему помещение в своем дворце для лаборатории. Примерно за 3 месяца интенсивной работы вакцина была готова, и снова сам Хавкин выступил в качестве подопытного: 10 января 1897 г. он сделал себе первую прививку новой вакциной. В Бомбее эпидемия развивалась в огромных масштабах, но, несмотря на это, далеко не все верили в действенность столь быстро полученной вакцины. И тут чума была обнаружена в городской тюрьме Байкула. Замкнутое пространство, скученность, антисанитария, невозможность изолировать больных — все говорило за то, что заключенные обречены. Для Хавкина это была возможность проверить и доказать действенность его «лимфы».

Доктор А. М. Левин писал в своем Отчете: «В тюрьме в Вусulla чума появилась 23 января 1897 г. Из 345 арестантов с 23-го по 29 января заболело 9 и умерло 5. Утром 30-го января заболело еще 6, из коих впоследствии умерло 3. После полудня того же дня 154 арестанта получили предохранительную прививку. Один из них имел уже бубон в момент прививки, у двух других бубоны развились еще в тот же вечер, спустя несколько часов после прививки. Эти трое умерли. В остальном ход заболеваемости и смертности среди привитых и непривитых представляется следующим: ...¹ ИТОГО: среди непривитых 12 заболело, 6 умерло, среди привитых 2 заболело — оба выздоровели. Условия жизни обеих групп арестантов были совершенно тождественны» [Левин, 1897: 40–41].

Последняя фраза доктора А. М. Левина показывает чистоту этого нечаянного эксперимента доктора Хавкина. Так была апробирована первая в мире противочумная вакцина и началось ее признание и применение по всей Индии. Этому способствовало сотрудничество русского доктора

¹ Автор приводит таблицу заболеваемости среди привитых и непривитых по дням.

с Ага-ханом III (1877–1957) — главой исмаилитов. Ага-хан предоставил в его распоряжение свой особняк и оборудовал его за свой счет всем необходимым для исследований и производства вакцины. Более того, он сам попросил доктора сделать себе прививку в присутствии представителей общины исмаилитов. После такой демонстрации доверия русскому доктору более 10 000 исмаилитов привились «лимфой Хавкина» [Худоназаров, 2015: 28–29].

В 1897 г. королева Виктория в знак благодарности за спасение тысяч индийцев от холеры и чумы наградила В. А. Хавкина орденом Индийской империи. Несмотря на, казалось бы, всеобщее признание его заслуг, в отношении к нему англо-индийского правительства и прессы чувствовались отголоски «Большой игры», соперничества России и Великобритании в Центральной Азии, подозрительного отношения ко всему и всем, связанным с Российской империей. «Относительно предохранительных прививок Хавкина в народе распространился удивительный слух. Так как Хавкин русский, то он впрыскивает яд, чтобы подорвать доверие со стороны народа к английскому правительству и ослабить здоровье и численность народа и тем самым легче завоевать Индию. Удивительное невежество и непонятный страх перед Россией, действия которой местными английскими газетами всегда рисуются в ужасном виде» [Кашкадамов, 1898: 24], — писал из Индии доктор В. П. Кашкадамов 14 мая 1898 г., т. е. когда эпидемия уже практически сошла на нет и число спасенных исчислялось десятками тысяч¹. Но далеко не все подозрительно относились к русскому доктору: были, конечно, и те, кто по достоинству оценил его вклад в борьбу с чумой и холерой в Индии. Свидетельство тому — поэма «История чумы в Бомбее» Б. Ф. Пателля, старшего

¹ Справедливости ради стоит сказать, что эпидемия породила множество самых диких слухов, один из них привел А. М. Левин: «На одной из площадей Бомбея находится мраморная статуя королевы Виктории. Года полтора тому назад неизвестные злоумышленники выпачкали эту статую каким-то смолистым составом. Когда вскоре затем появилась чума, в народе сложилось убеждение, что это бедствие послано ему разгневанной королевой, которой он приписывает сверхъестественные силы. Когда же кое-где в госпиталях стали производиться вскрытия, убеждение это дополнилось еще слухом, что для умиловствования богини-императрицы нужны 10 000 индусских печеней, для добывания которых из трупов и командированы из-за моря врачи» [Левин, 1897: 14].

преподавателя Эльфинстонской школы в Бомбее, современника описанных им событий. Там есть такие строки:

«О, Хавкин, о, России сын!
Нашел спасенье ты один.
Прими ж за то, что стольких спас,
Благословение от нас!»¹

С 1899 г. группа лиц, работавших вместе с Хавкиным, стала называться «Лаборатория по исследованию чумы», а сам он стал ее главой. С 1906 г. это уже «Бомбейская бактериологическая лаборатория», с 1925 г. — «Институт Хавкина» (Haffkine Institute).

Эпидемия была остановлена, но чума не ушла из страны, и прививки продолжались. Впоследствии Хавкин организовал вакцинацию населения по всей Индии и за рубежом. 30 октября 1902 г. в Пенджабе в деревне Мальковал из 107 крестьян, привитых от чумы, 19 заболели столбняком и умерли. Крайним оказался русский директор бомбейской лаборатории. Ему было предъявлено обвинение, и его сняли с работы. В поддержку Хавкина выступил Рональд Росс, британский врач и паразитолог, нобелевский лауреат 1902 г. по физиологии и медицине. В своем письме в журнал *Nature* он писал, что вместо благодарности от спасенной нации его обвинили в том, что один пузырек был заражен в процессе производства вакцины, хотя на самом деле это могло произойти в период транспортировки, вскрытия упаковки или введения дозы препарата. Как специалист в этой области, доктор Росс утверждал, что, если бы это произошло в процессе производства, то к моменту вскрытия пузырька появился бы специфический стойкий запах, но его не было. В заключение Р. Росс задал вопрос: разве директор лаборатории может контролировать производство каждого пузырька с вакциной? Почему комиссия поторопилась признать уважаемого врача, предотвратившего смерти сотен тысяч людей от холеры и чумы, вредителем? Это демонстрация черной неблагодарности Индии по отношению к доктору Хавкину [Ross, 1907: 486–487].

Следствие шло несколько лет, и было установлено, что во время проведения инъекций доктор Эллиот уронил резиновую пробку от пузырька

¹ (цит. по: [Ванина, 2012: 437]). Далее см. «Смерть в Махараштре».

с вакциной на пол и, не простерилизовав ее, снова его закрыл [Jhala, 2018]. Только в 1907 г. с Хавкина были сняты все обвинения, но его место в лаборатории в Бомбее было уже занято, и он переехал в Калькутту. В 1915 г. Хавкин вернулся в Европу. В Первую мировую войну он руководил вакцинацией английских солдат, отправлявшихся на фронт. Впоследствии он проникся идеями иудаизма, принимал активное участие в сионистском движении, написал статью «Апология ортодоксального иудаизма».

Хавкин и русские медики

Во время эпидемии чумы в Бомбее Хавкин встретился со своими земляками — врачами, приехавшими изучать чуму, лечить и набираться опыта, поскольку чума была частой гостьей в Российской империи и в этот раз могла быть завезена в ее пределы через южные границы. Имя В. А. Хавкина встречается во всех отчетах русских врачей о поездке в Индию, особенно часто — в «Письмах из Индии» В. П. Кашкадамова. Первое письмо от 3 февраля 1898 г.: «Скоро приедет Хавкин, и мы постараемся с ним переговорить. Его очень ценят и с большим доверием принимают сыворотку, приготовленную им» [Кашкадамов, 1898: 2]. Второе письмо: «Сам Хавкин пользуется очень хорошей репутацией и его считают благодетелем» [Кашкадамов, 1898: 3].

Третье письмо: «Мы познакомились с Хавкиным и виделись с ним 2 раза. Он произвел на меня очень хорошее впечатление. Очень скромный, способный и добросовестный труженик науки. Упорным и настойчивым трудом, честным отношением к делу он добился того, что все общество относится к нему с глубоким уважением и полным доверием. Его пригласили на службу, дали ему прекрасную лабораторию, ассистента и поручили ему приготовление прививочного материала в больших количествах. Прививки его с каждым днем внушают все больше и больше доверия, так как приходят новые доказательства их благотельного действия. Еще в середине декабря прошлого года это дело не было совсем устроено в Бомбее» [Кашкадамов, 1898: 3–4]. Четвертое письмо: «Хавкин устроил ради нас парадный обед... Хавкин дал [нам рекомендательное — Т.З.] письмо к Hankin'у, известному бактериологу, имеющему самую лучшую во всей Индии лабораторию в Агре» [Кашкадамов, 1898: 6]. Видно, что русские врачи высоко оценивали Хавкина и как врача-бактериолога

и иммунолога, а также его деятельность в Бомбее. Со своей стороны, доктор Хавкин старался помогать бывшим соотечественникам как мог.

Деятельность русских врачей в Индии

Как только пришли вести о первых случаях заболевания чумой в Афганистане (январь 1897 г.), на южных и восточных границах Российской империи были организованы врачебно-наблюдательные пункты, и движение через границы разрешалось только через них. 11 января того же года вышел указ Николая II об образовании «Высочайше учрежденной комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой» («Комочум»). В ее состав вошли государственные чиновники в ранге министров, председателем комиссии был поставлен Александр Петрович Ольденбургский [Супотницкий, 2006: 75]. Именно эта комиссия послала в Индию несколько экспедиций медиков для изучения чумы.

К сожалению, мы не можем утверждать с уверенностью, что знаем фамилии всех врачей, командированных в Индию. Обычно перечисляют имена тех, кто внес большой вклад в борьбу с эпидемическими болезнями, выдающихся медиков или врачей, опубликовавших труды, основанные на опыте, приобретенном, в том числе, в Индии. Это Василий Петрович Кашкадамов (1863–1941), Алексей Михайлович Левин (1861–1932), Владимир Константинович Высокович (1854–1912), Даниил Кириллович Заболотный (1866–1929), Феликс Андреевич Ясенский (1854–после 1923), Александр Флорович Вигура (1856–после 1916). Но есть и те, о которых сохранились одиночные упоминания в отчетах их старших коллег, а мы можем узнать о них только из Российского медицинского списка за 1897 г. Это Сергей Андреевич Марк (1861–?), вольнопрактикующий лекарь¹ из Тифлиса; Эраст Львович Вернер (1861–?), младший врач 9-го гренадерского полка, Владимирская губерния; Александр Иванович Ост (1858–?), врач, работавший на рыбных и тюленевых промыслах Астрахани, сверхштатный медицинский чиновник медицинского департамента МВД; Евгений Александрович Редров (1866–?), вольнопрактикующий лекарь Петербурга, Николай Михайлович Берестнев

¹ В XIX в. «лекарь» было низшее звание и степень врача, позволяющая вести ученую и практическую деятельность. Высшие медицинские степени (звания) были «доктор медицины» и «доктор медицины и хирургии».

(1867–1910), старший помощник директора Бактериологического института при Московском университете. Возможно, были и другие, но их имена нам неизвестны.

Русские врачи попали в Индию далеко не в благополучный период ее истории, и хотя В. П. Кашкадамов писал, что «первое впечатление, произведенное Бомбеем, очень успокоительное» [Кашкадамов, 1898: 1], город жил в состоянии далеко не счастливом. Тем не менее по крайней мере в судьбе двух из побывавших в Индии врачей — А. М. Левина¹ и В. П. Кашкадамова² она оставила неизгладимый след, оставшийся на всю их жизнь.

В. П. Кашкадамов был скорее врачом-гигиенистом, а не бактериологом или практикующим доктором, хотя по окончании медицинского факультета Харьковского университета в 1888 г. проработал некоторое время лечащим врачом. В 1894 г. он был командирован в Уральск на эпидемию дифтерита, по возвращении работал в физиологическом отделе Института экспериментальной медицины, откуда и был командирован в Индию. В начале марта 1898 г. он приехал в Бомбей и тут же, по прошествии трех дней, написал первое письмо в Россию. Все его письма, а их было 15, сначала из Бомбея, потом из Лахора, печатались в Больничной газете Боткина за 1898 г., впоследствии «Письма» были опубликованы отдельной брошюрой [Кашкадамов, 1898].

В них были статистические сведения по развитию эпидемии в Бомбее, Карачи, Лахоре и Калькутте; говорилось о мерах, принимаемых властями в этих городах, деятельности Чумного Комитета в Бомбее и Калькутте

¹ На А. М. Левина его командировка в Индию произвела такое большое впечатление, что он будет не раз рассказывать о ней своей дочери Людмиле. Эти рассказы создали в ее воображении настолько притягательный образ, что она стала профессиональным индологом. Л.А. Левина-Мерварт побывала в Индии в научной командировке от Кунсткамеры, стала признанным основателем русской школы изучения Цейлона, Южной Индии и Индонезии [Вигасин, 2003].

² В. П. Кашкадамов одним из первых познакомил российских медиков с основами традиционной индусской медицины и йогой. В Больничной газете Боткина (позже был отпечатан оттиск-брошюра) печаталась его работа «Краткий очерк индусской медицины» [Кашкадамов, 1902]. Очерк состоял из следующих глав: Обзор медицинской литературы, Классификация лекарств, Формы лекарств, Способы применения лекарств, *Materia medica animalis* (Медицинские препараты животного происхождения). Позднее в ленинградском Доме ученых он был председателем Инициативной группы по изучению восточной медицины и физкультуры.

и реакции на эти действия населения; описывались впечатления от встреч с коллегами; настроения в городе и слухах, бытовавших в народе, об отношении к прививкам, и многое другое. Главное — это были непосредственные впечатления очевидца, врача, оказавшегося в центре эпидемии и принимавшего непосредственное участие в лечении больных. Здесь нет анализа происходившего, есть лишь констатация фактов. Обдумывание, анализ и выводы появятся в отчетах, которые составлялись уже по прибытии на родину. И «Письма», и отчеты были предназначены прежде всего для медиков, но у Кашкадамова описана живая, непосредственная реакция на окружающую его действительность. В отчетах его и других медиков была сконцентрирована и проанализированная информация, необходимая для выработки рекомендаций на случай возникновения новых эпидемий, многое, казавшееся неважным или не относящимся непосредственно к теме, отбрасывалось.

Так, об отношении к русским врачам есть сведения только у В. П. Кашкадамова в «Письмах», в отчетах это было бы лишним, не относящимся к медицине, к самой эпидемии и лечению болезни. Отчеты были представлены позднее, обсуждены на заседаниях медицинских обществ¹ и опубликованы сначала в Больничной газете Боткина и газете «Врач», потом вышли отдельными оттисками-брошюрами. Это «Чума в Индии за 1896–1898 гг. С изложением этиологии, условий распространения и заражения, клинической картины и лечения ее» В. П. Кашкадамова [Кашкадамов, 1898a]. Подобный отчет о проделанной работе С. А. Марка назывался «Чума 1896–97 гг. в Синде. Материалы для эпидемиологии чумы» [Марк, 1898], А. М. Левина — «Отчет о командировке в Индию в 1897 г. для изучения чумной эпидемии» [Левин, 1897], А. Ф. Вигуры — «Лимфа Хавкина и другие вещества против чумы у людей, вызывающие невосприимчивость к ней, вырабатываемую самим телом» [Вигура, 1901].

А. М. Левин в своем «Отчете» остановился на главных мероприятиях, предпринятых со стороны муниципалитета Бомбея и Чумного Комитета, которые «заключались: 1) в поголовном осмотре населения; 2) в устройстве госпиталей и препровождении в них найденных

¹ Доклад С.А. Марка о чуме в Синде был заслушан на заседании Общества Русских Врачей 23 апреля 1898 г. [Марк, 1898: 927], доклад А. Ф. Вигуры — 13 февраля 1900 г. на заседании Биологического Отдела Общества охранения народного здоровья [Вигура, 1901].

больных; 3) в устройстве изоляционных лагерей для здоровых членов семьи, в которой обнаружено заболевание; 4) в дезинфекции помещения; 5) в медицинском осмотре путешественников, прибывающих и отъезжающих; 6) в попытках упорядочения погребения мертвых; 7) в доставлении населению возможности пользоваться противочумной сывороткой Yersin'a и 8) предохранительные прививки Хавкина» [Левин, 1897: 6–7]. Все другие отчеты затрагивают эти же проблемы и аспекты деятельности административных органов и медицинских учреждений.

Как внимательный наблюдатель, В. П. Кашкадамов отметил в своих «Письмах» реакцию общества как на саму эпидемию, так и на различные мероприятия властей, связанные с ней. Из четвертого письма из Бомбея: «Вчера произошли чумные беспорядки в городе. Ввиду точной регистрации чумных предложили не допускать хоронить без предварительного осмотра трупа. Это распоряжение вызвало сильное волнение, которое и вылилось вчера в виде бунта, повлекшее за собой усмирение при помощи оружия, в результате убитые и раненые с обеих сторон. Все европейское население попряталось, так как индусы и магометане сильно озлобились и делают нападения на отдельных европейцев. Наша первая больница немало пострадала от разгрома: сестра милосердия получила перелом ноги, больные разбросаны, здание больницы было подожжено, но скоро потушено. Надо думать, что через 1–2 дня все утихнет» [Кашкадамов, 1898: 6–7].

Надо подчеркнуть, что автор был очевидцем этих событий, но последняя его фраза говорит о том, что сам он относится к происходившему достаточно спокойно, по-видимому, памятуя русские чумные бунты. Сообщение из десятого письма похоже на телеграфное перечисление: «Принятие мер вызвало и в Пенджабе беспорядки в 2 местах: 1) в городе Harshankar пришлось пустить в ход оружие и 8 человек убито, 27 ранено, много арестованных; 2) в деревне Bhangal было оказано сопротивление властям, но спокойствие было скоро восстановлено. В деревне причиной волнений был сильный солнечный жар, который жители не могли переносить в легких палатках» [Кашкадамов, 1898: 16]. Следующие сообщения доктора Кашкадамова относятся к столице Индии. Сам он в это время находился на другом краю страны, в Лахоре, и, по-видимому, сведения были им получены из газет.

Из одиннадцатого письма: «Положение дел в Калькутте представляется критическим. С самого начала, когда только что появились первые

сомнительные случаи, решено было применять все меры снисходительно, без всякого насилия. Думали, что, если населению предложить выбор между выселением на поля и прививками, то оно охотно согласится на последнее, прививки будут сделаны, страх исчезнет, чума не распространится. На самом деле произошло нечто неожиданное. В народе распространились слухи, что прививки будут делать насильственно и их начали бояться больше, чем самой чумы. В течение 2–3 дней бежало, сломя голову, население Калькутты, кто на чем: по железной дороге, на лодках, телегах, верхом, пешком, и оставило город более 200 000 чел., ища спасения в ближайших деревнях. Но этого мало. Начали обнаруживаться стачки между рабочими в портах, носильщиками и рабочими на железных дорогах, лодочниками, извозчиками, наборщиками и др. общий переполох. Большинство дел приостановилось за отсутствием рабочих. Прислуга тоже бежала. Торговля потерпела массу убытков. Цены на все страшно поднялись. Власти окончательно растерялись и не знают, что делать. Число больных и умерших от чумы положительно никому неизвестно, так как в этом отношении ничего не предпринимается. Случайно натыкаются на больных. Официально объявлено, что никаких мер против желания самих обывателей не будут предпринимать. Чего можно ожидать при таком ходе дел, кроме самого плохого, — распространения чумы по всей Индии» [Кашкадамов, 1898: 18].

Из этого отрывка видно, что главная беда была в отсутствии информации. Беспорядки были порождены слухами. Из двенадцатого письма: «Дела в Калькутте начинают понемногу принимать надлежащий вид. Впервые появились сведения о числе заболевших с первого дня и по 12 мая 51 ч. и умерших 41. Местный комитет ввиду сильного волнения в народе, по-видимому, хотел держаться выжидательной политики, но получил от Индийского Управления приказ приступить немедленно к борьбе с чумой, начав ее с обхода домов. Разделив город на 4 участка, в каждом образовали особые комитеты. Народ, начавший уже успокаиваться, прослышал про обходы домов и снова заволновался. К этому же присоединился слух об одном умершем будто бы от прививок. Доки и пароходы понемногу приступают к деятельности, но население по-прежнему крайне враждебно относится ко всем лицам, имеющим отношение к чуме. На днях, 12 числа, один из докторов, желавший чумного ребенка отправить в госпиталь, подвергся серьезному и опасному нападению со стороны толпы в 400 чел. и только чудом спасся от смерти. Толпа

напала на амбулаторный пункт, разгромила все и предала огню. Позвали полицию, но до этого времени толпа успела исчезнуть» [Кашкадамов, 1898: 19–20].

Из тринадцатого письма: «Относительно Калькутты имеются сведения, но заведомо неточные. За неделю с 13 по 19 мая обнаружено 15 заболев. и 7 умерло от чумы. Стачки среди рабочих продолжаются, и никакие средства не дают возможности внушить доверие среди низших классов населения к мерам, принимаемым властями. Немалую роль в возбуждении народа играют местные газеты, издаваемые на туземных языках. Недавно вышло распоряжение, по которому всякое лицо, виновное в распространении ложных слухов, будет подвергаться тюремному заключению или большому штрафу. В Калькутте немало шуму наделала статья, появившаяся в одной из туземных газет, обвинявшая одного врача в смерти, причиненной прививкой лимфы Хавкина. По расследовании дела вся история оказалась вымышленной, а разуверить всех читавших или слышавших об этом нет возможности» [Кашкадамов, 1898: 21].

Как в «Письмах», так и в отчетах русские медики редко давали оценки проводимым противозидемиологическим мероприятиям администрации. Только иногда указывалось на непоследовательность или половинчатость этих мер, но сами они не подвергались сомнению. А. М. Левин сетовал, что «... борьба с косностью и предрассудками населения оказалась непосильной для муниципалитета [Бомбея — *Т.З.*], состоявшего из выборных представителей того же самого населения, с невежеством которого приходилось бороться» [Левин, 1897: 6]. Ни один из отчетов не содержит критики европейцев как власть предержащих, как более богатой части населения, не обращающих внимания на нужды индийцев, но все отмечают, что европейское население болеет крайне редко. Из второго письма В. П. Кашкадамова (речь идет об отчете по одной из больниц Бомбея): «Из больных ни одного европейца» [Кашкадамов, 1898: 3]; из третьего письма: «Чума редко нападает на европейцев. Недавно погибли в Бомбее 2 сестры милосердия: одна укушена в палец больным; 2-ой больной плюнул в глаз. Обе проболели короткое время и скончались. Одна сестра милосердия умерла в Пуне» [Кашкадамов, 1898: 5–6].

Бактерии не разбираются в этнической принадлежности, скорее решающую роль играла состоятельность, имущественное положение, а отсюда и разница в условиях жизни. «За это время эпидемия нарастала медленно, поражала исключительно беднейший класс насе-

ления, не затрагивая вовсе не только европейцев, но и парсов и более или менее состоятельных индусов» [Левин, 1897: 5–6]. Описывая санитарное состояние Бомбея, В. П. Кашкадамов очень дипломатично писал: «Чистота улиц города заставляет желать лучшего» [Кашкадамов, 1898: 2]. С. А. Марк назвал условия жизни населения Индии «изумительно» антисанитарными [Марк, 1898: 930–931]. Более развернутую картину дал А.М. Левин: «Дома для беднейшего населения, так называемые Chawls, обыкновенно чрезвычайно высоки, в 4–5 и 6 этажей. Вдоль каждого этажа тянется длинный и узкий коридор, большей частью совершенно темный, по обеим сторонам которого открываются двери целого ряда комнаток, из коих каждая представляет квартиру и притом сплошь и рядом не одного, а нескольких семейств, причем комната иногда разделяется на углы небольшими перегородками.

На одном конце коридора имеется обыкновенно кран для воды и часть пола под ним выложена камнем; тут же обыкновенно помещается и отхожее место. Комнаты большей частью имеют футов по 8 в длину и ширину и столько же в высоту. В такой коробке помещается редко менее 6, большей частью 8 и 10 человек. Сплошь и рядом единственным отверстием комнаты служит дверь, окна имеются далеко не во всех, да и те большую часть дня заткнуты грязными тряпками. Легко себе представить, чем приходится дышать в этих логовищах, лишенных света и воздуха. Отхожие места далеко не достаточны для огромного населения каждого этажа, а потому жители широко пользуются коридором. Здесь же в коридоре женщины на ручных мельницах размалывают зерновой хлеб; здесь же громоздятся целые кучи грязного тряпья и разного сору. К этому надо прибавить, что стремление индусов щадить всякое живое существо распространяется и на паразитных насекомых. Среди этого-то населения индусских кварталов и свирепствовала главным образом чумная эпидемия» [Левин, 1897: 4–5].

Некоторые профилактические и противозэпидемиологические меры, применяемые сегодня, кажутся нам существовавшими от века, и население понимает, на что они направлены, и осознано необходимость их соблюдения¹. Тогда они только вырабатывались, и с нашей сегодняшней точки зрения их применение носило половинчатый характер,

¹ Пандемия коронавируса COVID-19 показала, что даже спустя более 120 лет многие мероприятия властей, направленные на приостановку распространения болезни, не воспринимаются обществом и вызывают противодействие.

они были совершенно непонятны и воспринимались обществом в штыки, а зачастую вообще не соблюдались. Из Отчета А. М. Левина: «Продолжительность пребывания в изоляционном лагере определялась в 10–11 дней, т. е. несколько больше, чем предполагаемая продолжительность инкубационного периода чумы, но, само собой разумеется, что, если некоторая часть обитателей изоляционного лагеря поступали в него в инкубационном периоде чумы и заболевали, уже находясь в лагере, то с теоретической точки зрения являлась необходимость изолировать всех обитателей одного с ними барака от остального населения лагеря и продолжить для них срок изоляции еще на один инкубационный период. В действительности, однако, этого не делалось. Равным образом строгость изоляции оставляла желать весьма многого. Из одного изоляционного лагеря, в котором находилось около 300 человек, однажды убежало сразу 75 человек и только необычайной покорностью и привычкой к повиновению, отличающей индусов, можно объяснить то обстоятельство, что подобные факты не повторялись часто» [Левин, 1897: 16]. «Родственникам больного, желавшим посещать его, доступ в госпиталь был открыт во всякое время. Нередко, особенно если больной был доставлен из дальней местности, кто-либо из членов его семьи оставался при нем день и ночь, располагаясь для сна тут же на земляном полу, рядом с его кроватью. Если больной был ребенок, то мать его иногда спала с ним на одной кровати» [Левин, 1897: 13].

Большое влияние на соблюдение или несоблюдение противочумных мероприятий властей оказывали религиозные ограничения индийцев¹, как индусов, так и мусульман. Какие-то из них удавалось преодолеть. Так, в начале эпидемии в Бомбее существовали только общие госпитали, «не существовало достаточно дробного деления их по различным кастам и религиозным толкам» [Левин, 1897: 10]. Поскольку «член каждой касты считает для себя величайшим несчастьем и позором всякое общение с членами низших каст и в особенности совместное с ними принятие пищи, так как этим он лишается своей касты» [Левин, 1897: 12], то существование общих помещений, где лежали бы члены и высших, и низших каст, было совершенно неприемлемо. И постепенно начали возникать новые больницы, пусть примитивные, небольшие, но

¹ В конце XIX в. всех индийцев, т. е. людей, проживавших или приехавших из Индии, называли индусами.

«соответствовавшие, если далеко не всем бесчисленным сектам, то, по крайней мере, главнейшим из них» [Левин, 1897: 12]. С. А. Марк в своем отчете называл их «hut-hospitals, т. е. «шалаша лагерные» [Марк, 1898: 1037].

Другой проблемой, так до конца и не разрешенной, было проведение поголовного осмотра, измерение температуры и т. п. Мусульмане особенно возражали против вторжения в комнаты, занимаемые женской половиной семьи. После их жалоб «в состав всех инспекционных отрядов были включены женщины-врачи и фельдшерицы, которым и вменено было в обязанность осматривать женщин» [Левин, 1897: 11]. Но просьбы со стороны мусульман отменить поголовный осмотр продолжались, и тогда «ген. Gatacre¹ самолично стал во главе инспекционного отряда, осматривавшего магометанский квартал в сопровождении роты солдат. Таким образом, наклонность к беспорядку была подавлена в самом начале и после этого деятельность инспекционных отрядов не встречала уже серьезного сопротивления» [Левин, 1897: 11]. Последнее утверждение А. М. Левина достаточно спорно: вряд ли председатель Чумного комитета действительно ежедневно мог сопровождать такие инспекционные отряды, а их было несколько в Бомбее; кроме того, оставался еще осмотр приезжающих и уезжающих из города.

По свидетельству Левина, мусульмане «сильнейшим образом негодовали на исследование пульса у женщин, считая это смертельным для себя оскорблением. Примером может служить следующий факт: один индус-магометанин проезжал через ст. Kalyan со своей женой; врач подошел к дверце вагона и, осмотрев мужа, потребовал, чтобы и жена приблизилась и протянула ему руку для исследования пульса; в ответ на это требование муж тут же, на глазах у всех, заколол жену кинжалом, предпочтя ее смерть своему позору» [Левин, 1897: 21–22]. Общий вывод сделал В. П. Кашкадамов: «Условиями, затрудняющими борьбу с чумой, являются: религиозная нетерпимость мусульман, кастовое деление индусов и низкое культурное развитие тех и других. В глазах всех жителей Индии считается большим унижением то отношение с покойником, какое необходимо при борьбе с чумой, то насилие,

¹ Гатакр Вильям Форбс (William Forbes) получил должность начальника бомбейского гарнизона и был назначен председателем Чумного комитета с почти диктаторскими полномочиями.

которое приходится применять по отношению к больным. Собственно индусы более покорно переносят всякие стеснения, но магометане резко противодействуют и нередко вызывают довольно крупные беспорядки» [Кашкадамов, 1901: 3].

Это было время поисков методов и мер борьбы с болезнью как санитарного характера, так и лечебного. Из сегодняшнего XXI в. многие из них кажутся довольно странными. Так, поскольку бытовала теория, по которой возбудитель чумы находился в почве (теория миазмов), то дезинфекция здания с земляным полом проводилась методом поджигания керосина или пороха [Кашкадамов, 1898а: 45], разлитого или рассыпанного на пол; или при описании похорон индусов особо подчеркивалось, что носильщики несколько раз ставили на землю носилки с трупом, т. е. могли таким образом заразить почву [Левин, 1897: 23].

В конце XIX в. шли интенсивные поиски лекарства от чумы. В. А. Хавкин, А. Йерсен и другие считали, что таким лекарством может быть противочумная сыворотка, и многие врачи-инфекционисты испытывали такую сыворотку, приготовленную ими, в Индии. В Отчете А. М. Левина (седьмой раздел) «Лечение чумы античумной сывороткой доктора Yersin'a» содержится подробное рассмотрение применения на практике этого средства. Дотошно, с приведением 23 историй болезни, Алексей Михайлович исследовал этот метод и пришел к выводу, что «полученные мною результаты далеко не ободряющего свойства и не позволяют нам считать сыворотку, приготовленную по способу Yersin'a, за специфическое средство против чумы. Я мог, конечно, говорить только о той сыворотке, которую я имел в руках. Замечу, однако, что я имел сыворотку из двух источников, именно приготовленную в Институте Экспериментальной Медицины и в Московском Бактериологическом Институте, но никакой разницы в действии той и другой не оказалось» [Левин, 1897: 37]. По-видимому, это было самое начало поисков в этой области, хотя в современной медицине основным лекарством от чумы являются антибиотики, но для пассивной профилактики и лечения чумы применяются также противочумные сыворотки, изготавливаемые методами Йерсена [Перетрухина..., 2021].

Во всех отчетах русские медики сравнивали условия жизни и эпидемии чумы в России и в Индии. В. П. Кашкадамов: «По внешнему виду деревни в Пенджабе напоминают наши запущенные, бедные деревни. Те же маленькие, темные и грязные, расположенные без всякого порядка

избушки. Избы глиняные, состоят из одной комнаты, полутемной, т.к. свет проходит чрез 1–2 небольших отверстия, изображающих собой окна. Пол земляной. Крыши плоские и соломенно-глиняные. Улицы в деревнях по большей части неправильны, узки...» [Кашкадамов, 1898а: 46]. Марк об обходах и поголовных осмотрах домов: «Так, в Саккаре Collector... указал мне на дом, где 3 дня они старались найти во всех закоулках одного заболевшего чумой ребенка, зарегистрированного днем раньше. Поиски оставались тщетными, пока не подняли половиц в одной пристройке, где и спрятан был уже труп ребенка. И таких случаев множество. Это показывает, как трудна была регистрация. В чуму 1837 г. такие обходы домов были в ходу и у нас в Одессе, предписанные гр. М. С. Воронцовым, но делались изредка. Больных скрывали и в Одессе» [Марк, 1898: 1034]. «Для дезинфекции платья и вещей пассажиров в Саккаре пользовались котлами локомотивов, как на Закавказской ж. д. в 1892 г. — котлами, употребляемыми для перевозки керосина» [Марк, 1898: 1039].

Заслуживают внимания замечания В. П. Кашкадамова об отношении к русским врачам. Из четвертого письма из Бомбея: «За эти дни мы получили немало доказательств любезного отношения к нашей экспедиции. Губернаторша удостоила всех нас приглашением на вечер, а губернатор пригласил на особый, интимный, обед Оста и Ясенского. Последний пользовался, как начальник экспедиции, особым вниманием и сидел рядом с губернатором» [Кашкадамов, 1898: 6]. Из шестого письма, где речь идет о Пенджабе: «Я считаю своим долгом обратить особенное внимание на ту любезность и даже гостеприимство, какие мы везде в Индии встречали, но в особенности в Лагоре. Губернатор, узнав цель нашей командировки, обещал нам принять все меры к тому, чтобы мы могли выполнить нашу задачу более или менее удовлетворительно. Малейший намек с нашей стороны принимается за выражение желания. Товарищ мой в разговоре заметил, что здешняя тюрьма славится своим устройством и на завтрашний день мы приглашены для осмотра тюрьмы. Мы выразили желание познакомиться на месте с борьбой против чумы и на завтра же назначена наша поездка в деревни» [Кашкадамов, 1898: 9–10].

В этом же письме он продолжает ту же тему, но речь идет уже не о главе и администрации крупного района, а о провинциальных чиновниках на местах: «Жить там, наблюдать больных и изучать действие нашей сыворотки по многим причинам неисполнимо. Одна из них — это некоторая подозрительность, с которой относятся к цели нашей поездки

все англичане. Многие своими вопросами прямо дают понять, что принимают нас за шпионов. Если бы бомбейский губернатор не прислал бы рекомендательного письма к здешнему относительно нас, то мы здесь ничего не получили бы. Здешний губернатор старается открыто показать свои отношения к нам и только благодаря ему нам удастся получить все сведения относительно чумы» [Кашкадамов, 1898: 10]. И, наконец, из восьмого письма: «Я уже почти 3 недели живу и каждый день убеждаюсь, что на нас смотрят очень подозрительно и не верят тому, что мы приехали из-за чумы. Я вынес такое убеждение, что нас, русских, очень боятся и не любят. Им вечно снится, что русские идут в Индию. Мы держим себя тихо и скромно, но это не помогает» [Кашкадамов, 1898: 12]. Казалось бы, в стране эпидемия, русские приехали не только наблюдать и изучать, но и лечить и помогать ухаживать за больными, однако предубеждения никуда не делись, «Большая игра» шла своим ходом.

Первая группа русских врачей в составе В. К. Высоковича, Д. К. Заболотного и Е. А. Редрова отправилась в Индию уже в феврале 1897 г., и далее на протяжении всей эпидемии русские медики, сменяя друг друга, лечили больных, изучали чуму и методы борьбы с ней. Время пребывания в Индии было у всех разным: от чуть менее двух месяцев у С.А. Марка до года и трех месяцев у В.П. Кашкадамова (вторая командировка). Знания и опыт, которые они приобрели и постарались донести до своих коллег в устных докладах и публикациях, находили применение незамедлительно: в конце 1897 г. была зафиксирована вспышка чумы в селе Анзоб (современный Таджикистан), летом 1899 г. — в селе Колобовка Астраханской губернии¹, в конце 1900 г. — в селе Владимировка той же губернии. Два последних события были первыми в целой череде вспышек эпидемий чумы в Астраханской губернии и в соседней Уральской области [Супотницкий..., 2006].

Секретная миссия Д. И. Ливкина

Чума в Индии интересовала российские власти не только с точки зрения лечения болезни, но и с точки зрения предупреждения ее заноса в пределы империи. Между нашими странами продолжало существовать, хотя и в небольших масштабах, караванное сообщение. С разви-

¹ На ликвидацию чумы в Колобовке приезжал А. М. Левин.

тием международного мореплавания, и особенно с открытием Суэцкого канала и набравшей все большие обороты чайной торговли наши контакты возрастали. Каким бы ни был прием, оказанный русским медикам, какое бы ни было отношение к ним со стороны англо-индийской администрации и собратьев по профессии (см., например, приведенные выше цитаты из В. П. Кашкадамова), они могли получать сведения о происшедшем только из английских источников — другие были недоступны как потому, что каждый их шаг был на виду, так и потому, что без связей и без знания местного языка они просто не могли собрать нужной информации. Шла «Большая игра», и взаимное недоверие было ее характерной чертой. Надо было иметь достоверную информацию о ходе эпидемии, и притом актуальную, в регулярном режиме.

Напомним, что Императорское генеральное консульство в Бомбее открылось только в конце 1900 г. Англичане говорили об отсутствии чумы в Афганистане, а по сведениям генерального консула в Мешхеде, в Кандагаре было 36 смертельных случаев заболевания чумой [Рыженков, 1990: 160]. С течением времени стало ясно, что эпидемии там нет, но есть ли хотя бы отдельные случаи? Весной 1898 г. в Бомбее и Карачи эпидемия не затухала. Встала необходимость послать в Индию человека с секретной миссией, и выбор пал на Давида Ивановича Ливкина (1862—после 1917). Это был военный (окончил Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию и Константиновское военное училище в Санкт-Петербурге), начавший свою службу в 1-м Уральском казачьем полку. В 1889 г. он резко поменял свою жизнь, поступив на курсы восточных языков для офицеров при Азиатском департаменте МИД, что говорит о его достаточно высоком образовательном уровне. Там он изучал арабский, турецкий, персидский и французский языки, международное и мусульманское право. Его имя стоит среди выпускников 1892 г. В это время наблюдалось «перепроизводство» офицеров-восточников, и он был распределен в распоряжение командующего войсками Закаспийской области [Басханов, 2018: 82–83]. С этого времени его служба в армии была связана с Востоком. Уже на следующий год он стал помощником начальника Мангышлакского уезда. В этом качестве он исследовал рыбные промыслы на восточном побережье Каспийского моря, и генерал Куропаткин, начальник Закаспийской области, был более чем удовлетворен результатами его трудов¹.

¹ Подробнее см.: [Рыженков, 1990: 163–164].

В 1898 г. он был командирован в Индию. «При представлении моем в Самарканде Его Высочество [принц А. П. Ольденбургский — Т.З.] изволил объяснить мне, что ввиду появления чумной заразы в Анзобе Самаркандской области явилось предположение о возможности заноса чумной эпидемии из зараженных местностей Индии через ее северо-западную границу и Афганистан в пределы русских среднеазиатских владений... Потому надлежало немедленно удостовериться на месте — существует ли в действительности чумная эпидемия в северо-западной Индии, в Афганистане и других областях, отделяющих русские среднеазиатские владения от Британской Индии...» [Отчет..., 1990: 173]. Было решено, что он будет путешествовать через Суэцкий канал под видом персидского купца, поскольку он знал язык и, по-видимому, имел восточные черты лица, сам он рассчитывал «на некоторые связи, которые я имел в мусульманском мире благодаря многолетнему общению с мусульманами» [Отчет..., 1990: 174]. Ливкина сопровождал из Асхабада его доверенное лицо персидский купец Мирза-Мехди. Накануне отъезда принц Ольденбургский поменял весь план: Ливкин должен был ехать в Индию вместе с князем Орбелиани, который будто бы ехал в Мадрас для того, чтобы получить там наследство. Он же представлялся поверенным князя.

29 ноября 1898 г. Ливкин отправился за границу. Уже в Европе выяснилось, что путешествовать вместе вчетвером неудобно, так как это вызывало подозрение; а поскольку никакого наследства в Мадрасе не предвиделось, то уличить князя в неблаговидных намерениях для англичан не составило бы труда. Он и князь разделились и договорились встретиться в Бомбее. Ливкин намеревался передавать через князя свои донесения в Россию. В Египте он «вошел в сношения с мусульманами — представителями секты бабитов, весьма дружелюбно расположенными к России» [Отчет..., 1990: 178]. Из их среды он в Индии найдет разведчиков, которые и будут поставлять ему сведения об эпидемиологической обстановке. По мере приближения к месту назначения всплывали все новые обстоятельства, которые заставили Ливкина изменить первоначальный план и маршрут и сойти на берег в Коломбо. Далее, переправившись в Индию они прибыли в Хайдерабад, где встретили двух будущих своих разведчиков, кашмирца и афганца. Они должны были доехать вместе до Мультана, и далее кашмирец ехал в Синд, а афганец должен был следовать к Пешавару, «останавливаясь во всех значительных пунктах, куда выходят дороги из Афганистана, и расспрашивать местных жителей,

особенно же приезжающих в эти местности со стороны Афганистана лиц, не существует ли где болезнь и какие признаки эта болезнь имеет, умирают ли люди от этой болезни и при каких обстоятельствах. Если получатся сведения о существовании какой-либо болезни, характеризующейся частыми случаями смерти, то ехать туда лично и на месте собрать самые подробные сведения о симптомах болезни» [Отчет..., 1990: 182]. Из Бомбея от Мирзы-Мехди пришло известие, что князь Орбелиани находился под неусыпным надзором англичан, и Ливкин решил, что не стоит подвергать себя лишней опасности, и, не пытаясь встретиться с ним, нашел другие средства связи.

В конце января — начале февраля начали приходить письма от разведчиков, в которых они доносили «о полном благополучии во всех посещаемых ими пунктах, равно об отсутствии заболеваемости, по собранным ими сведениям, в Афганистане и Белуджистане» [Отчет..., 1990: 184]. Один из посланных разведчиков «доказывал, что за три года существования в Индии чумной эпидемии трудно найти человека, который бы не слышал об этой страшной болезни и не боялся ее; что скрыть появление заболеваемости со смертными случаями в настоящее время невозможно, будь это в пределах Индии, Афганистана или Кашмира, а напротив, можно ожидать обратного, т. е. всякий случай влекущий скорую внезапную смерть мог быть принят за чуму и сделаться предметом оживленных толков о чуме в населении этой и соседних с нею стран» [Отчет..., 1990: 184]. Сам Ливкин проехал всю Индию от Тутикорина до Лахора, собирал информацию из газет и расспрашивал приезжающих из разных концов страны. Еще одним источником информации были медики. У Хаджи Нияза, спутника Ливкина, была хроническая болезнь ноги. Пользуясь этим, они не раз обращались к врачам и между прочим расспрашивали о случаях чумы. Складывалось ощущение, что эпидемия чумы действительно закончилась.

Путешествуя по северо-западной Индии, Ливкин был несколько раз осмотрен врачами. В Амритсаре и Лахоре, центрах торговли кашмирскими и кабульскими шальями, он сам в качестве покупателя разговаривал с торговцами, справляясь о том, не было ли случаев чумы, и везде получал отрицательный ответ. Даже «слух об этом ввиду общей боязни чумы сделается ходячим» [Отчет..., 1990: 187] — утверждали продавцы. Проанализировав объем торговли между Россией и Индией, он пришел к выводу, что с открытием Суэцкого канала и благодаря большим ввозным

пошлинам русского правительства и транзитным пошлинам Афганистана и так небольшой поток товаров индийского или европейского производства из Индии значительно сократился [Отчет..., 1990: 192–193].

Аргументированный и обоснованный вывод Д. И. Ливкина был таков: «Следовательно, опасаться эпидемии в северо-западных частях Индии, не объявленной англо-индийским правительством и населением соседних городов и провинций, а равно допустить существование эпидемии в Афганистане, скрываемой правительством этой страны умышленно и по незнанию, положительно невозможно, и в крайнем случае такое неведение может длиться очень непродолжительно. Если же допустить существование эпидемии в какой-либо неприступной местности, не имеющей сообщения с окружающим миром, то при этих условиях существование заразы не представляется столь опасным» [Отчет..., 1990: 188].

Изменение маршрута хаджа среднеазиатских подданных Российской империи

Проблема заноса чумы в пределы Российской империи возникла еще раз в 1905 г. в связи с возвращением среднеазиатских паломников из Мекки на родину через Бомбей. 28 декабря 1905 г. генеральный консул в Бомбее Вильям Оскарович фон Клемм (1861–1938) писал директору Первого департамента МИД Н. Г. Гартвигу: «В первой половине сего года мною замечено было появление в Бомбее довольно большого числа наших среднеазиатских паломников, возвращающихся на родину из Мекки. На мой вопрос, почему они избрали этот путь, они большего частью отвечали, что у них не хватило денег на обратный проезд через Батум, что билеты на пароход от Джедды до Бомбея стоят очень дешево и что, следуя дальше из Бомбея через местности, населенные мусульманами, они рассчитывают на доброхотные пожертвования своих единоверцев. Принимая во внимание, что в Индии эти люди подвергаются несомненно нежелательному для нас влиянию, что следование через Афганистан сопряжено для них с массой лишений, неприятностей и даже насилий, от которых мы в ущерб нашему престижу не в состоянии их оградить, и, наконец, что принимая по пути подаяние не только деньгами, но и вещами в том числе и старым платьем, они легко могут занести чуму

в наши среднеазиатские владения, я счел своим долгом донести о подмеченном мною явлении Туркестанскому генерал-губернатору, рекомендуя принять меры к прекращению паломнического движения этим путем» [Русско-индийские отношения..., 1997: 191–192].

Это был пятый год пребывания В. О. фон Клемма на посту генконсула: он прекрасно разбирался в происходивших в Индии в целом и в Бомбее в частности событиях. Появление сколько-нибудь заметного числа русскоподданных не могло остаться им незамеченным, тем более что некоторые из них просили подаяние. Хадж, или паломничество российских мусульман в Мекку, было вполне упорядочено. 8 июля 1903 г. были утверждены Временные правила о паломничестве мусульман — они были напечатаны во всех паломнических книжках. В них были указаны пункты, через которые паломники должны проходить при обратном их следовании из хаджа. Эти пункты для Черного моря — Феодосия и Батум, для Каспийского моря — Баку. На границе Закавказья с Персией и Турцией — Караурган, Джульфа и Худаферин, на границе Закаспийской области с Персией и Турцией (для паломников из Мешхеда) — Гаудан. Всякий другой путь был признан незаконным, и всякий паломник, возвращающийся из Мекки на основании § 7 этих правил, уклонившийся, т.е. обошедший вышеупомянутые пункты, привлекался к уголовной ответственности за несоблюдение мер предосторожности против распространения прилипчивых и повальных болезней (ст. 102, т. XV Устава о наказании, налагаемом мировыми судьями, по продолж. 1902 г.) [Русско-индийские отношения..., 1997: 194]. В указанных пунктах проводился медицинский осмотр, способный выявить заболевших.

В чем же была причина изменения маршрута хаджа? Оказывается, регулярные пассажирские рейсы между Бомбеем и Джддой совершали пароходы трех компаний: *Bombay & Persia Steam Navigation Co*; *Bombay S.N. Co.* — владелец Хаджа Касым; *Essaj Tajbhoi's S.N. Co.* Это были частные компании, и субсидий от государства они не получали. Существовали и тарифы на проезд, но лишь номинально, а на деле проездная плата все время колебалась в зависимости от количества пассажиров. Наконец владельцы компаний пришли к заключению, что совместное существование их немыслимо за недостаточностью работы, и потому между ними завязалась настоящая демпинговая война с целью вытеснения друг друга. «Особенно конкурируют между собою последние две компании *Bombay S.N. Co* и *Essaj Tajbhoi's S.N. Co.*, которые будто

бы действительно возят пассажиров иногда почти даром, лишь бы отбить их друг у друга и тем ускорить закрытие соперничающей компании» [Русско-индийские отношения..., 1997: 192], — писал В. О. фон Клемм. Стоимость билета доходила до двух рупий (1 р. 28 к. по тогдашнему курсу). Секретарь Российского консульства в Джедде М. Э. Никольский писал в Бомбей о неких денежных выплатах, предлагаемых будто бы англичанами нашим мусульманам с целью расположения их в пользу Англии [Русско-индийские отношения..., 1997: 192], но опрос среднеазиатских паломников не выявил ни одного такого случая.

Шло время, однако проблема среднеазиатских паломников, отправляющихся или возвращающихся из хаджа через Бомбей, больше не всплывала в донесениях наших генконсулов. По-видимому, пароходные компании каким-то образом решили свои проблемы, а с этим закончились и билеты по демпинговым ценам. Хадж продолжался по узаконенному маршруту, а скорость реакции генконсула В. О. фон Клемма на появление паломников и на возможность заноса ими чумы в пределы Российской империи показывает, насколько все службы были нацелены на предотвращение этой угрозы.

Заключение

В заключение следует сказать, что эпидемия чумы в Бомбее началась в 1896 г., можно даже назвать, когда был диагностирован первый случай чумы — 23 сентября, но когда она считается законченной? Кашкадамов, покидая страну в мае 1898 г., пишет: «Во всей Индии чума уже 29-ю неделю обнаруживает сильную наклонность к ослаблению» [Кашкадамов, 1898: 14]. В свой второй приезд в Индию в 1899–1901 гг. Кашкадамов опять пишет об эпидемии. Он приехал в Бомбей 10 марта «и нашел эпидемию вообще в Индии, в частности в Бомбее, в самом разгаре и был свидетелем постепенного ослабления ее, что обыкновенно происходит при наступлении дождей, а именно во второй половине июня (по н. с.). В октябре того же года эпидемия снова усилилась, прошла свой обычный ход, дойдя до небольших чисел перед моим отъездом из Индии» [Кашкадамов, 1901: 1], т. е. перед 17 июля 1901 г.

В 1906 г. генеральный консул Российской империи в Бомбее Александр Александрович Половцов (1867–1944) писал: «Чума в Бомбее

никогда не переводится; покойников туземцы переносят на открытых носилках с незавешенным лицом, и на базаре каждый день вплотную мимо вашего экипажа проходят такие носилки с чумными, выделяющимися безобразными опухольями шейных желез; однако белые в обычное время не заболевают чумой и принимают меры против нее только при разгаре эпидемии» [ГАРФ: 217]. Но и в нашем XXI в. то здесь, то там происходят вспышки чумы — Китай, Монголия, Мадагаскар, Перу; в России — Алтай, Дагестан, Калмыкия, Тыва, Чечня. В этих местностях расположены так называемые природные очаги болезни и искоренить ее невозможно. Но медицина нашла способы и методы борьбы с «черной смертью». Если случай не запущенный и если пациент вовремя обратился за помощью, то его непременно вылечат.

СПИД называли чумой XX в., возможно, COVID-19 назовут чумой XXI в., но в любом случае нам придется с ним жить и искать способы лечения и защиты от него.

ЧАСТЬ III

АЗИЯ

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИСТОРИИ

(XIX — СЕРЕДИНА XX вв.)

ГЛАВА 8

ЭПИДЕМИЯ ХОЛЕРЫ В ОРЕНБУРГЕ 1829–1830 гг. И НАЧАЛО РОССИЙСКИХ МЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ХАНСТВАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Введение

Эпидемия холеры в Оренбурге 1829–1830 гг., являвшаяся частью мировой пандемии 1826–1838 гг., положила начало распространению этой болезни в России. Неудивительно, что изучению этих событий посвящено немало исследовательских работ — как специальных медицинских, так и общеисторических. Ряд специалистов предметно рассматривает именно причины, ход и завершение этой эпидемии, для других она представляет интерес в контексте общемировых или российских тенденций распространения холеры [Ермольева, 1942; Kotar, Gessler, 2014: 28–34; Егорышева, 2022], третьи рассматривают конкретные аспекты борьбы с распространением заболевания в Оренбургском крае [Рахимов, 2021], отражение их в специальной литературе [Ляшенко, 2017].

Однако наше внимание привлёк аспект, который, насколько известно, до сих пор подробно не рассматривался исследователями, — речь идет о первых попытках изучения санитарно-эпидемиологической ситуации в государствах Средней Азии, откуда, собственно, и пришла в Россию холера. Предметом исследования в рамках данной статьи является деятельность специального комитета (комиссии), созданной в июле 1829 г. для изучения сведений о болезнях в Средней Азии и выяснения степени вероятности, что какая-то из этих болезней может являться холерой. Основу исследования составляет весьма интересный исторический документ — «Заключение Медицинского совета о болезнях Средней Азии»,

подготовленный на основе результатов работы упомянутого комитета буквально за пару недель до начала эпидемии в Оренбургском крае. Автор анализирует состав и методы работы данной комиссии, результаты ее деятельности, а также причины, по которым она пришла к выводу о необоснованности сведений насчет распространения холеры среди выходцев из среднеазиатских ханств, прибывших в Оренбургский край летом 1829 г.

Слухи о холере, их сбор и проверка

Слухи о страшной болезни, распространяющейся ужасающими темпами и влекущей массовую смертность, стали доходить до российских властей уже в 1828 г. 21 декабря того года Медицинский департамент в Санкт-Петербурге направил запрос администрации Оренбургского края по поводу этих слухов, потребовав проверить их обоснованность и достоверность [Ляшенко и др., 2005: 59]. То, что такое поручение было дано именно властям Оренбурга, не было случайностью: город являлся крупнейшим политическим и торговым центром на границе с азиатскими государствами, контролировал правителей Казахской степи, осуществлял дипломатические и коммерческие контакты с Персией, ханствами Средней Азии, опосредованно — с Индией и маньчжурской империей Цин (1644–1911). Неудивительно, что именно здесь стали распространяться массовые слухи о болезни, которая началась в Южной Азии и оттуда стала распространяться на север.

Первым оренбургским чиновником, обратившим внимание на эти слухи, стал начальник Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генс (1825–1844), до которого дошли сведения о том, что во время возвращения из набега на Персию в 1825–1826 гг. хивинские воины вернулись домой в плохом состоянии, и 300 из них вскоре умерли. Вскоре вести о болезни, сопровождаемой головной болью, рвотой и поносом, отнятием рук и ног и болями в сердце, стали доходить и из Казахской степи. Поначалу власти скептически относились к этим слухам, объясняя их склонностью кочевников к преувеличению и неумению разбираться в болезнях. Однако когда русские купцы и приказчики, лично бывавшие в Бухаре и Хиве или поддерживавшие постоянные контакты со своими местными партнерами, стали сообщать аналогичные сведения,

оренбургская администрация решила заняться сбором и систематизацией информации об этой болезни [Попов, 1910: 18–19]. Оренбургский военный губернатор П. К. Эссен (1817–1830) поручил своим чиновникам и медикам проверить эти слухи. Однако, как будет показано далее, работа по сбору слухов вскоре превратилась в более серьезную деятельность по сбору сведений о болезнях, существовавших в Средней Азии.

Поскольку первые слухи уже стали распространяться среди населения края, порождая беспокойство жителей, было приказано заниматься сбором сведений в строжайшей тайне. О степени секретности данной деятельности можно судить хотя бы на основании двух фактов. Так, в Казахскую степь был направлен опытный чиновник и дипломат М.-Ш. Аитов [Султангалиева, 2008; Почекаев, 2016], которому было приказано проверить слухи о предполагаемой холере, однако формально он поехал туда с административным поручением от Оренбургской пограничной комиссии и занимался сбором информации о болезни негласно [Попов, 1910: 22].

Второй случай был связан с действиями купца Е. Кайдалова, незадолго до рассматриваемых событий совершившего не слишком удачную торговую поездку в Бухару и даже издавшего записки о ней [Кайдалов, 1827]. Получив от своих контрагентов сведения о заразной болезни, которая распространялась и среди членов подходивших к Оренбургу караванов, он обратился к региональной администрации с призывом не впускать эти караваны в российские пределы — несмотря на то, что в одном из них было его собственных товаров на 100 тыс. руб. Однако власти края не сочли его сведения заслуживающими доверия и... отдали самого Кайдалова под суд «за распространение ложных и тревожных слухов». Примечательно, что он находился под судом вплоть до марта 1830 г., т. е. уже в тот период, когда эпидемия холеры в Оренбургском крае стала печальной реальностью. Лишь по приказу начальника III отделения Собственной его императорского величества канцелярии генерал-лейтенанта А. Х. Бенкендорфа он был освобожден, а в апреле 1831 г. даже пожалован медалью ордена св. Анны для ношения на ленте [Попов, 1910: 29–30].

Тем не менее нельзя не обратить внимания на то, что меры по соблюдению секретности, несмотря на «перегибы», подобные делу Е. Кайдалова, в целом оказались достаточно эффективными. Исследователи отмечают, что благодаря усилиям властей Оренбургского края даже во время эпи-

демии в регионе не было такой паники, которая, например, охватила европейские страны, когда холера дошла и до них, а также бунтов и волнений, которые прежде нередко возникали в разных регионах России в период прежних эпидемий [Ляшенко и др., 2005: 60].

Стоит отметить, что холера, ее симптомы и течение были достаточно хорошо известны российским медикам [Егорышева, 2008] — правда, только в теории, на практике же с ней им сталкиваться не приходилось, поэтому изучение сложившейся ситуации стало для них первым опытом практического изучения данной болезни [Ляшенко, 2017: 62]. И, конечно же, они опасались придти к ложным выводам, тем более что в их распоряжении были только слухи, да еще и приходившие от «азиатцев», т.е. выходцев из Казахской степи и среднеазиатских ханств.

Во-первых, далеко не все подобного рода информаторы могли достаточно четко описать симптомы болезни, чтобы медики однозначно сформировали представление о том, холера это или нет, тем более что в число этих болезней попадали также и те, которые поражали скот, а не людей. Лишь несколько казахов сумели представить более-менее подробное описание болезни, однако в рамках исследования их сведения не были сочтены репрезентативными [Собрание, 1830: 124]. Во-вторых, казахи, хивинцы и бухарцы, естественно, называли эти болезни на своем языке: *ова* или *уба*, *юзань*, *юклама* и пр. При этом выходцы из казахской степи и из среднеазиатских ханств использовали разные названия для одних и тех же болезней: так, например, казахский *кутыр(ь)* соответствовал бухарскому *тагун*, также различались у информаторов описания их симптомов и течения [Попов, 1910: 25–26].

Кроме того, основу для сомнений в значительной степени составляло то, что информацию о болезни сообщали, можно сказать, «сторонние лица» — представители казахского населения, немногочисленные подданные хивинского хана и русские торговцы, тогда как сами же члены караванов, шедших из Средней Азии (некоторые из которых насчитывали до 500 верблюдов) отвергали любые подозрения в том, что среди них есть зараженные холерой [Henze, 2011: 13]. Впоследствии выяснилось, что караванщики намеренно скрывали случаи заболевания и смерти, не желая лишаться прибылей от торговли в Оренбурге [Ляшенко и др., 2005: 60]. Что же касается сведений хивинцев (у которых первые проявления холеры, как уже упоминалось выше, имели место еще в 1826 г.), то они не были приняты во внимание: российские власти сочли, что они, будучи

конкурентами бухарцев в торговле с Россией, специально распространяли эти слухи, чтобы самим занять место торговцев из Бухары [Попов, 1910: 35–36].

Неудивительно, что в таких условиях представители оренбургских властей действовали сообразно собственным представлениям о том, какие методы сбора информации являются наиболее эффективными и убедительными. Больше всех «прославился» своими методами полковник С. Ф. Циолковский, который вообще заработал негативную репутацию в Оренбургском крае. Именно он возглавлял «военное прикрытие» вышеупомянутого каравана Е. Кайдалова в Бухару, сопровождая который, умудрился проявить легкомыслие и трусость, не решившись оказать сопротивление кочевникам, напавшим на караван, что привело к его поспешному возвращению в пределы России [Терентьев, 1906: 98; Халфин, 1974: 190–192].

В дальнейшем, во время похода на Хиву оренбургского военного губернатора В. А. Перовского зимой 1839–1840 гг. Циолковский проявлял суровость к подчиненным, доходившую до жестокости, при этом не позаботившись о снабжении войск, что в значительной степени стало причиной неудачи этой операции и возвращения с полпути войск в Оренбург с большими потерями. И хотя по возвращении Циолковский, как и другие участники похода, был награжден (он получил орден св. Анны 1-й степени), уже неделю спустя губернатор Перовский уволил его в отставку без прошения [Терентьев, 1906: 154–157, 168–169].

В сборе и проверке сведений о среднеазиатских болезнях С. Ф. Циолковский остался верен себе, и его методы были весьма ярко описаны Медицинским советом: «Полковник Циолковский, в подтверждение рапорта своего, объяснил, что он, соображаясь с известностью, что всякая зараза пристает более к шерсти и бумаге, заставлял бухарцев идущего каравана вынимать из середины каждой кипы хлопчатую бумагу, жевать оную и передавать друг другу, и что не токмо бухарцы, которых бы можно было подозревать в жадности к личной корысти, но и все хивинцы и киргизцы с охотою кидались на чужие товарные места и, вынимая без выбора и осторожности бумагу, жевали и потом бросали друг в друга» [Собрание, 1830: 123–124]. Нетрудно увидеть, в каком сложном положении оказался специальный комитет, которому приходилось принимать во внимание даже такие «методы» постановки диагноза!

Когда сведения о деяниях Циолковского дошли до Санкт-Петербурга, они вызвали крайне негативную реакцию, которую выразил и сам император Николай I: «Его величество находит столько же малодейственным и неверным, сколько оный не приличен образованному народу. Подобные испытания могут быть допускаемые разве в Бухарии, но в России вовсе неуместны» [Попов, 1910: 36–37].

Как бы то ни было, к середине лета 1828 г. предварительная работа по сбору информации о болезнях, которые могли попасть из Средней Азии в Россию, была завершена. Теперь эти сведения следовало систематизировать и принять решение о том, насколько слухи обоснованны и в какой мере вероятно, что речь идет именно о холере.

Секретный комитет (комиссия) и его заключение

Для решения данной задачи оренбургский военный губернатор П. К. Эссен сформировал специальный секретный комитет (или комиссию), в состав которой вошли представители профильных подразделений администрации края («начальники частей»), а также представители медицинской профессии — штаб-доктор Пятницкий, ординатор госпиталя Пономарев и оренбургский уездный врач Онуфриев. Возглавил комитет генерал-лейтенант Г. П. Веселицкий (1774–1829) — начальник штаба Оренбургского военного корпуса и бывший начальник Оренбургской пограничной комиссии. Отличительной чертой этого комитета был весьма краткосрочный характер его работы: он был создан распоряжением военного губернатора 20 июля 1829 г., провел всего лишь одно заседание на следующий день, а 22 июля уже вынес то самое решение, которое и нашло отражение в «Заключении Медицинского совета о болезнях Средней Азии» [Попов, 1910: 31–33]. Оно, собственно, и является предметом настоящего исследования.

Члены комитета констатировали, что для проверки слухов о вероятности занесения холеры в Оренбург было необходимо получить и проанализировать информацию о болезнях в Средней Азии вообще. Однако тут же отметили, что слухи о болезнях в ханствах «неясны, сбивчивы и между собою столь несогласны, что нет никакой возможности сделать верное заключение о степени справедливости оных» [Собрание, 1830: 121]. Тем не менее, не имея другой информации, члены комитета

обратились к исследованию полученных сведений о болезнях в Бухаре и Хиве, а также в Ташкенте и даже в Кабуле, затронув также в некоторых случаях вопросы об эпидемиологической ситуации даже в Тибете и Индии [Собрание, 1830: 122, 126].

Комитет охарактеризовал своих информаторов, среди которых были русские купцы и их приказчики, «киргизцы» (т. е. казахи) и «весьма немногие хивинцы» [Собрание, 1830: 122–123]. Были указаны причины многочисленных (заразных и незаразных) болезней в Средней Азии, которые, по мнению комитета, следовало относить «к болезням местным, к действию воздуха и ветра, к обычаям народным и известной нечистоте азиатцев и, наконец, к недостатку и худому качеству воды; а потому болезни сии не могут быть признаны заразительными и прилипчивыми» [Собрание, 1830: 122].

Далее были достаточно подробно описаны способы проверки сведений о болезнях, включая «клинические наблюдения» — естественно, в том виде, в каком их понимали представители администрации и медицинской профессии в то время. В частности, была дана ссылка на выше-описанные «эксперименты» полковника Циолковского. Другие методы исследования и заключения на их основе также выглядят довольно наивными: «Все привезенные товары выпущены и часто были в употреблении между известными людьми в Оренбурге, и во все время нигде и никакой болезни не оказывалось». Члены комитета в своем заключении не скрыли затруднений, с которыми им приходилось сталкиваться при анализе собранной информации. Так, например, перечислив вышеупомянутые названия среднеазиатских болезней («ова или уба, тагун, по-киргизски кутыр, юган и юклама»), они честно резюмировали, что «ни значение сих слов, ни свойства так названных болезней нисколько не объяснены» [Собрание, 1830: 124].

В результате анализа сведений и обсуждения члены комитета пришли к выводу, что болезней, подобных холере, в Бухаре (откуда, собственно, и пришли караваны, приближение которых породило слухи об эпидемии и возможности ее распространения на Оренбургский край) нет, а многочисленные болезни, в т.ч. «волосатик» (ришта), происходят из-за сухого климата и плохой воды, но при этом «незаразительны». Аналогичным образом члены комиссии пришли к выводу, что нет оснований подозревать распространение холеры и среди кочевников Оренбуржья и соседних регионов: по их мнению, среди калмыков, башкир и киргизов

(т.е. казахов), «кои о чистоте и опрятности не имеют никакого понятия», распространены «эпидемии гнилого свойства, горячки и сибирская зыка, которые нередко бывают смертельны. В особенности же страшна для них оспа» [Собрание, 1830: 126].

Окончательный вывод секретного комитета представляется до некоторой степени противоречивым: констатируя отсутствие холеры в Средней Азии, его члены, тем не менее, заявили, что «мнение оренбургских врачей о незаразительности холеры подлежит сомнению, тем более, что некоторые наблюдения доказывают совершенно тому противное» [Собрание, 1830: 127]. Иными словами, секретный комитет констатировал опасность и заразность холеры (хотя это было известно и ранее!), но заявлял, что в данный момент в Оренбурге ее опасаться не стоит. Однако было бы некорректно оценивать выводы специалистов первой трети XIX в. с высоты современных медицинских знаний: в этот период в изучении эпидемических болезней господствовали миазматическая и контагиозная теории, из постулатов которых и исходили члены комитета. Бактериальная же теория оформилась только в конце XIX в. [История, 2021: 170, 309–310].

По итогам совещания сам руководитель комитета Г. П. Веселицкий представил собственное заключение на имя военного губернатора П. К. Эссена: «Хотя по разнообразным показаниям о болезни в Бухаре, Хиве, Ташкенте, Кабуле и Карши должно полагать, что оне где-либо из сих мест существовали, ибо от чего слухам о сем возникнуть? Но как в течение 12-летнего моего здесь служения никогда таковых отголосков не было, и медики заверяют, что таковая болезнь не прилипчива, а может происходить от воздуха и воды, и товарам сообщиться не может, то полагаю, что прибывший из Бухары караван пропустить можно» [Попов, 1910: 34].

Заключение

Подводя итоги анализа деятельности секретного комитета в Оренбурге, нельзя не признать, что его методы работы и оценка их результатов являлись поверхностными, необъективными — даже дилетантскими. Однако во многом действия членов комитета извинялись отсутствием практического опыта борьбы с холерой, незнанием

санитарно-эпидемиологической ситуации в Средней Азии и соседних регионах и проблемами с идентификацией тех болезней, которые местные жители знали и называли по-своему. Да и сама система сбора и анализа информации о болезнях в это время вряд ли была в достаточной степени проработана. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и нежелание не только бухарских купцов, но и оренбургской администрации прерывать торговые связи со Средней Азией и, соответственно, нести убытки [Попов, 1910: 35].

Как бы то ни было, уже в конце июля караваны, ранее подозревавшиеся в том, что среди них были зараженные холерой, получили разрешение войти в пределы Оренбургского края, пройдя сначала таможенно в Орске, а затем добравшись и до торгового двора в самой столице региона. 26 августа заболел первый русский солдат, 9 и 10 сентября — еще двое, причем во всех случаях была диагностирована именно холера. 21 сентября 1829 г. в Оренбургском крае официально было объявлено об эпидемии [Ляшенко, 2017: 62], эффективность борьбы с которой по-разному оценивается современниками и специалистами.

По мнению одних, оренбургский военный губернатор П. К. Эссен, окружив очаги заражения военными командами и увеличив немногочисленный штат региональных медиков за счет срочно вызванных врачей из Казани и других городов, сумел решить проблему быстро и эффективно [Рахимов, 2021: 16–17]. Уже весной 1830 г. эпидемия прекратилась, в Оренбурге заболело 747 чел., из них умерло 130, в крае в целом заболело 3 500 чел., умерло 865 [Семенов, Семенова, 2014: 213; Ляшенко, 2017: 63]. Другие же современники (в частности, российский чиновник барон М. А. Корф), в целом невысоко оценивая личные качества и профессиональные способности П. К. Эссена, считали, что в борьбе с холерой он потерпел неудачу, за что и был отозван из Оренбурга в том же 1830 г. [Корф, 2003: 198; Семенов, Семенова, 2014: 215].

Объективные факты, как бы то ни было, говорят о следующем: с одной стороны, эпидемия возобновилась в том же 1830 г. при преемнике Эссена — военном губернаторе П. П. Сухтелене (1830–1833), причем из Оренбурга холера стала распространяться на другие регионы Российской империи, а из них — уже и на европейские страны [Попов, 1910: 13, 17; Ляшенко и др., 2005: 59]. С другой стороны, П. К. Эссен был отозван из Оренбурга вовсе не с понижением — напротив, он был назначен военным генерал-губернатором Санкт-Петербурга и в 1833 г.

использовал свой предыдущий опыт в борьбе с эпидемией холеры в столице Российской империи.

Ситуация по сбору, а главное — использованию информации о болезнях в Средней Азии оренбургскими властями и медиками в принципе во многом отражала состояние дел в Российской империи в целом. Как уже отмечалось, практического опыта борьбы с холерой в России до сих пор не было, да и вообще борьба с эпидемиями сводилась к карантинным мероприятиям, которые не всегда способствовали прекращению болезни, но зачастую вызывали разорение торговцев, ремесленников и крестьян соответствующих регионов, рост взяточничества чиновников и пр. [Смирнова, Ерегина, 2021: 34–35]. Не следует также забывать, что как раз в это время Российская империя имела проблемы другого рода — такие как голод, революцию 1830 г. во Франции, восстание в Польше 1830–1831 гг.: в этих условиях не было возможности объективно оценить опасности эпидемии и принять адекватные меры по борьбе с ней [Ермольева, 1942: 7; Henze, 2011: 14].

Тем не менее есть основания считать, что именно слухи о холере в конце 1820-х гг. стали поводом для целенаправленного изучения санитарно-эпидемиологического положения Центральной Азии, включая Бухару, Хиву, области кочевков казахов и киргизов [Афанасьева, 2008: 113–114; История, 2021: 288–289]. Неслучайно в российских дипломатических миссиях и научных экспедициях 1840–1870-х гг. находились специалисты, уделявшие внимание болезням в посещенных государствах и регионах [Маслова, 1955: 53, 58; Маслова, 1956: 35; Маслова, 1971: 99]. Это позволило со временем даже идентифицировать те болезни, местные названия которых вызывали затруднения у медиков первой трети XIX в. [Попов, 1910: 40–42]. А после того, как Российская империя на рубеже 1860–1870-х гг. установила протекторат над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, возможностей для изучения их санитарного состояния стало гораздо больше, и с конца XIX в. можно говорить уже о систематической работе не только по изучению среднеазиатских болезней, но и активизации борьбы с ними [Ахмедов и др., 2017; Зияева, 2009: 156–157].

ГЛАВА 9

КРУШЕНИЕ ФРЕГАТА «ЭРТУГРУЛ»: ТРАГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ЯПОНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

Введение

В 80-х гг. XIX в. Япония предпринимала попытки установления дипломатических отношений с Османской империей, направив в Стамбул первую официальную дипломатическую миссию, которая получила аудиенцию султана Абдулхамида II (1842–1918). Однако эти действия не привели к прогрессу в контактах между двумя странами. В 1887 г. состоялся визит в Стамбул японского принца Комацу (дядя императора Муцухито)¹, который передал султану Абдулхамиду II приветственное письмо от японского императора, а также наградил султана высшим орденом Японии — Орденом Хризантемы². После этого Абдулхамид II поручил премьер-министру страны Камиль-паше³ организовать ответный визит вежливости в Японию для вручения императору Японии подарков и ордена Османской империи [Arik Umut, 1991: 25–26].

Как отмечает российский исследователь В. С. Кузнецов, характерной чертой личной дипломатии султана Османской империи Абдулхамида

¹ Принц Комацу Акихито (1846–1903) в правительстве Мэйдзи служил в дипломатическом ведомстве. Император Мэйдзи (Муцухито) (1852–1912) — 122-й император Японии имел прижизненное имя Муцухито.

² Орден Хризантемы на Большой ленте был учрежден в 1876 г. Им награждали японцев и иностранцев из числа членов императорских и королевских семей и высшей аристократии, а также глав иностранных государств.

³ Мехмед Камиль-паша (1833 — 1913) — государственный деятель Османской империи.

II было всемерное использование межгосударственных противоречий между странами Европы (или даже вероятность таковых) для противодействия угрозам Османской империи. Если на Западе противовесом Англии и Франции Абдулхамид II считал Германию, то на Востоке, где задавали тон старые колониальные державы, он готов был установить более тесные отношения с набирающей сил императорской Японией [Кузнецов, 2006: 48–68].

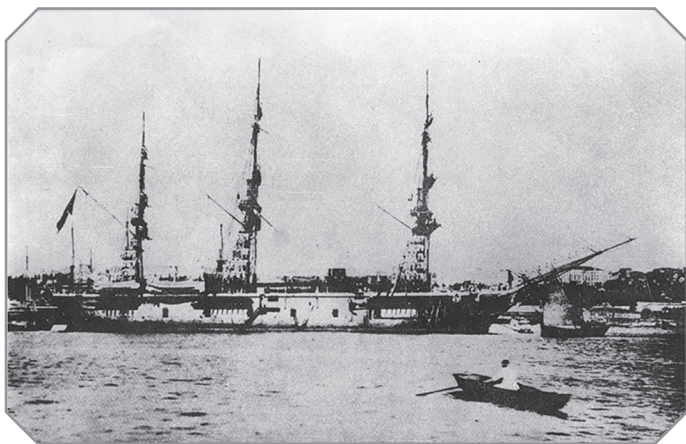
Подготовка визита в Японию

В письме, подписанном Камиль-пашой и адресованном министру военно-морского флота Турции Хасану Хюсню-паше¹, отмечалось, что «курсанты турецкой военно-морской академии по ее окончании должны иметь возможность повышать свое образование, углублять опыт и знания о мире, больше изучая зарубежные страны. Наиболее важным представляется возможность для них применить теоретическую информацию к реалиям мира. В этой связи выпускников этого года следовало бы послать на борту учебного судна в Индию, Китай и Японию» [Arik Umut, 1991: 31]. На самом деле истинная причина этой инструкции заключалась в заинтересованности султана Абдулхамид II развивать связи с азиатскими странами и их народами, в частности, с такой новой формирующейся державой, как Япония. Играя на противоречиях великих держав в восточном вопросе, Абдулхамид II стремился, чтобы «флаг Турции на военных кораблях подчеркивал присутствие Османской империи в качестве мировой державы» [Arik Umut, 1991: 27]. Вследствие этого министру военно-морского флота Хасану Хюсню-паше были даны инструкции выбрать военный корабль и подобрать команду для выполнения миссии в Японию.

После завершения всех формальностей в порту Высокая Порты был выбран фрегат «Эртугрул» (*Илл. 1*). Он был построен в 1854–1864 гг. на судостроительной верфи Ташкызак в Стамбуле и торжественно спущен на воду 19 октября 1863 г. в присутствии султана Абдул-Азиза. Фрегат получил свое название в честь Эртогрула, отца Османа I (1259–1324), основателя Османской империи². В 1864 г.

¹ Бозджаадалы Хасан Хюсню-паша (1832 — 1903) — адмирал.

² Эртогрул (Эртогрул Гази) (? — 1281). Предположительно он прожил 93 года.

Илл. 1. Фрегат «Эртугрул»

[Misawa N., 2008: 1]

фрегат совершил плавание в Великобританию, и на нем были установлены паровая машина в 600 лошадиных сил и наиболее современное оборудование, включая электрическое освещение. 18 февраля 1865 г. корабль покинул Портсмут вместе с двумя другими османскими кораблями — «Косово» и «Хюдавендигар» — и вернулся в Стамбул через порты Франции и Испании. Там он был пришвартован на Босфоре перед дворцом Долмабахче, а затем переведен в залив Золотой Рог [Ertugrul, 2004].

Основные характеристики фрегата были следующие: трехмачтовый деревянный корабль длиной 79 м (260 футов), шириной 15,5 м (51 фут), осадка 8 м (26 футов), запасы угля — 350 т, общий вес — 2344 тонны, скорость — 10 узлов (около 16 км/ч). На борту находилось восемь 15-сантиметровых пушек, пять 150-фунтовых пушек и другое стрелковое оружие [Arik Umut, 1991: 27]. Деревянные детали корпуса судна прошли ремонт в 1886–1888 гг., но паровая машина и котлы не ремонтировались, поэтому корабль мог использоваться только в качестве учебного. В ходе подготовки фрегата к плаванию было принято решение об экипаже корабля, в который вошли 61 офицер, 548 унтер-офицеров и частные лица. Среди них были 13 выпускников 1889 г. Императорской военно-морской школы (Мектеб-и-Бахрие-и-Шахане) в Хейбели [Абидулин,

2015: 28]. Кроме того, было решено взять на борт оркестр из 20 человек [Arik Umut, 1991: 27].

В 1889 г. командиром фрегата был назначен капитан Эмин Осман-бей¹ как наиболее подходящая кандидатура в связи с его знанием нескольких иностранных языков и навыками судовождения. В качестве чрезвычайного посланника на него также была возложена почетная миссия передать приветственное письмо императору Японии Муцухито (1852–1912) и вручить ему от имени султана Абдулхамида II высшую награду Османской империи — Орден Почета². [Arik Umut, 1991: 28]. Команде фрегата вменялось в обязанности изучение правил судоходства в морях и океанах; соблюдение правил посещения иностранных портов; составление морских карт и сбор этнографического материала, касающегося традиций и обычаев различных народов [Arik Umut, 1991: 28].

Был разработан первоначальный маршрут, состоявший из 11 пунктов, с перечислением необходимых остановок в пути. Первая остановка была запланирована в Мармарисе, следующая — в Порт-Саиде до прохода через Суэцкий канал. Затем следовали Джидда, Аден и Сомали. Учитывая сезонные ветра, корабль должен был остановиться в Пондичерри и Калькутте в Индии. Через Малаккский пролив «Эртугрул» должен был плыть в порты Малакки и Сингапура, затем отправиться в Сайгон, а после остановок в некоторых доках в Китае прибыть в Гонконг. Сямэнь и Шанхай должны были стать последними пунктами маршрута до прибытия в Японию. Наконец, после пребывания в Нагасаки фрегат должен был прибыть в пункт назначения — Йокогаму. Возвращение в Турцию планировалось на октябрь того же года [Абидулин, 2015: 28].

К концу XIX в. османский флот находился в плачевном состоянии [Абидулин, 2015: 27], и фрегат «Эртугрул» был плохо подготовлен к долгому и трудному путешествию. Из турецких источников известно, что существовали доклады о подготовке его для этого плавания. Из них следовало, что военно-морской офицер Великобритании капитан Хартли, который работал главным механиком фрегата по найму во флоте Османской империи, заявлял, что согласно мореходным правилам,

¹ Осман Эмин Ахмед Паша (1858–1890).

² Орденом Почета, учрежденным в 1878 г. во время правления султана Абдул-Хамида II (1842–1918), награждались гражданские и военные лица за заслуги перед Османской империей. Кроме турецких граждан «награда за верность и храбрость» разрешалась к вручению иностранцам.

фрегату требовались ремонтные работы для плавания на большие расстояния. В частности, в своем рапорте в министерство военно-морского флота он выражал беспокойство относительно состояния паровой машины и котлов, которые долгое время не ремонтировались. По этой причине корабль, идя под паром, вместо положенных десяти узлов мог набрать скорость не более четырех. Плавание только под парусами он считал опасным и неприемлемым для столь длительного морского перехода [Абидулин, 2015: 28].

Часть работ была проведена, но Харті, который оставался на своей должности до того, как корабль отправился в плавание, признал их неудовлетворительными [Tadashi Takahashi, 1978: 131]. После этого Харті был переведен с «Эртугрула» на пароход, курсировавший между Стамбулом и Принцевыми островами [Абидулин, 2015: 28]. По мнению турецкого историка Арыка Умута, требования Харті могли быть связаны с его разведывательной деятельностью, которую он, несомненно, выполнял, когда пришел на службу в турецкий флот. Это объяснялось тем, что англичане не одобряли любую миссию военных кораблей, которые намеревались подтвердить влияние Османского халифата в таких мусульманских странах, как Египет, Хадрамаут, Аден, Индия и которые были колониями Британии [Arık Umut, 1991: 32].

После осмотра судна специалистами министр военно-морского флота доложил султану о готовности фрегата к плаванию, и, как отмечает российский исследователь А.М. Абидулин, «перевод главного судового механика Харті с «Эртугрула» на другой пароход был представлен как необходимость составить команду корабля, представлявшего Османскую империю в портах иностранных государств, только из турецких моряков» [Абидулин, 2015: 29]. К тому же нельзя не принимать во внимание тот факт, что Хасан Хюсюн-паша настаивал на отправке в Японию именно «Эртугрула», так как капитан фрегата полковник Осман-бей являлся его зятем, и родственные связи могли играть не последнюю роль в принятии такого решения [Абидулин, 2015: 29].

Миссия в Японию

Фрегат торжественно покинул Стамбул 14 июля 1889 г. после официальной церемонии поднятия всех полковых флагов напротив

Леандровой Башни перед дворцом султана в Топкапы¹. Вся команда фрегата салютовала султану, приветствуя его возгласами: «Да здравствует Султан!» Абдулхамид II дал согласие на то, чтобы корабль оставался еще какое-то время на рейде перед выходом с причала в Золотом Роге. Оркестр исполнял военно-морские марши, пока корабль выходил из внутренних вод Стамбула в Мраморное море в районе Ахыркапы.

По свидетельству очевидцев, по пути следования в Японию фрегат столкнулся с множеством субъективных и объективных трудностей. Когда «Эртугрул» пересекал Суэцкий канал, который был под Британским контролем, ошибки в управлении фрегатом привели к тому, что 29 июля он сел кормой на мель, получив повреждения. Позже после снятия с мели он был отбуксирован к берегу, но из-за сильного ветра вновь сел на мель, получив повреждения ахтерштевня². Об этом было доложено султану, который предложил Осман-бею отправиться в Японию на почтовом пароходе [Абидулин, 2015: 28]. После того, как было получено разрешение султана о продолжении плавания по окончании ремонта судна в доке в кратчайшие сроки, команда фрегата была вынуждена провести более месяца в Египте.

В связи с этой вынужденной остановкой командование фрегата встречалось с исламскими лидерами страны, о чем также было сообщено турецким властям [Arik Umut, 1991: 33]. 23 сентября корабль вышел из дока и продолжил плавание, при этом капитану фрегата было предписано телеграфировать в Стамбул из каждого порта о состоянии судна [Arik Umut, 1991: 33].

В его докладах из мест остановок сообщалось о визитах мусульманских лидеров и глав государств Йемена, Индии, Цейлона и Сингапура, а также о посещении фрегата местными жителями. В Сингапуре капитан Осман-бей получил из Стамбула указ султана «о присвоении ему звания адмирала с титулом «паша» в качестве чрезвычайного посланника Османской империи» [Arik Umut, 1991: 34].

Пребывание фрегата в Сингапуре вызвало многочисленные манифестации приверженности местных жителей исламу и османскому халифу Абдулхамиду II. Местные мусульманские принцы и лидеры

¹ До середины XIX в. Топкапы являлся главным дворцом Османской империи и резиденцией турецких султанов.

² Ахтерштевень — основная опора для руля, кормовая часть судна (продолжение киля) в виде рамы.

некоторых государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана прибыли в Сингапур и провели переговоры с адмиралом Осман-пашой. Некоторые из них выражали желание объявить о своем полном подчинении халифу. Демонстрации «верности» местных мусульман настолько тронули Осман-пашу, что в своем письме жене он писал: «они целовали фрегат с религиозной преданностью и любовью, как будто это был храм» [Arik Umut, 1991:29]. Местные журналисты писали об этом событии с впечатляющими заголовками. Узнав о демонстрациях, султан Абдулхамид II выслал следующие инструкции на «Эртугрул»: «Фрегату следует совершить плавание вокруг Сингапура, посетить остров Ява и другие рядом лежащие мусульманские районы, поставить фрегат на якорь, где это будет возможно, и продемонстрировать триумф Османской империи» [Arik Umut, 1991: 29].

В связи с тем, что в этом регионе с сентября южные ветры сменились северными, дальнейшее движение фрегата под парусами было затруднено и требовало большого расхода угля. Поэтому выход корабля из Сингапура был отложен на несколько месяцев [Абидулин, 2015: 28]. 10 марта «Эртугрул» вышел из Сингапура и направился в Гонконг. После прохождения 600 миль плохие погодные условия заставили судно бросить якорь в Сайгоне, французской колонии, где были сделаны запасы угля. После этого, несмотря на продолжающуюся непогоду, «Эртугрул» возобновил путь в Гонконг. Погода улучшилась, и после короткой остановки в Гонконге фрегат направился в Японию. В начале июня 1890 г. он вошел в ее территориальные воды, пересек внутреннее море и подошел к порту Кобе. 5 июня 1890 г. фрегат прибыл в Йокогаму. Таким образом, все путешествие заняло 11 месяцев.

Газета "*Tokyo Nichi-Nichi Shimbun*" в репортаже от 6 июня 1890 г. писала следующее: «5 июня 1890 г. имперский офицер церемоний Танба Рюносукэ был назначен ответственным за встречу посланников Османской империи. Турецкий фрегат «Эртугрул» везет орден нашему Императору, посланный султаном Абдулхамидом II. Известно, что чрезвычайный посланник Османской империи адмирал Осман-паша прибывает в Японию. В связи с этим наш корреспондент приехал вчера рано утром в порт и сообщил следующее: «Фрегат появился на горизонте и приблизился к порту с красно-белым флагом с полумесяцем и звездой, развевающимся в утреннем воздухе. Были спущены якоря в 3 милях от порта Йокогама. Пушки дали 21 залп салюта в честь нашей страны

и 13 залпов — кораблю «Такасихо», который стоял на рейде в порту. В ответ на это последовали салюты из порта Канагава и с корабля «Такасихо». Ответственный за церемонию офицер Танба, представители министерства иностранных дел Японии Санномия и Такахаси поплыли на «Эртугрул» на небольшом судне и нанесли визит адмиралу Осман-паше, командующему турецким кораблем, и его офицерам. Местные жители в порту Йокогама также устроили дружеский прием турецкому фрегату и его команде» [Arik Umut, 1991: 29].

При этом сообщалось, что, к несчастью, 37 членов команды заразились холерой из-за некачественной еды в Гонконге, и корабль был поставлен на 33-дневный карантин в бухте Йокогамы Нагаура [Arik Umut, 1991: 30]. Поэтому команда фрегата не могла выйти на берег. В течение стоянки в Японии 12 членов экипажа умерли от этой болезни. 12 июня 1890 г. газета “*Tokyo Nichi-Nichi Shimbun*” писала: «В то время как сообщается, что на борту «Эртугрула», который сейчас стоит на стоянке в порту Йокогама, находятся 500 моряков, их никто не видел на берегу после прибытия судна в Японию. Известно, что команда не употребляет алкогольные напитки, не ест свинину, так как они мусульмане. Они ведут себя намного лучше, чем моряки других национальностей. Их вежливое поведение, тем не менее, расстроило хозяев баров на берегу, которые с нетерпением ждали турецких моряков в надежде получить свою выгоду» [Arik Umut, 1991: 31].

Чрезвычайный посланник адмирал Осман-паша и сопровождающие его офицеры были встречены на берегу с огромными почестями. 12 июня в 2 часа дня они посетили ярмарку в Уэно, где их сопровождали организаторы мероприятия. Газета “*Tokyo Nichi-Nichi Shimbun*” сообщала, что турецкий адмирал Осман-паша пригласил членов императорской семьи, министров и зарубежных посланников во временную резиденцию — дворец Рокумэйкан для дружеских переговоров [Arik Umut, 1991: 31]. Газета также информировала, что 13 июня в 6.30 вечера чрезвычайный посланник Османской империи прибыл во дворец императора в сопровождении шести офицеров. Он передал Его Величеству императору послание султана Абдулхамидом II и от его имени вручил Орден Почета [Arik Umut, 1991: 31]. Осман-паша и офицеры фрегата также встретились с императрицей. В честь турецких гостей, и прежде всего чрезвычайного посланника Осман-паши, был дан обед с участием императорских особ, министров и высокопоставленных лиц страны. Во время обеда император

расспрашивал в деталях о плавании фрегата, о состоянии военно-морского флота Османской империи, демонстрируя активный интерес к успехам Османской империи в военных и международных делах.

Аудиенция и теплый прием делегации Осман-паши свидетельствовали о важном значении, которое придавал турецко-японским отношениям император Японии Муцухито, который в своем приветствии подчеркнул удовлетворение от «возрастания важных дружеских отношений между двумя империями» [Arik Umut, 1991: 32]. Послание султана Абдулхамида II, адресованное императору Японии по случаю специальной миссии «Эртугрула», также отражало заинтересованность главы турецкого государства в развитии дружественных отношений между двумя странами.

Ниже приводится текст письма Абдулхамида II, адресованного императору Японии с благодарностью за орден Хризантемы, врученный ему принцем Комацу: «Я с глубоким удовлетворением получил послание, в котором Ваше императорское Величество любезно сообщил мне, что посылает мне выдающийся Орден Хризантемы как конкретное свидетельство его теплых чувств и пожеланий, свидетельствующих об искренней дружбе, чем я крайне воодушевлен.

Я получил этот Орден и великолепное произведение искусства из Японии, великодушно предоставленные Вашим Величеством. Имея в глубине души живое желание видеть сохранение и еще большее укрепление существующей между нами дружбы, которая имеет величайшую ценность для меня, столь деликатное внимание, проявленное Вашим Величеством к своим действиям по укреплению дружеских уз, которые нас объединяют, еще больше увеличило мое удовлетворение. С удовольствием отмечая выдающиеся качества, отличающие Ваше Величество, я выражаю свои пожелания содействия Его благополучию и сохранению Его драгоценного здоровья и молюсь, чтобы он продолжал дарить нам знаки своей доброй дружбы» [Arik Umut, 1991: 33].

Далее приводится послание Абдулхамида II, сопровождавшее награждение императора Мэйдзи Орденом Почета Османской империи: «В качестве особого свидетельства сердечных отношений, которые, к счастью, существуют между нашими правительствами и развития которых мы от всего сердца желаем, и как яркое доказательство безупречной и искренней дружбы, которой я дорожу в отношении Вашего Величества, имею удовольствие предложить Вам Орден Почета,

который является высшим орденом нашей империи. На адмирала Осман-пашу, одного из моих адъютантов и главнокомандующего фрегата «Эртугрула», была возложена специальная миссия вручения Ордена Вашему Величеству. Я прошу Вас любезно принять этот подарок от искреннего друга» [Arik Umur, 1991: 33].

Большой интерес представляет текст речи Осман-паши, который он прочел по-турецки по просьбе его Величества императора Мэйдзи во время вручения ордена: «Я с почтением пользуюсь правом вручить Вашему Императорскому Величеству Орден Почета, который является высшим орденом Османской империи и который мой августейший государь присвоил вашему Величеству как несомненное доказательство его глубочайшей симпатии и искренней дружбы. Я имею честь, возложенную на меня августейшим государем, передать Вашему Величеству наилучшие пожелания личного благополучия и счастья и процветания Вашему прославленному государству.

Его Величество Султан следит с огромным интересом за удивительными достижениями японской империи под покровительством Вашего Величества и желает, чтобы продолжение этих достижений могло привести к успешному установлению дружественных отношений между нашими двумя странами. Поэтому я молю Ваше Величество любезно снизить и считать меня самым счастливым и чрезмерно польщенным честью выполнить такую почетную и лестную миссию». [Arik Umur, 1991: 33].

Офицеры и команда «Эртугрула» были встречены в Токио как особые гости императора Муцухито, и как первые турецкие представители, которые посетили Японию (*Илл. 2*), они произвели благоприятное впечатление на японских жителей [Tadashi Takahashi, 1978: 132]. 23 июня 1890 г. был издан указ императора Японии, который подтвердил награждение чрезвычайного посланника Эмина Осман-паши, являвшегося командиром фрегата «Эртугрула», и других офицеров Орденами Восходящего солнца различных степеней и медалями Почета различных степеней¹ [Arik Umur, 1991: 34].

¹ Орден Восходящего солнца был учрежден в 1875 г. Он предназначен для награждения как военных, так и гражданских лиц, является одним из основных орденов, вручаемых за заслуги. Имеет восемь степеней. Медали Почета составляют младший ранг системы государственных орденов и медалей Японии.

Илл. 2. На этой недатированной фотографии турецкая делегация и члены экипажа «Эртугрула» позируют с японскими солдатами во время визита «Эртугрула» в Японию

(<https://www.dailysabah.com/turkey/2019/09/16/ertugrul-a-tragedy-that-boosted-the-bonds-between-turkey-and-japan>)

Крушение фрегата «Эртугрул» и спасательные действия

Фрегат «Эртугрул» оставался в Японии в течение трех месяцев — до 15 сентября 1890 г., поставленный на якорь из-за карантина. В полдень 15 сентября он отплыл из Йокогамы в Стамбул. Здесь следует отметить, что имеются данные о том, что представители военно-морского ведомства Японии пытались убедить капитана «Эртугрула» отложить отплытие фрегата. Сезон тайфунов был в разгаре, а мореходные качества 26-летнего деревянного судна вызывали беспокойство у специалистов. Ряд инцидентов во время долгого плавания «Эртугрула» в Японию потребовал неоднократного ремонта, и японская сторона предлагала капитану продлить свое пребывание в Японии и обеспечить тщательную проверку корпуса и других частей судна, нуждающихся в ремонте. По неподтвержденным учетным данным, котельное оборудование фрегата требовало устранения дефектов. Однако капитан и офицеры приняли решение отправиться в обратный путь после получения инструкций султана. По мнению японских исследователей, их решение было осно-

вано на нежелании «показать «слабость», которая опозорит честь исламской империи» [Murakami N., 2015].

Как и было запланировано, «Эртугрул» вышел из Йокогамы 15 сентября 1890 г. Историки отмечают, что прибытие фрегата в Японию широко освещалось в японской прессе, а отплытие, по-видимому, прошло незамеченным [Arik Umut, 1991: 34]. На момент отплытия погодные условия были благоприятными, но на следующее утро начался сильный обратный ветер, к вечеру буря продолжила набирать силу. Бизань-мачта фрегата высотой 130 футов (40 м) рухнула, нанеся серьезные повреждения судну, вода прорвалась на угольные склады в помещение котельной. В течение следующих трех дней команда пыталась отремонтировать повреждения, поправляя паруса, затягивая ванты и убирая воду из угольных контейнеров при помощи ведер, т.к. насосов было недостаточно.

Несмотря на все усилия команды, дезинтеграция корабля была неизбежна, и единственным вариантом было искать убежище в соседнем порту [Arik Umut, 1991: 34]. Они направились в Кобе, который находился в пределах 10 миль (16 км) от судна, в заливе за пределами мыса Касинодзаки в районе маяка Осима. Пробившаяся морская вода окончательно погасила одну из топок в машинном отделении. Фрегат, который оставался почти неподвижным без основных парусов и достаточной тяги, отнесло в сторону опасных рифов на восточном побережье. Осман-паша и инженер-техник пытались что-либо предпринять в котельной. Однако после того, как котел сломался, «Эртугрул» начал быстро дрейфовать к скалам. Команда пыталась остановить корабль, бросив аварийный якорь, однако фрегат развалился при первом же ударе о рифы около полуночи 18 сентября 1890 г.

На месте аварии погибло около 550 моряков¹, из которых пятьдесят были офицерами, включая командира корабля адмирала Эмин Осман-пашу. В живых остались только шесть офицеров и шестьдесят три матроса. Шестеро выживших не пострадали, девять получили тяжелые ранения, остальные — легкие [Arik Umut, 1991: 34].

19 сентября 1890 г. выпуск газеты "*Tokyo Nichi-Nichi Shimbun*" сообщил: «Турецкий военный корабль «Эртугрул», который приплыл в Японию,

¹ Сведения о жертвах кораблекрушения разнятся в опубликованных источниках. Последние данные японских исследователей приводят цифру 497 человек (информация архива императорского дворца на основе карантинных документов) [Misawa N., 2015: 162].

чтобы вручить Орден турецкого императора императору Японии, вышел в плавание в обратный путь 15 сентября 1890 г. Вчера, 18 сентября, стало известно, что вечером в 10 часов около о. Кюсю в сложных погодных условиях во время тайфуна он затонул, налетев на рифы Касинодзаки, его котлы взорвались, и 587 членов команды (общее число членов команды составляло 650 человек) погибли. Позже стало известно, что чрезвычайный посланник Осман-паша и большинство офицеров и моряков пропали без вести. Из 60-ти спасшихся человек большинство ранены и находятся в тяжелом состоянии» [Arik Umut, 1991: 35].

Детали происшествия были описаны пострадавшими следующим образом: «Фрегат «Эртугрул» отправился в обратное плавание, держа курс на Кобе. Когда он подходил к Кюсю, днем 16 сентября в 15.30 недалеко от маяка Осима начался тайфун, спустился густой туман наряду с громадными волнами и ветром, и дальнейшее плавание было невозможно. Система управления была поломана, котлы взорвались, убив 6 инженеров. Осман-паша и инженер-техник пытались найти решение проблемы в котельной, однако после поломки котла «Эртугрул» стал совершенно неподвижен и начал быстро дрейфовать к скалам. Два инженера на палубе спаслись. Корабль пытался справиться с сильным волнением на море в направлении маяка Касинодзаки, однако, к несчастью, затонул, налетев на рифы в 40 метрах от острова. Фрегат развалился на две части за 5–6 минут. Скорость разрушения фрегата в условиях шторма не позволила использовать спасательные шлюпки. В довершение ко всему, шел сильный дождь, и местные жители Осима находились по домам, поэтому никто не видел кораблекрушения. Даже часовой, дежуривший на маяке, не заметил его, и большинство членов команды утонуло. Только те, кто были достаточно сильны, и те, кого случайно принесло течением, смогли доплыть в бурных водах до маяка и выжили» [Arik Umut, 1991: 25].

Дальнейшие события развивались следующим образом. После того, как фрегат развалился на части, 69 членов экипажа смогли спастись, следуя за лучом маяка Касинодзаки, который стоял на восточной оконечности острова Осима¹. Девять человек доплыли до маяка и сумели к нему пробраться по 40-метровой скале, где они обратились за помощью.

¹ Этот маяк был одним из 26, построенных в Японии по проекту шотландского инженера Ричарда Брантона. Все еще действующий в настоящее время, он начал свою службу в июле 1870 г. как первый японский светомаяк, построенный из камня и впервые использующий вращающийся мигающий световой механизм.

Но возникла языковая проблема. Дежурившие на маяке поняли, что эти люди были выжившие после кораблекрушения. Один из инженеров фрегата говорил немного по-английски. С большим трудом он объяснил, что затонувший корабль был турецким военным фрегатом, который привез награды Османской империи японскому императору. После этого служащие маяка сообщили о происшествии в местную администрацию. Глава поселения, местные полицейские и сельские жители из Кавасимы пришли на помощь пострадавшим. Всю ночь они пытались спасти матросов и офицеров, цеплявшихся за скалы под маяком, вытаскивая их из волн. Тяжелораненых моряков переносили на дверях, используемых как носилки. Остальные раненые шли сами. Все потерпевшие были размещены в буддийском храме Нан Тэндзи, в начальной школе и в некоторых домах деревни Казино.

Позже пострадавших разместили в другой деревне — Осима, т. к. в деревне Казино их размещать было уже негде. Место катастрофы оказалось изолированным островом и не имело средств связи. 19 сентября, на следующий после катастрофы день, деревенский староста острова отправил несколько человек на ближайшую телеграфную станцию в 80 км от этого места в Танабэ, откуда о катастрофе было сообщено японскому правительству в Токио, местным чиновникам округа Вакаяма и двум газетам — *“Tokyo Nichi-nichi Shimbun”* и *“Osaka Asahi Shimbun”*. Позже офицер по имени Хайдар, руководитель военно-морского оркестра Исмаил-бей, вместе с представителем деревни Осима Нидзо Хасидзумэ и полицейским Кимура были доставлены в Кобе на судне «Бате-мару», которое взяло на борт пострадавших из порта Осима.

Большую помощь в спасении моряков оказал немецкий корабль «Вольф», который находился в Корее, но по просьбе немецкого консула в Кобе под командованием капитана Греднера сразу же (20 сентября) приплыл в Осиму, чтобы транспортировать в Кобе потерпевших крушение, а позже участвовал в подъеме останков фрегата. Доставленные на судне турецкие моряки были размещены в гостинице «Тиутей» в Итикаве, а офицеры фрегата — в доме местного жителя Кано на берегу моря.

23 сентября 1890 г. газета *“Tokyo Nichi-Nichi Shimbun”* уточнила, что крушение произошло 16 сентября 1890 г. и 69 человек спаслись. Узнав об этой катастрофе, министр иностранных дел Японии Аоки Сюдзо послал телеграмму министру иностранных дел Турции с выражением соболезнования. Министерство военно-морского флота Японии

инструктировало военно-морскую базу в Йокосуке провести спасательную операцию, которая была поручена администрации префектуры Вакаяма. Линкор «Яедзанго» был послан в район Кусимото — Осима, чтобы определить место крушения. 19 сентября министерство иностранных дел Японии отправило помощника по международным отношениям Мацуи поездом в Вакаяму, чтобы инспектировать сложившуюся ситуацию. Добровольцы и сотрудники газет “*Tokyo Nichi-Nichi Shimbun*” и “*JiJi Shimbun*” развернули кампанию по сбору средств для оказания помощи пострадавшим.

В статье в “*Tokyo Nichi-Nichi Shimbun*” от 23 сентября 1890 г. были отражены искренние чувства японцев в отношении пострадавших: «Что следует сделать для несчастных пострадавших в кораблекрушении? Крайне трагична история того, что 16 сентября турецкий военный корабль «Эртугрул» затонул в районе рифов Кюсю, Кимано, а чрезвычайный посланник Осман-паша, командующий кораблем, и более 580 моряков утонули. Корабль с успехом совершил миссию как представитель Османской империи, но вынужден был оставаться в бухте Нагаура из-за эпидемии холеры, которая разразилась среди членов команды. Они были счастливы, когда покидали Йокогаму, чтобы вернуться на родину. Мы сейчас понимаем, насколько это печальное событие. Насколько ужасна ситуация, в которой они оказались после того, как их корабль потерпел крушение во время тайфуна! Они ожидали возвращения домой, к своим отцам, матерям, женам, детям, братьям, сестрам, родственникам и друзьям, мы сожалеем, что они утонули при таких ужасающих обстоятельствах.

Понимая, что эти пострадавшие нуждаются в поддержке, мы начали кампанию помощи... Наблюдая за общественным мнением, можно отметить, что не осталось ни одного человека, который бы остался равнодушным к этой трагедии. Спасшиеся моряки, более 60 человек, нуждаются в еде, одежде, и они хотят вернуться на родину. Кампания помощи пострадавшим, которую мы организовали, уже получила благожелательный отклик, но нужно осуществить и другие планы. Этот турецкий корабль в дружеских целях пересек все океаны, чтобы наградить нашего Императора. Они были гостями нашей страны, которыми необходимо дорожить. Посланник, капитан корабля и большинство членов команды утонули, а спасшиеся находятся сейчас в плачевном состоянии, многие из которых получили серьезные ранения.

Более того, так как между Турцией и Японией не существует договора, и, таким образом, нет ни посольства, ни консульства¹, мы считаем, что это должно быть ответственностью нашего правительства обеспечить их размещение, предоставить одежду и еду пострадавшим, наряду с организацией их возвращения на родину. Нам стало известно, что наш Император послал своих представителей, чтобы утешить этих людей, и мы уверены и надеемся, что наше правительство защитит этих несчастных пострадавших наилучшим образом.

В любом случае это обязанность нашего правительства—предоставить им лучшее содействие, поскольку корабль, который потерпел крушение, был послан в Японию турецким императором благодаря его симпатии и дружбе по отношению к нашей стране и нашему Императору. Такие действия обеспечат хорошую возможность показать внешнему миру щедрость и добрую волю Японии, и если не будет возможности вернуть потерпевших в Турцию на военном корабле, нашему правительству следует покрыть расходы за проезд потерпевших для возвращения их на родину» [Arik Umut, 1991: 28].

24 сентября 1890 г. в газете *“JiJi Shimbun”* была напечатана переводная статья под заголовком «Вновь об отправке жертв кораблекрушения в Турцию». В ней критиковались запоздалые действия японского флота в спасении турецких моряков, выживших в кораблекрушении, в отличие от действий германского флота, оказавшего им реальную помощь. Кроме того, газета опубликовала сообщение, что министерство иностранных дел Японии получило предложение из России отправить выживших турецких моряков на российских судах обратно в Османскую империю. Это вызвало шквал критики в адрес властей, и газета выступила с требованием отправить турецких моряков на японских судах, чтобы «сохранить честь Японии». Другие газеты на следующий день сразу же присоединились к *“JiJi Shimbun”*. Они напечатали критические статьи в адрес японского министерства иностранных дел и выражали поддержку военно-морскому ведомству Японии. Общественное мнение в стране также выступало с требованием, чтобы пострадавшие были отправлены обратно на японских судах. Как подчеркивает японский историк Нобуо Мисава, «это, скорее, была вспышка «национа-

¹ Дипломатические отношения между Японией и Турцией были установлены в 1924 г. Обмен посольствами состоялся в 1925 г.

лизма», а не «симпатии» к неевропейской стране или «гуманизма» по отношению к иностранным странам в одностороннем порядке» [Misawa, 2003: 9].

Инцидент с судном «Нормантон»

Необходимо отметить, что в тот период в Японии существовала определенная враждебность по отношению к Европе в связи с проблемой неравноправных договоров, заключенных с Японией — выгодных иностранным странам в одностороннем порядке. В этой связи будет уместно вспомнить еще одну морскую катастрофу у полуострова Кии за четыре года до крушения «Эртугрула», которая обострила восприятие японцами дискриминации со стороны Запада. В этом инциденте британское грузовое судно «Нормантон» затонуло во время шторма на пути из Йокогамы в Кобе в октябре 1886 г.

На борту 240-тонного «Нормантона» находились 38 членов экипажа и 25 пассажиров. Его британский капитан и 25 других европейских членов экипажа — британцы и немцы — поднялись на борт спасательных шлюпок и направились в безопасное место. А 25 пассажиров — все японцы и 12 членов экипажа из других стран Азии — индийцы и китайцы — погибли в море. Члены японского правительства были потрясены несправедливым отношением к судьбе азиатов на борту «Нормантона». Однако неравноправные договоры, подписанные ими с западными державами, лишали их права привлекать капитана и экипаж к суду.

По настоянию японцев британцы провели слушание в своем консульстве в Кобе. Выводы разбирательства дела спустя шесть месяцев после этого привели к порицанию капитана и полному оправданию других европейских членов экипажа. Итоги слушаний вызвали возмущение в японском обществе. Люди призывали свое правительство отменить положения договора, наделявшие консульства западных стран судебными полномочиями. Реакция общественности была столь бурной, что сильно смутила правительство страны. Великобритания в конце концов заключила договор с Японией в 1894 г., который признал полномочия японских судов привлекать к судебной ответственности британских подданных, и другие западные державы последовали ее примеру [Murakami, 2015].

Японские корветы «Хизй» и «Конго»

В случае же с пострадавшими моряками фрегата «Эртугрул» император Японии и японское правительство провели официальные встречи на разных уровнях, обсуждая вопросы оказания помощи турецким морякам. Император послал помощника гофмейстера доктора Сума Кацура и 13 медсестер в Кобе для оказания помощи раненым. Обнаруженные в начале XXI в. документы в храме на полуострове Кии близ Осимы пролили новый свет на события, последовавшие за катастрофой «Эртугрула». Документ представляет собой копию письма трех японских врачей, которые ухаживали за выжившими на острове, написанного в ответ на просьбу Турции представить счет за оказанную ими помощь. Врачи отклонили эту просьбу, заявив, что они просто действовали из сострадания и никогда не собирались брать плату за свои услуги [Murakami, 2015].

Кульминацией публичных требований стало решение императора отправить в Османскую империю два корвета — «Хизй» и «Конго» с жертвами крушения фрегата «Эртугрул» в количестве 69 человек после выздоровления раненых. Правительство одобрило расходование на эти цели значительной суммы в размере 126 487,60 иен, несмотря на финансовые трудности в стране [Misawa, 2003: 51]. Как уже упоминалось ранее, газете “*JiJi Shimbun*” удалось собрать значительную сумму пожертвований, что явилось первым случаем сбора денег в Японии для жертв иностранных государств. Ни одна из газет, участвовавших в этой кампании, не смогла принять решение о способе перечисления собранных средств. Самый простой способ представлялся как передача наличных денег непосредственно выжившим морякам, возвращавшимся на родину. Именно так поступила газета “*Kobe Yusin Nippo*” (местная газета в Кобе — городе, где о выживших заботились до тех пор, пока они не покинули Японию), передав турецким морякам сумму в размере 537,5 иен при посредничестве управления префектуры Хёго [Misawa, 2012: 54].

Газета же “*JiJi Shimbun*” приняла спонтанное решение отправить штатного журналиста на борту корвета «Хизй» в Турцию и доставить денежный перевод непосредственно в соответствующий орган Османской империи, обменяв всю собранную сумму пожертвований на иностранную валюту в пересчете на французские франки в банке

Yokohama Shokin Bank. Эта важная миссия была возложена на Сётаро Ноду, который также должен был отправлять в Японию репортажи с борта корвета. Пожертвования, собранные газетой, составили 4 248, 976 иен¹ (в эту сумму входил и значительный вклад военно-морских кругов в размере 1 500 иен) [Misawa, 2007: 93].

Корветы «Конго» и «Хиэй» вышли из Японии 10 октября 1890 г., о чем было доложено министру императорского двора Хидзиката Хисамото губернатором Хёго Наяси 11 октября 1890 г. [Tadashi Takahashi, 1978: 133]. После почти двухмесячного плавания два японских корвета пересекли Суэц 18 декабря 1890 г. и прибыли в Эгейское море в конце декабря 1890 г. Они были встречены в Безикской бухте турецким военным кораблем «Ярхизар» с традиционными церемониями. «Конго» и «Хиэй» были эскортированы в порт Измир, чтобы получить официальное разрешение султана на проход через пролив Дарданеллы. Разрешение было получено, корабли через внутреннее Мраморное море 2 января 1891 г. прибыли в Стамбул и опустили якоря напротив Дворца Долмабахче на Босфоре. Капитаном «Хиэя» был военно-морской капитан Цунацунэ Танака, а «Конго» — Соносукэ Хидэка. Они также привезли приветственное письмо и подарки от императора Муцухито.

Султан Абдулхамид II предоставил дворец Долмабахче японским офицерам, и после церемонии приема и праздничных мероприятий каждый вечер устраивались специальные банкеты в их честь. Султан дал аудиенцию японским офицерам, чтобы получить приветственное послание и подарки японского императора, и наградил их орденом Меджидие 2-й степени². В то же время он издал декрет об оказании содействия и помощи семьям офицеров и команды «Эртугрула», затонувшего в Японии, и выплате дополнительного вознаграждения в качестве специального жалованья выжившим в кораблекрушении. Офицеры и их семьи получили 120 курушей (пиастров) каждый, а матросы — 100 курушей каждый [Arik Umut, 1991: 40]. Что касается японских пожертвований,

¹ Таким образом, общая сумма японских пожертвований достигла примерно 5000 иен (18907,94 французских франков). По цене риса, как принято в японской историографии, она соответствовала 70 000 000 иен в 2011 г. или 400 000 YTL (в новых турецких лирах). “*Ji Ji Shinbun*” удалось собрать 85% от общей суммы [Misawa, 2008].

² Османский орден был учрежден в 1852 г. султаном Абдул-Меджидом I и носит его имя. Стал одной из наиболее характерных наград Османской империи.

то японский журналист Сётаро Нода вручил Хасану Ризе-паше, председателю комитета по оказанию помощи семьям погибших, созданному в военно-морском министерстве Османской империи, денежный перевод и письмо со списком доноров¹.

Японские моряки были встречены местным населением с огромным энтузиазмом и демонстрациями искренней симпатии. Они оставались в Стамбуле в течение 49 дней и отправились в Японию с такой же церемонией и протоколом, возвратившись в порт Синагава в Токио 10 мая 1891 г. Одновременно японское правительство также направило в Турцию на французском корабле спасенное с затонувшего фрегата «Эртугрул» оружие и боеприпасы: 8 пушек Круппа, 2 пушечных ядра, 4 пушки Армстронга, 4 пушки Гочкиса, 2 торпеды, 182 ружья, 24 пистолета, 6 мечей, 71 штык, разнообразные иностранные монеты, знаки отличия и т. п. Были названы фамилии тех, кто помогал в этой спасательной операции: Дзидзо Хасадзумэ из Осима, Рейдзо Ямасима из Йокогамы, Дзунити Кагава, Арита Киитиро, ФудзиEMON Омэцу из Хёго [Arik Umut, 1991: 40].

Император Абдулхамид II дал поручение своему личному адъютанту майору Мехмет-бею отправиться в Японию в знак благодарности за помощь и содействие, предоставленное команде фрегата. Ему также было поручено в качестве подарка императору Японии привезти двух арабских скакунов редкой породы [Arik Umut, 1991: 41]. Мехмет-бей прибыл в Японию в мае 1892 г. В Японии его сопровождал главный конюх императорского двора Фудзинами. Они посетили ряд городов Японии, в том числе Хаконэ, Нагойю, Киото и Осаку, после чего Мехмет-бей отправился в Турцию на корабле из порта Кобе [Arik Umut, 1991: 41].

Заключение

В изучении истории японо-турецких отношений принято считать, что кораблекрушение «Эртугрула», которое входит в число 17 самых известных и трагических кораблекрушений в истории человечества, явилось краеугольным камнем в развитии двусторонних отношений между двумя странами. Несмотря на то, что эти события вызвали всплеск эмоций в Японии и чувство благодарности в Турции, это, однако, не при-

¹ Все документы сохранились в Османских архивах в Стамбуле.

Илл. 3. Мемориал в Кусимото
<https://File:Kushimoto-toruko-ireihi1.jpg>

вело непосредственно к установлению дипломатических отношений между ними. Цель Османской империи в осуществлении миссии фрегата «Эртугрул» состояла не только в том, чтобы выразить «уважение» Японии, но и в том, чтобы пропагандировать духовную власть султана, носившего титул халифа, над всеми мусульманами на пути к Японии.

Как отмечает российский историк А. М. Абидулин, «даже, несмотря на кораблекрушение «Эртугрула», миссия фрегата в Японию имела для султана Абдулхамида II и для всей Османской империи большое значение в плане установления и развития дружественных связей с Японией и другими государствами, в особенности с мусульманскими странами, в порты которых заходил фрегат. Трагическое завершение миссии «Эртугрула» не только не смогло снизить ее значение, но и придало ей особый резонанс как в Японии, так и в странах Восточной Азии» [Абидулин, 2015: 31]. В Японии события, связанные с «Эртугрулом», создали сильное общественное мнение, которое признало, что на самом деле программа

японского правительства по спасению турецких моряков провалилась. Император приказал послать японский линкор «Яэяма», чтобы вернуть всех выживших в Токио. Но во время медленной подготовки его к отплытию немецкий линкор «Вольф» спас выживших без какой-либо просьбы японского правительства.

Вместе с тем эти трагические события вызвали в японском народе истинные чувства сострадания и сочувствия, проявившиеся при спасении и возвращении в Стамбул выживших членов команды фрегата «Эртугрул». Сбор пожертвований для турецких моряков, а также сбор средств на строительство мемориала с кладбищем, где были захоронены более 150 турецких моряков в городе Кусимото, были с благодарностью восприняты турецким народом. По заявлению бывшего премьер-министра Турции А. Давутоглу, «этот исторический факт очень дорог для Турции и отражает искренность отношений между нашими народами» [Anadolu Post, 2015]. Отдавая дань памяти и уважения морякам «Эртугрула», с 1891 г. каждые пять лет в день крушения фрегата на месте мемориала (Илл. 3) проводятся торжественные мероприятия с участием официальных лиц обеих стран.

В 2013 г. между двумя странами была достигнута договоренность о создании совместного фильма, посвященного трагедии, связанной с фрегатом. В декабре 2015 г. совместный фильм «Кораблекрушение 1890» («Эртугрул-1890» — в турецком варианте), режиссером которого явился Мицутоси Танака, вышел на экраны двух стран и с успехом демонстрировался в 309 кинотеатрах Японии и 300 кинотеатрах Турции. В этой связи следует упомянуть и публикацию в Японии в 2003 г. детской книги, посвященной вышеназванным событиям, основной акцент в которой был сделан на доброте и верности японского и турецкого народов. Книга была рекомендована для чтения в 5 и 6 классах начальной школы Японии. Вслед за этим в Японии был организован конкурс среди учеников на лучшую рецензию на эту книгу. Таким образом, эта трагическая страница в истории японо-турецких отношений стала своего рода символом дружбы между двумя народами.

ГЛАВА 10

«НУЖДЫ ГОРОДА ... ОБШИРНЫ И ВЕЛИКИ...». ГУМАНИТАРНЫЙ КРИЗИС В ЭРЗЕРУМЕ И МЕРЫ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПО ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЮ В 1916–1917 гг.

Гуманитарный кризис — это единичное событие или серия событий, представляющих угрозу жизни, благополучию и безопасности значительного по численности сообщества людей. Причины могут быть разнообразны — природные и техногенные катастрофы, чрезвычайные ситуации и пр. Гуманитарный кризис является неизбежным фактором для урбанизированных территорий, затронутых военными действиями, когда гражданское население, не сумевшее в силу различных причин покинуть зону боевых действий, страдает от голода, суровых погодноклиматических явлений, эпидемий, превращается в беженцев и т.п. Подобная ситуация сложилась в тылу российской императорской армии на Кавказском фронте Первой мировой войны после овладения значительными территориями Северо-Восточной Анатолии.

Наступление русской армии на Кавказском фронте Первой мировой войны в январе-феврале 1916 г. завершилось крупными территориальными приобретениями на востоке Анатолии. Были захвачены крупные и важные региональные центры Эрзерум и Трабзон, обеспечивавшие контроль над ключевыми логистическими маршрутами от побережья Черного моря на юг и далее, в Месопотамскую низменность, и с запада на восток, из центральных областей Турции к границе с Ираном. Крупнейшим и наиболее стратегически значимым городом являлся Эрзерум. Обладание им позволяло российским войскам закрепиться у истоков Тигра и Евфрата,

получив в городе базу для дальнейших операций на Ближнем Востоке и в направлении средиземноморского побережья.

Многие военные востоковеды и исследователи обращали внимание на стратегическое значение Эрзерума. Однако мало кто задавался вопросом об управлении городом в условиях вызванного военными действиями социального и экономического кризиса. Необходимо отметить, что в руки российских войск попал довольно крупный и густонаселенный город. По некоторым данным, население Эрзерума на 1914–1915 гг. составляло до 100 тысяч человек. Этнический состав его был довольно пестрым. Исследователи приводят различные оценки численности представителей армянского, турецкого и курдского этносов, поэтому невозможно уверенно говорить о численном преобладании того или иного народа. Однако в результате боевых действий город переживал кризис, и от половины до двух третей его населения покинуло свои дома. По данным российской военной администрации, в 1916 г. в городе оставалось около 30 000 человек. Примерно такое же количество беженцев находилось в его окрестностях.

Военным пришлось взять на себя несвойственные им функции муниципального управления и кризис-менеджмента нарушенного войной городского хозяйства. К концу 1916 г. остро встал вопрос о том, как улучшить управление городом.

Первоначально Эрзерум находился в ведении исключительно военных властей. Приказом военного губернатора областей Турции, занятых по праву войны, за № 170 весной 1916 г. было учреждено военное городское управление во главе с ротмистром Нагайбаковым. Предполагалось, что этот орган городской администрации будет осуществлять всю полноту власти в захваченном городе. Однако вскоре выяснилось, что Эрзерум еще до начала Первой мировой войны столкнулся с рядом проблем, которые к моменту активных боевых действий достигли своего пика, породив гуманитарный кризис.

Руководство во главе с ротмистром Нагайбаковым оказалось не готово к управлению сложной системой восточного города. В ведение военной администрации первоначально входили госпитали и обеспечение военных частей, расквартированных в городе, а также поддержание порядка [РГВИА¹. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 41. Л. 126–127]. Вскоре

¹ Здесь и далее — Российский государственный военно-исторический архив.

к этому списку добавились многочисленные нужды местного населения. Жители нуждались в топливе и продовольствии, медикаментах, семенном фонде.

Для решения этих проблем российская администрация была вынуждена создать представительный орган городского самоуправления, состоявший из 7 человек (3 армянина, 3 турка, председатель-турок), который фактически управлял гражданской частью городского хозяйства. В Эрзеруме сложилась своеобразная система управления, при которой военная администрация ведала вопросами организации военного порядка и снабжения частей действующей армии, находившихся в городе; орган городского самоуправления из местных жителей занимался сбором налогов и решением насущных проблем местного населения [РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 41. Л. 127–127 об.]. Необходимо отметить, что обе структуры работали во взаимодействии, дополняя друг друга, а военные мало вмешивались в повседневную жизнь города. Фактически в городе сложилось определенное двоевластие, которое, тем не менее, до некоторого времени обе стороны удовлетворяло и было вызвано необходимостью вести эффективные боевые действия.

На социально-политическую обстановку в городе влияла борьба за власть в штабе Кавказской армии. Так, Главнокомандующий армией на Кавказе Великий князь Николай Николаевич Младший (1856–1929) полагал, что необходимо разделять функции военных и гражданских властей. В то же время начальник штаба Кавказской армии генерал Н. Н. Юденич (1862–1933), исходя из своего видения ситуации на фронте и в тылу, требовал подчинить штабу армии и гражданские органы власти. В результате острой борьбы мнений 5 июня 1916 г. император Николай II утвердил предложенное ему «Временное положение по управлению территориями Турции, занятых по праву войны» [Хутарев-Гарнишевский, 2020: 235–236].

Положением было предусмотрено образование по мере необходимости военных генерал-губернаторств на территориях противника, занятых в ходе боевых действий. Они должны были весть организацией местного управления, наблюдением за порядком на занятых территориях, контролем над местной администрацией, поступлением налогов и исполнением повинностей населением. Планировалось, что после установления мира военные должны будут передать власть гражданской администрации.

Военным генерал-губернатором завоеванных областей Турции был назначен Н. Н. Пешков (1857–1917). К концу 1916 г. состоявшему при нем офицером для поручений генералу М. Н. Дрягину было поручено провести инспекцию Эрзерума как наиболее важного города захваченных территорий [РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 41. Л. 126].

Выступив с определенной критикой деятельности ротмистра Нагайбакова, генерал Дрягин отмечал, что «нужды города Эрзерума так обширны и велики, что составить в настоящее время какие-либо предположения не представляется решительно никакой возможности».

Установленная первыми военными властями города гражданская администрация планомерной работы не вела, ограничиваясь неупорядоченным сбором налогов с местного населения. Решения требовала и нехватка продовольствия. Из-за растянутости коммуникаций снабжение армии всем необходимым становилось чрезмерно дорогим. Начались перебои в поставках продовольствия, которые затрагивали и военных, и гражданское население. Образованный Нагайбаковым продовольственный комитет, во главу которого им был назначен лояльный российской власти горожанин, пытался снабжать оставшееся в городе население продуктами, которых катастрофически не хватало.

По свидетельствам очевидцев, «местное население старательно просеивало лошадиный кал по войсковым дорогам, ибо среди него находились не переваренные лошадиными желудками зерна ячменя, которые и шли в пищу» [Литвинов, 2017: 609].

Вопрос об обеспечении Эрзерума продовольствием был решен только в начале 1917 г., когда туда стали прибывать первые партии муки. Сдвинуть с мертвой точки дело о порядке снабжения города продовольствием помогла смена состава членов продовольственного комитета, во главе которого были поставлены местный полицмейстер и военное начальство. Дрягин робко полагал, что «если не встретится никаких задержек в доставлении предназначенного количества муки, то есть полная надежда, что население голодать не будет» [РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 41. Л. 128]. Отдельно был поднят вопрос о пополнении семенного фонда и закупке зерна для посевов. В пределах округа Эрзерума такого зерна достать было невозможно, и приходилось закупать его на Северном Кавказе [РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 41. Л. 128 об.].

В Эрзеруме также начался энергетический кризис, связанный с нехваткой топлива для городских помещений. Особую остроту он

приобрел в осенне-зимний период 1916–1917 гг. Нехватка топлива привела к тому, что находившиеся в городе солдаты стали ломать мебель и внутреннюю отделку комнат на дрова. Ситуация приобрела настолько катастрофический характер, что солдаты разбирали имевшиеся полуразрушенные и пустые дома в надежде использовать их древесину для обогрева [РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 41. Л. 100].

По статистике русской администрации, к середине 1916 г. в Эрзеруме насчитывалось всего 9350 зданий. Уцелело к моменту захвата русскими 7213 (примерно 77%) и разрушено 2137 (т.е. примерно 23%) [РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 41. Л. 132 об.]. Слом брошенных домов привел к ожесточенной дискуссии среди русской администрации города, которая рассчитывала на скорое возвращение в Эрзерум части жителей.

Возник вопрос о том, как компенсировать хозяевам разрушенный дом, если те, вернувшись, предъявят на него документы? Кроме того, в брошенных помещениях предполагалось обустроить на зиму христианских и мусульманских беженцев, которых в окрестностях города насчитывалось более 30000. В итоге было решено запретить слом пустых домов, ограничившись разбором на топливо разрушенных или частично разрушенных строений, не допуская порчи их внутреннего убранства.

К концу 1916 г. русские военные власти обнаружили месторождение бурых углей в 40 км к юго-западу от Эрзерума, в окрестностях Мемахатунa (современного Терджана). Хотя качество угля было признано чрезвычайно низким, была начата разработка месторождения для ликвидации топливно-энергетического кризиса в городе. Специально для снабжения города углем была построена «декавильевская» железная дорога, по которой вагонетками на конной тяге начали постепенно подвозить уголь в Эрзерум [РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 41. Л. 115].

Кроме трудностей с провизией и топливом, в городе была еще одна серьезная проблема — чрезвычайная антисанитария. Решение этой проблемы предполагалось начать с составления четкого плана города и его улиц. Российская администрация предполагала в будущем вымостить улицы камнем. В январе-феврале 1917 г. отмечалось, что пока администрация вынуждена вести дорогостоящую работу по уборке улиц от грязи, льда, мусора, по сути тратя средства и силы на борьбу с последствиями природных явлений и жизнедеятельности людей. Из-за скученности домов, отсутствия водосточных канав и узости улиц эти меры не давали должного эффекта и были весьма дорогостоящими. Одновременно

с мощением улиц предполагалось построить современную канализационную сеть. Только такими практически одновременными мероприятиями можно было добиться улучшения санитарной ситуации в городе [РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 41. Л. 128–128 об.].

К моменту перехода Эрзерума в руки русской армии в городе имела существовавшая еще при турецком правительстве небольшая канализационная сеть. По свидетельствам местных жителей, это были три закрытые канализационные магистрали, в которые сливались городские стоки.

Для снабжения Эрзерума водой использовались как местные родники, находившиеся в черте города, так и родники, вытекающие из горных массивов Паландёкен, Тюрбе-дереси, Агзы-ачик. Вода доставлялась по системе водопроводных труб, изготовленных из глины, дерева и камней, сложенных без какой-либо обмазки и изоляции. Деревянные трубы находились в аварийном состоянии и практически сгнили, а древесину для их ремонта было невозможно найти. В результате вода из этих труб выходила малопригодной для питья.

Проблем добавляло и то, что в сложенные из камней трубы поступала не только родниковая вода, но и окрестные сточные воды, особенно в весеннее и осеннее время. Дождевые и бытовые стоки, а также нечистоты попадали в них, смешиваясь с чистой водой. В результате вода, которая поступала в город, считалась небезопасной и служила источником тифа и холеры. Выход из ситуации царская администрация видела в замене всех водопроводов на сделанные из гончарных труб, однако на такую переделку требовались большие средства [РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 41. Л. 128–128 об.].

По сведениям царской военной администрации, поддержание городского водопровода в исправном состоянии было важно для функционирования канализации Эрзерума. Вода циркулировала в водопроводной сети непрерывно: избыток воды стекал в канализацию, омывал и очищал ее, унося с собою попадающиеся по пути нечистоты [РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 41. Л. 128].

После захвата города российские военные предприняли срочный ремонт водопровода, который, однако, оказался недостаточным. Инженер Романов, руководивший разработкой угольных копей, выполнил текущий ремонт водопроводно-канализационной системы. Уже менее чем через год ремонт потребовался опять. Еще один инженер

по фамилии Фатусов предложил план радикальной перестройки города. Предполагалось почти полностью снести старые постройки, выстроив архитектуру Эрзерума вокруг двух сходящихся на центральной площади перпендикулярных проспектов, проложить новый водопровод и канализацию. Однако в военное время подобный проект сочли нереализуемым в связи с дороговизной [РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 41. Л. 128 об.].

Особое внимание российских властей привлекало плачевное состояние местной скотобойни. Уровень антисанитарии был настолько высок, что не удовлетворял даже минимальным санитарно-гигиеническим требованиям. Ее стены были местами полуразрушены. В большей части помещений полы были земляными, а там, где пол был выложен из камня, его нельзя было очистить надлежащим образом из-за особенности кладки. Между камнями оставались большие щели, где скапливались и гнили отбросы; все было загрязнено до такой степени, что трупный запах носился во всех помещениях [РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 41. Л. 132]. В результате в соответствии с существующими требованиями санитарии и гигиены скотобойню было необходимо отремонтировать.

Недовольные состоянием канализации, водопровода, городской скотобойни, уборкой улиц и существующим планом города, чрезмерно скученным и плохо спроектированным, российские власти намеревались решить стоящий перед ними ворох проблем радикально, перестроив город. Признавалось, что в военное время амбициозный план прокладки новых широких проспектов, создания площадей и европейских кварталов был неосуществим из-за нехватки денег. Иными словами, восстановление города и его перепланировка требовали существенных затрат.

После длительного изучения проблем города был составлен план его восстановления и возвращения к нормальной жизни. Эрзерум считался потенциально богатым городом. Учитывая, что в проекте реформы городского управления были заложены более низкие налоги по сравнению с османскими, русские власти рассчитывали на бурный экономический рост после войны. Планировалось, что источником доходов администрации станут налоги с торговли и недвижимости [РГВИА. Ф. 13227. Д. 41. Лл. 128–131].

Весьма заинтересовало русские власти то обстоятельство, что по сведениям, полученным ими, до захвата города содержание канализации и источников питьевой воды осуществлялось за счет части городских

*вакфов*¹. В этой связи в Российском государственном военно-историческом архиве наше внимание привлекло малоизвестное, но весьма объемное дело, озаглавленное «Опись вакуфных владений города Эрзерум» [РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 150. Лл. 1–45]. Русская администрация Эрзерума попыталась учесть все существовавшие в городе вакфы, их состояние и реальные доходы. Так среди русской администрации появилась идея поэтапного обустройства города путем направления доходов от вакфов на перестройку городской канализации и водопровода. Институт вакфов не был нов для русской администрации, которая понимала его суть и имела опыт их административного регулирования в Туркестане и на Кавказе.

Итоги проверки городского вакфного хозяйства позволили некоторым русским чиновникам утверждать, что «Эрзерум — город вакфов». Однако задуманный план благоустройства городской канализации и водопровода с помощью вакфных доходов не удался. Экономическое положение владельцев вакфов ухудшилось в результате ухода большей части населения из города. Оставшиеся вакфы не давали уже того дохода, что был раньше. Часть имамов, муэдзинов и мутевелли сами оказались на грани голода и обратились в связи с этим за помощью к русским властям [РГВИА. Ф. 13227. Оп. 1. Д. 119]. Многие вопросы дальнейшего городского благоустройства оставались в центре внимания властей вплоть до ухода русской армии из города в конце 1917 г., но так и не были решены.

Опыт управления Эрзерумом в годы Первой мировой войны показывает, как кризисные явления во время боевых действий оказывали влияние на образ жизни местного населения. Борьба с голодом, болезнями, нехваткой топлива, угрожавшими местному гражданскому населению, первоначально не рассматривалась российской военной администрацией как первостепенная задача. Однако по мере нарастания кризисных явлений все большее количество людей оказывалось вовлеченным в них. Катастрофические последствия военных разрушений оказывали

¹ Вакф — в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. В вакф может входить как недвижимое, так и движимое неотчуждаемое имущество, но лишь приносящее пользу (доход) и нерасходуемое (например, в вакф не могут быть переданы деньги). Посвящающий своё имущество в вакф называется *учредителем* вакфа [Али-заде, 2007: 144].

негативное воздействие не только на местных жителей, но и на армию, подразделения которой были расквартированы в городе и так же страдали от эпидемий тифа и холеры, нехватки продовольствия и холода. Это вынудило временную военную администрацию искать пути решения насущных проблем. Тотальная нехватка финансовых средств и материальных ресурсов привела к тому, что радикальное решение проблемы так и не было найдено. Кризис продолжался до завершения боевых действий, а, по словам местных жителей, его последствия ощущались еще долгое время.

ГЛАВА 11

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ КУЛЬТУРТРЕГЕРЫ ПРОТИВ «БИЧА УЛУСА»: ПРОБЛЕМА СИФИЛИСА У КОЧЕВЫХ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО ТРАНСГРАНИЧЬЯ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1920-е гг.¹

Где ж вы, те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис лечит,
Что в киргизских степях получил.
С.А. Есенин (1922)

Введение

В черед е эпидемий и катастроф, терзавших народы по обе стороны геополитического лимитрофа² России в Восточной и Центральной Азии в XIX и XX вв., сифилис (люэс) занимает особое положение. Начать

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и культурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» № 121031000243-5.

² Геополитический термин, в данном значении впервые введенный В. Л. Цымбурским в конце 1990-х гг. Изначально римское обозначение дислокации пограничных войск, в понимании Цымбурского «лимитроф» обозначал совокупность приграничных государств, географически прилежащих к определенной великой державе. См.: Комлева Н.А. Лимитроф в современном геополитическом процессе. Электр. науч. изд-е Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 3. Вып. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/limitrof-v-sovremennom-geopoliticheskom-protseesse> (дата обращения: 25.06.2023). Интересующая нас в контексте данного исследования часть геополитического лимитрофа СССР — населенные преимущественно кочевыми монголами и тюркоязычными народами территории Монголии, Тувы и самой западной китайской провинции Синьцзян, в 1920-х гг. фактически ставшие советскими протекторатами.

нужно с того, что историки редко обращаются к этой проблеме, предпочитая фокусировать внимание на особо опасных инфекциях — холере, чуме, сибирской язве. Действительно, стремительные, как степной пожар, эпидемии чумы пожинали обильную скорбную «жатву» в Северо-Восточном Китае, Монголии, Синьцзяне [Lynteris, 2013, 2016; Михель, 2008б; Пироговская, 2012; Ратманов, 2009а; Супотницкий, Супотницкая, 2006], оставляя после себя неизгладимые следы психологической и культурной травмы в исторической памяти. Холерные волны, накатывавшиеся то из глубин Индии, то с юго-восточного побережья Китая, отмечены в мировой медицинской и исторической науке значительным, регулярно пополняющимся пластом исследований [Михель, 2008а; Михель, 2009; Ратманов, 2008а; Ратманов, 2008б; Ратманов, 2009б; Башкуев, 2013а; Башкуев, 2013б]. На этом фоне сифилис, оставивший не меньше изувеченных, обезображенных, умственно неполноценных, мало жизнеспособных жертв, оказался в «слепой зоне» исследовательской оптики новой истории медицины.

«Невидимость» опасной болезни обсуждалась западными культурными и социальными антропологами в контексте «викторианской эпохи» [Pietrzak-Franger, 2017: 4–11; Smith, 2004: 95–117], но редко становилась предметом дискуссии у монголоведов, востоковедов и тем более политических историков [Solomon, 1993; Solomon, 1995; Bashkuev, 2012; Bashkuev, 2013а; Bashkuev, 2013б]. Между тем детальное изучение истории сифилиса в трансграничье России в Восточной и Центральной Азии дает богатейший аналитический материал не только историкам медицины, культурологам и антропологам, но и специалистам в истории дипломатии, геополитики, нациестроительства. В предлагаемом исследовании я выделяю ключевые аспекты истории сифилиса в азиатском геополитическом лимитрофе России, повлиявшие на формирование межгосударственных отношений, международное медицинское взаимодействие, научный и технологический трансфер в области медицины в первой трети XX в. Предстоит ответить на ряд вопросов о процессах, в которых прямо или косвенно сифилис фигурировал в качестве осевого объекта трансграничного взаимодействия. Как болезнь, получившая в Европе ореол морального разложения и социокультурного декаданса, приобрела глубинные политические коннотации на границах России в Центральной Азии? Какими смыс-

лами наделяли проблему распространения сифилиса участники политического, медицинского и межкультурного взаимодействия с кочевыми народами трансграничья СССР, Восточной и Центральной Азии? Какими целями и задачами руководствовались советские медики и идеологи, борясь с сифилисом в бурятских и монгольских улусах? Как результаты этой борьбы трансформировались в политический капитал СССР и зачем они транслировались дальше, за пределы геополитического лимитрофа советского государства?

Сифилис в мире и азиатском лимитрофе России: историко-культурный очерк

Современные теории о генезисе и эволюции
венерического сифилиса

Даже с учетом колоссального прогресса медицины к третьей декаде XXI в. сифилис все еще остается опасным и широко распространенным заболеванием, постоянной головной болью венерологов всего мира. Это напрямую связано с его изменчивостью, способностью мимикрировать под симптомы других болезней, а также возможностью бессимптомного течения. Сам сифилитический патоген — *Treponema pallidum pallidum* (бледная трепонема) — долгое время в буквальном смысле скрывался от глаз исследователей, так как без особой технологии окраски (метод Романовского-Гимзе) он не виден в обычный световой микроскоп. Четыре подвида этого микроорганизма вызывают у человека тяжелые заболевания, носящие общее название «трепонематозы», но отличающиеся друг от друга ареалами распространения. Если основной трепонематоз — сифилис — распространен повсеместно, его «собратья» по группе — фрамбезия, пинта и беджель — известны гораздо меньше, так как встречаются в основном в южных и тропических широтах. Симптомами тропические трепонематозы напоминают сифилис, но путь передачи у них не половой, а бытовой, через поврежденную кожу и слизистые оболочки. Существование этих заболеваний, внешне напоминающих люэс, но не являющихся им, составляет лишь первый слой до сих пор не разгаданной тайны происхождения сифилиса и истории его «триумфального» шествия по Европе с конца XV в.

Среди историков медицины, физических антропологов, сифилидологов, палеопатологов не утихают споры о том, был ли сифилис принесен из Нового Света участниками экспедиции Х. Колумба или он существовал в Евразии с древности. Сторонники «заокеанского» происхождения венерического сифилиса убеждены, что тропическая фрамбезия превратилась в люэс в Северной Америке 1800–2000 лет назад, чему есть остеологические свидетельства. Опираясь на данные палеопатологических исследований, Б. Ротшильд определяет северной границей распространения фрамбезии горный хребет Моголлон, формирующий южную оконечность плато Колорадо, а одним из факторов мутации заболевания считает климатические изменения. Около 1500 лет назад сифилис проник на территорию Нью-Мексико, 800 лет назад — в Эквадор, 700 лет назад — во Флориду [Rothschild, 2005: 202]. Полуостров Флорида — ближайшая локация к точке первоначального контакта — острову Гаити, откуда, согласно гипотезе, корабли Колумба и привезли сифилис в Европу.

Теория о распространенности сифилиса в Евразии с древних времен тоже опирается на археологические материалы. В 1879 г. М. Парро опубликовал в «Ланцете» результаты палеопатологического исследования костных останков, относящихся к эпохе дольменов во Франции. Он пришел к выводу, что поражения костной ткани идентичны обнаруженным в Перу и Эквадоре и свидетельствуют о существовании врожденного сифилиса в Европе еще в доисторический период [Parrot, 1879: 698]. После этого «практически каждый французский антрополог обнаруживал сифилитические костные образцы» [Baker et al, 1988: 710], но оказалось, что Парро ошибся, приняв за сифилитические поражения проявления риккетсиоза [Baker et al, 1988: 710]. Найденные в Сибири большая берцовая, локтевая и лучевая кости с похожими на сифилис поражениями относятся к периоду 1000–800 гг. до н.э., но и датировка, и палеопатологические заключения не бесспорны [Baker et al, 1988: 711]. Проблема состоит и в том, что подобные поражения характерны для целого ряда других заболеваний, в том числе проказы, а также уже упоминавшихся невенерических трепонематозов.

Б. Ротшильд выделил два обстоятельства, подвергающие большим сомнениям все найденные в Евразии остеологические свидетельства существования сифилиса в эпоху до открытия Америки. Во-первых, среди них нет характерных для врожденного сифилиса «гетчинсонов-

ских» зубов¹. Во-вторых, нет убедительных образцов зародышевой ткани, свидетельствующих о наличии сифилиса. То, что О. Дюгур принял за периостальную реакцию (периостит, реакция надкостницы на воспалительный процесс), оказалось окаменевшими слизистыми оболочками плода [Rothschild, 2005: 201].

Третья, «унитарная» гипотеза, разработанная Т. Кокберном (1961) и Э. Хадсоном (1963), представляет все четыре трепонематоза как одно и то же заболевание, изменившееся под влиянием социокультурных факторов. Зародившись в тропической Африке как детская кожная болезнь (фрамбезия), с миграциями *Homo sapiens* на север и более активным использованием верхней одежды трепонематоз изменил привычную локализацию на коже и стал поражать более влажные, закрытые части человеческого тела (рот, гортань, подмышки, промежность). Начавшаяся около 4000 г. до н.э. урбанизация в Египте и Месопотамии способствовала улучшениям в личной и коммунальной гигиене (постоянный доступ к воде, использование мыла, отдельные места для сна). Это привело к тому, что дети перестали заражаться через непосредственный контакт кожных покровов. Поэтому самым распространенным способом передачи стал половой акт, обеспечивающий необходимые для заражения условия — влажность, тепло, трение и микротравмы слизистых оболочек. Так невенерическая фрамбезия превратилась в венерический сифилис [Baker et al, 1988: 704].

Не вдаваясь более в медицинские и остеологические подробности научного спора, отметим, что письменные свидетельства формируют наименее надежный корпус доказательств существования или отсутствия сифилиса в Евразии до 1493 г. Дело в том, что упоминавшиеся

¹ Зубы Гетчинсона (Hutchinson's teeth) — деформация постоянных верхних средних резцов с характерной полулунной выемкой, расположенной у свободного края зуба, либо с конфигурацией зуба, напоминающей отвертку вследствие расширения зуба на уровне шейки и сужения на свободном конце. Часть так называемой «Гетчинсоновской триады» — комбинации признаков позднего врожденного сифилиса (помимо деформации зубов включает паренхиматозный кератит и нервную глухоту). Симптомкомплекс назван по имени английского хирурга, офтальмолога и венеролога Джонатана Гетчинсона (Jonathan Hutchinson, 1828–1913). URL: <http://www.med-edu.ru/medenc/article/%D0%93%D0%B5%D1%82%D1%87%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D0%A2%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%B4%D0%B0.html> (дата обращения: 03.07.2023).

с ветхозаветных времен «кары божьи», включавшие незаживающие язвы, зловонные выделения, непрекращающийся зуд, слепоту и безумие могли представлять собой симптомы как сифилиса, так и других венерических болезней, а также проказы. Упомянутые в тибетском медицинском каноне «Чжуд-ши» (VIII–IX вв.) поражения кожи и половых органов [Миягашева, 2022: 388] могли являться симптомами как сифилиса, так и мягкого шанкра и даже гонореи. К тому же в трактате описывались болезни «тайных органов», которые не ограничиваются одним сифилисом, а представляют целый ряд инфекций с различными проявлениями.

Вскоре после первой масштабной эпидемии сифилиса во время французской осады Неаполя в 1495 г., когда наемники короля Карла VIII разнесли «неаполитанскую болезнь» по всей Европе, медики стали четко разграничивать симптомы хорошо известной проказы и новой «язвы». Уже в конце XV в., задолго до поэмы веронца Джироламо Фракасторо (1478–1553) *Syphilis sive Morbus Gallicus* (1525), давшей опасному недугу общеизвестное сегодня название, итальянские и испанские врачи издали несколько памфлетов и книг, описывающих люэс [Waugh, 1982: 92]. Миланские врачи, регулярно фиксировавшие смерти от проказы с 1452 г., с 1503 г. стали отдельно регистрировать смерти от «французской болезни», что говорит об умении распознавать ее симптомы [McGough, 2005: 573–574]. Вообще, с исторической точки зрения тот факт, что первая масштабная эпидемия сифилиса произошла в Италии, где существовала развитая письменная и книгопечатная традиция, многочисленная бюрократия и архивы, сильно облегчает изучение, по крайней мере, историко-культурного значения этой болезни для цивилизации.

Обилие письменных источников о сифилисе помогает оценить масштаб и глубину культурного шока, который он произвел на, казалось бы, переживавшее и худшие времена европейское общество. В общественном сознании сифилитики заменили собой социальных изгоев средневековья — прокаженных, бродивших в закрытых балахонах с колокольчиком в руках. Однако гораздо бо́льшая распространенность сифилиса по сравнению с проказой, его относительная незаметность на ранних стадиях или вообще бессимптомное протекание на протяжении всей жизни человека сделали невозможной полную изоляцию таких больных. В результате к XVII в. сифилис стал одной из самых распространенных болезней в Европе. Экспонирующаяся в стокгольмском Музее шведской

армии восковая фигура типичного дворянина XVII в. демонстрирует видимые следы сифилиса на лице, притом что Швеция в то время представляла собой экономическую и культурную периферию Европы.

В Московию, являвшуюся противоположным полюсом европейской периферии, сифилис попал, по-видимому, через соседнюю Речь Посполитую около 1499 г. [Jankauskas, 1989: 481]. О географии проникновения в определенной степени свидетельствует эвфемизм «польская болезнь». Вообще, все народы, столкнувшиеся с сифилисом, воспринимали его как нечто плохое, занесенное извне. Итальянцы и немцы называли люэс «галльской» или «французской болезнью», французы — «неаполитанской болезнью», голландцы и мавры — «испанской болезнью», португальцы — «кастильской болезнью», жители Ост-Индии и Японии — «португальской болезнью», турки — «французским» или «христианским злом», персы — «турецким злом» [Maatouk and Moutran, 2014: 307]. Сибирские аборигены называли сифилис «русской» или «купеческой болезнью». Для монголов и тибетцев сифилис был «китайской болезнью» или «китайской язвой» [Миягашева, 2022: 388]. «Кантонской язвой» иногда называли люэс японцы.

Очевидно, что сифилис не только передавался в результате интимных отношений, но и воспроизводил в сонме своих народных названий интимную природу соседских связей с их постоянной дружбой-враждой. Без первой не было бы тесных социально-экономических контактов, через которые и передавался патоген, а без второй — уничижительных коннотаций, неизменно носивших этнонациональную окраску. Приписывание происхождения «позорной» болезни соседу-поляку или чужаку-французу — не банальное оскорбление на национальной почве, а полноценный культурный конструкт, отражающий ряд важных смыслов. Здесь и иностранная природа недуга, и невинность страдающего, болезнь которого происходит от неких «французов», и прямое указание на их непрочные моральные установки.

Сифилис в России и Сибири в XVI–XIX вв.

В XVI–XVIII вв. пути и масштабы распространения сифилиса в России напоминали общеевропейские. Начиная с Ивана III, московские государи регулярно издавали указы о необходимости контроля над распространением опасной болезни. Поначалу это была «болезнь двorcов» и городов [Jankauskas, 1989: 481], где кипела социальная

жизнь и происходил обмен влияния и денег на услуги, в том числе интимные. Сифилис был также постоянным спутником международных связей: в Соловецких «Патериках» XVI–XVII вв. есть указания на венерические заболевания у поморов, занесенные иностранными моряками [Гусаков, Мавров, 2009: 61]. Позже, в XIX в. в заносе сифилиса в Северо-Восточную Сибирь подозревали экипажи иностранных торговых и китобойных судов, приходивших в Охотск. Советский венеролог С. Е. Гальперин считал, что сифилис в Сибирь занесли пленные шведы, интернированные в Тобольск после поражения в Полтавской битве в 1709 г. [Гусаков, Мавров, 2009: 72].

В петровскую эпоху сифилис широко распространился в русской армии. В 1711 г. Петр I издал указ о борьбе с проституцией, а в 1716 г. — указ о бесплатном лечении больных сифилисом военнотружущих (кроме офицеров). С последних взималась плата в соответствии с их званием [Эпидемия сифилиса, 2012]. Озабоченность государя распространением опасной болезни в войсках — одно из первых проявлений политического значения болезни. Любимые детища Петра — армия и флот — были опорой престола, а в послепетровскую эпоху — важным инструментом политической борьбы. Поэтому контроль над болезнями, подтачивавшими этот социальный организм, являлся одним из приоритетов имперской медицинской политики. Тем не менее к 1864 г. венерические болезни все равно стояли на втором месте по распространенности в русском военно-морском флоте после «лихорадок», «горячек» и «острых сыпей» [Завьялов, 2008: 54].

Особую, хотя и своеобразную, заботу о продажных женщинах проявила Екатерина II. В 1763 г. она лично присутствовала на заседании Сената, где обсуждались меры против распространения сифилиса в империи. В 1762–1763 гг. были изданы три указа о лечении «заразительных болезней» и учреждении «сифилитических домов». В 1762 г. в Санкт-Петербурге была основана Калинкинская больница — пристанище обездоленных сифилитичек, которых лечили бесплатно. Правда, по излечении, согласно указу от 8 мая 1763 г., бывшие проститутки высылались в Нерчинск [Эпидемия сифилиса, 2012]. Так, на мой взгляд, сформировался один из главных путей заноса сифилиса на границу с Цинской империей, в земли верно служивших России бурят-монголов.

Используя этот «поворот истории», обратимся к ситуации на восточной окраине Российской империи, ближе к интересующему нас гео-

графическому ареалу. Э. Ф. Шперк (1837–1894) был первым из русских венерологов, кто приступил к систематическому изучению сифилиса в Северо-Восточной Сибири. После нескольких лет разъездов по громадной территории от Иркутской губернии до Охотского побережья и от Байкала до Амура он в 1863 г. защитил докторскую диссертацию «Медико-топографические замечания о сифилисе в Северо-Восточной Сибири, называемом там “проказою”» [Шперк, 1863]. Уже из самого названия работы следует, что в 1860-е гг. в России не было четкого разграничения между сифилисом и проказой, особенно когда вопрос касался инородцев.

Шперк сделал несколько важных открытий. Во-первых, он определил, что ни климатические, ни диетические условия на заболевание не влияют. Ранее врачи считали важными факторами постоянный холод и преобладание рыбы в диете северных автохтонов. Во-вторых, он пришел к заключению, что «проказа» — не лепра (болезнь Хансена), а одна из форм наследственного сифилиса. В-третьих, Шперк усомнился в гипотезах о разной степени вирулентности сифилитического «яда» (патогена), а во главу угла поставил социально-бытовые условия: «...мы пришли к противному и думаем, что яд не изменился, а условия, благоприятствующие передаче болезни, здесь другие, чем в цивилизованных странах, и главную причину различия передачи сифилиса полагаем не в различии яда, а в различии общественной жизни этих стран и цивилизованных...» [Шперк, 1863: 37–40]. В его работе мы также находим одно из ранних упоминаний проблемы сифилиса у бурят: «Следуя дальше из Иркутска чрез Забайкальскую область на Амур, шанкр все более редее, ...а вдали от проезжей дороги, между бурятами царство проказы (вероятно, тоже наследственного сифилиса)» [Шперк, 1863: 46].

Шперк одним из первых задумался над точной интерпретацией социокультурных причин распространения сифилиса в Сибири и Российской империи в целом. Рабочие поездки по Северо-Восточной Сибири в период, когда в регионе оживилась торговля и начали расти новые города, дали ему богатый аналитический материал и привели к выводу о негативной роли социально-экономической модернизации в распространении болезни. Особенную критику вызвали железные дороги. По мнению Шперка, увеличивая мобильность, они разрушали единство крестьянской общины. Одновременно близость магистрали формировала повышенное предложение в сфере сдачи жилья, транспорта, ... и жен-

ского тела [Engelstein, 1986: 171]. «...Шанкр — есть как бы мерило промышленного движения страны и зависящего от того направления проституции», — писал он, позиционируя половое заражение как индикатор экономического развития и основной вектор инфекции [Шперк, 1863: 45]. Преодолев тысячи верст от Камчатки до Забайкалья и от Иркутска до Приамурья, Шперк определил основную тенденцию: там, где высока концентрация людей вокруг торговых и транспортных центров, превалировал венерический сифилис, а в малонаселенных местностях и на территориях автохтонов — «вторичные признаки», т. е., в терминологии его исследования, бытовой сифилис [Шперк, 1863: 46].

Важным в контексте данного исследования является вывод Шперка о том, что тектонические социальные сдвиги обеспечивают наилучшие условия для распространения венерического люэса, в то время как распространенность в России невенерической (бытовой) формы свидетельствует о том, что страна еще не вступила в современную эпоху [Engelstein, 1986: 171].

Пожалуй, самую весомую лепту в политизацию проблемы сифилиса в Сибири внесли областники и ссыльные народники. Например, публицист и этнограф Н. М. Ядринцев (1842–1894) интерпретировал проблему сифилиса у автохтонов в рамках концепции имперской колонизации, ведущей к массовому вымиранию инородцев. В понимании областников инфекционные болезни и алкоголь являлись инструментами очищения сибирских земель от коренного населения [Ядринцев, 1891: 78]. Примерно в той же идейной плоскости мыслил публицист-общественник С. С. Шашков (1841–1882), соратник Н. М. Ядринцева по «сибирскому кружку». Он писал, что игнорирование проблемы сифилиса камчатской колониальной администрацией привело к массовому распространению инфекции среди камчадалов, даже не подозревавших о смертельном характере заболевания и называвших сифилитические папулы «пуговицами» [Ядринцев, 1892: 155–157]. Другой русский публицист, И. В. Шкловский (Дионео), в пугающих подробностях описывал юкагиров — жителей стойбища на реке Омолон в Якутии, буквально разлагающихся заживо от болезни [Dioneo, Edwards, Shklovskii, б. г.: 80–81]. Похожие эпизоды встречаются в мемуарах русских врачей, работавших в Сибири и на Дальнем Востоке, а также в отчетах исследовательских экспедиций [Гайдаров и др., 2022: 66; Алексеевская, Демидова, Софронов, 2021: 46–47].

С 1860-х гг. в мире поднялась волна законотворческой и общественной активности, направленная на организацию борьбы с сифилисом. В Великобритании в 1864 г. были приняты Акты о заразных заболеваниях (*Communicable Diseases Acts*). Направленные на ужесточение контроля над проститутками, они вызвали настолько сильные протесты в женской среде, что в 1886 г. их пришлось отменить [Amstey, 1994: 17]. В русских медицинских кругах в тот период шло оживленное обсуждение социальных истоков сифилиса. Этот вопрос исчерпывающе проанализирован американской исследовательницей Л. Энгельстайн в статье 1986 г., переведенной на русский язык [Engelstein, 1986; Энгельстайн, 2000]. В контексте данного исследования принципиально важно то, что русские врачи, наконец, полностью сосредоточили внимание на проблемах непривилегированных сословий, в наибольшей степени страдавших от этого недуга.

Необходимо отметить, что в тот период сифилис окончательно превратился в общеевропейскую проблему. В экономически развитых США к 1900 г. один из 22 американцев страдал сифилисом. В 1918 г. при призыве на воинскую службу 986,000 мужчин были комиссованы, так как болели люэсом. Во Франции в конце XIX в. сифилисом страдало 17% населения. 20% британских военнослужащих были заражены сифилисом, а в колониальных войсках в Индии больные составляли 54% [Amstey, 1994: 17–18].

Однако если в Европе и США доминировал венерический сифилис, то в Российской империи основным контингентом сифилитиков врачи видели «неповинных детей и женщин жалких сел и деревень» [Энгельстайн, 2000: 232]. Стараниями областников, народников и врачей-общественников в этот «котел» народного бедствия вливались инородцы. В отличие от другого распространенного заболевания — туберкулеза — сифилис маркировал отсутствие социальных привилегий, экономическую эксплуатацию, женское и детское бесправие, отчаяние и унижение самого большого русского социального класса — крестьянства. Прочные ассоциации из отечественной литературы конца XIX — начала XX вв. — это сиплый крестьянин из «Звездной сыпи» М. А. Булгакова, проститутка Женья из «Ямы» А. И. Куприна, воспетые В. А. Гиляровским безносые торговки с Хитровского рынка, самого сердца криминальной Москвы. Они резко контрастируют с образом чахоточного, но морально несгибаемого интеллигента-народника, революционера-народовольца или полит-

каторжанина, чей недуг — не стигма физического грехопадения, а отличительный знак борца за справедливость.

Политизация сифилиса

в большевистском медицинском дискурсе

За этот комплекс социокультурных коннотаций, превращавший инфекционную болезнь в почти самостоятельного агента социального зла, после Октябрьской революции 1917 г. зацепились большевистские идеологи, создававшие базовые принципы новой системы здравоохранения. Оппортунисты и искусные имитаторы, они разработали своеобразное «*ноу хау*», сумев политизировать не только основы здравоохранения, но и сами заболевания, с которыми боролись. В годы Гражданской войны нишу главного врага нового общественного строя прочно занимал тиф. В период НЭПа с пьедестала его сместили так называемые социальные болезни: «триумвират» венерических инфекций (сифилис, гонорея, мягкий шанкр), туберкулез, трахома, алкоголизм, наркомания.

Вместе с некоторым количеством уже разработанных концепций развития большевики унаследовали от империи Романовых огромный узел нерешенных социальных проблем. Хаос двух революций и гражданской войны превратил сифилис из и без того привычного явления в охватившую всю страну эпидемию, требующую немедленных и решительных действий. Неслучайно одним из первых структурных подразделений Наркомздрава РСФСР стал образованный в 1918 г. подотдел по борьбе с венерическими болезнями [Мавров, 2009: 85]. Широко использовавшийся в то время термин «венеризм» отразил не только массовый характер проблемы, но и ее новые сущностные характеристики. Суффикс *—изм* придал ей субъектность как системному феномену. С одной стороны, «венеризм» стал созвучен ненавистному большевикам слову «капитализм», которому раннесоветские организаторы здравоохранения атрибутировали сифилис в качестве инструмента угнетения масс. С другой стороны, «венеризм» приобрел коннотацию извращенности и излишества, встав в один ряд с другими стигматизирующими «*-измами*» — алкоголизмом, гомосексуализмом, онанизмом и т. д. Необходимо понимать, что в большевистском дискурсе, направленном на малограмотное или вовсе неграмотное население, такие «стилистические приемы» имели важное значение. Подобно компасу, они ориентировали массы на обозначенную большевиками причину про-

блемы — капитализм. Один из основателей советской социальной венерологии В. М. Броннер (1876–1939), справедливо называя венерические болезни «страшнейшим бичом человечества», образно подчеркивал их вторичность по отношению к главному врагу большевиков. «Вся сила этого бича не в нем самом, — писал врач, — а в кулаке, который этот бич держит. Этот кулак — капитализм. Отсечь кулак — и страшнейший бич человечества бессильный падет вместе с ним» [Броннер, 2021: 26].

В метафорическом изложении Броннера не совсем понятно, что демонизируется сильнее — капитализм или венерические болезни. Однако ясно то, что венеризм является оружием капитализма, средством дополнительного угнетения масс и что против него надо вести бескомпромиссную войну. Щедро применяя милитаристскую риторику, облекая лозунги и программные статьи в отрывистые, но предельно ясные максимы военного языка, врачи-большевики старались мобилизовать население на борьбу с венерическими болезнями. Отчасти им это удалось, тем более что такая стратегия была созвучна семашковскому принципу «здоровье трудящихся — дело самих трудящихся» [Затравкин, Вишленкова, 2022: 31]. Страницы советских газет двадцатых годов пестрели заголовками, объявляющими о трехдневниках¹ по борьбе с туберкулезом, санитарных судах над проститутками и сифилитиками, искоренении сифилиса и гонореи в городе и деревне. Перенаправляя привычное к военным лозунгам общество на борьбу с болезнями, большевики вкупе с врачами решали важную общественно-политическую задачу — пробудить в населении интерес к собственному здоровью и вывести проблемы здравоохранения в идеологическую плоскость, приравняв борьбу с эпидемиями к борьбе против мирового капитализма.

Последнее утверждение формирует осевую точку, переводящую наше исследование в область большевистской политики экспорта революции в Азию. В истории российской медицины XX в. отмечен важной константой — прочной связью истории борьбы против эпидемий с феноменом советского медицинского интернационализма. Начиная с середины 1920-х гг. врачи из СССР направлялись на помощь народам сначала Внутренней и Центральной Азии, а затем далеко за пределы геополитического лимитрофа советской империи. В ходе расширяющегося

¹ В прессе так называлась совокупность санпропагандистских мероприятий применительно к социальным болезням.

содействия соседним странам и регионам, не имевшим на тот момент иного доступа к европейской медицине, СССР сумел создать там либо точные копии «социалистического здравоохранения» Н. А. Семашко, либо надежно обеспечить свое влияние, заложив в основы национальных систем здравоохранения часть принципов советской медицины. На первый взгляд, сугубо гуманистическая, врачебная повестка в своем большевистском изводе имела глубинный политический подтекст и была направлена на укрепление международного престижа Страны Советов.

Именно здесь политизация сифилиса как инструмента колониального гнета сыграла в унисон с формирующейся экспансионистской политикой Москвы. Дело в том, что сифилис в прямом смысле слова являлся трансграничной проблемой. В Монголии эта болезнь называлась «китайской язвой», и вот почему. На юге, востоке и западе Монголии сифилис, по-видимому, распространился из-за китайских колонистов, приезжавших без жен и ценивших красоту юных монголоков [ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 77. Л. 5]. Та же ситуация наблюдалась в Синьцзяне, где от сифилиса во множестве страдало кочевое население, но основной контингент больных составляли китайцы, в особенности чиновники и военные. Но вдоль северной границы Халхи люэс, распространявшийся очагами вокруг крупных поселений, по всей вероятности, заносился русскими купцами, промышленниками, военными и другими маятниковыми мигрантами [Майский, 1921: 30–31]. Та же ситуация наблюдалась в Урянхае (с 1921 по 1944 гг. — Тувинской Народной Республике). Безусловно, пути миграции *Treponema pallida pallida* в трансграничном пространстве кочевого мира Внутренней и Центральной Азии совпадали с направлениями экономических и культурных контактов с Россией и Китаем.

Трансграничный характер люэса в советском геополитическом лимитрофе дал большевикам несколько опорных точек для экспансии. Во главу угла, конечно, ставились геополитические причины, но легкость, с которой большевики встраивали проблему сифилиса в политическое обоснование своего медицинского присутствия в Монголии, Туве или Синьцзяне, сыграла свою роль в закреплении там системы Семашко или ее организационных принципов.

В определенном смысле Советская Россия оказалась в уникальной ситуации. Тяжелая проблема сифилиса, доставшаяся ей по наследству от Российской империи, фиксировалась и с противоположной сто-

роны границы. Это давало возможность универсализировать лечебные методы и практики, максимизируя эффективность медицинского трансфера. Врачи, прошедшие школу борьбы с сифилисом в Бурят-Монголии, Ойротии, Калмыкии, направлялись Наркомздравом РСФСР в МНР, Танну-Туву и Синьцзян, где использовали свои навыки для укрепления престижа советской медицины и страны в целом [Башкуев, 2021a: 200, 201]. Врачи, отработавшие в этих странах, возвращались в СССР с богатым клиническим опытом, создавая важный корпус знаний об опасной болезни. Наконец, наработанные в СССР технологии политизации венерических болезней успешно использовались для советизации Монголии и Тувы, где большевистские идеологи стигматизировали целые социальные и профессиональные группы, составлявшие им конкуренцию. Так, системной дискредитации подверглось бурятское, монгольское и тувинское буддийское духовенство, обвиненное в сознательном распространении сифилиса и препятствовании его европейскому лечению. Выставляя лам в образе аморальных декадентов, коммунисты гальванизировали аратские массы, направляя их возмущение (зачастую оправданное) против класса священнослужителей, носителей сакрализованного монголо-тибетского медицинского знания.

Венерологическая помощь являлась одним из четырех «столпов» насаждавшейся в МНР и ТНР советской модели здравоохранения. Помимо нее туда входили хирургия, охрана материнства и младенчества, противоэпидемическая служба. Об этом свидетельствуют не столько «мерцающие» цифры социалистической медицинской статистики, отражавшие декларируемые цели, а не реальное состояние дел [Затравкин, Вишленкова, 2022: 42–45], сколько отложившиеся в народной памяти образы, метафоры и эпитеты. Если имя хирурга П. Н. Шастина (1872–1953) в Монголии долгое время служило синонимом слова «врач» («шастин-доктор»), а имена Магри, Ангур, Галиймаа представляли собой монгольскую транскрипцию имен русских акушеров, то «красный укол» («улаан таря») — основанный на цвете лекарства символ освобождения от дегенерирующей печати венерических болезней [Башкуев, 2021: 299]. «Мы — дети “красного укола”», — говорили немецкой исследовательнице И. Штольпе пожилые монгольские информанты, имея в виду бригады русских врачей, ездившие в 1920–1950-е гг. по аймакам и ставившие людям такие инъекции (по-видимому, гоновакцины — В.Б.) [Stolpe, 2008: 62].

Таким образом, история борьбы с сифилисом у кочевых народов советского геополитического лимитрофа в Азии является многослойной трансграничной научной проблемой, лежащей внутри быстро развивающегося исследовательского поля «новой истории медицины». Выводя, казалось бы, сугубо медицинскую проблему в область советской геополитики, идеологического манипулирования и культурного взаимодействия с традиционными кочевыми сообществами, я не выхожу за пределы тематического контекста книги — истории эпидемий и катастроф на Востоке — так как сифилис, безусловно, являлся катастрофическим по масштабам и потенциальным последствиям феноменом, пусть и нечасто рассматриваемым в исторической литературе. В этой искусственной невидимости сифилиса при его реальной опасности как для индивида, так и для целых сообществ кроется еще одна, общая для всех формаций, но доведенная большевиками до крайности, особенность. Это — социальная стигма заболевания, переведенная из области морального осуждения в плоскость политической нелояльности. В контексте советского геополитического эксперимента она с разной степенью интенсивности проявилась во всех изучаемых нами локациях — от Бурят-Монголии до границ Синьцзяна.

Советская кампания против сифилиса в Бурят-Монголии (1923-1930)

Проблематизация сифилиса в региональном контексте

В 2023 г. Республика Бурятия отмечает важную дату — столетие со дня провозглашения Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики. Это событие произошло 30 мая 1923 г. и ознаменовало собой принципиальные изменения в политическом статусе бурят. Формально создание национальной автономии обозначило начало бурятской государственности и обретение бывшими кочевыми «инородцами» политической и культурной субъектности. Однако в контексте данного исследования важнее то, что рождение БМАССР означало запуск своеобразного геополитического эксперимента. Подобно витрине, обращенной в монгольский мир, советская Бурят-Монголия транслировала туда положительный опыт социокультурной трансформации бывшего «малокультурного народа». Монголам Халхи, Барги, Внутренней

Монголии, тувинцам, мусульманам Синьцзяна демонстрировались процессы превращения бурят в «новую социалистическую нацию». По крайней мере, такой видели ситуацию бурятские коминтерновцы и руководители новообразованной автономии [Башкуев, 2016: 160–165].

Однако бурятский народ и сам очень нуждался в помощи. Вспомним строки из диссертации Э. Ф. Шперка о распространенности сифилиса среди бурят в 1860-х гг. Информация подтверждается недавно опубликованными архивными материалами по острову Ольхон на Байкале. В 1900 г. туда был направлен объездной фельдшер Рабинович. Медик был поражен катастрофическими масштабами распространения сифилиса и проказы среди местного населения. По его мнению, 90% населения острова страдали люэсом или проказой. «Направившись на Ольхон в Харемцинский уезд, попал в мир прокаженных и сифилитиков, потому что не только все жители, но и вся администрация больны», — писал Рабинович в своем отчете [Алексеевская, Демидова, Софронов, 2021: 213].

Остров Ольхон оставался наиболее пораженным сифилисом и проказой районом Бурятии и в 1920-х гг. По всей вероятности, люэс попал на остров из Иркутска в 1850-х гг. Туда ольхонские буряты регулярно ездили торговать рыбой. Местные шаманы даже сочинили молитву, в которой просили не только удачной торговли, но и возвращения без заражения «яркой»¹. В свою очередь, Ольхонская ярмарка стала очагом инфекции для еланцинских бурят и русских. Случай острова Ольхон — убедительный пример того, что Э. Ф. Шперк был прав в своих выводах о путях распространения сифилиса среди инородцев Сибири.

Ситуация на Ольхоне еще сыграет свою роль как в общем ходе советской кампании против сифилиса в 1920-х гг., так и в международном медицинском взаимодействии, о котором речь пойдет позже. Между тем масштабы сифилитической эпидемии в республике действительно

¹ По данным П. П. Баторова, буряты называли сифилис *муу убөшэн яра* (худая, злая язва) [Баторов, 1926: 36]. Врач Д. Н. Плишкин считал, что буряты опасались сифилиса гораздо меньше проказы. По-видимому, люэс считался относительно безопасным и назывался в народе «купороской». Прокаженных же буряты панически боялись. Их изолировали от общества, выселяя на самый край улуса, и подходили к их жилищу с наветренной стороны только в случае крайней необходимости. Иногда не желавших изолироваться больных опаивали алкоголем и заживо сжигали в юртах, сталкивали со скал и т.д. [Плишкин, 1930: 101].

приближались к катастрофическим. В докладе заместителя наркома здравоохранения БМАССР В. Н. Жинкина «К вопросу о распространении сифилиса в Бурятии» (1926) приводится лишь общий статистический срез заболеваемости, полученный на основе первичных обращений в медучреждения (к тому времени еще пребывавшие в состоянии разрухи). Но даже такой весьма приблизительный статистический документ показал, что сифилис составил около 25% всех обращений. В сравнении с этой цифрой данные по другим регионам Сибири выглядят гораздо скромнее. Так, в 1922 г. сифилис в Новониколаевской губернии составил 3,1%, а в 1923 г. — 3,8% всех инфекционных заболеваний. В Томской губернии этот процент составил 8,3%. При этом распространенность сифилиса среди бурят в разы, а то и в десятки раз превышала таковую у русских. По данным Жинкина, в Тункинском и Эхирит-Булагатском аймаках болезнь встречалась у бурят в четыре раза чаще, чем у русских. В Хоринском, Агинском и Верхнеудинском аймаках это соотношение достигало десятикратной величины, а в Боханском аймаке буряты болели сифилисом в 38 раз чаще русских [Башкуев, 2016: 181–182].

Социальное конструирование причин заболеваемости люэсом исходило из особенностей повседневного быта обследуемого населения. С конца XIX в. русские венерологи отмечали четкую грань между невенерическим сифилисом деревни (*syphilis insontium*) и венерическим сифилисом городов. В Бурят-Монголии 1920-х гг. крупных городских агломераций не было, и сифилис там признавался «болезнью, в подлинном смысле слова бытовой» [Лапышев, 1929: 546]. В глазах советских врачей его причины лежали в антисанитарных условиях традиционного быта кочевников-бурят. Их шокировали некоторые стороны жизни бурят — нежелание мыться, привычка делиться курительной трубкой, посудой, одеждой, постельными принадлежностями. Это привело к тому, что «культурная отсталость» бурятского народа, сконструированная отчасти вследствие непонимания реалий кочевого образа жизни, стала рассматриваться как первопричина эпидемии.

Тезис об антисанитарном характере традиционного образа жизни бурят красной нитью пронизывает посвященные проблеме социальных болезней тексты. Особенно выпукло он выражен в адресованных партийному и комсомольскому активу программных статьях. «Венерические болезни получили широкое распространение среди бурят вследствие тяжелых социально-бытовых условий, в которых живет бурят-монголь-

ское население, — писала в 1928 г. М. А. Кубанцева. — Антигигиеническое содержание юрт, грязь, малокультурность ведут к целому ряду навыков, способствующих распространению заразных болезней. Буряты часто пьют и едят из общей посуды, которую они почти никогда не моют; из уважения к чистоплотному гостю, хозяйка вылизывает посуду и вытирает ее полый грязного тырлыка (халата). Довольно часто можно наблюдать раскуривание общей трубки. Восточные буряты многих аймаков часто не имеют совершенно представления о банях и купальнях...» [Кубанцева, 1929: 62].

Затем на основе материалов венотрядов и экспедиций Кубанцева выделяла «старые формы полового быта» — раннее начало половой жизни, промискуитет, примеры половой распущенности, подаваемые ламами. Она призывала: «Нужно построить агитпропработу наших низовых организаций, культотделов, профсоюзов, работу среди женщин и крестьянок, всю повседневную работу комсомольских ячеек и воспитательную работу пионерских организаций так, чтобы борьба со старыми формами полового быта являлась неотъемлемой частью всей культурно-просветительной и агитационно-пропагандистской работы» [Кубанцева, 1929: 65]. Таким образом, и признаваемый антисанитарным традиционный кочевой образ жизни, и «старые формы полового быта» обозначались как основные препятствия на пути решения проблемы венерических болезней у бурят.

В борьбе с сифилисом Бурнаркомздрав использовал любую, даже самую случайную возможность. В тот период медицинское ведомство республики нуждалось буквально во всем. Медпункты были разорены гражданской войной, а там, где они функционировали, не хватало не то что дров или постельного белья — врачам приходилось писать истории болезни ягодным соком. В этой ситуации оставалось лишь уповать на помощь Москвы. Здесь Бурят-Монголии повезло — в Наркомздраве РСФСР за борьбу с венерическими болезнями отвечал уроженец Верхнеудинска В. М. Броннер, хорошо знавший наркома здравоохранения БМАССР А. Т. Трубочеева (1874–1949) по учебе в Императорском Томском университете. С его помощью на борьбу с венерическими болезнями были направлены значительные кадровые и материальные ресурсы. Так, к середине 1924 г. БМАССР получила 3000 долл. США от бывшего Заграничного общества Помгола, небольшие бесплатные партии лекарств от Наркомздрави РСФСР, лабораторное оборудование

от Комиссии по распределению полученного из-за границы имущества. Деньги были израсходованы на закупку неосальварсана (химиопрепарата направленного действия против *Treponema pallida pallida*) [ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 2. Д. 33. Л. 45–46].

Из центральных венерологических учреждений в республику направлялись мобильные группы врачей — венотряды. К августу 1926 г. в Бурят-Монголии их побывало не менее пяти. Врач из Новосибирского венерологического диспансера Д. А. Лапышев возглавлял два венотряда, обследовавших в 1924 и 1925 гг. Троицкосавский и Агинский аймаки БМАССР (самый южный и самый восточный районы). Летом 1925 г. он обследовал часть Адон-Челонского хошуна Агинского аймака БМАССР. Врачи осмотрели 155 семей (12% от общего количества кочевых бурятских семей хошуна), что составило 528 чел. (10% населения) [Лапышев, 1929: 547–548].

Из 223 мужчин и 305 женщин при наружном осмотре было выявлено 160 больных сифилисом (30,3%). Лапышев сомневался в точности собранных данных, указывая, что: «...принимая во внимание бытовую обстановку бурята, столь благоприятствующую, как мы видели, широчайшей передаче внеполового сифилиса, трудно утверждать, что субъекты, не представившие при обследовании объективных симптомов люэса, безусловно, свободны от него: далеко не исключена... возможность наличия у них сифилиса в скрытом состоянии...» [Лапышев, 1929: 548].

Среди факторов, осложнявших работу, Лапышев отмечал «поистине стоическое долготерпение бурята и его изумительную нетребовательность к своему самочувствию, позволяющие ему забывать такие факты из своего прошлого, которые для другого, более культурного индивида, остаются памятными надолго» [Лапышев, 1929: 548]. На ту же проблему сетовал венеролог Бурнаркомздрави К. М. Онисимов, констатируя, что «...в силу своей малокультурности [буряты] почти всегда затрудняются указать момент заражения и сопоставить его причинную связь с обстоятельствами их половой и бытовой жизни» [ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 2. Д. 33. Л. 60–61].

Признавая сифилис среди бурят «поистине народным бедствием», Лапышев отмечал, что благодаря активной позиции Бурнаркомздрави и лично наблюдавшемуся им в Бурятии подъему культурного уровня масс решающая победа в борьбе с сифилисом «является исходом, если

не столь уже, может быть, близким, то все же достаточно зато обеспеченным» [Лапышев, 1929: 548]. Необходимым условием для этого Лапышев считал постепенную ломку старого бытового уклада.

К. М. Онисимов выделил механизмы передачи инфекции в условиях традиционного быта хоринских бурят. Будучи опытным венерологом, он соглашался с тем, что случаи полового заражения сифилисом у бурят были часты «при свободе их нравов и полового общения». «Но по моему глубокому убеждению еще чаще происходит внеполовое заражение, дающее начало бытовому сифилису, — писал он. — По крайней некультурности народных масс заражение сифилисом происходит при всех видах соприкосновения с больным, по отношению которого не принимаются никакие меры предосторожности, а также через посуду, трубку, папироску, полотенце, одежду и т. д.» [ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 2. Д. 33. Л. 61].

Типичной реакцией больного на обнаружение симптомов сифилиса было обращение к наиболее известным в округе эмчи-ламам. «...И только после длинного потребления ламских “задачек” и усердного чтения молитв, — не без сарказма констатирует Онисимов, — [когда] благоприятных результатов не оказывается, больной наконец решается обратиться за медицинской помощью к европейскому медику. Собираясь к врачу, больной обычно “ворожит у ламы” ехать ему лечиться или нет, и если ехать, то к кому обратиться. Разрешая эти вопросы, лама бросает косточки (что-то вроде домино), и затем прорицает, как древняя пифия. Больной в точности исполняет все вещие предсказания оракула-шарлатана, и если ему дан положительный ответ, едет к медику в таком расцвете своей болезни, что едва в состоянии передвигаться, или недвижимый, с колоссальными разрушениями на своем теле вторичного и третичного сифилиса» [ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 2. Д. 33. Л. 62].

Онисимов был лишь одним из целого хора медицинских голосов, обвинявших лам в шарлатанстве. Его замечания не выходили за рамки рациональной объективности, а вот другие представители Бурнаркомздрава копили раздражение против носителей тибетских медицинских практик. Время от времени в местной печати появлялись критические статьи о ламах-лекарях. Их основным мотивом было то, что эмчи-ламы, «зная про свою медицину с религией, что это сплошное шарлатанство, обращаясь со всеми болезнями к русским врачам..., они говорят, что врачи могут лечить только с их помощью, что если больной не обратится к ним, ламам, то болезнь не пройдет» [Бурят-Монгольская правда, 1928:

17 июля]. Тем не менее до конца 1920-х гг. эмчи-ламы продолжали практиковать относительно спокойно, и только в 1936 г. советская власть решилась на полный государственный запрет тибетской медицины [Номоева, 2009: 286].

Летом 1926 г. в одном из наиболее проблемных Хоринском аймаке работал отряд ординатора Государственного венерологического института (ГВИ) им. В. М. Броннера С. Т. Ильина. Этот отряд выявил важные детали заболеваемости: если у простых бурят в обследованных хошунах сифилизация составляла от 38,6 до 57,9%, то среди лам она была гораздо ниже — 14,7%. Среди русских и метисов (карымов) сифилис встречался в единичных случаях. Обе тенденции врачи объясняли гораздо лучшими гигиеническими условиями в жилищах лам и русских. Поэтому среди лам половой путь заражения преобладал над бытовым. У старообрядческого населения помимо чистоты в жилище врачи положительно оценивали «крепкий половой быт», минимизировавший возможности передачи инфекции [Закс, Ильин, 1927: 866].

Советские врачи четко выделяли культурный градиент, отличавший западных, более подвергшихся русскому влиянию, бурят от восточных, полностью сохранивших традиционный кочевой образ жизни. Сифилис встречался часто и у тех, и у других, но основным отличием было обилие у аларских, эхирит-булагатских и боханских бурят застарелых форм болезни, тогда как первичные формы регистрировались редко. Это снижало опасность дальнейшего массового распространения [Звонарев, 1929: 73]. У восточных бурят (Хоринский, Верхнеудинский, Агинский аймаки) врачи периодически обнаруживали очаги свежего сифилиса, что указывало на половой путь передачи. В одной такой локации в Хоринском аймаке летом 1926 г. инфицированность населения достигала 69,2% [Закс, Ильин, 1927: 864].

Вполне естественно, что врачи, искавшие социальные причины распространения болезни, сосредоточились на изучении традиционного «полового быта». Среди характерных особенностей они отмечали очень раннее начало половой жизни (11–12 лет у девочек), ранние браки (16–18 лет), частое наличие у невесты детей, что серьезно поднимало ее статус как уже доказавшей способность к деторождению [Закс, Ильин, 1927: 858]. Не очень понимая особенности кочевого образа жизни скотоводов, советские медики ставили на одну доску жилищную скученность, при которой половая жизнь родителей не скрыта от глаз детей, бедность

культурной жизни и отсутствие культурных запросов, заставляющие смотреть на секс как на развлечение, верховую езду, способствовавшую «приливу крови к половым органам». Сюда же добавлялось наблюдение за половым поведением животных с раннего детства, злоупотребление алкоголем, медицинская неграмотность. Поэтому одно из условий ликвидации проблемы сифилиса в БМАССР венерологи видели в «оздоровлении полового быта и быта семьи вообще» [Пестерев, 1930: 98]. Переводя медицинский канцелярит того времени в современные термины, советские врачи говорили о необходимости контроля над половой жизнью кочевников, чтобы остановить распространение сифилитической эпидемии.

Обследовательские венотряды, работавшие в БМАССР в 1924–1927 гг., выполнили важнейшую задачу — подвергли скринингу значительную территорию, определив не только проблемные аймаки и хошуны, но и основные факторы распространения сифилиса. В 1926 г. замнаркома здравоохранения Бурят-Монголии В. Н. Жинкин писал: «Пути распространения [сифилиса] выяснены, размеры понятны..., следовательно, надо принять меры к ликвидации этого бедствия, и меры должны быть срочные и достаточные по своим размерам» [ГАРБ. Ф. Р-665. Оп. 16. Д. 1. Л. 153].

Безусловно, для успешной борьбы с сифилисом и другими социальными болезнями требовалась серьезная мобилизация общества. Для воздействия на массы врачи и большевики использовали несколько видов агитации: в венерологических диспансерах проводились занятия по санитарной пропаганде, организовывались театрализованные «санитарные суды», где в проблемном ключе обыгрывались жизненные ситуации, связанные с венерическими болезнями, объявлялись «трехдневники по борьбе с венеризмом» [ГАРБ. Ф.Р-248. Оп. 1. Д. 486. Л. 44, 44 об.]. Тема борьбы с социальными болезнями занимала важное место в информационной повестке республиканской печати.

В газетах и журналах регулярно выходили материалы о состоянии проблемы и путях ее решения. Как правило, заметки, посвященные народным целителям и эмчи-ламам, носили обвинительный характер. Сюжет в них развивался по единому шаблону: жил-был бедный бурят, заболел, обратился к ламе (или шаману), тот лечил его по-своему, отчего больной вскоре умер. Лама (шаман, знахарь) лечил неправильно, совсем не от того, чем болел покойный. Вывод — ламы и прочие шарлатаны

своим лечением калечат и убивают простых аратов [Башкуев, 2016: 233]. Некоторые врачи обвиняли лам в поощрении ранних половых связей. Так, заведующий Верхнеудинским вендиспансером А. М. Пестерев заявлял, что ламское учение постулирует вред от полового воздержания: «первый половой запрос необходимо удовлетворить, сдерживать его нельзя». Звучали обвинения в растлении детей во время проведения больших религиозных праздников [ГАРФ. Ф. А. 482. Оп. 25. Д. 1079. Л. 44].

Идеологическая структура кампании по борьбе с социальными болезнями в Бурят-Монголии строилась на двух «китах». Трактовка сифилиса как «бича улуса», т. е. орудия колониального угнетения и капиталистической эксплуатации, использовалась для гальванизации народных масс. Для трансляции в центр существовал другой конструкт: возможность вымирания бурят. Глубокая дегенерация врожденных сифилитиков вызывала ужас у врачей-общественников XIX в., а врачи-большевики, взяв на вооружение доводы областников и членов Пироговского общества, превратили тезис о вымирании инородцев в идеологическую конструкцию. С одной стороны, она помогала выбивать из Москвы кадровые и материальные средства на борьбу с болезнью и на глубинное изучение человеческого капитала республики [ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 11. Л. 10, 10 об.]. С другой — выставляла действия большевиков в выгодном свете: советские врачи спасали бурят от вымирания и показывали правильный путь в будущее, упорядочивая дотоле хаотические аспекты социальной и половой жизни кочевников. А главное — выбранный коминтерновцами вектор на трансляцию положительного опыта социокультурной трансформации бурят в монгольский мир подразумевал только победный исход. Поэтому, даже находясь в международной изоляции, большевики направляли на борьбу с социальными болезнями значительные ресурсы. В контексте Бурят-Монголии эту приверженность поставленной цели лучше всего демонстрирует приведенный ниже сюжет.

Советско-германское научно-медицинское сотрудничество по изучению сифилиса в Бурят-Монголии (1925–1928)

25 мая 1928 г. на вокзале столицы Бурят-Монгольской АССР Верхнеудинска происходило необычное событие. Под рев духового оркестра и стрекотание кинокамеры члены местного правительства торжественно встречали группу врачей — участников советско-герман-

ской экспедиции по изучению сифилиса. Визит, на подготовку которого ушло три года, ознаменовал собой кульминационную точку медицинского сотрудничества двух геополитических изгоев Версальского миропорядка — Веймарской Германии и Советского Союза [Solomon, 1993: 204–207; Weindling, 1996: 45, 51–52; Ратманов, 2021: 95–97]. Работа этой экспедиции, как и сам сюжет о борьбе с сифилисом в БМАССР, до сих пор является одной из наиболее противоречивых тем в истории Бурятии. Парадоксально, но при обсуждении этой проблемы гуманитарные аспекты, как правило, остаются за кадром, а на первый план выходит политическая риторика, неизменно срывающаяся в националистические и ревизионистские крайности.

Ключевой вопрос вкратце можно сформулировать так: «Почему в фокусе борьбы с сифилисом оказалась именно Бурят-Монголия, а не какая-либо другая территория?» Люди подсознательно проецируют все негативные культурные коннотации советского периода, связанные с сифилисом, на историю одного из многих совместных советско-германских проектов, осуществлявшихся в 1920-е гг. Однако не следует забывать, что экспедиция была исключительно научным мероприятием только для немецкой стороны. Эту формулировку на протяжении всей трехлетней подготовки требовали от германских врачей большевики.

Для них самих экспедиция была прежде всего важнейшим информационным событием. Советская сторона вложила много средств и сил в популяризацию этого предприятия. Экспедицию сопровождали представители «самого важного из искусств» — съемочная группа киноконцерна «Совкино». На основе отснятого материала был создан документальный фильм-травелог «По Бурято-Монголии» (реж. Л. Степанова, оп. В. Беляев)¹. Результаты работы экспедиции публиковались в местной газете «Бурят-Монгольская правда», а в «Известиях» и «Вечерней Москве» вышли интервью с одним из ее организаторов — В. М. Броннером. Статьи об экспедиции печатались в советской и немецкой медицинской периодике до середины 1930-х гг. [Броннер, Бейлин, 1936: 368–387; Beringer, 1995: 298–308].

¹ Копия этого фильма сохранилась до наших дней и представляет собой ценный источник для историков медицины, культурных антропологов и этнографов. На сегодняшний день наиболее подробный и методологически современный анализ травелога представлен в книге О. Саркисовой [Sarkisova, 2017: 119–127].

То, что Бурят-Монголия оказалась в фокусе столь значительного международного события, объясняется несколькими причинами. Две из них — реальность проблемы сифилиса и геополитическое значение республики — я раскрыл в предыдущей части исследования. А вот третья причина долгое время полностью оставалась за кадром. Между тем она сыграла огромную, если не решающую, роль. Дело в том, что двигателем кампании против сифилиса в Бурят-Монголии был В. М. Броннер, уроженец Верхнеудинска. Он был революционером, активным организатором здравоохранения и врачом-гуманистом, хорошо осведомленным о проблемах здоровья бурят. В Императорском Томском университете он дружил с будущим первым наркомом здравоохранения Бурят-Монголии А. Т. Трубочевым, тоже венерологом по специальности. Исключенный за революционную деятельность с «волчьим билетом», Броннер завершил высшее образование, получил диплом доктора медицины и построил профессиональную карьеру в Берлине и Париже, где завел множество полезных контактов в медицинской среде. Впоследствии его связи и знание основных повесток западной научно-медицинской среды помогли в организации советско-германской экспедиции.

Будучи одним из организаторов II Всесоюзного съезда по борьбе с венерическими болезнями, состоявшегося в 1925 г. в Харькове, Броннер знал, кому из немецких коллег проблема сифилиса в Бурят-Монголии покажется особенно интересной. Озвученная на заседаниях информация о 42%-й заболеваемости этим недугом среди бурят (о. Ольхон) была внимательно выслушана ведущими венерологами Й. Ядассоном и Ф. Пинкусом из германского «Общества борьбы с венерическими болезнями». Вернувшись в Германию, они передали материалы гейдельбергскому нейropsихиатру К. Вильмансу, автору противоречивой гипотезы о мутации сифилитического патогена под влиянием сальварсанотерапии¹.

¹ Терапия сифилиса сальварсаном и его производными посредством внутримышечных инъекций или внутривенных вливаний. Сальварсан («спасительный мышьяк», препарат 606, арсфенамин) — изобретенный П. Эрлихом в 1909 г. противосифилитический химиопрепарат на основе мышьяка. До широкого внедрения пенициллина оставался основным лекарством против сифилиса на всех стадиях заболевания. Имел многочисленные «дженерики», в том числе в СССР (новарсенол). См.: [Башкуев, 2021в: 232–234].

Карл Вильманс (1873–1945) считал, что под влиянием сальварсана бледная спирохета приобретает нейротропные свойства и начинает атаковать нервную систему, вызывая тяжелые осложнения — спинную сухотку и прогрессивный паралич. В цивилизованных странах, где сифилис лечили сальварсаном (препарат 606) и его менее токсичной разновидностью неосальварсаном (препарат 914), росла доля нейросифилиса, а в «нецивилизованных» странах, где сальварсанотерапия была редкостью, болезнь сохранялась в классической форме с многообразием кожных проявлений [Solomon, 1993: 212–213]. Звучащая сегодня политически некорректно, эта гипотеза имела огромное значение для дальнейшего использования сальварсана и его производных, на тот момент единственного эффективного противосифилитического средства. Ведь если бы подтвердилась гипотеза Вильманса, все мировое производство сальварсана попало бы под угрозу. Основные убытки понесла бы Германия, родина и крупный мировой поставщик препарата 606. Для проверки этой гипотезы требовалось население, никогда не подвергавшееся массовому лечению сальварсаном. Поэтому Бурят-Монголия с ее 42% сифилитиков сразу вызвала живой интерес немецких специалистов.

Основным же бенефициаром будущего совместного предприятия был СССР. Во-первых, даже в условиях геополитической изоляции немецкие венерологи сохранили высочайший профессионализм в диагностике и лечении сифилиса и могли добиться успехов в проблемном для большевиков регионе. Во-вторых, у них имелось современное оборудование, которое ни Наркомздрав РСФСР, ни тем более Бурнаркомздрав обеспечить не могли. В-третьих, участие в экспедиции такого уровня давало советским врачам, особенно молодежи, бесценный опыт в изучении и лечении сифилиса, а также в организации масштабных научных исследований. В-четвертых, предприятие имело значительный пропагандистский потенциал. Наконец, для Бурят-Монголии эта экспедиция была не только шагом к решению большой проблемы, но и крупным информационным поводом для привлечения внимания к процессам социалистической трансформации в пограничной с монгольским миром республике.

При подготовке экспедиции выявилось ключевое противоречие. Для предварительной оценки ситуации летом 1926 г. в Бурят-Монголию в сопровождении специалистов Наркомздрава РСФСР прибыли два немецких профессора — К. Вильманс и сифилидолог из Мюнстера А. Штюмер. Благодаря С. Соломон, опубликовавшей в 1995 г. путевой

дневник Вильманса, мы знаем, что немцев поразили контраст между идиллической природной красотой республики, ее этническим разнообразием, высоким потенциалом развития бурятского народа и плачевным состоянием его здоровья. Причину они видели в неудовлетворительно поставленной медицинской помощи [Wilmanns, 1995]. В разговорах с русскими коллегами Вильманс и особенно Штюмер несколько раз выразили недоумение по поводу отсутствия в медпунктах базовых реактивов для серологического исследования крови по Вассерману, микроскопов, основного медицинского инструментария. Этого было достаточно для приставленных к ним сопровождающих. В Наркомздрав РСФСР полетели донесения о высокомерии немцев, их неуважении к русским коллегам. Самым неприятным стало подозрение в том, что немецкие врачи собираются заниматься не научным изучением третичного сифилиса, а его лечением.

Нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко болезненно воспринял эту информацию. В его понимании, у советских врачей уже имелся большой опыт лечения сифилиса у национальных меньшинств, и в этой области они не нуждались в иностранной помощи. В тот момент судьба всего предприятия висела на волоске, но ситуацию спасло заступничество управделами СНК СССР Н. П. Горбунова и решительная поддержка главы АН СССР академика С. Ф. Ольденбурга (1863–1934). Именно тогда из немцев было вырвано обещание заниматься исключительно научными исследованиями. Профессорам Вильмансу и Штюмеру пришлось писать униженные объяснительные записки [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 7. Л. 431–436], что окончательно отвратило их от участия в проекте. Таким образом, по злой иронии судьбы Вильманс, чья гипотеза дала импульс всей экспедиции и кто больше других немцев был заинтересован в научном изучении третичного сифилиса в БМАССР, вышел из проекта на самой ответственной его стадии.

Навязав немцам свои правила игры, советская сторона обеспечила себя научной экспертизой именно там, где Штюмер и Вильманс увидели основные проблемы. Конечно, не имевшие элементарных реактивов, использовавшие для микроскопии предметные стекла из зеленого бутылочного стекла, наркомздравовские врачи без должной подготовки не смогли бы добиться требуемой точности результатов даже на качественном немецком оборудовании. Зато они могли разъезжать по улусам и подвергать массовому обследованию бурятское население, параллельно

проводя так называемые «откровенные интервью». Для этого в состав советской группы ввели двух антропологов из Комиссии по племенному составу (КИПС) Академии наук СССР.

Очевидно, что немцы, сознательно ограничившие себя научной повесткой, не составляли отдельной экспедиции [Solomon, 1993: 230], а выполняли несколько важных, но сугубо инструментальных функций. Они делали то, что умели лучше всего, — осматривали, измеряли, проводили люмбальные пункции (забор спинномозговой жидкости) и рентгеновские исследования, скрупулезно изучая поведение сифилитического патогена в условиях Бурят-Монголии. Но плодами своей работы немцы должны были делиться с русскими коллегами, в то время как последние занимались поиском социальных причин катастрофического распространения болезни и массовым лечением больных. Формально обе части экспедиции выполняли собственные повестки, фактически же всю основную выгоду от экспедиции получила советская сторона.

За 62 дня, проведенных в селе Кульск Хоринского аймака БМАССР, врачи осмотрели, по разным данным, от 3012 до 4967 чел. Русских больных было от 956 до 971, остальные — буряты. Тысяча четыреста люмбальных пункций дали немцам богатый исследовательский материал. Было выявлено множество случаев нейросифилиса и аортита, а местные штаммы *Treponema pallida pallida* показали точно такие же свойства, что и европейские. Таким образом, гипотеза Вильманса была опровергнута. Сальварсан остался основным противосифилитическим препаратом вплоть до наступления эры пенициллина. Советские же врачи пришли к ожидаемому, но несколько обескураживающему выводу: причиной массового распространения сифилиса у кочевников оказался не традиционный быт с его антисанитарией, не сверхэксплуатация и нищета, а особенности половой жизни бурят [Solomon, 1993: 231]. Впрочем, большевики сумели быстро и безболезненно интегрировать их в идеологическое основание противосифилитической кампании. Особенности половой жизни получили социальное объяснение в контексте традиционного кочевого быта. Им была объявлена такая же война, как антисанитарии, традиционным методам ухода за младенцами, обычаю делиться курительной трубкой, национальному костюму.

Экспедиция 1928 г. обозначила кульминационную точку советской кампании по борьбе с сифилисом в Бурят-Монголии, но до победы над коварным недугом было еще далеко. Даже в 1950-е гг. в отчетах

экспедиций улан-удэнского кожно-венерологического диспансера описывались мутилирующие случаи люэса у пожилых людей — несомненно, отголоски катастрофической ситуации 1920-х гг. Однако к середине 1930-х гг. об эндемическом характере сифилиса в БМАССР речи уже не шло.

Среднесрочные результаты: ситуация с сифилисом в Бурят-Монголии в 1930-е гг.

В 1935 г. советский венеролог Н. М. Туранов провел четыре месяца в экспедиции в Бурят-Монголии. По результатам он написал кандидатскую диссертацию «Сифилис в Бурято-Монгольской АССР» (защита в 1936 г.). Работа Туранова — не медицинское, а скорее социологическое исследование проблемы сифилиса в республике. Диссертация построена по очень простому принципу: автор сопоставляет ситуацию 1920-х гг., которую он воспроизводит на основе материалов венотрядов и экспедиций, с собственными подсчетами, опросами и наблюдениями. Это создает убедительную картину прогресса, достигнутого за 10–12 лет борьбы с венеризмом в республике. Конечно, в соответствии с идеологическими требованиями он специально акцентирует изменения, произошедшие в период коллективизации, а также подвергает неконструктивной критике коллег-врачей. Но несмотря на политическую ангажированность, диссертация Туранова — ценный исторический источник. Это первая комплексная работа, посвященная социокультурным, а не медицинским аспектам проблемы. Она ценна тем, что сочетает более ранние материалы и интерпретации с авторскими опросами и подсчетами и в любом случае отражает динамику изменения ситуации с люэсом в БМАССР.

Какие же принципиальные улучшения в ситуации отметил Н. М. Туранов? Во-первых, это изменения в пространстве жизнеобеспечения бурят. Вместо разбросанных на десятки километров малых айлов и индивидуальных юрт появились сгруппированные и огороженные колхозные поселения, что облегчило задачу их медобслуживания. Появилось много общественных бань. В Ербановском сельсовете на два колхоза и 600 чел. населения имелось семь бань (две школьные). Из 587 опрошенных Турановым бурят (16 лет и старше) в баню ходило 345 чел. (58,7%). В 1930 г. более двух смен белья имело 5% бурят, а в 1935 г. из 248 взрослых более двух смен белья имело 71,8%. У большинства опрошенных (72,3%) частота смены белья составила 5–10 дней

[ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 1079. Л. 31-32]. Таким образом, улучшилась ситуация с личной гигиеной аратов.

Важные изменения отмечены в половом быте. Если по данным А. М. Пестерева в 1930 г. лишь 3,6% опрошенных ответили, что начали половую жизнь в 17 лет и позже, то в 1935 г. этот процент вырос до 55,9. Если в 1925–30 гг. из опрошенных юношей и девушек от 10 до 15 лет половой жизнью уже жили 22,5% юношей и 58,4% девушек, то в 1935 г. этот процент составил 2,4 и 2,5 соответственно. Туранов зафиксировал его уменьшение в 9,3 раза у мужчин и в более чем 28 раз у женщин. При этом для сравнения он привел данные из МНР: там в 1933–1934 гг. половую жизнь до 13 лет начинали 40% опрошенных [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 1079. Л. 49].

Ключевой тезис идеологов большевистского здравоохранения о том, что сифилис — оружие русского колониализма против национальных меньшинств, находит в работе Туранова дальнейшее развитие. Изучив схожие точки зрения, он пришел к выводу, что свобода половых отношений у бурят — своего рода сопротивление многолетней политике угнетения, стремление обеспечить экономическую поддержку изнутри сообщества с помощью воспроизводства как можно большего количества потенциальных рабочих рук. Однако сифилис и тут выступал на стороне царизма, являясь «биологическим регулятором» рождаемости, ведь он поражал не только самые цветущие возраста, но и был одной из основных причин младенческой смертности [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 1079. Л. 51–52].

Вопреки обычной логике, Туранов считал свободу половых отношений у бурят «консерватизмом быта», а советское строительство, упорядочивающее и контролирующее половое поведение разными небιологическими методами (культурные развлечения, спорт, служба в армии, общественно-полезная работа) — единственным способом его преодолеть [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 1079. Л. 52, 56–57]. Также он обрушился с критикой на предупреждения некоторых врачей о том, что слишком быстрый переход от тысячелетних устоявшихся форм быта к новым экономическим практикам (переход на оседлость, коллективизация) приведет к росту заболеваемости туберкулезом [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 1079. Л. 41–42].

Оценивая более чем десятилетние усилия (с 1923 по 1935 гг.) советского правительства по борьбе с сифилисом, Туранов подчеркнул правильность

решения Броннера по массовому командированию в проблемные регионы венерологических отрядов. С 1923 по 1935 гг. в Бурят-Монголии побывало 30 венотрядов. Для сравнения: в гораздо большем по территории и населению Казахстане за тот же период их было 42 [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 1079. Л. 81]. Понимание серьезности угрозы сифилиса выразилось в строительстве специализированных венерологических медучреждений — диспансеров и венпунктов. В 1924 г. открылся Верхнеудинский вендиспансер. В 1925 г. на территории БМАССР работало четыре вендиспансера — Верхнеудинский, Ольхонский, Бильчирский, Батанай-Харганатский. К 1926 г. их было уже семь. Также в республике работало шесть венотрядов, которые выявили средний процент заболеваемости — 32,8%, что в меньшую сторону отличалось от приблизительных оценок врачей на местах (65–70% в Агинском аймаке, 90% — на Ольхоне и т.д.) [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 1079. Л. 82–83].

Новый экспедиционный формат, использовавшийся с 1928 г., сделал борьбу с сифилисом более эффективной. Сразу после советско-германской в 1929 г. в республике работала экспедиция ГВИ по изучению гонореи. Затем в 1930 г. — комплексная экспедиция Деткомиссии ВЦИК [Гранат, Згоржельская, 1931], туберкулезная экспедиция и т. д. Полученные в 1928 г. данные показали, что заболеваемость сифилисом составила примерно 17%, что гораздо ниже показателей 1926 г. Наблюдался определенный прогресс, хотя о какой-то победе над социальными болезнями говорить было еще рано.

Между 1928 и 1932 гг. в кампании против сифилиса произошел количественный и качественный спад. Вместо запланированных к 1930 г. 27 противовенерических учреждений в 1932 г. на всю республику их было всего девять, т. е. лишь 30% плана. С 1925 г. не выросло количество венерических коек в Верхнеудинске (всего 20). Несмотря на ряд успешно проведенных мероприятий, кампания заметно сбавила ход. Туранов объяснял это самоуспокоением местных врачей, которые «борьбу с сифилисом предоставили самотеку, “самоотмиранию”, “самоочищению”» [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 1079. Л. 86]. На самом же деле именно в этот период (с 1929 по 1934 г.) партия решила переключить здравоохранение с обслуживания жителей на сопровождение промышленного производства. Социал-гигиениста Н. А. Семашко, так гордившегося советскими достижениями по борьбе с социальными заболеваниями, убрали с поста наркома. Его заменил профессиональный революционер

М. Ф. Владимирский (1874–1951), сразу же переставивший акценты в направлениях медицинской работы [Затравкин, Вишленкова, 2022: 128–129]. В 1931 г. первого наркома здравоохранения Бурят-Монголии, венеролога по специальности А. Т. Трубачеева заменили на У. А. Бабушкину, которая вообще не имела медицинского образования, зато была членом ВКП(б). Правда, с 1934 г. Трубачеев работал при ней заместителем [Башкуев, 2016: 410].

Падение темпов не осталось незамеченным в Москве. В 1933 г. В. М. Броннер собрал в Верхнеудинске первый республиканский съезд по борьбе с венерическими болезнями, где был дан полный анализ ситуации и разработан новый план работы, принятый правительством БМАССР. К 1935 г. ситуация с венерическими койками в областной больнице несколько улучшилась (их стало 30, но не 50, как планировалось в 1933 г.). Улучшилось снабжение противосифилитическими медикаментами на селе (с 25% в 1925 г. до 70% в 1935 г.), были введены в оборот препараты осарсол и спироцид [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 1079. Л. 93–96]. Массовое использование серологической реакции (RW и упрощенной реакции Закса-Витебского) позволило выявлять латентный сифилис. С 1928 по 1935 г. процент этой сложно диагностируемой формы упал с 53,47% (советско-германская экспедиция) до 25,1% (экспедиция 1935 г.) [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 1079. Л. 102]. Важным решением было сохранение экспедиционного формата: ЦК ВКП(б) принял решение о посылке в БМАССР в 1936 г. 10 венерологических отрядов из центра [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 1079. Л. 102]. Такая форма работы позволяла достичь широкого охвата огромной и все еще мало изученной территории республики. Безусловно, подобное решение не могло быть принято без помощи Броннера и его коллег из ГВИ.

Итак, более чем десятилетняя борьба с сифилисом на территории БМАССР дала ряд положительных результатов. Используя все возможные источники помощи, Бурнаркомздрав локализовал наиболее проблемные районы, население которых подверглось максимально широкому в то время обследованию. Архивные документы показывают, что до 1929 г., когда приоритетом было массовое оздоровление населения, борьба с социальными болезнями шла успешнее, чем в 1929–1934 гг., когда внимание Наркомздрава РСФСР переключилось на отраслевое здравоохранение и промышленную медицину. Сталинская политика «большого рывка» вынудила профессионалов-медиков переместить

акценты с одних заболеваний на другие, политизировать иные аспекты здравоохранения. Сворачивание кампании в угоду изменившимся политическим целям было наглядной демонстрацией смены гуманистических приоритетов на примат идеологии сталинизма с его милитаризацией, культурной изоляцией, экономической автаркией. Тем не менее значительные ресурсы продолжали вкачиваться в борьбу с сифилисом в трансграничье: в Монголию в то время направлялись дорогостоящие экспедиции, в которых нашли место и профессионалы с опытом работы в Бурят-Монголии.

На пороге демографической катастрофы: сифилис в МНР как медицинская и политическая проблема (1920–1930 гг.)

Несколькими сотнями километров южнее проблемных аймаков Бурят-Монголии лежала страна, где сифилис властвовал практически повсеместно. Принципиальная разница между ситуацией в БМАССР и МНР состояла в том, что если в Бурятии недуг массово распространялся среди полуоседлых и кочевых бурят, а русские, евреи и другие этносы республики были подвержены ему в меньшей степени, в этнически и культурно однородной Монголии сифилис был проблемой здоровья всего населения. При этом монголы гораздо сильнее боялись бубонной чумы, а люэс считали обычной для человека болезнью. Объясняется это не только его повсеместным распространением, но и специфически долгим периодом страдания, в то время как чума убивала быстро, мучительно и практически неизбежно. Монгольские ламы-лекари (эмчи) имели в своем арсенале большое количество противосифилитических препаратов на основе ртути, но по эффективности они не могли сравниться с неосальварсаном. К 1920-м гг. монголы фактически были беззащитны перед сифилисом, одинаково привычным в резиденциях князей и «живых богов» (перерожденцев, высших иерархов ламаистской церкви), и в юртах самых бедных аратов.

Будущий советский дипломат И. М. Майский (1884–1975) в 1919 г. совершил путешествие по Монголии в составе экспедиции иркутской конторы «Центросоюза». В опубликованном в 1921 г. отчете «Современная Монголия» он особо отметил масштаб проблемы сифилиса в стране.

По всему маршруту экспедиции встречалось много людей с внешними проявлениями болезни. Эмчи-ламы часто обращались к ее участникам с просьбой поделиться противосифилитическими медикаментами. Самым желанным подарком была банка ртутной мази. Даже «живой бог» крупнейшего халхаского монастыря Эрдэни-Дзу заметно обрадовался, когда в числе других подарков Майский поднес ему баночку ртутной мази [Майский, 1921: 31].

Эту же проблему описывали и другие исследователи Монголии — Б. Б. Барадийн, Л. Я. Казакевич, Р. Ч. Эндрюс [Башкуев, 2016: 249–255]. После победы Монгольской революции 1921 г. в страну прибыли советские врачи, уделившие основное внимание двум направлениям медицинской помощи — хирургии (П. Н. Шастин) и венерологии (врач Байков). В открытом при гарнизонной амбулатории венерологическом отделении за один месяц было зарегистрировано более 1000 посещений [Башкуев, 2016: 255]. Отмечу, что это произошло в начале 1924 г., еще до провозглашения МНР и начала серьезной медицинской помощи со стороны СССР.

Сифилис как угроза национальной безопасности МНР в 1920-х — начале 1930-х гг.

Ретроспективно осмысливая ситуацию с заболеваемостью в Монголии 1920-х гг., сегодня мы уже не можем, подобно советским врачам, заявлять о полном медицинском невежестве монголов. Это некорректно не только с методологической точки зрения. Факты свидетельствуют об обратном — эмчи-ламы издавна знали об опасности сифилиса и разработали ряд способов лечения этого заболевания.

В монгольском языке сифилис обозначается лексемой *тэмбуу*. Существуют мифологизированные объяснения происхождения люэса, идущие от тибетской легенды о ядовитом дереве *сэ*, сок которого вызывает язвы, похожие на сифилитические гуммы. Поэтому в тибетской традиции болезнь носит название *сэ-дук* или *рик дук* («заражение ядом дерева»). Следуя рецептам тибетских врачей, монгольские эмчи-ламы использовали соединения ртути, главным образом киноварь, для лечения сифилиса. Ядовитое действие ртути они пытались ослабить различными манипуляциями — пережиганием на огне светильника, смешиванием с другими минеральными и растительными компонентами. Широко применялось окуривание больного или курение лечебного состава, а для нейтрализации ядовитого воздействия во рту держали кусочек серебра.

Использовались средства растительного и животного происхождения: сарсапарилла, привозившаяся из Индии и Китая, «дорогой корень» (корень эфедры), медвежья желчь, струя кабарги. Назначались горячие минеральные ванны с добавлением лекарственных средств (*Дандарын таван аришан* и т.д.) [Миягашева, 2022: 387–389].

В целом рациональная, медицинская помощь эмчи-лам не могла решить проблемы сифилиса. Даже в Европе целенаправленное и успешное лечение люэса стало возможным только после изобретения в 1909 г. сальварсана. В Монголии 1920-х гг. мало кто из эмчи-лам умел правильно его использовать. Те, кто проводили «большую тарюху» (вливание сальварсана) на свой страх и риск, часто вызывали у пациентов тяжелые отравления и смерть [Башкуев, 2021а: 253]. Поэтому использовать сальварсан эмчи-ламы боялись, а когда в стране появились советские врачи, потянулись к ним за лечением и обучением.

В 1926 г. Наркомздрав РСФСР в срочном порядке направил в МНР большую врачебную экспедицию. Не вдаваясь в уже неоднократно описанные мной подробности геополитической обстановки того периода [Башкуев, 2021б: 43–51; Башкуев, Ратманов, 2020: 1029–1031], отмечу, что огромную роль в этом решении сыграл НКВД СССР. Опасавшиеся германского влияния большевики откровенно испугались того, что монголы могут обратиться за помощью в строительстве здравоохранения к Германии, и приложили усилия, чтобы упредить немцев. Ассигнование большой суммы (175 000 руб.) на экспедицию прошло быстро, а группа врачей прибыла в МНР уже в сентябре 1926 г.

Из-за общего незнания ситуации в Монголии силы первой экспедиции были использованы довольно бездарно. Центром обслуживания выбрали отдаленный западный аймак Заин-Шаби. Там врачи обнаружили огромное количество венерических больных. Г. В. Ивицкий, участник этой и начальник второй медико-санитарной экспедиции (1927–1928) писал, что экспедиционный венеролог изнемогал от ежедневного притока сотен пациентов. Когда экспедиция покидала Заин-Шаби, провожать их пришли шедшие на поправку больные, ранее поступившие в медпункт буквально разлагающимися заживо. Они плакали навзрыд и просили не покидать их [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 108].

Вторая медико-санитарная экспедиция значительно расширила ареал обслуживания. В административном центре Заин-Шаби Цэцэрлэге работал медпункт под руководством Н. А. Сидоркина. Сифилис там

составил 19% от общего количества обращений. Анализируя ситуацию, Сидоркин писал, что для монголов сифилис — невинное и как бы обязательное заболевание. Его удивляло то, что при описании жалоб пациенты рассказывали о болях в пояснице, ломоте, зуде, но ни словом не вспоминали запавший нос или отсутствие небной перегородки. Вполне ожидаемо советский врач объяснял это низким культурным уровнем аратов, их медицинским невежеством [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 29–31].

В восточный Цэцэнханский аймак был направлен венерологический отряд С. Т. Ильина, уже знакомого нам по Бурят-Монголии. В Сан-Бэйсэ (совр. Чойбалсан) была открыта амбулатория, основными пациентами которой стали венерические больные. Сифилис составил 51,1% от общего количества обращений [Башкуев, 2016: 284]. Венотряд Ильина занимался не только амбулаторным приемом и лечением больных аратов. В мае 1928 г. врачи начали массовое обследование близлежащих айлов. Двигаясь по руслам рек, они подъезжали к отдельно стоящим юртам или группам юрт и обследовали согласных на осмотр монголов. Такая форма работы была сложна: обычно в юртах заставляли лишь стариков; молодежь либо отсутствовала, либо демонстративно отъезжала в степь под предлогом сбора аргала. Часто на пороге юрты устанавливался шест — знак, что вход воспрещен.

Совершенно иной прием ждал врачей в Онон-Гольском бурятском хошуне в 300 верстах от их постоянной дислокации. Сергей Тихонович Ильин хорошо знал обычаи и привычки бурят по работе в БМАССР, возможно, даже владел бурятским языком. Буряты сами просили прислать обследовательский отряд, помогали организовывать медицинское обслуживание, предоставляли транспорт и дрова. Заболеваемость в хошуне оказалась высокой: из 185 обследованных юрт сифилис выявили в 110 (58,3%). Из 547 осмотренных аратов больными оказались 193 чел. При обследовании монгольского пионерского отряда из 27 детей было выявлено пять больных. При обследовании учащихся русской школы (86 чел.) и кружка физкультурников (47 чел.) был обнаружен лишь один сифилитик [Башкуев, 2016: 286].

Общие выводы, к которым пришли советские врачи в Монголии, были неутешительны. Самый высокий процент больных сифилисом выявлялся среди наиболее фертильной возрастной группы от 17 до 35 лет. Социальный статус почти не влиял на распространенность инфекции: условия традиционного быта у богатых и бедных слабо отличались друг

от друга. Исключение составляли ламы, жившие в гораздо лучших гигиенических условиях: территории монастырей тщательно убирались, а в юртах лам имелись дымовые трубы, дощатые ограды, полы, кладовки для продуктов. Тем не менее ламы тоже страдали сифилисом, и у них врачи чаще всего обнаруживали заражение половым путем [ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д 77. Л. 6].

Пять советских медико-санитарных экспедиций (1926–1938) выполнили ряд важнейших задач. Именно они выявили истинный масштаб эпидемии венерических болезней в стране и принесли в отдаленные аймаки надежду на избавление. Над решением проблемы работали не только венерологические отряды. Например, в 1928 г. в Ундэрхан (Восточная Монголия) был направлен исследовательский акушерский отряд, в чьи задачи входило изучение проблем материнства и младенчества и организация элементарной акушерской помощи.

Акушеры-гинекологи А. И. Гурина и С. И. Баренбойм обследовали 484 женщины, из которых бесплодными оказались 153 (31%). Сифилисом или гонореей были больны 166 женщин (36%). Пагубное влияние сифилиса на рождаемость известно, а в Монголии в то время именно он был основной причиной не только выкидышей и мертворождений, но и младенческой смертности. У 484 монголонок за период их жизни до обследования произошло 123 выкидыша, 46 детей родились недоношенными и 37 — мертворожденными. В целом 266 беременностей закончились без рождения живого ребенка, что составило 31% по отношению к 682 благополучным родам [Башкуев, 2021а: 208].

Из 2160 живых детей, произведенных на свет этой группой женщин, 965 (почти 45%) умерло, не достигнув трехлетнего возраста. Огромный урон женскому организму приносила и гонорея. После рождения первого ребенка больные гонореей женщины, как правило, теряли фертильность навсегда. Коварство венерических болезней состоит в том, что человеческий организм могут одновременно поражать несколько инфекций, а иммунитета к ним не вырабатывается. Поэтому и сифилис, и гонорея в Монголии представляли собой грозную опасность для демографии всей страны во вполне обозримой перспективе.

Акушерские пункты, подобные Ундэрханскому, возникали и в других частях страны. У монголонок эта форма помощи пользовалась популярностью: к врачам приходило все больше женщин, согласных рожать по-европейски. При правильном систематическом лечении даже больные

сифилисом женщины с мертворождениями и выкидышами в анамнезе производили на свет жизнеспособных детей без признаков инфекции. Вести о таких случаях разносились на сотни километров по степи, и в медпункты прибывало все больше рожениц, стремящихся сохранить жизнь будущему младенцу. Монголы, как и другие кочевники Центральной Азии, отличаются особенной любовью к детям, и монголки, родившие при помощи советских акушеров жизнеспособных младенцев, выражали признательность, давая им русские имена. Они также становились образцовыми матерями, успехи которых демонстрировались другим [Башкуев, 2021: 210].

В 1929 г. в здравоохранении МНР произошли изменения, без сомнения, навеянные сталинским социальным экспериментом в СССР. Управление здравоохранения было реформировано в министерство, где появилась постоянная должность советника, замещающаяся кадрами из СССР. Первым советником Минздрава МНР стал сотрудник Госплана СССР и врач И. Л. Баевский (1894–1938). Его задачей было создание программы развития монгольского здравоохранения — приступившее к строительству плановой экономики советское правительство хотело ясности в планах содействия союзнику. Завуалированная под резолюцию ЦК МНРП, программа была обнародована в 1930 г.

Документ содержал ряд ключевых для противовенерической борьбы нововведений. Был введен обязательный учет венерических больных с обследованием их семей и контактных лиц. В Улан-Баторе в январе 1930 г. был создан венерологический диспансер. Несмотря на сложности с кадровым обеспечением, через диспансер только за восемь месяцев 1930 г. прошло 1137 первичных больных разными формами сифилиса, 667 больных гонореей, 151 — мягким шанкром. Больных кожными болезнями было меньше, чем венериков (1350 чел.). Монголы и буряты составили 83,1% всех пациентов диспансера. Основными медицинскими манипуляциями были вливания неосальварсана (4051), уколы биохиноля (940). Количество повторных посещений сифилитиками равнялось 17129. При этом один курс специфического лечения прошли 809 чел. (71,7%), 2 курса — 238 чел. (20,9%), 3 курса — 65 чел. (5,7%), 4 курса — всего 9 чел. (0,8%) и 5 курсов — лишь 2 чел. (0,2%). Так как для полного излечения требовалось пройти пять-шесть курсов специфической терапии, очевидно, что большинство пациентов снимало наружные симптомы, не вылечиваясь до конца. Тем не менее советские врачи считали, что «такое

аккуратное все-таки лечение среди малокультурного населения является большим достижением» [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 30. Л. 432–434].

Осенью 1929 г. глава Управления здравоохранения МНР Хаин-Хирба и И. Л. Баевский подготовили статью «Вопросы организации здравоохранения в Монгольской Народной Республике». Во многом она оказалась программной — Баевский сформулировал там основные пункты своего пятилетнего плана развития отрасли. Сифилис и гонорея названы в статье главной причиной низкой рождаемости и малой жизнеспособности младенцев, а борьба с ними — обязательной предпосылкой всех мероприятий по увеличению численности населения. Как госплановец, И. Л. Баевский воспринимал демографическую проблему в экономическом ключе: развитие народного хозяйства республики требовало производительных сил, а как раз их и подтачивала эпидемия венерических болезней. Разрушая наиболее способные к работе возраста, способствуя ранней инвалидизации, подрывая саму способность давать жизнеспособное потомство, сифилис делал невозможным экономическое развитие страны. Поэтому успех в борьбе с сифилисом Баевский считал залогом дальнейшего прогресса в экономике и обществе [Хаин-Хирба, Баевский, 1930: 98].

В 1930 г. Министерство здравоохранения МНР заявило: борьба с венерическими болезнями положена в основу всей деятельности ведомства [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 30. Л. 432]. Возобладала уже знакомая нам советская перспектива: сифилис — «бич улуса», оружие внутренних и внешних врагов Монголии, серьезная помеха развитию. Поэтому, как и в Бурят-Монгольской АССР, болезни была объявлена война. Параллельно под прицелом оказались те, кого в МНР винили в распространении эпидемии — огромное по численности духовное сословие. В Монголии более чем где-либо еще в центральноазиатском буддийском ареале проявился антагонизм между идеологией и практикой большевистских «культуртрегеров» и беспрекословным влиянием на людские умы, которым пользовались ламы. Еще на ранних этапах строительства монгольского здравоохранения врачи-большевики поняли, что ламы — их главные идеологические противники и, что еще важнее, экономические конкуренты. Ведь, приходя в отдаленные аймаки с неосальварсаном, висмутом, биохинолом и гоновакциной, они вторгались в пространство давно сформировавшихся экономических отношений, где эмчи-ламы выступали монополистами в предоставлении медицинских услуг. Ко второй декаде XX в.

весь этот рынок находился в их руках, не говоря уже о том, что сакрализованные здравоохранительные практики эмчи-лам не вызывали у аратов ни малейших сомнений в их эффективности.

Поэтому и результативная борьба против сифилиса, и само внедрение европейской медицины в МНР были возможны лишь в случае решительной победы над ламским влиянием в масштабах всей страны. Для этого эмчи-лам нужно было разъединить и дискредитировать в глазах общества, а подорвав их влияние и репутацию, подвергнуть социальной маргинализации и, наконец, убрать с общественной сцены. Здесь пригодились уже наработанные в национальных республиках навыки создания и использования образа врага, политизации болезней, мобилизации самой отчаявшейся части общества против идеологических оппонентов.

Политизация проблемы сифилиса

и судьба монголо-тибетских эмчи-лам в 1920–1930-х гг.

Нападки на тибетскую медицину и ее носителей начались сразу после прибытия в Монголию врачей-большевиков. В 1928 г. начальник второй медико-санитарной экспедиции Г. В. Ивицкий писал: «Первая экспедиция не могла пройти мимо кардинального вопроса о тибетской медицине, этом орудии духовной касты для экономической эксплуатации и духовного закабаления народных масс. Экспедиция постоянно сталкивалась в своей повседневной работе с этими монополистами в области лечения, больные положительно отвоевывались...» [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 108]. Оценивая тибетскую медицину с большевистской точки зрения, он призывал к практическому применению принятых незадолго до этого законодательных мер [Дамдин, 1936а: 22–24]. «Закон об отделении науки от церкви должен быть проведен со всей решимостью и без задержки: ламство, потеряв главное орудие — медицинское шарлатанство, быстро пойдет по наклонной плоскости — в лету истории, аратское население избавится от вековой кабалы, начнет экономически крепнуть, культурно развиваться», — резюмировал он [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 108–109].

Проблема была в том, что в 1928 г. советские медики не обладали в МНР никаким особым статусом. Напротив, они представляли собой каплю в море ламства, обладавшего монополией на медицинское обслуживание

населения. В сентябре 1926 г. на службе Управления здравоохранения МНР состояло всего семь русских врачей [Ибрагимов, Дэмбэрэл, 1977: 62]. Для сравнения, в 1928 г. в стране было 94 900 монастырских лам [Дамдин, 1936б: 14]. Определить точное количество лекарей в этой массе было невозможно. Выдать себя за врачевателя мог любой лама.

В стране, где даже при развивающейся системе здравоохранения один врач приходился на 7000 чел. [Дамдин, 1936а: 89], обеспечить хоть какой-то охват населения медицинской помощью можно было лишь признанием тибетской медицины в качестве государственной. Поэтому вплоть до 1930 г. параллельно с советскими медучреждениями работали тибетские больницы. Эмчи-ламы обслуживали школы, рабочие коллективы, организации и не планировали сдавать свои позиции. Уверенности им добавляла поддержка со стороны правительственных чиновников. С 1926 по 1928 г. у власти в МНР стояли «правые уклонисты» — национальные демократы, чье видение дальнейшего развития страны строилось на монгольских интересах и учете национальной специфики [История Монголии, 2007: 77–78]. Для них монголо-тибетская медицина являлась гораздо большим, чем просто система врачевания — частью национальной идентичности монголов. Было осознание того, что за прошедшие века тибетская медицина выросла в кочевое общество, став частью традиционной культуры.

Первый серьезный удар по эмчи-ламам был нанесен в 1930 г., когда у власти находились левые уклонисты, копировавшие опыт советской коллективизации. Постановление VI Великого хурала в 1930 г. сняло с государственного обеспечения тибетские клиники и прекратило параллельное функционирование двух медицинских систем. Вне всяких сомнений, это был дискриминационный для эмчи-лам шаг. Однако основным поводом для недовольства стали массовые экспроприации собственности, сопровождавшиеся насилием в отношении ламства и монастырей [Морозова, 2002: 110]. Прокатившиеся по стране восстания, в которых активно участвовали ламы, заставили правительство свернуть опасный социальный эксперимент и осудить политику левых уклонистов. Но за недолгий период социальной турбулентности ламы дали большевикам как минимум два весомых повода для своего будущего разгрома: 1) продемонстрировали способность вести за собой недовольных политикой МНРП аратов; 2) проявили средневековую жестокость, расправляясь с коммунистическими активистами, в том числе

врачами (в Архангае от их рук пал создатель первых в стране детских яслей С. М. Немой) [Немой, 1978: 99]. При этом необходимо упомянуть, что врач Немой являлся комбатантом, был взят в плен с оружием в руках и подвергся традиционной, хотя и варварской, военной казни. Нельзя не вспомнить и то, что назначенный после И. Л. Баевского советником Минздрава МНР врач Я. Л. Гроссман был профессиональным чекистом, командовал отрядом карателей в Хубсугульском аймаке и был за это награжден монгольским орденом Боевого Красного знамени первой степени [Башкуев, 2020: 50].

Таким образом, к 1932 г. обе стороны в буквальном смысле отведали крови врага. Противостояние, кульминаровавшее в волну репрессий 1937 г., преодолело точку невозврата. Какие же аргументы против лам выдвигали врачи-большевики, как они были связаны с сифилисом, и почему советские культуртрегеры воспринимали суть проблемы именно так?

Необходимо отметить два обстоятельства, формировавших культурную интерпретацию советскими врачами проблемы венерических болезней в монгольском мире. Первое исходило из христианского понимания семьи и половой жизни как моногамной, патриархальной и строго регламентированной. Именно оно формировало внешний каркас «прокрустова ложа» медицинской нормы в головах советских врачей в Азии. Внутренняя же оболочка — созданная земцами и пироговцами парадигма, в которой сифилис — побочный продукт экономического прогресса, привнесенный в неразвитые сообщества, будь то крестьянская русская община или племя инородцев. Парадоксально, но в сознании большевиков оба этих обстоятельства были неразрывно связаны, несмотря на враждебность к любой религии, кроме коммунистической доктрины.

Повседневность, обычаи и деятельность лам, качественно столь отличавшиеся от реалий простого арата, вызывали у врачей острое неприятие. Уже в самых ранних документах советского полпредства в Монголии красной линией проходит резкая, лишенная какого-либо уважения критика ламского сословия, включая самых высших его представителей. Даже в материале, посвященном кончине теократического правителя Халхи Богдо-гэгэна VIII (1924), выпячивались пороки высшего ламства, первыми среди которых шли разврат, пьяный дебош и сифилис [Башкуев, 2016: 311]. При этом советские люди, конечно, не задумывались о глубинных причинах такого поведения, объясняя его

вседозволенностью, распутностью, жадностью и другими очевидными человеческими пороками.

Между тем высшие ламы использовали секс в качестве средства достижения просветления. На последней стадии тантрической сексуальной медитации, навеянной иконографией яб-юм, отражающей метафорическое единение высшей благодати с пустотой, накопленная сексуальная энергия должна была канализироваться в теле практикующего не в эякуляцию, а в особую энергию, освобождающую тело от мирских оков. Поэтому такой секс не имел ничего общего с простым размножением, а выводил ламу в нирвану, где никакие мирские пороки (промискуитет, алкоголь) не могли ему навредить [Terbish, 2013: 247].

Конечно, за столетия полной лояльности монгольского населения «желтой вере» ламы обрели самоуверенность, во многом проистекавшую из их экономического процветания и гораздо большей образованности, чем в среднем у аратов. Ламы были существенно ближе к своей пастве, чем русские попы, католические ксёндзы, лютеранские пасторы. В Монголии выделялась особая прослойка бродячих лам-бадарчинов, которые жили среди простых аратов, выполняя множество общественно полезных функций: учили и лечили детей, принимали роды, молились за плодovitость семей, определяли благоприятные дни для важных обрядов, лечения, путешествий [Terbish, 2013: 248]. Естественно, они пользовались гостеприимством хозяев, не обделяя вниманием женскую половину юрты.

Ламы также вели активную экономическую деятельность, принося доход своему монастырю. Несмотря на отрицание буддизмом мирской суеты, монахам разрешалась частная собственность, чем они пользовались, открывая торговые лавки и даже публичные дома. В определенном смысле формальный целибат лам был связан с наследственными правами: после смерти их имущество отходило монастырю [Terbish, 2013: 248], а не детям, которых у ламы могло быть много. Однако расходовать сексуальную энергию, не вступая в брак, фактически не запрещалось.

Советские врачи старались изучать внутренний быт монастырей и иерархию отношений у буддийского монашества, но их исследовательская оптика отличалась «двойной кривизной». Во-первых, университетское медицинское образование наделяло их цивилизаторским пафосом европейца среди «малокультурных» центральноазиатских кочевников. Поэтому непонятные им аспекты интерпретировались как рудименты

феодализма или проявления первобытной дикости. Во-вторых, над ними довлела политическая догматика ленинизма-сталинизма, представлявшая (частично обоснованно) сословие лам как эксплуататоров, присоединившихся к коллективному народному телу. Поэтому некоторые явления, например, ступени послушничества в монастырях (банди), понимались врачами предвзято, с точки зрения эксплуатации младших послушников старшими. Так, доктор М. М. Плоткина из Центрального венерологического диспансера Улан-Батора, обследуя в 1930 г. крупный монастырь в 75 км восточнее столицы, отмечала, что «банди» — гомосексуальное сожительство, не являющееся постыдным среди хувараков и лам [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 397. Л. 31]. О распространенности передачи сифилиса у лам через педерастию часто писали и другие советские врачи. В ГАРФ сохранилась анкета, специально разработанная для лам, где в вопросе о возрасте начала половой жизни специфицируются контакты с женщинами, а педерастия вынесена в отдельный блок вопросов [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 131 об.].

В сталинском СССР даже части этих факторов хватило бы, чтобы репрессировать целое сословие священнослужителей. В МНР авторитет лам у населения был так высок, что даже в 1938 г. участковый врач Хэнтэйского аймака И. А. Охотников жаловался, что местные партийные руководители сохраняют связи с ламами, приближают их, делают своими помощниками. Например, «бывший лама» в антураже первого секретаря Хэнтэйского аймкома МНРП критиковал советскую медицину, считая ее нежелательной для Монголии. При этом, хотя «нос его еле держится», лама наотрез отказывался от противосифилитического лечения [Башкуев, 2021a: 263]. В приверженности ламской медицине врачи уличали и наиболее «передовых в культурном плане» монголов: Я. Л. Гроссман сетовал, что председатель Малого Хурала Лаган обращался к эмчи-ламам в качестве дополнительной помощи, давал родственникам тибетские лекарства («задачки») [Башкуев, 2021a: 263]. Как видно, старые практики тяжело уходили из обихода даже самых убежденных монгольских коммунистов.

Тем не менее инспирированная большевиками антагонизация лам давала свои результаты. В июне 1932 г. состоялся чрезвычайный III Пленум ЦК МНРП, запретивший эмчи-ламам практиковать тибетскую медицину. В ответ ламы стали массово сворачивать медицинские услуги и прилюдно уничтожать тибетские лекарства, прекратили

помогать аратам и начали отправлять их в европейские медпункты. Но, даже внешне впадая в истерику, они продолжали скрытно защищать свои интересы — убеждали аратов, что политика МНРП ведет монголов к вырождению и гибели, лишая душу арата религии, а тело — здоровья [Башкуев, 2021а: 264]. Но все равно судьба профессиональной группы эмчи-лам в социалистической Монголии была предопределена.

Переняв у большевиков стратегию и тактику борьбы на «культурном фронте», монголы постепенно создали образ ламы как разносчика не только духовной «заразы», но и физического недуга. Как считает немецкий монголовед И. Штольпе, дискредитация священнослужителей была массовой и пронизывала монгольское общество сверху донизу (в беседе с И. В. Сталиным монгольский премьер Амар охарактеризовал методы эмчи-лам как совершенно неэффективные против сифилиса), а в результате ламы были выставлены в образе «ходячей эпидемии», жадных, суеверных, нечистых духовно и телесно сифилитиков [Stolpe, 2012: 371]. То, что сам Амар до карьеры в правительстве МНР был ламой, свидетельствует не только о гибкости его моральных принципов, но и подтверждает тенденцию политиков в тоталитарных диктатурах «быть святее Папы Римского». Также этот сюжет подкрепляют слова российского монголоведа И. Ю. Морозовой о том, что «антиламская политика на всех своих стадиях была во многом монгольским творчеством» [Морозова, 2002: 147].

Политизируя проблему сифилиса в Монголии, советские врачи, безусловно, внесли свою лепту в дискредитацию и социальную маргинализацию мощной корпорации лам, столетиями монопольно владевшей сферой медицинских услуг, образованием, духовной и культурной жизнью страны. В отличие от Бурятии, в МНР это противостояние было в буквальном смысле омыто кровью и потому не могло кончиться ничем иным, как полным разгромом одной из сторон. Однако социалистический период оказался слишком коротким, чтобы авторитет эмчи-лам и монголо-тибетской медицины в обществе полностью исчез. Как только на рубеже 1980-х — 1990-х гг. ослабли идеологические узы, традиционная медицина возродилась и вернулась обратно вместе со своими носителями.

Таким образом, в 1920-х — 1930-х гг. ситуация с сифилисом в Монгольской Народной Республике была гораздо серьезнее и масштабнее, чем просто медицинская проблема. Люэс оказывал пагубное

воздействие на производительные силы, главную надежду Монголии на преодоление культурной и экономической отсталости. Влияние сифилиса на демографические показатели выводило его в область первоочередных проблем, на что указывали специально командированные в страну специалисты Госплана СССР, организаторы здравоохранения, венерологи, производственники. Как и в Бурят-Монголии, борьба с эпидемией, сопровождавшаяся подъемами и спадами, растянулась на десятилетия. В этом процессе советские медики играли ключевую роль не только в 1920-е гг., но и гораздо позже. В 1952–1954 гг. в Монголии работала специальная венерологическая экспедиция Е. С. Осиповой (седьмая советская медицинская экспедиция в МНР). По данным Д. Цагаанхуу, обследованию подверглось 90% населения страны. В 1958–1960 гг. восьмая, тоже венерологическая экспедиция под руководством А. Г. Симкина обследовала уже все население МНР [Цагаанхуу, 1978: 27]. Монгольские же медицинские отряды продолжали разъездную работу до 1980-х гг.

Общими усилиями, растянувшимися на десятилетия, эпидемию удалось остановить, а демографические показатели сначала стабилизировать, а затем улучшить. Период 1920–1930-х гг. важен тем, что именно тогда началось систематическое изучение проблемы сифилиса и были сделаны первые шаги к организованной ликвидации этой болезни. Параллельно шла борьба с конкурирующей корпорацией ламских медиков, которых удалось серьезно дискредитировать в глазах аратства. В совокупности в 1920–1940-х гг. в стране реализовывалась политика улучшения состояния здоровья, к 2010 г. увенчавшаяся четырехкратным увеличением населения Монголии по сравнению с 40-ми гг. XX в. [Башкуев, Миягашева, 2022: 1219].

Заключение

Даже сегодня, в третьей декаде XXI в., сифилис остается опасной инфекционной болезнью, классифицируется как социально-значимое заболевание и учитывается в основных индикаторах социального развития общества. В восточно- и центральноазиатском трансграничье России в 1920-е гг. он приобрел катастрофический масштаб, став серьезным вызовом демографическому, экономическому и культурному развитию кочевых монголоязычных народов. Местами ситуация была

настолько сложна, что врачи поговаривали о возможном вырождении автохтонного населения в течение нескольких поколений.

Проведенный экскурс в историю медицинского и культурного восприятия сифилиса показывает, что это — не просто тяжелое инфекционное заболевание, а сложный комплекс моральных, философских, культурных, социологических коннотаций, накладывающийся на ход развития общества в каждой стране. Символическое значение сифилиса в европейской культуре велико и неоднозначно, а его постоянная флуктуация между высшими и низшими социальными слоями обеспечивает проблему политическим контекстом. В силу особенностей «догоняющего развития» в России сифилис приобрел особо острую политическую актуальность на рубеже XIX–XX вв., когда его связь с темпами экономического развития стала очевидной. Ранняя тенденция к политизации проблемы проявилась в левой части политического спектра: у земцев и пироговцев проблемной группой стало крестьянство; у областников и народников — сибирские и дальневосточные инородцы. Большевики, унаследовавшие основные социальные язвы царского режима, переняли от областников и народников политические интерпретации сифилиса и научились использованию простых, но убедительных образов болезни в своих идеологических целях.

Неожиданно оказавшись одним из осевых геополитических регионов Советской России, Бурят-Монголия стала витриной социалистического эксперимента, обращенной в монгольский мир. В этом контексте проблема сифилиса «подыграла» геополитическим амбициям бурятских визионеров-коминтерновцев, дав им в руки дополнительный рычаг влияния в отношениях с политическим центром страны с одной стороны, а с другой — предоставив возможность создать пример успешного решения застарелой глубинной проблемы для всего монгольского мира. Однако не следует воспринимать эту проблему лишь как инструмент политического манипулирования — сифилис действительно был серьезнейшим вызовом будущему бурятского народа, и только титанические усилия нескольких поколений советских медиков позволили добиться радикального улучшения ситуации.

На дальней восточной периферии СССР сифилис конструировался как безотказное орудие угнетения инородцев царской администрацией, биологический регулятор численности населения, долгосрочное оружие, на смерть быющее подвергнувшиеся насильственной сифилизации абори-

генные племена. С другой стороны, в распространении болезни обвинялись различные социальные и этнические группы — купцы, каторжники, контрабандисты, китайцы, интернированные и заезжие иностранцы, а также различные народные целители-шарлатаны и, конечно, ламы. Кроме того, в большевистской модернистской риторике сифилис был неотделим от традиционного бурят-монгольского быта и проявлял его «теневые стороны», в частности, особенности половой жизни кочевников. Поэтому, борясь с сифилисом в бурятских и монгольских улусах, советские врачи параллельно искореняли «отживший быт», конкурирующие медицинские практики, «религиозные предрассудки», подрывали авторитет эмчи-лам, обесценивали смысл вековых религиозных практик, заменяя их простыми и понятными гигиеническими правилами. Ликвидация сифилиса как массового явления — безусловно, великое достижение советского периода — сопровождалась беспрецедентным по масштабу и глубине уничтожением элементов традиционной культуры монголов. Происходило это из-за того, что моральные, нравственные, культурные коннотации проблемы сифилиса заменялись политическим манипулированием, основанным на всем понятном образе врага.

Трансграничность проблемы сифилиса в кочевом монгольском мире сыграла в унисон с геополитическими планами по созданию советской сферы влияния вдоль уязвимых восточных границ. Культурная, конфессиональная, лингвистическая общность бурят и монголов позволила экстраполировать наработанные в Бурятии методы и практики противовенерической борьбы в монгольское общество, пронизанное теми же проблемами. Однако в МНР, больше чем где-либо еще в буддийском ареале Северо-Восточной Евразии, проявился смертельный антагонизм между врачами — носителями европейского медицинского знания и эмчи-ламами, практиковавшими древние методы индо-тибетской медицины, пронизанные религиозными догмами тибетского буддизма. Проблема сифилиса, действительно серьезная в контексте социалистического развития Монголии, была политизирована и превращена большевистскими идеологами в один из предлогов для социальной маргинализации конкурирующей корпорации лам, долгое время обладавших монополией на медицинском рынке. В результате «социалистическая медицина» в Монголии на несколько десятилетий вытеснила из общественного пространства медицину тибетскую.

Каким же образом проблема сифилиса приобрела особенное значение в геополитике экспорта советской медицины в Азию? Монгольский кейс дал советским врачам необходимый опыт в изучении, локализации и ликвидации крупных очагов сифилиса. Параллельно с борьбой за оздоровление монголов происходила экспансия советского здравоохранения в Тувинскую Народную Республику, где были обнаружены похожие на МНР и БМАССР паттерны распространения сифилиса и применялись те же методы решения проблемы. Сифилис представлял большую проблему и в китайском Синьцзяне, где с 1920-х гг. укреплялось советское экономическое и культурное влияние, строилась сеть медицинских пунктов, обслуживавших как советских граждан, так и местное население. Венерические болезни были распространены в других странах геополитического лимитрофа СССР в Азии, где работали советские врачи — Афганистане и Иране, и даже там методы их изучения, профилактики и лечения мало отличались от монгольского опыта. Таким образом, совершенствуя методы и приемы противосифилитической борьбы в монгольском трансграничье СССР, советские врачи наработывали высокий репутационный капитал и бесценный опыт, который впоследствии пригодился в странах мусульманского Востока, куда устремился вектор советской «мягкой силы» в 1930-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

Глава 1

Арьес Ф. (1992). *Человек перед лицом смерти*. М.: Прогресс–Прогресс-Академия.

Барг М.А. (1960). О так называемом «кризисе феодализма» в XIV–XV веках. *Вопросы истории*, (8), 94–113.

Борисенко Е.П., Пасецкий В.М. (1988). *Тысячелетняя летопись необычных явлений природы*. М.: Изд-во «Мысль».

Бродель Ф. (2006). *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* М.: Весь мир, (2).

Васильев К.Г., Сегал А.Е. (1960). *История эпидемий в России*. М.: Государственное изд-во медицинской литературы.

Домарадский И.В. (1998). *Чума: К 100-летию противочумной службы России*. М.: Медицина.

Еманов Е.Г. (2013). Великая пандемия середины XIV века как финал средневековой истории. *Вестник Тюменского государственного университета*, (2), 49–55.

Коренберг Э.И. (2004). Экологические предпосылки возможного влияния изменений климата на природные очаги и их эпидемическое проявление. В кн.: *Изменение климата и здоровье населения России в XXI веке: Сборник матер. междунар. семинара 5–6 апреля 2004 г.* М.: «Издательское товарищество «АдамантЪ», 54–66.

Косминский Е.А. (1957). Были ли XIV–XV века временами упадка европейской экономики. *Средние века*, (X), 257–271.

Макнил У. (2021). *Эпидемии и народы*. М.: Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке.

Метелёва И. Г. (2020). *Бич Божий. История чумы*. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»).

Носов Н.Ю., Оглодин Н.Ю. и др. (2016). Филогенетический анализ штаммов *Yersinia pestis* средневекового биовара из природных очагов чумы Российской Федерации и сопредельных стран. *Проблема особо опасных инфекций*, (2), 75–78. DOI: 10.21055/0370-1069-2016-2-75-78

Павловский Е.Н. (1964). *Природная очаговость трансмиссивных болезней в связи с ландшафтной эпидемиологией зооантропонозов*. М., Л.: Наука.

Попов Н.В., Безсмертный В.Е. и др. (2013). Влияние современного изменения климата на состояние природных очагов чумы России и других стран СНГ. *Проблемы особо опасных инфекций*. 2013. (3), 23–28. DOI: 10.2105 570370-1069-2013-3-23-28.

Порсин А.А. (2019). Климат и эпидемии в Золотой Орде в период с 1280 по 1313. В кн.: *Золотоордынское наследие: Материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Рах Tartatica: генезис и наследие государственности Золотой Орды»*. Казань, 26–28 июня 2019 г. Вып. 3. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 132–142.

Полное собрание русских летописей. Т. IV. Издание 1-е. Новгородские и псковские летописи (1848). СПб.

Радкау Й. (2014). *Природа и власть. Всемирная история окружающей среды*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Ралль Ю.М. (1965). *Природная очаговость и эпизоотология чумы*. М.: Медицина.

Слудский А.А. (2014). *Эпизоотология чумы (обзор исследований и гипотез)*. Саратов.

Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. (2006). *Очерки истории чумы*. Кн. I: Чума добактериологического периода. М.: Вузовская книга.

Урланис Б. Ц. (2007). *Историческая демография: избранные труды*. М.: Наука.

Фуко М. (1997). *История безумия в классическую эпоху*. СПб.: Университетская книга.

Хайдаров Т.Ф. (2016). Рубикон Золотой Орды. *Золотоордынское обозрение*. 4, (2), 314–335.

Хайдаров Т.Ф. (2017). Эпидемии чумы в Каспийском регионе во второй половине XIV в. — начале XV в. *Золотоордынская цивилизация*, (10), 320–326.

Хайдаров Т.Ф. (2018а). *Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII–первая половина XV вв.)*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Хайдаров Т.Ф. (2018b). Мусульманские авторы о «Черной смерти». *Тюркологические исследования*, 1, (1), 55–75.

Хайдаров Т.Ф. (2020). Зарождение и развитие средневековой нарративной традиции описания «Черной смерти». *Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки*, 162, (1), 93–105.

Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. (2018). Теоретические аспекты осмысления второй пандемии чумы («Черной смерти») на территории Улуса Джучи. *Золотоордынское обозрение*, Т. 6(2), 264–282. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.264-282.

Хансен В. (2014). *Великий шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай — Согдиана — Персия — Левант*. М.: Центрполиграф.

Хаутала Р. (2019). В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Шоню П. (2005). *Цивилизация классической Европы*. Екатеринбург: У-Фактория.

Alexander J.T. (1980). *Bubonic Plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster*. Baltimore, London.

Alfani G. (2017). Plague in Seventeenth Century Europe and the Decline of Italy: An Epidemiological Hypothesis. *European Review of Economic History*, 17, (3), 408–430.

Bacci M. L. (1998). *La popolazione nella storia D'Europa*. Roma-Bari.

Bailie M.G.L. (2006). *New Light on the Black Death: the Cosmic Connection*. Tempus.

Barker H. (2020). Laying the Corpses to Rest: Grain, Embargoes, and Yersinia pestis in the Black Sea, 1346–48. *Speculum*, 96, (1), 97–126.

Benedictow O.J. (2004). *The Black Death 1346 — 1352: the complete history*. Woodbrige.

Biraben J.-N. (1976). *Les homes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranées. Tome I: La peste dans l'histoire*. Paris-La haye, Mouton.

Byrne J.P. (2012). Demographic Effects of Plague: Europe 1347—1400. *The Encyclopedia of the Black Death*.

Camenisch Ch., Keller K.M. et al. (2016). The 1430s: a cold period of extraordinary of extraordinary internal climate variability during the early Spörer Minimum with social and economic impacts in north-western and central Europe. *Climate of the Past*, 12, (11), 2107–2126.

Campbell B.M.S. (2016). *The Great Transition: Climate, Disease and Society in the Late-Medieval World*. Cambridge: Cambridge University Press.

Colophons of Armenian manuscripts, 1301 — 1480. (1969). Harvard University Press, Cambridge.

Crespo F., Lawrenz M.B. (2014). Heterogeneous Immunological Landscapes and Medieval Plague: An Invitation to a New Dialogue between Historians and Immunologist. In: *Pandemic Disease in the Medieval World. Rethinking the Black Death*. Kalamazoo and Bradford: Arc Medieval Press, 229–258.

Cui Yu., Yu Ch. et al. (2013). Historical variations in mutation rate in an epidemic pathogen, *Yersinia pestis*. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 110 (2), 577–582.

Dean K.R., Krauer F. et al. (2018). Human ectoparasites and the spread of plague in Europe during the Second Pandemic. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115 (6), 1304–1309.

DeWitte Sh.N. (2014). Health in post-black death London (1350–1538): Age patterns of periosteal new bone formation in a postepidemic population. *American Journal of Physical Anthropology*, 155, 260–267.

DeWitte Sh.N. (2016). *The paleodemography of the Black death 1347–1351*. Pennsylvania State University.

DeWitte Sh.N. (2017). Stress, sex, and plague: Patterns of developmental stress and survival in pre- and post-Black Death London. *American Journal of Human Biology*, 30:e23073.

DeWitte Sh., Slavin Ph. (2013). Between Famine and Death: England on the Eve of the Black Death — Evidence from Paleoepidemiology and Manorial Accounts. *Journal of Interdisciplinary History*, XLIV, 37–60.

Eddy J.A. (1976). The Maunder Minimum. *Science*, Vol. 192, (4245), 1189–1202.

Fancy N., Green M.H. (2021). Plague and the Fall of Baghdad (1258). *Medical History*, 65, (2), 157–177. DOI:10.1017/mdh.2021.3.

Green M.H. (2018). Climate and Disease in Medial Eurasia. *Oxford Research Encyclopedia of Asian History*. Oxford, DOI: 10.1093/acrefore/9780190277727.013.6.

Green H.M. (2020). The Four Black Death. *American Historical Review*, 125, 1601–1631. DOI: 10.1016/s2666-5247(20)30176-6.

Harper K. (2015). Pandemics and Passages to Late Antiquity: Rethinking the Plagues of c. 249-70 described by Cyprian. *Journal of Roman Archaeology*, 28, 223–260.

Harper K. (2017). *The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire*. Princeton, New Jersey: Princeton University.

Herlihy D. (1997). *The Black Death and the Transformation of the West*. Cambridge.

Hymes R. (2014). Epilogue: A Hypothesis on the East Asian Beginnings of the Yersinia pestis Polytomy. In: *Pandemic Disease in the Medieval World. Rethinking the Black Death*. Kalamazoo and Bradford: Arc Medieval Press. 285–308.

Katharine R.D., Krauera F. et al. (2019). Human ectoparasites and the spread of plague in Europe during the Second Pandemic. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115 (6), 1304–1309.

Keller M., Spyrou M.A. (2019). Ancient Yersinia pestis genomes from across Western Europe reveal early diversification during the First Pandemic (541–750). *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 116, (25), 12363–12372.

Kelly J. (2005). *The Great Mortality: An Intimate History of the Black Death, the Most Devastating Plague of All Time*. New York: HarperCollins.

Kutyrel V.V., Eroshenko G. A. et al. (2018). Phylogeny and classification of Yersinia pestis through the lens of strains from the plague foci of commonwealth of Independent States. *Frontiers in Microbiology*, 9. DOI: 10.3389/fmicb.2018.01106.

Langer L.N. (1975). The Black Death in Russia: Its Effects Upon Urban Labor. *Russian History*, 2, 53–67.

Langer L.N. (1976). Plague and the Russian Countryside: Monastic Estates in the Late Fourteenth and Fifteenth Centuries. *Canadian-American Slavic Studies*, 10, 351–368.

Lingqvist F.Ch., Tegel W., Büntgen U. et al. (2018). Linking European building activity with plague history. *Journal of Archaeological Science*, 98, 81–92.

Little L.K. (2007). *Plague and the end of antiquity: the pandemic of 541–750*. Cambridge: Cambridge University Press.

Martin S. (2001). *Black Death*. Sparkfold: J.H. Haynes and Co.

MacArthur R.H., Wilson E.O. (2001). *The Theory of Island Biogeography: Reprint edition of 1967*. Princeton University Press.

McNeill W.H. (1976). *Plagues and Peoples*. New York.

Naphy W., Spicer A. (2003). *La peste noire, 1345–1730: grandes peurs et épidémies*. Paris: Éditions Autrement.

Nunn N., Nancy Q. (2010). The Columbian Exchange: A History of Disease, Food, and Ideas. *Journal of Economic Perspectives*, 24 (2), 163–188.

Rascovan N., Sjoegren K.-G. et al. (2019). Emergence and Spread of Basal Lineages of *Yersinia pestis* during the Neolithic Decline. *Cell*, 176, 1–11.

Rasmussen S., Allentoft M.E. et al. (2015). Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago. *Cell*, 163, 571–582.

Rosen W. (2004). *Justinian's Flea: The First Great Plague and the End of the Roman Empire*. London.

Shamioglu U. (2016). The Plague in the Time of Justinian and Central Eurasian History: An Agenda for Research. *Central Eurasia in the Middle Ages*. Wiesbaden, 104, 293–311.

Schamiloglu U. (2017). The impact of the Black death on the Golden Horde: politics, economy, society, civilization. *Golden Horde Review / Zolotoordinskoe obozrenie*, 5, (2), 325–343.

Schamiloglu U. (2017) The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilisation. In: *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*, Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 674–688.

Schamiloglu U. (2019). Climate Change, Disease, and the History of Western Siberia in the Medieval and Early Modern Periods. In: *Сибирские татары: материалы Всерос. (с междунар. участие) симп. «Культур. наследие народов Зап. Сибири», посвящен. 100-летию д-ра ист. наук. Фюата Тач-Ахметовича Валеева и 20-летию I Сиб. симп. «Культур. наследие народов Зап. Сибири» (10–12 декабря 2018 г.) / под ред. З.А. Тычинских.* — Тобольск: Тобольская типография, 180–188.

Schmid B.V., Buentgen U., et al. (2015). Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroductions into Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 112 (10), 3020–3025.

Schuenemann V.J., Bos K., DeWitte Sh.N. et al. (2011). Targeted enrichment of ancient pathogens yielding the pPCP1 plasmid of *Yersinia pestis* from victims of the Black Death. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 108, (38), E746–E752.

Slavin Ph. (2019). Death by the Lake: Mortality Crisis in Early Fourteenth-Century Central Asia. *Journal of Interdisciplinary History*, LI, 59–90.

Spyrou M.A., Tukhbatova R.I. et al. (2016). Historical *Y. pestis* Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics. *Cell Host & Microbe*, 19, 874–881.

Spyrou M.A., Tukhbatova R.I. et al. (2018). Analysis of 3800-year-old *Yersinia pestis* genomes suggests Bronze Age origin for bubonic plague. *Nature Communications*, 9, (2234). DOI: 10.1038/s41467-018-04550-944.

Spyrou M.A., Keller R. (2019). A phylogeography of the second plague pandemic 1 revealed through 2 the analysis of historical *Y. pestis* genomes. *Nature Communications*, 10 (1).

Varlik N. (2014) New Science and Old Sources: Why the Ottoman Empire Matters. In: *Pandemic Disease in the Medieval World. Rethinking the Black Death*, edited by Monica H. Green. Kalamazoo and Bradford: Arc Medieval Press, 193–227.

Zhou Z., Alikhan N.-F. (2020). The user's guide to comparative genomics with Enterobase. Three case studies: micro-clades within *Salmonella enterica* serovar Agona, ancient and modern populations of *Yersinia pestis*, and core genomic diversity of all *Escherichia*. *Genome Research*, 30 (1), 138–152.

Электронные ресурсы

Bekker-Nielsen D.M., Finnie T. J. R. et al. (2019). Methods for calculating credible intervals for ratios of beta distributions with application to relative risks of death during the second plague pandemic. *PLOS ONE*, 14(2), e0211633. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0211633> (дата обращения: 23.08.2021).

Eroshenko G.A., Nosov N.Yu et al. (2017). *Yersinia pestis* strains of ancient phylogenetic branch 0.ANT are widely spread in the highmountain plague foci of Kyrgyzstan. *PLOS ONE*. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0187230> (дата обращения: 23.08.2021).

Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. *Фасихов свод*. (1980). Ташкент. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Fasihi/frameset1.htm> (дата обращения: 23.08.2021).

Giffin K., Lankapalli A.K., Herbig A., Bos K.I. et al. (2020). A treponemal genome from an historic plague victim supports a recent emergence of yaws and its presence in 15th century Europe. *Scientific Reports*, 10:9499. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-66012-x> (дата обращения: 23.08.2021).

Slavin Ph. (2021). Out of the West: Formation of the a Permanent Plague Reservoir in South-Central Germany (1349 — 1356) and its Implications. *Past & Present*. URL: <https://doi.org/10.1093/pastj/gtaa028> (дата обращения: 23.08.2021).

Wang Ch., Reinhold S. (2019). Ancient human — wide from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic. *Nature Communications*, 10, (590). URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-018-08220-8> (дата обращения: 23.08.2021).

Глава 2

Большаков О.Г. (1993). *История халифата. Эпоха великих завоеваний*. Т. 2. М.: Восточная литература.

Аль-Бухари. (2003). *Сахих. Мухтасар*. Перевод В.А. Нирша. М.: УММА.

Ибн Сина (1980). *Канон врачебной науки*. Кн. 4. Ташкент: ФАН.

Очерки истории арабской культуры в V–XV вв. (1982). М.: Наука.

Тизенгаузен В.Г. (1884). *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, извлечения из сочинений арабских*. СПб.: издано на иждивение графа С.Г. Строганова.

Dols M.W. (1977). *The Black Death in the Middle East*. Princeton N.J.: Princeton University Press.

Dols M.W. (1979). The Second Plague Pandemic and its Récurrences in the Middle East: 1347–1894. *JESHO*, vol. 22 (2), 162–189.

Conrad L.I. (1981). *The Plague in the Early Medieval Near East* (Thesis). Princeton University .

Hodgson Marshall G.S. (1998). *L'Islam dans l'histoire mondiale*. Arles: Actes Sud.

Ibn Taghri Birdi, al-Nujum al-zahirah fi muluk misr wa'l-qahirah. (1972). Vol. XVI. Le Caire, 140–144.

de Busbeck O. G. (2010). *Les Lettres turques*. Paris: Champion.

Sigl M., Winstrup M., McConnell J. R., Welten K. C., Plunkett G. (2015). Timing and climate forcing of volcanic eruptions for the past 2,500 years. *Nature*. T. 523, issue 7562.

Syrie. Memoire et civilization. (1993). P.: Flammarion.

Wiet G. (1962). La grande Peste Noire en Syrie et en Égypte. *Études documentaires dédiées à la mémoire de Lévi-Provençal*, tome I. Paris: CNRS (traduction en français du texte de Ibn Tagribirdi et al-Maqrizi).

Электронные ресурсы

Аль-Макризи. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D1%8C-%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B8> (дата обращения: 19.09.2021).

В 1326 г. замерзло Средиземное море. Аномальные морозы последнего тысячелетия (26.01.2006). URL: <https://www.rosbalt.ru/main/2006/01/26/241727.html> (дата обращения: 19.09.2021).

Ганин В. (2006) Война с черной смертью. От обороны к наступлению. *Наука и жизнь* (7). URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/6364/> (дата обращения: 05.09.2021).

Денисенков А. *Каждый второй был обречен. Как Юстинианова чума выкосила Европу*. URL: <https://zen.yandex.ru/media/historygothy/kajdyi-vtoroi-byl-obrechen-kak-iustinianova-chuma-vykosila-evropu-5e4143d03974e61b930dfdcf> (дата обращения: 21.09.2021).

Абу-ль-Аббас Аль Макризи. «*Книга поучений и назидания, содержащихся в описании кварталов и памятников [Каира] (766/1364–845/1442)*». URL: https://drevlit.ru/texts/m/makrizi_1990.php (дата обращения: 20.07.2021).

Малый ледниковый период (2021). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Малый_ледниковый_период (дата обращения: 19.09.2021).

Рудевич А. *Как изменился мир в результате Малого ледникового периода и что нас ожидает в будущем?* URL: <https://ru.sott.net/article/2283-kak-izmenilsya-mir-vo-vremya-malogo-lednikovogo-perioda-i-chto-nas-ozhidaet-v-buduschem> (дата обращения: 05.2021).

Современное межледниковье (голоцен). URL: <http://www.garshin.ru/evolution/geology/climatology/modern-climate.html> (дата обращения: 19.09.2021).

Черная смерть. URL: <https://www.dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/104326> (дата обращения: 20.08.2021).

Черная смерть на Ближнем Востоке. URL: https://ru.abcdef.wiki/wiki/Black_Death_in_the_Middle_East#The_Middle_East_in_the_mid-14th_century (дата обращения: 14.09.2021).

Biraben JN (1979) *La peste noire en terre d'islam*. URL: www.lhistoire.fr/la-peste-noire-en-terre-dislam (дата обращения: 13.09.2021).

Shoshan B. Notes sur les épidémies de peste en Egypte. In: *Annales de démographie historique*, 1981. Démographie historique et condition féminine. pp. 387–404; doi : <https://doi.org/10.3406/adh.1981.1512>. URL: https://www.persee.fr/doc/adh_0066-2062_1981_num_1981_1_1512 (дата обращения: 15.09.2021).

Florence Somer, Jean-Charles Ducène Entretien avec Jean-Charles Ducène — Ibn Faḍl Allāh al-ʿUmarī (1301–1349) : un secrétaire du secret épris de géopolitique . URL: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Entretien-avec-Jean-Charles-Ducene-Ibn-Faḍl-Allāh-al-Umarī-1301-1349-un.html> (дата обращения: 17.09.2021).

Глава 3

Гёкуё [Яшмовые листья]. (1966). Т.1–3. Токио: Сумия сёбо.

Гогё дайги [Основной смысл пяти первоэлементов]. (1990). Пер. с кит. Накамура Сёхати. Токио: Мэйтоку сюппан.

Годзюното-ва надзэ таорэнай ка [Почему пятиярусные пагоды не подвержены разрушению?]. (1996). Под ред. Уэда Ацуси. Токио: Синтёся.

Гокэ сидай [Домашний распорядок дома Оэ]. (1991). Токио: Синто тайкэй.

Фудзивара Юкинари. (2020). *Гонки* [Записки сановника]. Пер. Курамото Кадзухиро. Т. 1–3. Токио: Коданся.

Грачев М. В., Трухан Д. В. (2022). Град мира и спокойствия во власти стихии: представления о наводнениях и способы их предупреждения в эпоху Хэйан // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке*. (3), 18–26.

Дэнрэки [Записи царедворца]. (1960–1970). Т.1–5. Токио: Иванами сётэн.

Исибаси Кацухико. (1999). Бункэн сирё-кара мита Токай то Нанкай кёдай дзисин [Великие землетрясения в Токай и Нанкай по материалам исторических документов]. *Ти гаку дзасси*. № 108 (4), 399–423.

Исибаси Кацухико. (2014). *Нанкай торафу кёдай дзисин* [Великие землетрясения впадины Нанкай: история, наука, общество]. Токио: Иванами сётэн.

Исибаси Кацухико. (2016). 1099-нэн Дзётоку (Кова) Нанкай дзисин-ва дзю-цудзайсэдзу, 1096-нэн Кахо (Эйтё) дзисин-га «Нанкай торафу дзэнъики хакай-гата» датта каносэй [Вероятность того, что землетрясение 1099 года в период Дзётоку (Кова) было нереальным, и того, что землетрясение 1096 года в период Кахо (Эйтё) являлось «землетрясением всей впадины Нанкай»]. *Рэкиси дзисин*. № 31, 81–88.

Исэ моногатари (1979). Пер., статья и примечания Н.И. Конрада. М.: Наука.

Касэ Наоя. (2012). Кодай тётэй то дзинхо то-но канкэй-ни цуйтэ [О связи между священными сокровищами божеств-ками и императорском двором в древности]. *Кокугакуин дайгаку дэнто бунка рисатисэнта кэнкю киё*. №4, 13–24.

Катахира Хирофуми. (2006). Камогава Тоган тиики-ни окэру кодзуй-но кон-сэки [Следы наводнений на восточном берегу реки Камо]. *Рицумэйкан бунгаку*. № 593, 113 (656) —128 (641).

Като Ёсиро. (2013). Модзи-дэ цутавару Мандзю саннэ-но ооцунами [Великое цунами третьего года Мандзю в освещении письменных свидетельств]. *Симанэкэн гидзюцу самурайкай Хэйсэй 24-нэндо кэнкю хококу*, 13–20.

Кодай сэйдзи саякай сисо [Общественно-политическая мысль древности]. (2001). Под ред. Ямагаси Токухэй и др. Токио: Иванами сётэн.

Канда Сигэру. (1968). Кова гэнънэн Тоса-ни окэру дайджисин [Великое землетрясение в Тоса в первый год периода Кова]. *Дзисин*. Т. 21. № 2, 142–143.

Каталог гор и морей (Шань хай цзин). (1977). Предисл., перевод и комм. Э. М. Яншиной. М.: Наука.

Косака Синдзи. (1993). Кодай, тусэй-но уранай [Гадание в древности и средневековье]. *Оммёдо сосё* [Труды по оммёдо]. Т. 4. 19–75.

Кояма Масато. (2002). Фудзисан Дзёган функа то Хозэй функа-но суйи [Изменения во время извержений Фудзиямы в годы Дзёган и Хозэй]. *Кикан сёбо кагаку то дзёхо*. 2002, № 70, 23–28.

Кояма Масато. (2007). *Фудзисан-но рэкиси функа соран* [Общий обзор истории извержений Фудзиямы]. Фудзи кадзан [Вулкан Фудзи]. Под ред. Арамаки Сигэо. 119–136.

Кояма Масато. (1998). Функа тайсэкимоно то кокироку-кара мита Энряку дзюкю–нидзю итинэн (800–802) Фудзисан функа: кодай Токайдо-ва Фудзисан-но хокуроку-о каёттэ ита ка? [Пересмотр извержения Фудзиямы в 19–21 годы Энряку (800–802) на основании вулканических отложений и исторических записей: проходил ли древний тракт Токайдо через северное подножье горы Фудзи]. *Кадзан*. Т. 43, № 5. 349–371.

Кудо Такаси. (2003). Синсэн кисоки-га катару кодай [Древность, рассказанная в «Синсэн кисоки»]. *Рэкиси докxон*. Т. 48. 144–147.

Кэннайки [Записи внутреннего министра]. (1963–1986). *Дай Нихон кокироку*. Т. 1–10. Токио: Иванами сётэн.

Мидо кампакуки [Записи канцлера из павильона Мидо]. (1952–1954). Т. 1–3. Токио: Ринсэн сётэн.

Мураяма Сюити. (1992). Нихон оммёдоси сосэцу [Общие положения истории оммёдо в Японии]. Токио: Ханава сёбо.

Мураяма Сюити. (2001). Нихон оммёдоси сэцу [Об истории оммёдо в Японии]. Токио: Хэйбонся.

Мэйдзи идзэн Нихон добокуси [История инженерного строительства в Японии до эпохи Мэйдзи]. (1936). Токио: Иванами сётэн.

Нагадомэ Хисазэ. (1984). Урабэ-но сэйрицу-ни цуйтэ: Цусима-кара-но ситэн [О становлении рода гадателей Урабэ: взгляд с Цусимы]. *Синто си ронсо* [Собрание материалов по истории синто]. 87–115.

Накадзима Тётаро. (1986). Камогава суйгай-си (1) [История наводнений реки Камо]. *Кёдай босай кэнкюдзё нэмпо*. № 29-В. 75–92.

Накамура Сёхати. Вага куни-ни окэру гогё дайги-но дюё-ни цуйтэ [О восприятии трактата «Гогё тайги» в Японии]. (1970). *Комадзава дайгаку бунгакубу киё*. № 28, 10–23.

Нихон киракю [Краткие записи о Японии]. (1965). Т. 1–2. Токио: Ёсикава кобункан.

Нихон коки [Поздние анналы Японии]. (2006). Т. 1–3. Токио: Коданся.

Ёмикудаси нихон сандай дзицуроку [Расшифровка Истинных записей трех поколений Японии]. (2009). Токио: Эбису косё.

Одзёдэн. (1974). *Хоккэ гэнки* [Жития праведников, переродившихся в Чистой Земле. Записи о могуществе Лотосовой сутры]. Токио: Иванами сётэн.

Окибо сайгай кадзан тайсаку-э но тэйгэн [Рекомендации по противодействию масштабным вулканическим катастрофам]. (2013). Токио: Коики-тэкина кадзан босай тайсаку-ни какару кэнтокай.

Оммёдо [Путь Инь и Ян]. (1988). Токио: Синто тайкё.

Рё-но сюгэ [Гражданские законы с расширительными комментариями]. (1972). Т. 1–4. Токио: Ёсикава кобункан.

Руйдзю кокуси [Систематизированная национальная история]. (1934). Т. 1–2. Токио: Ёсикава кобункан.

Руйдзю сандай яку [Классифицированные указы трех государей]. (1998). Т.1–2. Токио: Ёсикава кобункан.

Сайкюки [Записи из Западного дворца]. (1993). Токио: Синто тайкэй.

Сакэйки [Записи Цунэёри]. (1965). Токио: Ринсэн сётэн.

Самукава Акира. (1997). *Юрэру дайти: Нихон рэтто-но дзисин си* [Колебания земли: история землетрясений на Японском архипелаге]. Токио: Дохося сёппан.

Сатакэ Акира. (1983). *Хэйан тю гокино юруси-ни цуитэ* [Об амнистиях середины и второй половины эпохи Хэйан]. *Хиросима дайгаку сого кагакубу киё*. Т. 9. 1–30.

Сёку нихонги [Продолжение анналов Японии]. (1989–1996). *Син Нихон кодэн бунгаку тайкэй*. Т. 1–5. Токио: Иванами сётэн.

Сёку Нихон коки [Продолжение поздних анналов Японии]. (1934). Токио: Ёсикава кобункан.

Сёюки [Записи правого министра]. (1959–1986). *Дай Нихон кокироку*. Т. 1–11. Токио: Иванами сётэн.

Сингисики [Новый [свод] церемониала]. (1931). *Синко гунсё руйдзю* [Собрание исторических документов]. Т. 4. Токио: Найгай сёсэки.

Сога Томоко. (2013). Оммёдо гогё сисо-ни окэру санго-но иккосацу [Изучение санго в учениях об Инь и Ян и пяти первоэлементах]. *Гэндай миндзокугаку кэнкю*. № 5, 95–104.

Сэйдзи ёряку [Кратко о важнейших политических делах]. (1981). Токио: Ёсикава кобункан.

Сэкигути Тацуо. (1992). Ундзэндакэ тикэй бунруйдзу-но тикэй бунруй-кара мита кадзан сайгай [Создание карты топографической классификации горы Ундзэн и выявление вулканической опасности с точки зрения топографической классификации]. *Тидзу*. Т. 30. № 3, 14–23.

Тёсюки [Записи долгой осени]. (1965). Т. 1–2. Токио: Найгай сёсэки.

Тёя гунсай [Обозрение двора и дальней округи]. (1964). Токио: Ёсикава кобункан.

Токоро Исао. (1985). *Хэйантё гисики сё сэйрицу си-но кэнкю* [Изучение истории становления обрядовых сводов в период Хэйан]. Токио: Кокусё кан-кокай.

Тэйсин коки [Записи господина Саданобу]. (1956). Токио: Ринсэн сётэн.

Тююки [Записи правого министра]. (1934–1935). Т. 1–7. Токио: Найгай сёсэки.

Усами Тацуо. (2003). *Нихон хигаи дзисин соран* [Обзор разрушительных землетрясений в Японии]. Токио: Токё дайгаку сюппанкай.

Фудзисан функа-но кокогаку. Кадзан то дзинруй-но кёсэйси [Археология извержений горы Фудзияма. История взаимоотношений вулканов и людей]. (2020). *Фудзисан кокогаку кэнкюкай хэн* (под ред. археологического общества по изучению горы Фудзи). Токио: Ёсикава кобункан.

Фукухара Эйтаро. (1974). Сёдзуй ко [О счастливых знамениях]. *Хисутория*. № 65, 1–30.

Хаякава Юкио. (1999). Нихон-но дзисин функа-га 9сэйки-ни сютю-суру ё-ни миэру-но ва надзэдаро ка? [Почему землетрясения и извержения вулканов кажутся наиболее частыми в Японии в IX столетии?]. *Рэкиси тири*. № 15, 24–29.

Хонтё мондзуй [Литературные стили нашей династии]. (1996). Токио: Иванами сётэн.

Хонтё сэйки [Записи о существовании нашей династии]. (1938). Токио: Ёсикава кобункан.

Хосо руйрин [Лес категорий законов]. (1934). Токио: Ёсикава.

Хэйан ибун [Свод сохранившихся документов эпохи Хэйан]. (1947–1980). Сост. Такэути Ридзо. Т. 1–10. Токио: Токёдо сьюппан.

Хякурэнсё [Стократно закаленные записи]. (1942). Токио: Ёсикава кобункан.

Энгисики [Церемониал годов Энги]. (1998). Т. 1–3. Токио: Ёсикава кобункан.

Ямагути Эри. (2020). *Кодай кокка-но киу гирэй то сайгай нинсики* [Ритуалы вызовы дождя в древнем государстве и представления о бедствиях]. Токио: Ханавэ сёбо.

Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки. (2012). Отв. ред. Молодякова Э.В. М.: Агро-XXI.

Ясуи Мая. (2015). Кокакайсай тайсэкибуцу-кара мита Сэнгэнмаэ Какэ кадзан-о кибо функа [Крупномасштабное извержение вулкана Асама Маэкакэ, рассматривая пирокластические отложения]. *Кадзан*. Т. 60, № 2, 211–240.

Ята Тосифуми. (2009). *Тюсэй-но кёдай дзисин* [Величайшие землетрясения средневековья]. Токио: Ёсикава кобункан.

Barnes Gina L. (2008). The Making of the Japan Sea and the Japanese Mountains: Understanding Japan's Volcanism in Structural Context. *Japan Review*. Vol. 20, 3–52.

Blacker C. (1981). Japan / *Oracles and Divination*. Ed. by Michael Loewe and Carmen Blacker. London: George Allen & Unwin, 63–86.

Guillet S., Corona C., Ludlow F. *et al.* (2020). Climatic and societal impacts of a “forgotten” cluster of volcanic eruptions in 1108–1110 CE. *Sci Rep* 10, 6715 <https://doi.org/10.1038/s41598-020-63339-3>.

Глава 4

Духовная культура Китая. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование (2009). М.: Восточная литература.

Саваренский Е.Ф., Старовойт О.Е. (1963). Упругие колебания земного шара. *Природа*, (3), 9–14.

Соломин С.В. (2008). *Физика земли. Сейсмология*. Ч. 2. Саратов: Научная книга.

Feng R. (2009). Zhongguo dizhen kexue shi yanjiu [Исследования по истории китайской сейсмологии]. *Dizhen xuebao*, 31 (5), 564–582.

Feng X., Yuan T. (2010). 1556 нянь Хуасянь тэ да дичжэнь [Величайшее землетрясение в уезде Хуа 1556 года]. Beijing: Дичжэнь чубаньшэ.

Guo Z. (1957). 1556 nian 1 yue 23 ri guanzhong da dizhen [Великое землетрясение в регионе Гуаньчжун 23 января 1556 года]. *Acta geophysica sinica*. 6 (1), June, 59–68.

Wei Z. (1936). *Guo yu* [Речи царств]. Shanghai: Shijie shuju.

Xi J., Hu Y., Yang Z. (2017). Миндай Шэньси Чаои, Хуасянь дичжэнь канчжэнь сысян яньцзю [Исследования антисейсмических воззрений [в отношении] уездов Чаойи и Хуасянь провинции Шэньси в эпоху Мин]. *Вэйнань шифань сюэюань сюэбао*. Вып. 32 (10). 91–96.

Электронные ресурсы

Сейсмические колебания и их влияние на организм. URL: www.garshin.ru/evolution/geology/geosphere/seismology/seismic-waves.html (дата обращения: 10.12.2022).

Цинь Кэда. (2011). *Записки о землетрясении. Записи уезда Сяньнин*. ([Династия] Цин, седьмой год [правления под девизом] Канси [1668], ксилограф). URL: <https://www.sxdzj.gov.cn/info/1076/27558.htm> (дата обращения: 01.10.2022).

Глава 5

Кулик Л.В. (2017). Подход Британии к управлению колониальной Индией — тема снова в центре внимания: О книге Ш. Тхарура «Эра тьмы. Британская империя в Индии». *Вестник МФЮА* (1), 230–244.

Лодыгин Б.К. (1924). *Ирригация Индии. Экономические и финансовые вопросы, развитие и административное управление*. Ленинград.

Сидорова С.Е. (2021). Голод в Британской Индии в 1860–1870-х годах: бездействие, чрезмерное регулирование и умеренное вмешательство. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Сер. 9. Востоковедение и африканистика, (2), 100–121.

Сидорова С.Е. (2023). Битва идеологий: консервативный курс Литтона и либеральные реформы Рипона в Индии (по материалам журнала «Экономист»). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Сер. 9. Востоковедение и африканистика, (1), 102–126.

Ambirajan S. (1978). *Classical Political Economy and British Policy in India*. Cambridge: Cambridge University Press.

Arnold D. (1988). *Famine. Social Crisis and Historical Change*. Oxford, New York: Basil Blackwell.

Bhatia B. M. (1962). *Famines in India. A Study in Some Aspects of the Economic History of India (1860–1945)*. Bombay et al.: Asia Publishing House.

Brennan L. (1984). The Development of the Indian Famine Codes. Personalities, Politics, and Policies. Currey B., Hugo G. (eds). *Famine as a Geopolitical Phenomenon*. Dordrecht, Boston, Lancaster: D. Reidel Publishing Company.

Bulletin of Finance, Industry and Trade. (1892). № 13, 805–809.

Bulletin of Finance, Industry and Trade. (1892). № 24, 622–627.

Campbell G. (1893). *Memoirs of My Indian Career*. 2 vols. London: Macmillan and Co.

Colvin A. (1874). The Indian Famine and the Press. *The Fortnightly Review* (21), 481–495.

Correspondence between Lord Northbrook and the Secretary of State (the Marquis of Salisbury) (a). *The British Library. India Office Records / MSS Eur C 144/11*.

Correspondence between Lord Northbrook and the Secretary of State (the Marquis of Salisbury) (b). *The British Library. India Office Records / MSS Eur C 144/12*.

Davis M. (2001). *Late Victorian Holocausts. El Niño Famines and the Making of the Third World*. London, New York: Verso.

Digby W. (1878). *The Famine Campaign in Southern India, 1876–1878*. 2 vols. London: Longmans & Co.

Digby W. (1901). *Prosperous British India*. London: Fisher Unwin.

Dutt R. (1900). *Open Letters to Lord Curzon on Famines and Land Assessments in India*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner.

Gladstone W. (1879). *Political Speeches in Scotland, November and December 1879*. London: W. Ridgway, 169 Piccadilly.

Hall-Matthews D. (2008). Inaccurate Conceptions: Disputed Measures of Nutritional Needs and Famine Deaths in Colonial India. *Modern Asian Studies*. (vol. 42, No. 6), 1189–1212.

Hansard Parliamentary Debates. Ser. III. Vols. 1–356 (1830–1891). London.

Loveday A. (1914). *The History and Economics of Indian Famines*. London: G. Bell and Sons Ltd.

Mallet B. (1908). *Thomas George, Earl of Northbrook. A Memoir*. London: Longmans, Green and Co.

Mill J.S. (1865). *Principles of Political Economy: With Some of Their Applications to Social Philosophy*. London: Longmans, Green and Co.

Mohanty B. (1993). Orissa Famine of 1866: Demographic and Economic Consequences. *Economic and Political Weekly*. (vol. 28, No. 1/2), 55–57+59–66.

Moulton E.C. (1968). Lord Northbrook's Indian Administration, 1872–1876. London: Asia Publishing House.

Philips C.H. (ed.) (1962). *The Evolution of India and Pakistan, 1858–1947. Select Documents on the History of India and Pakistan*. London: Oxford University Press.

Report of the Indian Famine Commission (1880). Part I. Famine Relief. Calcutta: Re-printed at the Home, Revenue and Agricultural Department Press.

Report of the Indian Famine Commission (1885). Part III. Famine Histories. London: Printed by Eyre and Spottiwoode.

Selections from Despatches Addressed to the Several Governments in India by the Secretary of State in Council between 1st January and 31st December 1866 (1867). London: Printed by George Edward Eyre and William Spottiwoode.

Sen A. (1994). Liberty and Poverty: Political Rights and Economics. *The New Republic*, (210), 31-37.

Srivastava H.S. (1968). The History of Indian Famines and Development of Famine Policy (1858–1918). Agra: Sri Ram Mehra & Co.

Strachey J. (1882). *The Finances and Public Works of India from 1869 to 1881*. London: Kegan Paul, Trench and Co.

Telegrams to and from Duke of Argyll and Lord Salisbury on Famine matters (from October 27, 1873 to August 3, 1874). The British Library. India Office Records / MSS Eur C 144/10.

Temple R. (1882). *Men and Events of My Time in India*. London: John Murray.

Tharoor Sh. (2016). *An Era of Darkness. The British Empire in India*. Delhi: Aleph Book Company.

The Imperial Gazetteer of India. The Indian Empire (1907). (vol. III. Economic). Oxford: The Clarendon Press.

The Indian Famine and the Indian Revenue (1874). *The Economist* (vol. 32, No. 1610), 801–802.

The Times. (1873). November 27.

Электронные ресурсы

Энциклопедия «Британника». URL: <https://www.britannica.com/science/famine> (дата обращения: 10.01.2023).

IPC. Integrated Food Security Phase Classification. The IPC Famine Fact Sheet. URL: https://reliefweb.int/attachments/d3f9c01d-3586-3bdc-b9db-dad21f0e420d/IPC_Famine_Factsheet_2020Nov.pdf (дата обращения: 15.01.2023).

Глава 6

Бьюкенен Э. (2012). Кошки против гнилой горячки. Глушкова И.П. (рук. проекта и науч. ред.). *Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение*. М.: Наталис.

Ванина Е. (2012). Чума в Бомбее: свидетельства индийского учителя и русских врачей. Глушкова И.П. (рук. проекта и науч. ред.). *Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение*. М.: Наталис.

Глушкова И.П. (1993). Читпаваны: реформаторы, ученые, террористы. *Азия и Африка сегодня*. № 6.

Глушкова И.П. (1999). Общеиндийский бог Ганеша. Глушкова И.П. (отв. ред. и рук. проекта). *Древо индуизма*. М.: Восточная литература РАН.

Глушкова И.П. (2000). «Ментальная программа» маратхов. Ванина Е.Ю. (отв. ред.). *Индия: страна и ее регионы*. М.: Эдиториал УРСС.

Глушкова И.П. (2012а). Следы и наследие. Извлечение посмертных смыслов. Глушкова И.П. (рук. проекта и науч. ред.). *Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение*. М.: Наталис.

Глушкова И.П. (2012б). Кровавая бойня при Панипате (1761): живые и мертвые. Глушкова И.П. (рук. проекта и науч. ред.). *Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение*. М.: Наталис.

Глушкова И.П. (2017). Вербальное непотребство как культурный код творческой элиты Махараштры (XX в.). Глушкова И.П. (рук. проекта), Ванина Е.Ю. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия*. М.: Наука–Восточная литература.

Глушкова И.П. (2021). Эстетика средневекового отвращения в свете древнеиндийской теории рас и бхав. Полиптих. Глушкова И.П. (рук. проекта и отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Стыд и гордость: введение в стандарты и практики эмоций*. М.: ИДВ РАН–Восточная литература.

Дзоши Ш.Д. (2012). «Как теперь жить? Как теперь умирать?». Глушкова И.П. (рук. проекта и науч. ред.). *Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение*. М.: Наталис.

МакАлпин М.Б. (2012). Эпидемия: трупы и вакцины на фоне бубонной чумы. Глушкова И.П. (рук. проекта и науч. ред.). *Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение*. М.: Наталис.

Сидорова С.Е. (2014). Британские монархи — преемники Великих Моголов. Статуя королевы Виктории в Индии. Глушкова И.П. (рук. проекта), Прокофьева И.Т. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура: визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты*. М.: Наука–Вост. лит.

Шаститко П.М. (1967). *Нана Сахиб (Рассказ о народном восстании 1857–1859 гг. в Индии)*. М.: ГРВЛ, Наука.

Arnold D. (1988). *Touching the Body: Perspectives on the Indian Plague, 1896–1900*. Guha Ranjit (ed.). *Subaltern Studies*. Vol. V. Delhi: Oxford University Press.

Cashman R.I. (1975). *The Myth of the Lokamanya. Tilak and Mass Politics in Maharashtra*. Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press.

Catanach I. J. (1984). Poona politicians and the plague. *South Asia: Journal of South Asian Studies*. Vol. 7, iss. 2.

Chandavarkar. (1998). *Imperial Power and Popular Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Crawford A. (1897). *Our Troubles in Poona and the Deccan*. Westminster: Archibald Constable & Co.

Gurjarpradhye Prachi. (2014). *Bringing Modernity Home. Marathi Literary Theory in the Nineteenth Century (along with an Anthology)*. Shimla: Indian Institute of Advanced Study.

Hochschild A.R. (2012). *The Managed Heart: Commercialization of Human Feelings*. Berkley–Los Angeles: University of California Press.

Johnson G. *Provincial Politics and Indian Nationalism: Bombay and the Indian Nationalism. Bombay and the Indian National Congress 1885–1915*. Cambridge: Cambridge University Press.

Joshi V.S. (1973). *Kaṇṭhsnān āṇi balidān*. Mumbai: Raja prakashan.

Kamra S. (2016). Law and Radical Rhetoric in British India: The 1897 Trial of Bal Gangadhar Tilak. *South Asia: Journal of South Asia Studies*. Vol. 39, (3).

Kelkar A.R. (1990). Aesthetics of Food: A Case Study of Traditional Diet of Uppercaste Hindus. Dolezelová-Velingerová Milena (ed.). *Poetics East & West*. Toronto: Toronto Cemiotic Circle.

Khobreakar V. G. (ed.). (1974). *Damodar Hari Capekar yāñce ātmavṛt*. Mumbai: Maharashtra rajya sahitya ani samskruti mandal.

Lynch O.M. (1990). *Divine Passions. The Social Construction of Emotion in India*. Delhi: Oxford University Press.

Masselos J. (1999). The Outside Inside: Incursions into the Marathi Household at the End of the Nineteenth Century. Glushkova Irina, Vora Rajendra (eds). *Home, Family and Kiship in Maharashtra*. N.D.: Oxford University Press.

McDonald E. E. (1968). The Modernizing of Communication: Vernacular Publishing in Nineteenth Century Maharashtra. *Asian Survey*. Vol. VIII, (7).

McLane J. M. (1977). *Indian Nationalism and the Early Congress*. Princeton: Princeton University Press.

More S. (2007). *Lokamānya te mahātmā*. Khaṇḍ pahilā. Pune: Rajhans prakashan.

More S. (2010). *Lokamānya bāl gaṅgādhar ṭīlak* (Mahārāṣṭra caritra-mālā). Pune: Shri gandharva-ved prakashan.

Nandy A. (1980). Final Encounter: The Politics of the Assassination of Gandhi. *At the Edge of Psychology. Essays in Politics & Culture*. Delhi: Oxford University Press.

Rajvade A. (1980). *Ātmavrtt*. Pune: Shrividya prakashan.

Ramanna M. (2012). *Health Care in Bombay Presidency, 1896–1930*. Delhi: Primus Books.

Ranade R. (1910). *Āmcyā āuṣyātīl kāhi āthvaṇī*. Pune: Dnyanprakash Press.

Report on Poona by the Late Mr W.C. Rand. (1898). *The Plague in India, 1896, 1897*. Compiled by R. Nathan. Vol. II, appendices I to VI. Simla: Government Central Printing Office.

Source Material for a History of the Freedom Movement in India (Collected from Bombay Government Records). (1958). Vol. 2. 1885–1920. Bombay: Government Central Press.

Scheff T.J., Retzinger S.M. (1991). *Emotions and Violence. Shame and Rage in Destructive Conflicts* (Lexington Books Series on Social Theory). Lexington (Massachusetts) —Toronto.

Scheff T.J. (1994). *Bloody Revenge: Emotions, Nationalism, And War*. Boulder, Colordao: Westview Press.

The Empress vs. Bal Gangadhar Tilak. 1897. Observations. GIPE-084074, Pune: Dhananjayrao Gadgil Library.

Tracy J.L., Robins R.W., Tangney J.P. (eds). (2007). *The Self-Conscious Emotions: Theory and Research*. N.Y.: Guilford Publications.

Tracy J.L., Robins R.W. (2007). The Psychological Structure of Pride: A Tale of Two Facets. *Joyrnal of Personality and Social Psychology*. No. 92.

Taylor G. (1985). *Pride, Shame, and Guilt: Emotions of Self-assessment*. Oxford: Clarendon Press.

Tucker R.P. (1969). The Proper Limits of Agitation: The Crisis of 1879–1880 in Bombay Presidency. *The Journal of Asian Studies*. Vol. 28 (2).

Wolpert S.A. (1962). *Tilak and Gokhale: Revolution and Reform in the Making of Modern India*. Berkeley–Los Angeles: University of California Press.

Worchel S. (1995). [Рец. на:] Bloody Revenge: Emotions, Nationalism, and War by Thomas J. Scheff. 1994. Boulder, CO: Westview Press. Cloth: £30.50, \$46 US, ISBN 0-8133-1908-0, 188 pages. *Transcultural Psychiatric Research Review*. Vol. 32.

Zelliot E. (1982). Marathi. An Historical View of the Maharashtrian Intellectual and Social Change. Malik Yogendra K. (ed.). *South Asian Intellectuals and Social Change. A Study of the Role of the Vernacula-Speaking Intelligentsia*. N.D.: Heritage Publishers.

Zimmermann F. (1999). *The Jungle and the Aroma of Meats: An Ecological Theme in Hindu Medicine*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers.

Электронные ресурсы

Burra A. (2018). People, Not the State, the Greatest Hurdle to Free Speech in India. *The Wire*. URL: <https://www.thewire.in/books/abhinav-chandrachud-republic-of-rhetoric-free-speech> (дата обращения: 30.05.2018).

Kulkarni S. (2021). Explained: What is Maharashtra's jail tourism initiative launched from Pune's Yerawada Jail? URL: <https://www.indianexpress.com/article/explained/explained-maharashtras-jail-tourism-initiative-punes-yerawada-jail-7164139/> (дата обращения: 12.06.21).

Глава 7

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): Ф. 5881. Оп. 1. Д. 118.

Басханов М.К. (2018). *История изучения восточных языков в русской императорской армии*. СПб.: Нестор-история.

Ванина Е. (2012). Чума в Бомбее: свидетельства индийского учителя и русских врачей. Глушкова И.П. (рук. проекта и науч. ред.). *Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение*. М.: Наталис.

Вигасин А.А. (2003). Александр и Людмила Мерварт: у истоков отечественного цейлоноведения и дравидологии. В кн.: *Репрессированные этнографы*. Вып. 2. М.: Восточная литература, 375–398.

Вигура А.Ф. (1901). *Лимфа Хавкина и другие вещества против чумы у людей, вызывающие невосприимчивость к ней, вырабатываемую самим телом*. СПб.: тип Я. Трей.

Кашкадамов В. П. (1898). *Письма из Индии*. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича.

Кашкадамов В.П. (1898а). *Чума в Индии за 1896–1898 гг.: С изложением этиологии, условий распространения и заражения, клинической картины и лечения её*. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича.

Кашкадамов В.П. (1901). *Отчет о командировке в Индию с 20 февраля 1899 года по 17 июля 1900 года*. СПб.: Издание Медицинского Департамента Мин. Внутр. Дел.

Кашкадамов В.П. (1902). *Краткий очерк индусской медицины*. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича.

Левин А.М. (1897). *Отчет о командировке в Индию в 1897 г. для изучения чумной эпидемии*. СПб.: типография В. Киришаума.

Марк С.А. (1898). Чума 1896–97 гг. в Синде. Материалы для эпидемиологии чумы. *Больничная газета Боткина*, СПб. № 21–25, с. 927–934, 988–996, 1031–1039, 1079–1084, 1135–1140.

Отчет есаула Д.И. Ливкина о командировке в Индию. (1990). В кн: *Российские путешественники в Индии. XIX–начало XX в.* М.: Наука, 173–226.

Русско-индийские отношения в XIX в. (1997). Сборник архивных документов и материалов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

Рыженков М.Р. (1990). Командировка Д.И. Ливкина в Индию в 1898–1899 гг. В кн: *Российские путешественники в Индии. XIX–начало XX в.* М.: Наука, 159–172.

Худоназаров Д. (2015). «Любимой темой для разговора было все русское». *Наука и религия*, (6), 28–33.

Ross R. (1907). The Inoculation Accident at Mulkowal. *Nature*. (3), 486–487.

Электронные ресурсы

Виноградова Р.П., Данилова В.М., Черныш И.Ю. (2018). Победивший холеру и чуму Владимир Хавкин. *Страна знаний*. Киев, № 8. URL: <https://www.krainaz.org/2018-08/430-khavkin> (дата обращения: 19.06.21).

Перетрухина А.Т., Блинова Е.И. (2021). *Бактерийные и вирусные препараты*. М.: Академия естествознания. Глава 11. Препараты, применяемые против чумы. URL: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=4516> (дата обращения: 05.08.2021).

Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. (2006). *Очерки истории чумы* (в 2 кн). М.: Вузовская книга. URL: royallib.com/read/supotnitskiy_mihail/ocherki_istorii_chumi_kniga_ii_chuma_bakteriologicheskogo_perioda.html#455284 (дата обращения: 16.06.21).

Ткачев Ю., Головань В. (2020). *Непарадная история: о еврейских погромах в Одессе*. URL: https://timer-odessa.net/statji/neparadnaya_istoriya_o_evreyskih_pogromah_v_odesse_176.html (дата обращения: 18.06.21).

Dr. Waldemar Mordecai Haffkine. URL: <http://www.haffkineinstitute.org/waldemar.htm> (дата обращения: 21.07.21).

Jhala H. I. W. M. W. Haffkine, Bacteriologist — A Great Savior of Mankind. URL: https://hpspreview.wiscweb.wisc.edu/wp-content/uploads/sites/366/2018/05/haffkine_jhala-1.pdf (дата обращения: 14.06.21).

Report on the bubonic plague in Bombay (1896–1897). Vol. 1. URL: <https://digital.nls.uk/indiapapers/browse/archive/74580172?mode=transcription> (дата обращения: 15.07.21).

Глава 8

Афанасьева А.Э. (2008) «Освободить... от шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в Казахской степи в XIX веке. *Ab Imperio*, (4), 113–150.

Ахмедов А., Ахмедова М.А., Маслова Е.В., Ахмедов Ф.А. (2017). Обобщение опыта здравоохранения в различных административных регионах Бухарского эмирата и его влияние на состояние здоровья населения того периода. *Вестник Академии медицинских наук Таджикистана*, (2), 87–93.

Егорышева И.В. (2008). Первые эпидемии холеры в России (1823, 1829–1831 гг.). *Проблемы социальной гигиены и история медицины*, (2), 56–58.

Егорышева И.В. (2022). Государственная политика в связи с первыми эпидемиями холеры в России (1823, 1829–1831). *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко*, (1–2), 160–165.

Ермольева З.В. (1942). *Холера*. М.: Медгиз.

Зияева Д.Х. (2009). Медицина и здравоохранение в Средней Азии: традиции, модернизация и трансформация (конец XIX — начало XX вв.). В кн.: *Социальная*

жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации: Материалы Международной конференции (Ташкент, 12–13 сентября 2008 г.). Ташкент, 154–158.

История (2021) медицины и медицинской географии в Российской империи / Под ред. Е.А. Вишленковой и А. Реннера. М.: Шико.

Кайдалов Е. (1827). Караван-записки во время похода в Бухарию русского каравана под воинским прикрытием в 1824 и 1825 годах. Ч. 1–3. М.: Университетская типография.

Корф М.А. (2003). *Записки.* М.: Захаров.

Ляшенко И.Э. (2017). Историографическое значение монографии К. В. Пупырева о первой эпидемии холеры в Оренбургском крае (1829–1833). *Вестник Оренбургского государственного университета*, (4), 62–64.

Ляшенко И.Э., Желтова В.И., Скачков М.В. (2005). Из истории борьбы с холерой в Оренбургском крае (к 175-летию первой эпидемии холеры в Оренбурге). *Эпидемиология и вакцинопрофилактика*, (1), 59–60.

Маслова О.В. (1955). *Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию.* Ч. I. 1715–1856. Ташкент: Изд-во САГУ.

Маслова О.В. (1956). *Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию.* Ч. II. 1856–1869. Ташкент: Изд-во САГУ.

Маслова О.В. (1971). *Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию.* Ч. IV. 1881–1886. Ташкент: Фан.

Попов А.В. (1910). Холера 1829–1833 годов в Оренбургском крае. *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*, XXI.

Почекаев Р.Ю. (2016) Мухаммедшариф Аитов как исследователь государственности и права народов и государств Центральной Азии. *Гасырлар авазы — Эхо веков*, (3–4), 237–242.

Рахимов Р.Н. (2021). Между чумой и холерой: иррегулярные войска Оренбургского края в борьбе с эпидемиями первой трети XIX в. *Уральский исторический вестник*, (1), 14–20. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-14-20.

Семенов В.Г., Семенова В.П. (2014). *Губернаторы Оренбургского края.* Оренбург: Оренбургское книжное изд-во им. Г. П. Донковцева.

Смирнова Е.В., Ерегина Н.Т. (2021). «Карантины чуть не взбунтовали 16 губерний»: Власть, врачи и общественность России в борьбе с эпидемиями холеры (XIX–начало XX веков). *Новый исторический вестник*, (2), 33–48.

Собрание (1830) актов и наблюдений, относящихся к холере, бывшей в конце 1829 и в начале 1830 годов в Оренбургской губернии. СПб.: Изд. Медицинского совета.

Султангалиева Г.С. Каратолмач. Штабс-капитан Мухаммед-Шариф Аитов в Казахской степи (первая половина XIX в.). *Панорама Евразии*, (2), 13–21.

Терентьев М.А. (1906). *История завоевания Средней Азии*. Т. 1. СПб.: Типолитография В. В. Комарова.

Халфин Н.А. (1974). *Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.)*. М.: Наука.

Henze Ch.E. (2011). *Disease, health care and government in late Imperial Russia: Life and death on the Volga, 1823–1914*. London; New York: Routledge.

Kotar S.L., Gessler J.E. (2014). *Cholera: A worldwide history*. Jefferson: McFarlanf & Co., Inc.

Глава 9

Абидулин А.М. (2015). Путешествие как форма имперской пропаганды. *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. № 3. 27–31.

Кузнецов В.С. (2006). Абдул-Хамид II. *Вопросы истории*. № 4. 48–68.

Arik U. (1991). *A Century of Turkish-Japanese Relations. A Special Partnership*. Revised Second Edition. 1–311.

Misawa N. (2003). Relations between Japan and the Ottoman Empire in the 19th Century. *AJAMES (Annals of Japan Association for Middle East Studies)*, Tokyo. No. 18–2, 1–19.

Misawa N. (2003). Relations between Japan and the Ottoman Empire in the 19th Century. *AJAMES (Annals of Japan Association for Middle East Studies)*, Tokyo. No. 18–2, 1–19.

Misawa N., Akcadag G. (2007). *The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868–1904)*. Tokyo. 85–109.

Misawa N. (2008). Ertugrul Faciasi na Dair Hakikatler (Some Realities about the Ertugrul Tragedy). *Journal of Istanbul's Culture and Art*, 1453, issue 4. 159–165.

Misawa N. (2012). *The First Japanese who Resided in the Ottoman Empire*. Hitotsubashi University. Tokyo. *Mediterranean World XXI*, 51–68.

Tadashi T. (1978). *Turk-Japan Munasebetlerine Kisa bir Bakis* (Краткий обзор турецко-японских отношений 1871–1945). Ankara, 1–266.

Электронные ресурсы

Абдулхамид П. *История Турции. История Малой Азии и Кавказа*. URL: <https://istorja.ru/forums/topic/801-abdul-hamid-ii/> (дата обращения: 10.05.2021).

Brief Story of Ertugrul Frigate. URL: <https://yandex.ru/search/?lr=213&clid=2270453&win=453&text=Brief%20Story%20of%20Ertugrul%20Frigate> (дата обращения: 15.05.2021).

Ertugrul. (2004). *A Brief introduction to International Yachting Fellowship of Rotarians*. URL: <https://web.archive.org/web/20041211161921/http://www.iyfrsf.org/Newsletter/introtoiyr.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

Murakami N. (2015). *The Sinking of the “Ertugrul”*: Japan and Turkey Mark the 125th Anniversary of the Tragedy, October. URL:

<https://www.nippon.com/en/behind/100127> (дата обращения: 10.05.2021).

Murakami N. (2015). *Эртугруру госо нандзикэн кара 125 нэн* (125 лет трагедии крушения «Эртугрула»). URL: <https://www.nippon.com/ja/behind/100127/> (дата обращения: 10.05.2021).

Глава 10

Российский государственный военно-исторический архив: Ф. 13227. Оп. 1. Д. 119.

Российский государственный военно-исторический архив: Ф. 13227. Оп. 2. Д. 41.

Российский государственный военно-исторический архив: Ф. 13227. Оп. 2. Д. 150.

Литвинов Б.Н. (2017). *Воспоминания. Часть I. Приморский отряд на Кавказском фронте Первой мировой войны*. Т. II. 1916–1917. М.: Пробел-2000.

Хутарев-Гарнишевский В.В. (2020). *Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи. 1913–1917*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Али-заде А. (2007). *Исламский энциклопедический словарь*. Ансар: Золотой фонд исламской мысли.

Глава 11

Государственный архив Российской Федерации: ф. Р-8009 «Министерство здравоохранения СССР», оп. 10. Общесоюзное бюро заграничной санитарной информации (группа по международным и санитарным конвенциям). 1929–1940 гг.

Государственный архив Российской Федерации: ф. А-482 «Министерство здравоохранения РСФСР (Минздрав РСФСР). Оп. 25. Ученый медицинский совет, 1918–1937. 1939–1940 гг. Оп. 35. Общесоюзное бюро заграничной санитарной информации. 1921–1937 гг. Оп. 55. Секретный отдел Наркомздрава. 1921–1933.

Государственный архив Республики Бурятия: ф. Р-248 Совет Народных Комиссаров / Совет Министров Бурят-Монгольской АССР. Оп. 1, 2.; ф. Р-665. Народный комиссариат здравоохранения Бурят-Монгольской АССР. Оп. 1 б.

Алексеевская Т.И., Демидова Т.В., Софронов О.Ю. (2021). Сифилис среди населения острова Ольхон глазами разъездного фельдшера 1-го врачебного участка. *Актуальные вопросы общественного здоровья и здравоохранения на уровне субъекта Российской Федерации: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. уч.*, Иркутск, 42–49.

Башкуев В.Ю. (2013). Забайкальская область и город Верхнеудинск перед угрозой пятой пандемии холеры. *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*, 1 (9). 37–46.

Башкуев В.Ю. (2013). Эпидемическая безопасность окраинных регионов Российской империи во время пятой пандемии холеры (на примере Забайкальской области и г. Верхнеудинска). *Власть*, (1). 150–153.

Башкуев В.Ю. (2016). *Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX — первая половина XX вв.)*. Иркутск: «Оттиск».

Башкуев В.Ю. (2021а). *Европейская медицина и традиционное общество в монгольском мире (последняя треть XIX — первая половина XX в.)*. Иркутск: «Оттиск».

Башкуев В.Ю. (2021б). «Мягкая сила» советской медицины на зарубежном Востоке. 1920-е — 1940-е гг. Хабаровск: Изд-во ДВГМУ.

Башкуев В.Ю. (2021в). «Волшебная пуля» Пауля Эрлиха и кочевая культура: роль сальварсана в оздоровлении народов трансграничья России и Монголии (1920–1930-е гг.). *Власть*. № 5, 232–234.

Башкуев В.Ю., Миягашева С.Б. (2022). Советский геополитический проект в МНР и проблемы демографии в середине 1920-х — начале 1940-х гг. *Oriental Studies*, т. 15, (6), 1217–1226.

Броннер В.М. (1921). *Влияние социальных факторов на рост венерических болезней и роль государства в борьбе с этими болезнями*. М.: Государственное издательство, 26.

Броннер В.М., Бейлин И.Б. (1936). Научно-исследовательские работы в области здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР. *Проблемы Бурят-Монгольской АССР: труды первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР*. Т. 2. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 368–387.

Гайдаров М.Г., Алексеевская Т.И., Демидова Т.В., Софронов О.Ю. (2022). Экспедиция петербургских медиков, командированных в XIX веке в северные округа Восточной Сибири для ликвидации эпидемии сифилиса и проказы. *Медицина и организация здравоохранения*, т. 7, (1), 60–70.

Гранат Е.Е., Згоржельская Е.Н. (1931). *Бурятские дети*. М.: ОГИЗ-Молодая Гвардия.

Гусаков Н.И., Мавров Г.И. (2009). История венерологии (Сообщение 2). Венерология в России в XVIII–XIX веках. *Дерматология та венерология*, 2 (44), 61–76.

Дамдин (1936а). Ламаистская церковь в МНР. (Очерк первый). *Современная Монголия*, 1(14). С. 87–105.

Дамдин. (1936б). Ламаистская церковь в МНР. (Очерк второй. Ламство и его государственно-правовое положение). *Современная Монголия*, 2(15), 3–29.

Завьялов А.И. (2008). *Становление и развитие венерологии в России (XIX–XX вв.): дис. ...д-ра мед. наук : 07.00.10*, Москва. — 401 с.

Закс И.Г., Ильин С.Т. (1927). Опыт изучения заболеваемости вен болезнями в Бурято-Монголии. *Венерология и дерматология*, (9), 857–875.

Загравкин С.Н., Вишленкова Е.А. (2022). *«Клубы» и «гетто» советского здравоохранения*. М.: ШИКО.

Звонарев М.И. (1929). Венерические заболевания среди бурят Боханского аймака. *Жизнь Бурятии*, (3–4), 68–73.

История Монголии. XX век. (2008). М.: Институт востоковедения РАН, 2007.

Кубанцева М.А. (1929). Партийно-советский актив в борьбе с венерическими болезнями. *Жизнь Бурятии*, (5), 57–69.

Лапышев Д.А. (1929). К характеристике сифилиса среди бурят. *Врачебная газета*, (8), 546–554.

Мавров Г.И. (2009). История венерологии (сообщение 3). Венерология в России и СССР в XX веке. *Дерматология та венерология*, 3 (45), 83–101.

Майский И.М. (1921). *Современная Монголия: Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского союза потребителей Товариществ «Центросоюз»*. Иркутск: Государственное издательство РСФСР.

Михель Д.В. (2008а). Общественное здоровье и холерный вибрион: Российская империя, медицина и бактериология начала XX века перед угрозой холеры. *Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения*, т. 8, (2), 64–75.

Михель Д.В. (2008б). Чума и эпидемиологическая революция в России, 1897–1914. *Вестник Евразии*, (3), 142–164.

Михель Д.В. (2009). Становление медицинской микробиологии в России и проблема холеры (1885–1910 годы). *Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения*, т. 9, (2), 7–16.

Миягашева С.Б. (2022). Традиционные представления и методы лечения сифилиса в Монголии в начале XX века. *Ремедиум*, т. 26, (4), 387–390.

Номогоева В.В. (2009). Тибетская медицина в Бурятии в контексте социальной модернизации 1920–30-х гг. *Бюллетень ВСНЦ СО РАМН*, 3(67), 284–286.

Пестерев А. М. (1930). Половой быт бурят. *Жизнь Бурятии*, (4), 89–98.

Пирововская М.М. (2012). Ветлянская чума 1878–1879 гг.: санитарный дискурс, санитарные практики и (ре)формирование чувствительности. *Антропологический форум*, (17), 198–229.

Ратманов П.Э. (2008а). Эпидемия холеры в Маньчжурии в 1902 г. *Дальневосточный журнал инфекционной патологии*, (12), 156–159.

Ратманов П.Э. (2008б). Эпидемия холеры на линии Китайской Восточной железной дороги в 1919 г. *Дальневосточный журнал инфекционной патологии*, (13), 180–183.

Ратманов П.Э. (2009а). Из истории борьбы русских врачей с эпидемией чумы в Маньчжурии в 1899 г. *Дальневосточный журнал инфекционной патологии*, (14), 146–149.

Ратманов П.Э. (2009б). Эпидемия холеры на линии Китайской Восточной железной дороги в 1932 г. *Дальневосточный журнал инфекционной патологии*, (15), 149–153.

Хаин-Хирба, Баевский И.Л. (1930). Вопросы организации здравоохранения в Монгольской Народной Республике. *Хозяйство Монголии*, 1(19), 96–123.

Цагаанхуу Д. (1976). 55 лет здравоохранения Монгольской Народной Республики. М.: «Медицина».

Шперк Э.Ф. (1863). *Медико-топографические замечания о сифилисе в Северо-Восточной Сибири, называемом там «проказою»* : дис. ...д-ра медицины, СПб.: Типография духовного журнала «Странник». – 62 с.

Энгельстайн Л. (2000). Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905). *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период*. Самара: Изд-во «Самарский университет», 217–268.

Ядринцев Н.М. (1891). *Сибирские инородцы, их быт и современное положение*. СПб.: Издание И.М. Сибирякова.

Ядринцев Н.М. (1892). *Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении*. СПб: Издание И.М. Сибирякова.

Amstey M.S. (1994). The Political History of Syphilis and its Application to the AIDS Epidemic. *Womens Health Issues*, Vol. 4, (1), 16–19.

Baker B.J. (1988). The Origin and Antiquity of Syphilis: Paleopathological Diagnosis and Interpretation. *Current Anthropology*, Vol. 29. (5), 703–737.

Bashkuev V.Y. (2013). Silencing the shame: forgetting of the 1920s syphilis epidemic as a strategy of post-Soviet identity construction. *Jefferson Journal of Science and Culture*, (3), 110–132.

Bashkuev V.Y. (2013). Soviet eugenics and national minorities: eradication of syphilis in Buriat-Mongolia as an element of social modernisation of a frontier region, 1923–1928. In: *Baltic Eugenics: Bio-Politics, Race and Nation in Interwar Estonia, Latvia and Lithuania, 1918–1940*. Amsterdam-New York, NY: Editions Rodopi B.V, 261–287.

Beringer K. (1995). Die deutsch-russische Syphilisexpedition in der Burjato-Mongolei und ihre Bedeutung für die Frage der Metaluespathogenese. In: *Lues, Lamas, Leninisten. Tagebuch einer Reise durch Rußland in die Burjatische Republik im Sommer 1926*. Pfaffenweiler: Centaurus-Verl., 298–308.

Dioneo, L. Edwards, Z. Shklovskii. (6. r.). In *Far North-East Siberia*. BiblioLife LLC.

Engelstein L. (1986). Morality and the Wooden Spoon: Russian Doctors View Syphilis, Social Class, and Sexual Behavior, 1890–1905. *Representations*, (14), 169–208.

Jankauskas R. and Susan L. Saul (1989). On the Origin and Antiquity of Syphilis. *Current Anthropology*, Vol. 30, (4), 81–82. Lynteris C. (2013). Skilled Natives, Inept

Coolies: Marmot Hunting and the Great Manchurian Pneumonic Plague (1910–1911). *History and Anthropology*, Vol. 24, No. 3, 303–321. DOI: 10/1080/02757206.2012.697063.

Lynteris C. (2016). *Ethnographic Plague: Configuring Disease on the Chinese-Russian Frontier*. London: Palgrave-Macmillan.

Maatouk I. and R. Moutran (2014). History of Syphilis: Between Poetry and Medicine. *Journal of Sexual Medicine*, (11), 307–310.

McGough L.J. (2005). Syphilis in History: A Response to 2 Articles. *Clinical Infectious Diseases*, (41), 573–575.

Parrot M.J. (1879). The Osseous Lesions of Hereditary Syphilis. *The Lancet*, May 17, 696–698. Pietrzak-Franger M. (2017). *Syphilis in Victorian Literature and Culture: Medicine, Knowledge and the Spectacle of Victorian Invisibility*. London: Palgrave Macmillan.

Rothschild B. (2005). Syphilis: Its History and World Impact. *Current Rheumatology Reviews*, (1), 199–204.

Sarkisova O. (2017). *Screening Soviet Nationalities: Kulturfilms from the Far North to Central Asia*. London–New York: I.B. Taurus, 119–127.

Solomon S.G. (1993). The Soviet-German Syphilis Expedition to Buriat-Mongolia, 1928: Scientific Research on National Minorities. *Slavic Review*, Vol. 52, (2), 204–232.

Solomon S.G. (1995). Das Reisetagebuch als Quelle für die Analyse binationaler medizinischer Unternehmungen. In: *Lues, Lamas, Leninisten. Tagebuch einer Reise durch Rußland in die Burjatische Republik im Sommer 1926*. Pfaffenweiler: Centaurus-Verl., 1–41.

Stolpe I. (2008). Display and Performance in Mongolian Cultural Campaigns. In: *Conflict and Social Order in Tibet and Inner Asia*. Brill, 59–84.

Stolpe I. (2012). From Purity to Cleanliness: Changing Concepts in Mongolia. In: *How Purity is Made*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 369–392.

Terbish B. (2013). Mongolian Sexuality: A Short History of the Flirtation of Power with Sex. *Inner Asia*, (15), 243–271.

Waugh M.A. (1982). Role Played by Italy in the History of Syphilis. *The British Journal of Venereal Disease*, (58), 92–95.

Weindling P. (2006). German Overtures to Russia, 1919–1925: Between Racial Expansion and National Coexistence. In: *Doing Medicine Together*. Toronto: University of Toronto Press, 35–60.

Wilmanns K. (1995). *Lues, Lamas, Leninisten. Tagebuch einer Reise durch Rußland in die Burjatische Republik im Sommer 1926*. Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges.

Электронные ресурсы

Супотницкий М.В. (2006). *Очерки истории чумы. Очерк XXXI. Эпидемия легочной чумы в Маньчжурии и Забайкалье (1910–1911)*. URL: <http://supotnitskiy.ru/book/book3-31.htm> (дата обращения: 02.09.2016).

Эпидемия сифилиса. (2012). URL: <https://crb-prk.ru/articles/188/> (дата обращения: 03.02.2023).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббасиды 40, 45
Абдул-Азиз, султан 237
Абдулхамид II, султан 236, 237, 241–244, 254–256
Абидулин А. М. 240, 256
Абу Убайда 42
Абэ Ёсихира 103
Абэ Ясутика 110
Авиценна (Ибн Сина) 53
Ага-хан III, султан 202
Агаркар Гопал Ганеш 171, 174, 183
Аитов М.-Ш. 228
Айерст Ч. Э. 163, 164, 167, 176, 178, 182, 189, 192, 193
Айша 42
Амар 312
Андронов А. А. 11
Ань-ди 124
Аоки Сюдзо 249
Апте 173
Аргайлл Д. 146–148, 150
Аргуш, султан 52
Аристотель 120
Арита Киитиро 255
Арнолд Д. 139, 159
Арык Умут 240
Афзал-хан 167, 180

Бабушкина У. А. 299
Баджи-рав II 174
Баевский И. Л. 305, 306, 309

Байков 301
Баладжи Баджи-рав 170
Барадийн Б. Б. 301
Баренбойм С.И. 304
Басу Чандратх 192
Баторов П.П. 283
Беверидж В. В. О. 169
Безменов Н. 197
Беляев В. 291
Бенкендорф А. Х. 228
Берестнев Н. М. 205
Бертрандон де ла Брокьер 50
Бидон С. 140, 143, 145
Богдо-гэгэн VIII 309
Большаков О. Г. 41, 43, 45, 55
Брантон Р. 248
Бродель Ф. 36
Броннер В. М. 279, 285, 288, 291, 292, 298, 299
Брунер Д. 177
Брюин Г. 182, 188, 192
Булгаков М. А. 277
Бусбек О. Г. де 44
Буцер К. 39
Бхану Ч. Г. 167
Бхатиа Б. М. 139

аль-Валид ибн Абд аль-Малик 45
Ванновский П. С. 199
Варлык Н. 19
Васильев Д. Д. 7

- Вебер М. 177
Велизарий 27
Вернер Э. Л. 205
Веселицкий Г. П. 231, 233
Вигас А. Г. 196
Вигура А. Ф. 205, 207
Виктория, королева 163, 185, 188, 202
Вильманс К. 292– 295
Вит Г. 54
Владимирский М.Ф. 299
Волперт С. 175, 180
Воронцов М. С. 215
Высокович В. К. 205, 216
- Гален 26
Галиотти Д. 199
Гальперин С. Е. 274
Ганапати (Ганеша), бог 187, 188
Ганди Махатма 193
Гартвиг Н. Г. 220
Гёги 111
Генс Г. Ф. 227
Гете 178
Гетчинсон Д. 271
Гиляровский В. А. 277
Гиппократ 14
Гитлер А. 178
Гладстон У. 156
Гогте Васудев Балвант 192
Годсе Натхурам 193
Гокхле Гопал Кришна 165, 171, 175, 185
Горбунов Н. П. 294
Горемыкин И. Л. 198
Гофман И. 177
Греднер 249
Грин М. 30, 31
Гроссман Я. Л. 309, 311
Гурина А. И. 304
- Давутоглу А. 257
Дайго 63, 77, 112, 113
Дафферин Б. Ф. 200
Деваки 175
Девдхар 174
ДеВитт Ш. Н. 28
Делейн 160
Джексон А.М.Т. 192
Джовани 32
Дзимму 79
Дзингу когу 79
Дзоши В. Ш. 167, 188, 189
Дзоши Лакшман-шастри 179
Дзюнна 90, 112
Дигби У. 155
Дрягин М. Н. 261
Дун Чжуншу 119
Дурга-баи 189
Дурга, богиня 190
Дэвис М. 153
Дэн То 121
Дюркгейм Э. 177
Дютур О. 271
- Екатерина II, императрица 274
- Жинкин В.Н.** 284, 289
- Заболотный Д. К. 205, 216
Зиман К. 11
- Ибн Баттута** 52
Ибн аль-Варди 53
Ибн Хаджара аль-Аскаляни 53
Иван III, царь 273
Ивицкий Г. В. 302, 307
Ильин С.Т. 288, 303
Иоганн Винтертурский 32
Исмаил-бей 249
Итидзё 77

Йерсен А. 14, 198, 214

Кавасуми Хироси 84

Кагава Дзунити 255

Казакевич Л. Я. 301

Кайдалов Е. 228, 230

Камиль-паша 236, 237

Камму 57, 76

Камо-но Тёмэй 87, 88

Каннингэм Д. Д. 197

Канса 175

Канхере Анант Лакшман 192

Карл VIII, король 272

Кацура Сума 253

Кашкадамов В. П. 196, 199, 202, 204–
207, 210, 211, 213–217, 222

Келли Дж. 32

Кимура 249

Ки Хасэо 77

Китадзато Сибасабуро 14, 198

Клемм В. О. фон 220–222

Климент VI, римский папа 34

Кокберн Т. 271

Колвин О. 148

Колумб Х. 270

Комацу Акихито 236, 244

Кондратьев Н. Д. 10

Конрад Л. И. 43

Корниш У. Р. 154

Корф М. А. 234

Кох Р. 14, 20

Кранборн 139, 141

Кра(у)форд А. 165

Крачковский И. Ю. 47

Кришна 175, 183

Кубанцева М. А. 285

Кудзё Канэдзанэ 88

Кузнецов В. С. 236

Кули Ч. Х. 177, 191

Куприн А. И. 277

Куропаткин А. Н. 217

Кхасгивале 174

Кхобрекар В.Г. 179, 188

Кэмпбелл Д. 140, 146–150

Лаган 311

Лакшми-баи 169, 187

Ланцизи Дж. 12

Лао-цзы 176, 177

Лапышев Д. А. 286, 287

Левин А. М. 201, 202, 205–207, 210–
214, 216

Левина-Мерварт Л. А. 206

Ливкин Д. И. 196, 216–220

Литтон, лорд 140, 152–159, 180

Лоуренс Д. 141, 143

Лэм(б) Р. Э. 164, 165

Люстиг А. 199

Ма Вэньшэн 125

Майский И. М. 300, 301

Макнил У. (Мак-Нил У.) 12, 13, 21, 27

Макризи (аль-Макризи) 47, 48, 51

Маллет Б. 145, 152

ал-Мамун 44

Марк С. А. 196, 205, 207, 211, 213, 215,
216

Маркс К. 177

Маруяма Сюити 102

Махаджан Сумитра 194

Мацуи 250

Мехмет-бей 255

Мечников И. И. 199, 200

Милль Дж. С. 143

Мин, династия 119, 121, 122, 124, 126,
130

Минх Г. Н. 14

Мирза-Мехди 218, 219

- Мисава Нобуо 251
 Мити Обитона 112
 Монтоку 112
 Море Садананд 172, 175
 Морозова И. Ю. 312
 Муавия ибн Аби Суфьян 43
 аль-Музаффар Хаджжи 48
 Мураками 113, 114
 Мухаммад 42
 Муцухито (имп. Мэйдзи) 236, 239, 244, 245, 254
 Мьюр У. 144
- Нагайбаков** 259, 261
 Накахара Морото 109
 Нана Сахиб (Сахеб) 169, 189
 Нанди Ашис 193
 Нань Шичжун 125
 Нараян-рав 170
 Нариман Р. С. 199
 Нату Бала-сахеб 167
 Нату Баладжи-пант 167
 Нату Татъя-сахеб 167
 Немой С. М. 309
 Николай I, император 231
 Николай II, император 198, 205, 260
 Николай Николаевич Младший 260
 Никольский М.Э. 222
 Нода Сётаро 254, 255
 Нортбрук Т. 142, 144–148, 150–152, 158
 Ньютон И. 11
- Одзин** 79
 Ольденбург С. Ф. 294
 Ольденбургский А. П. 205, 218
 Омейяды (Омейяды) 43–45
 Омори Фусакити 127
 Омэцу ФудзиEMON 255
 Онисимов К. М. 286, 287
- Онуфриев 231
 Орбелиани, князь 218, 219
 Осипова Е. С. 313
 Осман I 237
 Осман-паша (Осман-бей) 239–245, 247, 248, 250
 Ост А. И. 205, 215
 Охотников И. А. 311
- Парандзпе** 174
 Парро М. 270
 Пастер Л. 20, 195, 198, 199
 Патвардхан Джая 189
 Патвардхан Начикет 189
 Пателль Б. Ф. 202
 Пачини Ф. 14
 Пашен Э. 14
 Перовский В. А. 230
 Перре А. 10
 Пестерев А. М. 290, 297
 Петр I, император 274
 Пешков Н. Н. 261
 Пинкус Ф. 292
 Плишкин Д.Н. 283
 Плоткина М. М. 311
 Половцов А. А. 222
 Пономарев 231
 Прокопий Кесарийский 26, 27, 40
 Пуанкаре А. 11
 Пхадке Васудев Балвант 166, 169, 175, 189
 Пхалке Дада-сахеб 189
 Пятницкий 231
- Рабинович** 283
 Рагхунатх-рав 170
 Ранаде Махадев Винаяк 182, 190, 192
 Ранаде Махадев Говинд 168, 173, 185
 Ранаде Рамабаи 168

- Ратманов П. Э. 13
 Редров Е. А. 205, 216
 Ретцингер С. 177, 178
 Рипон 156, 158
 Родкин М. В. 11
 Ротшильд Б. 270
 Росс Р. 203
 Рустем-паша 44
 Рэнд У. Ч. 163, 164, 167, 169, 170, 172, 176, 178, 182, 188, 189, 192, 193
 Саваркар Винаяк Дамодар 192, 193
 Сага 78, 112
 Садашив-рав 170
 Санномия 243
 Сарасвати, богиня 190
 Саркисова О. 291
 Сатакэ Акира 92
 Сатхе 182
 Сеймур Г. 143
 Семашко Н. А. 280, 294, 298
 Сен А. 142
 Сётоку 89
 Сидоркин Н. А. 302, 303
 Симкин А. Г. 313
 Симон П.-Л. 198
 Слудский А. А. 21, 23
 Соломон С. 293
 Солсбери 139, 142, 144, 148–152, 154, 160
 Сталин И. В. 312
 Станиславский К. С. 173
 Степанова Л. 291
 Стерн Д. 177
 Стрейчи А. 180
 Судзаку 112, 113
 Сулейман, султан 44
 Сухтелене П. П. 234
 Сэйва 78, 92, 108
 Сэйму 79
 Сэндхёрст 167, 201
 Тайра Ёритоки 112
 Такахаси 243
 Танака Мицутоси 257
 Танака Цунацунэ 254
 Танба Рюносукэ 242, 243
 Тантия Топи 169
 Темпл Р. 146, 147, 149, 150, 152–155, 174, 175
 Тилак Бал Гангадхар 165–167, 171, 172, 174, 175, 179–183, 185, 191–193
 Тоба 61, 65, 76, 79, 80, 91, 102
 Тойнби А. Д. 12
 Том Р. 11
 Трубочеев А. Т. 285, 292, 299
 Тукарам 178
 Тулпуле Ш. Г. 183
 Туранов Н. М. 296–298
 Тхарур Ш. 138, 139
 Тэйлор Г. 190
 Тэмму 72
 Узбек-хан 32, 33
 Уитни Х. 11
 Умар 41–43
 Фалес Милетский 120
 Фасих аль-Хавафи 32
 Форбс Г. В. 213
 Фракасторо Д. 272
 Фудзивара Ацумицу 77
 Фудзивара Ёримити 91, 103
 Фудзивара Ёсифуса 112
 Фудзивара Канэдзанэ 64
 Фудзивара Кинто 103
 Фудзивара Митинага 60, 108
 Фудзивара Моромити 84
 Фудзивара Моротоки 61

Фудзивара Мунэтада 60, 63, 66, 73, 84, 85

Фудзивара Оцугу 90

Фудзивара Санэсукэ 60, 61, 67, 73, 99, 103, 108

Фудзивара Сигэру 113

Фудзивара Тададзанэ 72

Фудзивара Таданобу 91

Фудзивара Юкинари 60

Фукидид 26

Фэнси Н. 31

Хавкин В. А. 195, 199, 200–205, 207, 208, 210, 214

Хаджа Касым 221

Хаджи Нияз 219

Хадсон Э. 271

Хаин-Хирба 306

Хайдар 249

Хань, династия 13, 129

Восточная 124

Западная 124

Харти 239, 240

Хасадзумэ Дзидзо 255

аль-Хасан ан-Насир 48

Хасан, султан 51

Хасан Риза-паша 255

Хасан Хюсню-паша 237, 240

Хасидзумэ Нидзо 249

Хаякава Юкио 82

Хёго Наяси 254

Хидзиката Хисамото 254

Хидэка Соносукэ 254

Хишам Абд аль-Малик 45

Хорикава 79, 85

Хостон Д. В.Э. 193

Хохшил(ь)д А. Р. 167, 173

Хулагу-хан 31

Хэйдзэй 60, 107

Цагаанхуу Д. 313

Цапекар Балкришна Хари 182, 184, 187–189, 194

Цапекар Васудев Хари 182, 184, 189

Цапекар Дамодар Хари 182–194

Цапекар Хари Винаяк 183

Цин, династия 121, 227, 274

Цинь, династия 129

Цинь Кэда 125–129

Циолковский С. Ф. 230, 231, 232

Цымбургский В. Л. 267

Чжан Хэн 110, 120

Чжан Шуцин 119

Чжоу, династия 129

Чингис-хан 30

Чиплункар Вишну-шастри 174, 183

Чэн-ди 124

Шан, династия 129

Шастин П. Н. 281

Шахрух (Шахрух ибн Тимур) 32

Шашков С. С. 276

Шебалин Н. В. 11

Шефф Т. Д. 176–178, 183, 193

Шива, бог 181

Шиваджи 165, 167, 170, 174, 180, 184, 185, 187

Ши-цзун 121

Шкловский И. В. (Дионео) 276

Шпеер А. 178

Шперк Э.Ф. 275, 276, 283

Штольпе И. 281, 312

Штюмер А. 293, 294

Элиас Н. 177

Элленборо, лорд 144

Эллиот Ч. 158

Энгельстайн Л. 277

Эндрюс Р. Ч. 301

Эрлих П. 292

Эртогрул (Эртогрул Гази) 237

Эссен П. К. 228, 231, 233, 234

Юань, династия 35

Юденич Н. Н. 260

Ядассон Й. 292

Ядринцев Н. М. 276

Язид ибн Аби Суфьян 43

Яма, бог 171

Ямасима Рейдзо 255

Ясенский Ф. А. 205, 215

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Ава 85, 96
Австралия 122
Агзы-ачик, г. 263
Агинский аймак 284, 286, 288, 298
Агра 204
Аден 169, 239, 240
Адон-Челонский хошун 286
Азия 40, 46, 47, 198, 252, 279, 282, 309, 316
 Внутренняя 267, 279, 280
 Восточная 256, 268, 269
 Центральная (Средняя) 16, 30, 202, 226–229, 231–235, 267–269, 279, 280, 305
 Юго-Восточная 242
 Южная 7, 162, 180, 227
Акита 71, 72
Александрия 40, 47
Алешпо 32, 49, 52
Алтай 22, 29, 223
Альпы, г. 29
Амакуса 81
‘Амвас 39, 41–43, 46
Америка 139, 147, 270
 Северная 270
Амритсар 219
Амур, р. 275
Анатолия 49, 258
 Северо-Восточная 258
Англия (Великобритания) 138, 142, 146, 147, 149, 156, 171, 199, 200, 202, 222, 237–240, 277
Анзоб, с. 216, 218
Антверпен 36
Антиохия 49
Аомори 72
Аравийский полуостров (Аравия) 39, 41, 43, 52, 54, 55
Аратамакава, р. 81
Армянское нагорье 13, 24, 31, 35
Архангай 309
Асама, влк. 69, 71, 72, 74, 75
Асигара 69
Асикита 81
Аскалон 44
Ассам 146
Астраханская губерния 216
Астрахань 205
Асуан 47
Асхабад 218
Асьют 49
Атлас, г. 29
Афганистан 156, 205, 217–220, 316
Африка 13, 271
 Северная 23, 25, 29
Ахыркапы 241
Багдад 30, 31, 40, 45, 49
Байкал, оз. 275, 283

- Баку 221
 Баласагун 32
 Баодэ 131
 Баоцзи 128
 Барга 282
 Барода 184
 Басра 49
 Батум 220
 Безикская бухта 254
 Бейрут 44
 Белуджистан 219
 Бенгалия 140, 141, 144–147, 151, 153
 Берар 197
 Берген-оп-Зом 35
 Берлин 292
 Библи (Джебейль) 44
 Бива, оз. 84
 Бирма 146, 147
 Бихар 140, 144, 145, 151, 153, 197
 Бомбей (Мумбай) 162, 163, 165, 168, 169, 174, 180, 182, 185, 187, 196–199, 201–208, 210–213, 215, 217–222
 Бопин 131
 Босфор 238, 254
 Боханский аймак 284
 Британия см. Англия (Великобритания)
 Британская империя 138, 163, 192
 Булгар (Болгар) 36
 Бунделькханд 197
 Бурят-Монголия (БМАССР) 281, 282, 284–286, 289–296, 298–300, 303, 306, 313, 314
 Бурятия 282–284, 286, 291, 300, 312
 Бухара 227, 228, 230–233, 235
 Бухарский эмират 235
 Вакаяма 249, 250
 Ван, оз. 32
 Великий шелковый путь 25–27, 30, 31, 33, 38
 Верхнеудинск 292, 298, 299
 Верхнеудинский аймак 284
 Византия 41, 49, 54
 Владимировка, с. 216
 Владимирская губерния 205
 Волга, р. 29
 Волжская Булгария 35
 Волжско-Уральские степи 21
 Восток 7, 8, 16, 39, 41, 58, 61, 217, 237, 282, 316
 Ближний 7, 16, 23, 32, 33, 40, 41, 44–47, 50, 53–55, 259
 Дальний 7, 23, 276
 Вьетнам 198
 Вэй, р. 121, 128–130, 132, 133
 Вэйнань 121, 126, 128, 130
 Вэньчуань 121
 Гаити, о. 270
 Галицко-Волынское княжество 32
 Галлия 75
 Ганг (Ганга), р. 146
 Ганьсу 121, 131
 Гарц, г. 29
 Гаудан 221
 Гвалиор 184
 Гекла, влк. 75
 Германия 24, 35, 36, 200, 237, 292, 293, 302
 Веймарская 291
 Центральная 25
 Гессен 35
 Гиза 51
 Гоа 184
 Гоби 13, 47
 Гонконг 162, 169, 196, 239, 242, 243
 Гренландия 75
 Греция 125
 Гуанчжоу 198
 Гуаньчжун 129
 Гхаты Западные 165

- Дагестан 223
Дай 131
Дали 121
Дамаск 41, 44, 45, 52
Дарданеллы 254
Декан 165, 174
Деканское плато 165
Деш 165, 186
Джидда (Джедда) 52, 196, 220–222, 239
Джульфа 221
Дунай, р. 29
Дэва 82
- Евразия 13, 18, 25–30, 34, 36 – 38, 270, 271
 Северо-Восточная 315
Европа 13, 15, 29, 40, 46, 47, 55, 122, 147, 198, 201, 204, 218, 237, 252, 268–270, 272, 273, 277, 302
 Восточная 33
 Западная 14, 27–30, 32–34, 38, 75
 Южная 14
Египет 14, 41, 47–52, 54, 55, 218, 240, 241, 271
 Верхний 50
 Древний 14
 Нижний 40
 Северный 47
Ефрат, р. 29, 258
- Забайкалье 22, 276
Забайкальская область 275
Заин-Шаби 302
Закавказье 221
Закаспийская область 217, 221
Запад 8, 237, 252
Западная Вэй 121
Золотая Орда 31, 33
Золотой Рог 238, 241
- Иби, р. 85
Ивами 83
Ивата 81
Идзу, арх. 71, 72, 82, 95, 96
Идзумо 82
Идзуосима, о. 71
Измир 254
Индия 14, 16, 125, 138–152, 154–162, 167, 168, 174, 175, 179–181, 189, 190, 195–209, 211–222, 227, 232, 237, 239–241, 260, 273, 277, 302
 Западная 174, 175
 Центральная 169
 Южная 140, 206
Индокитай 198
Индонезия 206
Индор 184
Индостан 14, 170, 196
Иордания 39
Ирак 39, 43, 49
Иран 35, 41, 221, 227, 258, 316
Иркутск 275, 276, 283
Иркутская губерния 276
Ирландия 35, 75
Испания 238
Иссык-Куль, оз. 31, 32
Исэ 85, 86
Италия 272
Итикава 249
- Йемен 52, 241
Йена 24, 36
Йокогама 239, 242, 243, 246, 247, 250, 252, 255
Йокосука 250
- Кабул 232, 233
Кавагути, оз. 70
Кавасима 249

- Кавати 71
 Кавказ 29, 30, 260, 265
 Северный 261
 Кавказский хребет 21
 Кага 71
 Кадзуса 71
 Кадисия 41
 Кадоногава, р. 57, 61, 112
 Казань 234
 Казахская степь 227–229
 Казахстан 298
 Каи 69, 70, 71, 105
 Каир 48, 49, 51, 52, 54, 55
 Калмыкия 223, 281
 Калькутта 125, 175, 196, 197, 200, 204,
 206, 208–210, 239
 Камицу, о. 95
 Камицукэно 74
 Камогава (Камо), р. 57–59, 61, 66, 91,
 112–114
 Камосима, о. 83
 Камчатка 276
 Канагава 243
 Кандагар 217
 Канто 69, 82, 115, 120, 125
 Каппадокия 53
 Караурган 221
 Карачи 199, 206, 217
 Карпаты 29
 Каруидзава 74
 Карши 233
 Казино 249
 Касинодзаки, м. 247, 248
 Каспийское море 217, 221
 Каталония 75
 Кафа 32, 33
 Кацурагава (Кацура), р. 66, 69
 Кашмир 219
 Кесария 44
 Кидзимадакэ, г. 74
 Кии, п-ов 71, 253
 Киликия 32
 Кимано 250
 Кинай 72, 107, 108
 Киото 118, 255
 Киотская впадина 57
 Китай 14, 16, 30, 61, 93, 115, 116, 119,
 120, 129, 130, 135, 223, 237, 239,
 268, 280, 302
 Древний 120
 Северо-Восточный 268
 Китайская империя 27
 КНР 15, 121, 129
 Кобе 242, 247–249, 252, 253, 255
 Кодзукэ 71, 73, 74
 Кодзусима, о. 71, 95
 Колобовка, с. 216
 Коломбо 218
 Колорадо 270
 Колхапур 184
 Коморо 74
 Конкан 165, 183
 Константинополь 40, 43, 47, 54
 Копенгаген 22, 24
 Корея 249
 Коринф 125
 Кульск, с. 295
 Кусимото 250, 255, 257
 Кушанская империя 27
 Кюсю, о. 68, 248, 250
 Лаишево 35, 36
 Лахор (Лагор) 206, 208, 215, 219
 Линь 131, 132
 Лонань 132, 133
 Лондон 36, 190
 Лужицкие горы 29
 Мадагаскар 223
 Мадрас 146, 155, 218

- Майсур 152, 158
Малакка 239
Малаккский пролив 239
Мальковал, д. 203
Мангышлакский уезд 217
Мандви 196
Маньчжурия 22
Мармарис 239
Матхура 175
Махараштра 162, 174, 175, 183, 186,
188–190, 193
Маэкакэ, влк. 74
Медина 42
Мекка 52, 220, 221
Мемахатун (Терджан) 262
Месопотамия 30, 271
Месопотамская низменность 258
Мешхед 217, 221
Микава 71, 81
Микронезия 72
Мино (Гифу) 71, 81, 85, 127
Миякэдзима, о. 71, 72
МНР 281, 297, 300–302, 305–309,
311–313, 315, 316
Моголлон, г. 270
Монголия 16, 22, 223, 267, 268, 280,
281, 300–304, 306–313, 315
Внутренняя 282, 283
Восточная 304
Монгольская империя 30
Монлюсон 35
Москва 198, 280, 285, 290, 291, 299
Московия 273
Мосул 49
Мотосу, оз. 69, 70
Мраморное море 241, 254
Мультап 218
Мусаси 71
Муцу 71, 82
Мюнстер 293
- Наганосимо 81
Нагао, г. 70
Нагасаки 68, 239
Нагато 97
Нагаура 250
Нагойя 255
Нанкин 125
Наньшань 132
Нара 85
Нараян-петх 170
Насик 192
Неаполь 272
Нерчинск 274
Ниидзима, о. 72
Нил, р. 29, 40, 46, 47, 49, 50
Нинъюань 131
Новониколаевская губерния 284
Нубия 50
Нью-Мексико 270
Нэйсян 131
Нэкодакэ, г. 74
- Овари 127
Одесса 198, 199, 200, 215
Одзима, г. 71
Ойротия 281
Ольхон, о-в 283, 292, 298
Оми 85, 86, 108
Омолон, р. 276
Онон-Гольский хошун 303
Оренбург 226–234
Оренбургский край 227, 228, 230, 232,
234
Орисса 140–145, 160
Орск 234
Осака 255
Осима, о. 248–250, 253, 255
Османская империя 44, 54, 236, 237,
239–245, 249–251, 253–256

- Османский халифат 240
 Осуми 71
 Охотск 274
- Паландёкен, г. 263
 Палестина 39, 40, 42–44, 49, 54, 55
 Пальмира 45
 Панипат 170
 Париж 195, 199, 200, 292
 Пелузий (Пелусий) 27, 40
 Пенджаб (Панджаб) 152, 159, 203, 208, 214, 215
 Персидский залив 52
 Персия см. Иран
 Перу 223, 270
 Пешавар 218
 Пиренеи, г. 29
 Поволжье 23, 30, 159
 Нижнее 35
 Полинезия 72
 Польша 25, 32, 235
 Пондичерри 239
 Порт-Саид 40, 239
 Портсмут 238
 Приамурье 276
 Прикарпатье 24
 Принцевы острова 240
 Приуралье 23
 Причерноморье 23
 Пуна 163–170, 172, 174, 175, 178, 182, 183, 185, 187, 189, 192, 193, 210
 Пучжоу 121, 129–131
- Раджпутана** 197
 Речь Посполитая 273
 Римская империя 13, 27, 28
 Восточная 14, 40
 Российская империя 195, 197, 202, 204, 220, 222, 234, 235, 274, 275, 277, 280
- Россия 37, 123, 159, 195, 197, 200, 202, 203, 206, 214, 218, 219, 223, 226, 229, 230, 231, 235, 251, 267–269, 273–276, 280, 285, 313, 314
 РСФСР 278, 281, 285, 293, 294, 299, 302
 Русафа (Ресафа) 45
- Сагами 69, 120
 Садашив-петх 170, 183
 Сайгон 239, 242
 Саккара 215
 Самарканд 32, 218
 Самаркандская область 218
 Самарская область 24
 Сан-Бэйсэ (Чойбалсан) 303
 Сангли 184
 Санкт-Петербург (Петербург) 198, 205, 217, 227, 231, 234, 274
 Санрику 82
 Сарг 42
 Сасанидов (Сасанидское) государство 27
 Сахара 47
 Сахъядри, г. 166
 Священная Римская империя 44
 Семиречье (Могулистан) 22
 Сиам 147
 Сибирь 270, 273–276, 283, 284
 Северо-Восточная 274, 275
 Сидзуока 67, 69, 72, 95
 Сидон (Сайда) 44
 Сикоку, о. 81, 86
 Симабара, п-ов 68
 Симла 184
 Синагава 255
 Синано 71, 74, 82
 Сингапур 239, 241, 242
 Синд 196, 207, 218

- Синьцзян-Уйгурский автономный округ (Синьцзян) 22, 267, 268, 280, 281–283, 316
- Синаяма, г. 71
- Сирия 27, 30, 39, 41–43, 48, 49, 50, 54, 55
- Скандинавия 25
- Скандинавские горы 29
- Согдиана 27
- Сомали 239
- Сонай 71
- Средиземное море 46
- Средиземноморье 14, 29, 45, 46, 48
- СССР 9, 81, 267, 269, 279–281, 291–295, 301, 302, 305, 311, 313, 314, 316
- Ставропольская губерния 197
- Стамбул (Истанбул) 36, 44, 54, 236–238, 240, 241, 246, 254, 255, 257
- Судеты, г. 29
- Суйдэ 132
- Суруга 69–71, 85, 86, 92, 111
- Суэц 40, 254
- Суэцкий канал 218, 219, 239, 241
- США 277, 285
- Сычуань 121
- Сэццу 83
- Сюю 131
- Сямэнь 239
- Сяньнин 125, 131
- Сяньян 134
- Таджикистан 216
- Тайюань 131, 132
- Такадакэ, г. 74
- Талас 32
- Тамба 108
- Танабэ 249
- Таншань, г. 121
- Тарон 32
- Татарстан, республика 36
- Ташкент 232, 233
- Тебриз (Табриз) 35, 48
- Темза, р. 190
- Тёкайдзан, г. 72
- Тёкайяма, г. 71
- Тибет 232
- Тигр, р. 29, 258
- Тикуго 112
- Тир (Сур) 44
- Тифлис 205
- Тихий океан 13, 242
- ТНР (Танну-Тува) 280, 281, 316
- Тобольск 274
- Товада, оз. 72
- Токайдо 69, 71
- Токио 74, 120, 245, 249, 255, 257
- Токусима 86
- Томская губерния 284
- Тоса 81, 86
- Тотоми 71, 81
- Трабзон 258
- Триполи (Тарабулус) 44
- Троицкосавский аймак 286
- Тува (Тыва) 22, 223, 267, 280, 281
- Тунгуань 121, 128, 130, 131, 133
- Тункинский аймак 284
- Туркестан 265
- Турция 221, 237, 239, 249, 251, 253, 255, 257–261
- Тутикорин 219
- Тянь-Шань, г. 21, 22, 29
- Тяньшуй 131
- Улан-Батор 305, 311
- Улус Джучи, см. Золотая Орда
- Улус Хулагу 32, 35
- Умаркхади 199
- Ундэрхан 304
- Ундзэн, влк. 68
- Урал 29

- Уральск 206
 Уральская область 216
 Ургенч (Хорезм) 33
 Урянхай 280
 Усибусияма, г. 86
 Учжи 131
 Ушань 131
 Уэно 243
 Уэнохара 70

Феодосия 221
 Флорида 270
 Франкфурт-на-Майне 35
 Франция 35, 75, 198, 200, 235, 237, 238, 270, 277
 Фугоу 131
 Фудзиномия 69
 Фудзияма (Фудзи), влк. 67 – 72, 92
 Фути 81

Хадрамаут 240
 Хайдарабад (Хайдерабад) 182, 184, 197, 218
 Хаконэ 255
 Халха 280, 282, 309
 Харемцинский уезд 283
 Харима 71, 82, 91
 Харьков 292
 Хауран 42
 Хёго 253, 255
 Хива 227, 230, 232, 233, 235
 Хивинское ханство 235
 Хиго 81
 Хида 71
 Хомс 45
 Хонсю, о. 74, 81
 Хорикава, р. 65
 Хоринский аймак 284, 288, 295
 Хуа (Хуасянь) 121, 126, 130, 132, 134, 135
 Хуаинь 121, 126, 129–132
 Хуачжоу 126, 127, 129, 130, 134
 Хуашань, г. 131
 Хуанхэ, р. 128, 129
 Хубсугульский аймак 309
 Хубэй 121, 131
 Хугли, р. 147
 Худаферин 221
 Хунань 35
 Хэбэй 121, 131
 Хэйан (Хэйанкё) 57, 58, 71, 85, 117, 118
 Хэнань 121, 125, 131
 Хэнтэйский аймак 311
 Хэншуй 131

Цейлон 206, 241
 Цзинъюань 131
 Цзинъян 133
 Цзюньчжоу 125
 Цичжоу 131
 Цичунь 131
 Цинхай-Тибетское нагорье 26, 35
 Цинъян 131
 Циньлин, г. 132, 133
 Цукуба, оз. 70
 Цэцэнханский аймак 303
 Цяньцзян 131

Чаои 121
 Чечня 223
 Черное море 13, 221, 258
 Чжашуй 132, 133

Шан 132, 133
 Шаннань 133
 Шанхай 239
 Шанчжоу 133
 Шаньдун 121, 131
 Шаньси 121, 131

Шаньян 132, 133

Швеция 273

Шэньси 121, 129

Шэньчжоу 131

Эбосидакэ, г. 74

Эгейское море 254

Эквадор 270

Эрзерум 258–265

Этиго 82

Этидзэн 71

Эттю 71, 82

Эхирит-Булагатский аймак 284

Юйтай 131

Юнцзи 128

Ява, о. 242

Якутия 276

Ямагата 71, 72

Ямадзаки 113

Яманака, оз. 69

Яманаси 67, 72

Ямасиро 57, 82, 112, 113

Ямато 62, 113

Япония 16, 56–58, 61, 63, 67–69, 74, 76,
79, 80, 82, 84, 88, 89, 93, 95, 101,
102, 115–117, 120, 122, 236, 237,
239–257, 273

Японский архипелаг 71, 82

Японское море 80

Ярмук, р. 41, 42

Яцусиро 70, 81

SUMMARY

The authors of the collective monograph explore how political and economic events occurred in the past. It is also important to understand how epidemics, among which the plague occupies a special place, and disasters (flood, earthquake, tsunami) influenced the development of the East. The book introduces the diversity of views and opinions that exists in modern science, as well as methods for interpreting events.

ОБ АВТОРАХ ABOUT AUTHORS

Башкуев Всеволод Юрьевич — д. и. н., в. н. с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ; vbashkuev@gmail.com

Bashkuev Vsevolod Y. — DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude; vbashkuev@gmail.com

Бибикова Ольга Павловна — к. и. н., с. н. с., ИНИОН РАН, Москва; olbibikova@mail.ru

Bibikova Olga P. — PhD (History), Senior Research Fellow, INION RAS, Moscow; olbibikova@mail.ru

Васильев Александр Дмитриевич — к. и. н., зав. отделом, ИВ РАН, Москва; advasilyev@mail.ru

Vasilyev Alexander D. — PhD (History), Head of Department, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru

Глушкова Ирина Петровна — д. и. н., г. н. с., ИВ РАН, Москва; iri_glu@hotmail.com

Glushkova Irina P. — DSc (History), Chief Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; iri_glu@hotmail.com

Грачев Максим Васильевич — к.и.н., доцент кафедры истории и культуры Японии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва; maxgr73@mail.ru

Grachev Maxim V. — PhD (History), Assoc. Prof., ISAA, Moscow; maxgr73@mail.ru

Загородникова Татьяна Николаевна — к. и. н., в. н. с., ИВ РАН, Москва;
tnzag@mail.ru

Zagorodnikova Tatyana N. — PhD (History), Leading Research Fellow,
Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; tnzag@mail.ru

Королева Ольга Александровна — м. н. с., ИВ РАН, Москва;
ousoil33@yandex.ru

Koroleva Olga A. — Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies
RAS, Moscow; ousoil33@yandex.ru

Ледовская Ольга Андреевна — к. и. н., с. н. с., ИВ РАН, Москва;
oaled@yandex.ru

Ledovskaya Olga A. — PhD (History), Senior Research Fellow,
Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; oaled@yandex.ru

Почекаев Роман Юлианович — д. и. н., профессор, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург; rpochekae@hse.ru

Pochekaev Roman Y. — DSc (History), Prof., National Research
University Higher School of Economics, St. Petersburg;
rpochekae@hse.ru

Сидорова Светлана Евгеньевна — к. и. н., в. н. с., ИВ РАН, Москва;
veta.sidorova@mail.ru

Sidorova Svetlana E. — PhD (History), Leading Research Fellow, Institute
of Oriental Studies RAS, Moscow; veta.sidorova@mail.ru

Хайдаров Тимур Фаритович — к.и.н., доцент кафедры музеологии,
культурологии и искусствоведения, Казанский государственный
институт культуры, Казань; timkh2000@yandex.ru

Khaydarov Timur F. — PhD (History), Assoc. Prof., Kazan State Institute
of Culture, Kazan; timkh2000@yandex.ru

Научное издание

На изломе истории: эпидемии и катастрофы в странах Востока

Коллективная монография

Редактор и корректор *Н.А. Сидоркина*

Верстальщик *А. Б. Дунаева*

Оформитель *П. А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 — Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 29.12.2023. Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 23. Уч.-изд. л. 19,2. Тираж 500 экз. Зак. № 1881.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН — на сайте <https://book.ivran.ru>
Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88

Тел.: +7 (800) 700-86-33, +7 (8452) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>